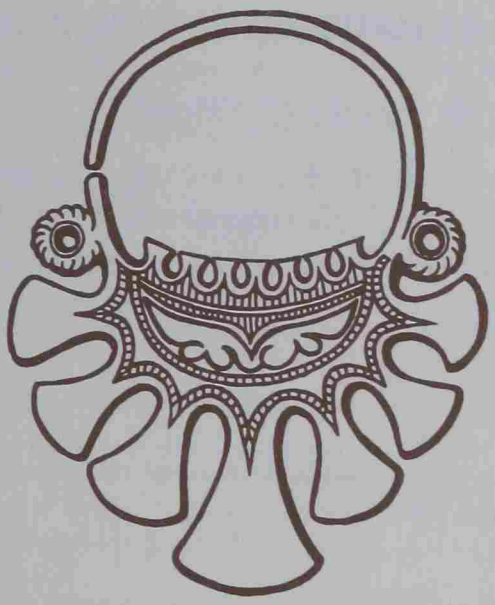
ISSN 0869-6063

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



1997 1

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Р. М. Мунчаев (председатель),

Т. И. Алексеева, А. П. Деревянко, Н. Я. Мерперт,
М. Г. Мошкова, Б. А. Рыбаков, В. В. Седов,
А. А. Формозов, А. И. Шкурко, В. Л. Янин

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. И. Гуляев (главный редактор),

Х. А. Амирханов, Л. А. Беляев (зам. главного редактора),
А. Н. Гей, И. С. Каменецкий, Г. А. Кошеленко,
Н. А. Макаров, В. С. Ольховский (ответственный секретарь),
Е. Н. Черных

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
МОСКВА

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

1997 1

Журнал основан в январе 1957 г.

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

Ксензов В.П. Финальный палеолит и мезолит Поднепровья Беларуси 5

Черных Е.Н. Каргалы – крупнейший горнометаллургический комплекс Северной Евразии в древности (структура центра, история открытий и изучения) 21

Молодин В.И. Некоторые итоги археологических исследований на юге Горного Алтая 37

Житников В.Г. К проблеме возникновения Елизаветовского городища в дельте Дона 50

Кренке Н.А., Лопатин Н.В. Петрографическое изучение керамики городищ Дьяково и Тушемля 60

Бернар П., Абдуллаев К. Номады на границе Бактрии (к вопросу этнической и культурной идентификации) 68

Флеров В.С., Каминский В.Н. Прикубанский регион раннесредневековых юртообразных жилищ 87

Агапов А.С., Сарачева Т.Г. О способах ношения височных колец 99

Черных Н.Б., Сергеева Н.Ф. Дендрохронология архитектурных памятников на севере России (бассейн Северной Двины и Онеги) 109

К 850-летию города Москвы

Векслер А.Г. Гостиный двор и уникальные клады XVII в. (предварительная публикация) 125

Беляев Л.А. Лиценциат при дворе Иоанна Грозного (надгробие Каспара фон Эльферфельдта на древнейшем кладбище иноземцев в Москве) 140

Публикации

Пясецкий В.К. Начало раскопок позднепалеолитического поселения Ровно (Бармаки) 151

© Российская академия наук,
Институт археологии, 1997 г.

Борзунов В.А. Городище Алтен-Тау и проблема реконструкции ананьинских фортификаций 163
Полосьмак Н.В., Кундо Л.П., Малахов В.В., Власов А.А., Краевская И.Л., Овсянникова И.А., Литвак Г.С., Плясова Л.М., Соловьева Л.П., Шмаков А.Н., Щербаков Ю.Г., Рослякова Н.В. Исследование вещественного состава находок из "замерзших" могил Горного Алтая (Ак-Алаха 3. Пазырыкская культура) 181
Сапрыкин С.Ю. О значении некоторых клейм на черепице из Северного Причерноморья 194
Малышев А.А., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. Наступательное вооружение из погребений (I–III вв. н. э.) Цемдолинского могильника 203

Критика и библиография

Храпунов И.Н. Новая литература об археологических исследованиях в Крыму (античность, ранний железный век, средневековье) 218
Смирнов К.А. Новые материалы по археологии Среднего Поволжья. Археология и этнография Марийского края. Вып. 24. Йошкар-Ола, 1995 224
Клейн Л.С. Интерпретации, реконструкции и теория в археологии (по поводу статьи А.М. Буровского) 227

Хроника

Охонько Н.А. Ставропольскаяя археологическая конференция памяти Т.М. Минаевой 231
Седов В.В. Международная конференция "Белоруссия в системе трансевропейских связей в I тысячелетии н. э." (Минск, 1996) 233
Массон В.М., Кирпичников А.Н. Памяти Игоря Николаевича Хлопина (1930–1994) 238
Мерперт Н.Я. Памяти Игоря Кирилловича Свешникова (1916–1995) 246

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
MOSCOW

ROSSIYSKAYA ARKHEOLOGIYA

1997 1

Founded in 1957
Published quarterly

Editor-in-Chief
V.I. Gulyaev

CONTENTS

Ksenzov V.P. The Final Palaeolithic and Mezolithic of the Dnieper Basin Region of Belarus' 5
Chernikh E.N. Kargaly – the most oldest mining and metallurgical hude complex in Nothern Eurasia 21
Molodin V.I. Some results of the archaeological researches in the south of Mountaineous Altai (Plateau Ukok) 37
Zhitnikov V.G. To the Problem of the Origin of the Yelizavetovskoye fortified settlement in the river Don delta 50
Krenke N.A., Lopatin N.V. Petrographical Study of the Ceramics of Dyakovo and Tushemlya Fortified Settlements 60
Bernar P., Abdullayev K. Nomads at the Border of Bactria (to the question of ethnic and cultural identification) 68
Flyorov V.S., Kaminsky V.N. The Kuban Basin Region of the Early Medieval Yurt-like Houses 87
Agapov A.S., Saracheva T.G. On the Ways of Wearing of Temple Rings 99
Chernikh N.B., Sergeeva N.F. Dendrochronology and Architectural Monuments in the North of Russia (Nothern Dvina and Onega basins) 109

Towards the 850th Anniversary of Moscow

Vexler A.G. Gostiny Dvor and the Unique Treasures of the XVII c. (preliminary publication) 125
Belyayev L.A. Licenciat at the Court of Ioann the Terrible (Graveslab of Kaspar von Elferfeldt at the Most Ancient Cemetery of Foreigners in Moscow) 140

Publications

Pyasetsky V.K. The Beginning of the Excavation of the late Palaeolithic Settlement Rovno (Barmaki) 151
Borzunov V.A. Fortified Settlement of Alten-Tau and the Problem of Reconstruction of Ananyino fortifications 163
Polosmak N.V., Kundo L.P., Malakhov V.V., Vlasov A.A., Krayevskaya I.L., Ovsyannikova I.A., Litvak G.S., Plyasova L.M., Solovieva L.P., Shmakov A.N., Shcherbakov Yu.G.,

Roslyakova N.V. Substance Constitution Analysis of Finds from the "Frozen" Graves of Gorny Altai (Ak-Alakha 3, the Pazyryk Culture) 181
Saprykin S.Y. On the Meaning of Some Stamps on the Tile from the Northern Black Sea Coast Region 194
Malyshev A.A., Rozanova L.S., Terekhova N.N. Offensive Armament from the Burials of the I–III cc. A.D. of the Tsemdolina Cemetery 203

Critique and Bibliography

Khrapunov I.N. New Literature on Archaeological Researches in the Crimea (Antiquity, Early Iron Age, Middle Ages) 218
Smirnov K.A. New Materials on Archaeology of Middle Volga basin Region. Archaeology and Ethnography of Mariiski Territory. 24 Issue. Yoshkar-Ola, 1995 224
Klein L.S. Interpretation, Reconstruction and Theory in Archaeology (regarding the article of A.M. Burovsky) 227

Chronicle

Okhon'ko N.A. Stavropol Archaeological Conference dedicated to the memoty of T.M. Minayeva 231
Sedov V.V. International Conference "Belorussia in the System of Transeuropean Ties in the I Millennium A.D." (Minsk, 1996) 233
Masson V.M., Kirpichnikov A.N. To the Memory of Igor Nikolaevich Khlopin (1930–1994) 238
Merpert N.Ya. To the Memory of Igor Kirillovich Sveshnikov (1916–1995) 246

В.П. КСЕНЗОВ

ФИНАЛЬНЫЙ ПАЛЕОЛИТ И МЕЗОЛИТ ПОДНЕПРОВЬЯ БЕЛАРУСИ

В последние годы заметно возрос интерес к памятникам финального палеолита и мезолита Беларуси. Во многом этому способствовали интенсивные исследования поселений этого времени на территориях соседних стран – России, Украины, Литвы, Латвии, Польши. Здесь выделен ряд финальнопалеолитических и мезолитических культур, в облике которых много общих черт с инвентарем белорусских памятников. Закономерно возникающие вопросы генезиса, территории распространения, взаимодействия населения соседних культур не могут быть окончательно решены без привлечения материалов Беларуси.

Первые данные о мезолитических стоянках Белорусского Поднепровья получены еще в конце прошлого века (Данилевич В.Е., 1895, с. 12–18). В советское время в регионе проводили исследования К.М. Поликарпович (Палікарповіч К.М., 1928, с. 125–152; 1930, с. 383–478; Поликарпович К.М., 1957, с. 45–148), В.Д. Будько (1966, с. 35–46), В.Ф. Исаенко, И.М. Тихоненков (1966, с. 306–312), В.Ф. Копытин (1977, с. 60–66), Е.Г. Калечиц (1987), О.Л. Липницкая (1979, с. 32–36), а также автор статьи (Ксензов В.П., 1986, с. 11–28).

К.М. Поликарпович (Палікарповіч К.М., 1934, с. 81–87) в развитии мезолита на территории Беларуси выделил три стадии: свидерскую, тарденуазскую и кампиньи. В первую включены все памятники со свидерскими чертами в инвентаре, вторая выделялась по наличию микролитических орудий геометрических форм. Сменяла ее стадия кампиньи, для которой были характерны крупные рубящие орудия. По мнению исследователя, для мезолитического населения всех стадий характерна автохтонность развития, что не подтверждалось материалами. М.В. Воеводский (1950, с. 96–110) пришел к выводу, что единой свидерской стадии для Восточной Европы не существует. Выделенная им обширная свидерская культурная область от Повисленья до верховий Волги состояла из двух групп памятников: западной и восточной. В восточную группу включены поселения Верхнего Поднепровья и Волго-Окского района, представляющие заключительный этап свидерской культуры, смыкающийся с тарденуазом.

А.А. Формозов (1954, с. 46) разграничил свидерскую культурную область на свидерскую и волго-окскую культуры, граница между которыми шла по линии оз.Свирь – оз. Нарочь – р. Друть – через г. Новый Быхов на Днепре – г. Чериков на Соже.

Все известные мезолитические памятники Поднепровья Беларуси В.Д. Будько (1966, с. 35-46) включил в состав свидерско-гренской культуры, в развитии которой им выделены три хронологические группы памятников, датирующиеся временем нижнего дриаса – аллереда (12, 3–10,8 тыс. лет назад). Ранняя группа представлена Подлужьем 3, Коромкой, средняя – нижними слоями стоянок Гренска и Латки. Заключительный этап культуры характеризует верхний слой Гренска, Латки и отдельные местонахождения Верхнего Поднепровья. Генезис гренской культуры исследователь связывает с верхнепалеолитическим населением Восточной Европы, оставившим памятники Бердыж, Юровичи, Елисеевичи, Юдиново, Мезин и др. Периодизация и датирование гренских поселений основывались на геологических наблюдениях, типо-

© В.П. Ксензов, 1997 г.

логии и сопоставлении белорусских и польских материалов. Заметим, однако, что, по мнению ряда исследователей, культурный слой стоянок Гренск и Латки разрушен, в результате чего смешались разнокультурные и разновозрастные археологические материалы (Палікарповіч К.М., 1928, с. 463–472; Копытин В.Ф., 1972, с. 6–12; 1994а, с. 34–60; Кольцов Д.В., 1977, с. 115, 116). Сопоставление с польскими материалами не могло быть эффективным из-за отсутствия генетической связи гренской и свидерской культур.

По мнению В.Ф. Исаенко (1970, с. 56–59), мезолитическое население Верхнего Поднепровья входило в область макролитического производства. Как полагает исследователь, это население являлось потомками местных верхнепалеолитических общин. Мезолитические племена макролитической области сохранили без изменений облик материальной культуры на протяжении всей эпохи. В.Ф. Исаенко считает, что трем большим областям, выделенным в мезолите Беларуси, соответствовали три различные племенные группы (Исаенко В.Ф., 1970, с. 56). Вместе с тем он отмечает существенные различия инвентаря ранних и поздних мезолитических поселений верхнего Днепра, однако причины данного явления не анализируются. В основу концепции ученого положен немногочисленный подъемный материал, в результате чего в макролитической области были объединены разнокультурные памятники. Отметим, что выделение макролитического мезолита не было поддержано специалистами. Резкой критике эта концепция подверглась в трудах А.А. Формозова (1977а, с. 97; 1977б, с. 8, 9) и обойдена молчанием в обобщающих работах Н.Н. Гуриной и Л.В. Кольцова (Гурина Н.Н., 1977, с. 20–30; 1989, с. 57-60; Кольцов Л.В., 1977, с. 95–119). Отметим, однако, что В.П. Левенок разделял взгляды В.Ф. Исаенко (Левенок В.П., 1966, с. 88–98). Н.О. Бадер (1970, с. 96) относит мезолитические поселения Верхнего Поднепровья к памятникам свидерского типа, основанием чему служили наконечники стрел с черешками, обработанными плоской ретушью с брюшка, концевые скребки из пластин, срединные резцы.

Н.Н. Гурина (1972, с. 244–251), выявившая и обследовавшая поселение Аносово 1 на Верхнем Днепре, включила регион в область распространения прибалтийского мадлена.

Л.В. Кольцов (1977, с. 95–119) выделил в лесной зоне стран Восточной Европы область мезолитических памятников свидерской традиции, охватывающую бассейны Немана, верхнего Днепра, ряд поселений на Западном Буге и Западной Двине. Часть памятников Поднепровья Беларуси (Гренск, Печенеж, Коромка) отнесены им к деснинской культуре и образуют ее особую локальную группу (Кольцов Л.В., 1978, с. 22). В настоящее время генезис мезолитического населения Верхнего Поднестровья исследователь связывает с объединенной свидерско-аренсбургской миграцией (Кольцов Л.В., 1989, с. 196).

Д.Я. Телегин (1982, с. 138) отмечает схожесть кремневого инвентаря раннемезолитических поселений среднего течения Десны и Гомельского Полесья, полагая, что они образуют особую культурную область. По его мнению, население, оставившее памятники типа Смячка 14, было генетически связано со свидерским.

Л.Л. Зализняк (1989, с. 18) выделяет в Верхнем Поднепровье группу памятников, генетически связанных и прошедших в своем развитии три этапа. Протоаренсбургский представлен материалами поселения Аносово, датирующимися поздним дриасом. В постаренсбургский (второй этап) включены поселения типа Боровки, которые стали генетической основой памятников песочноровской и иеневской культур, объединенных в третий этап. По мнению исследователя, в верхнем течении Днепра находятся также памятники типа Смячка 14 со свидерскими чертами в инвентаре (Зализняк Л.Л., 1989, с. 74).

А.Н. Сорокин в верхнем и среднем Поднепровье и Поипутье определяет памятники трех мезолитических культур – деснинской, типа Смячка 14 и таценки-кудлаевской. В бассейне Сожа, как считает исследователь, существует посожская группа деснинской культуры (Сорокин А.Н., 1986, с. 29).

С.К. Козловский (Kozlowski S.K., 1972, с. 73–95) выделил в бассейнах рек Верхнего Поднепровья и Волго-Окского междуречья деснинскую культуру, связав ее генезис с позднепалеолитическим населением костенковско-боршевского района. Позже польский археолог расширяет территорию деснинской культуры, включая в нее бассейны Вислы, верхнего Днепра, верхней Волги и верхней Оки. По мнению С.К. Козловского (Kozlowski S.K., 1991, с. 95–100), территориально деснинская культура делится на два варианта: западный (бассейны Вислы и Верхнего Днепра) и восточный (междуречье верхней Волги и Оки). Памятники западной группы исследователь датирует поздненеледниковьем (финальным палеолитом), восточной – началом послеледниковья (мезолитом).

Наибольший вклад в изучение финального палеолита и мезолита Верхнего Поднепровья внес В.Ф. Копытин. Собранные материалы позволили ему выделить поселения двух культурных традиций – мезинской и свидерской (Копытин В.Ф., 1977, с. 60–66), которые с течением времени трансформировались в гренскую и свидерскую культуры (Копытин В.Ф., 1992, с. 11–27, 32–43). Гренская культура, прошедшая в своем развитии финальнопалеолитический и мезолитический этапы, была генетически связана с позднепалеолитическим населением среднеднепровской культурной области. Как полагает исследователь, на рубеже раннего и позднего мезолита на верхнем Днепре повсеместное распространение получают памятники сожской позднемезолитической культуры, имеющие в инвентаре как гренские, так и свидерские черты.

Более 20 лет исследует памятники каменного века Белорусского Поднепровья автор статьи. Стационарно изучены 24 поселения на площади 7114 м^2. Собранные материалы позволяют значительно дополнить историческую картину палеолитического и мезолитического времени исследуемого региона, проследить пути формирования мезолитических культур, рассмотреть вопросы их генезиса, датировки, периодизации, исторических судеб.

Одну из наиболее многочисленных групп памятников (20) в верхнем течении Днепра образуют поселения **гренской** культуры (рис. 1), для которых характерен ряд устойчивых признаков. Проявляются они в приемах первичной и вторичной обработки кремня, типологическом составе орудий и нуклеусов, пребладающем использовании одного типа заготовки.

В основе техники расщепления на гренских памятниках находился нуклеус подконической формы при большом количестве одно-, двух- и многоплощадочных амфорных, уплощенных нуклеусов, с которых преимущественно складывались отщепы. Основной заготовкой для орудий служил отщеп. Изготавливались орудия также из пластин неправильной формы. В технике вторичной обработки преобладало крутое ретуширование. Отличительной чертой гренской культуры является наличие черешковых симметричных, асимметричных, гренского типа наконечников стрел.

Скребки, как правило, укороченных размеров, концевые и с овальным рабочим краем. Резцы представлены основными типами: срединными, боковыми, угловыми, – количественное соотношение которых зависит от возраста памятников. Также хронологическими обстоятельствами обусловлено процентное соотношение резцов и скребков. Проколки на памятниках двух типов: срединные и со смешанным рабочим краем. Характерными для гренских кремневых комплексов также являются выемчато-зубчатые орудия, пластины и отщепы с ретушированными выемками по краям, топоры овальной формы и с перехватом, острия.

На основе определенных количественных и качественных изменений гренского кремневого инвентаря выделяются три хронологические группы памятников. Первую группу, типологически датирующуюся поздним дриасом (10,8–10,3 тыс. лет назад), представляют поселения Аносово (Гурина Н.Н., 1972, с. 244–251), Берестеново (Ксензов В.П., 1994а, с. 6–17), Лудчицы (Копытин В.Ф., 1994б, с. 24–33) и, возможно, Коромка (Копытин В.Ф., 1992, с. 18-25). Для их кремневого инвентаря характерна ведущая роль резцов (Лудчицы – 27% всего количества орудий, Берестеново – 24,6, Коромка – 20%), причем среди них преобладают срединные и на углу сломанной

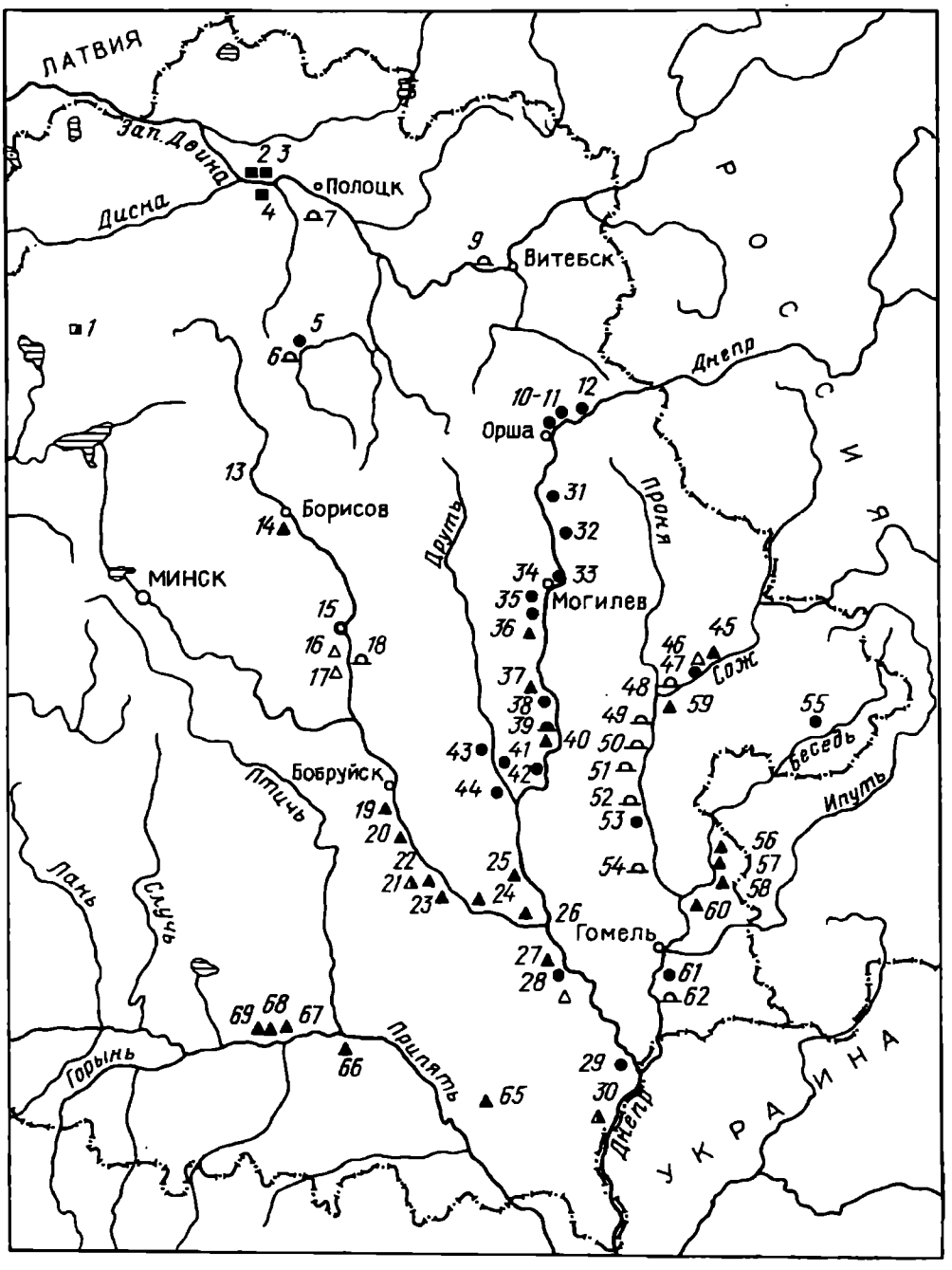


Рис. 1. Карта финальнопалеолитических и мезолитических памятников Подвинья и Поднепровья Беларуси. *1* – Стругопалы; *2* – Замошье 1; *3* – Крумплево; *4* – Семенов Хутор; *5* – Песчаница; *6* – Устье Эссы; *7* – Плуссы; *8* – Городок; *9* – Крыжи; *10* – Орша 1; *11* – Берестеново; *12* – Чижовка; *13* – Большое Стахово; *14* – Гливин; *15* – Гута 1; *16* – Городище 2; *17* – Чижаха; *18* – Мирославка; *19* – Стасевка; *20* – Королева Слобода; *21* – Красновка 1А; *22* – Красновка 1Б; *23* – Михайловка; *24* – Василевичи 2; *25* – Шихов; *26* – Городок 4; *27* – Береговая Слобода; *28* – Речица 2; *29* – Рекорд; *30* – Старая Лутава; *31* – Шклов Заречный; *32* – Хвойная; *33* – Могилевская; *34* – Боровка; *35* – Дальнее Лядо; *36* – Барколабово; *37* – Рдица; *38* – Лудчицы; *39* – Яново; *40* – Тайманово; *41* – Вишенька; *42* – Коромка; *43* – Чигиринка; *44* – Веричев; *45* – Горки; *46* – Криничная; *47* – Журавель; *48* – Александровка; *49* – Гайшин; *50* – Костюковка; *51* – Литвиновичи; *52* – Верхи; *53* – Гренск; *54* – Присно; *55* – Печенеж; *56* – Столбун; *57* – Новые Громыки; *58* – Глыбовка; *59* – Клины; *60* – Латки; *61* – Скиток; *62* – Новые Терешковичи; *63* – Белосорока; *64* – Рожава 1; *65* – Борисовщина; *66* – Загорины; *67* – Макаричи; *68* – Дорошевичи; *69* – Лясковичи

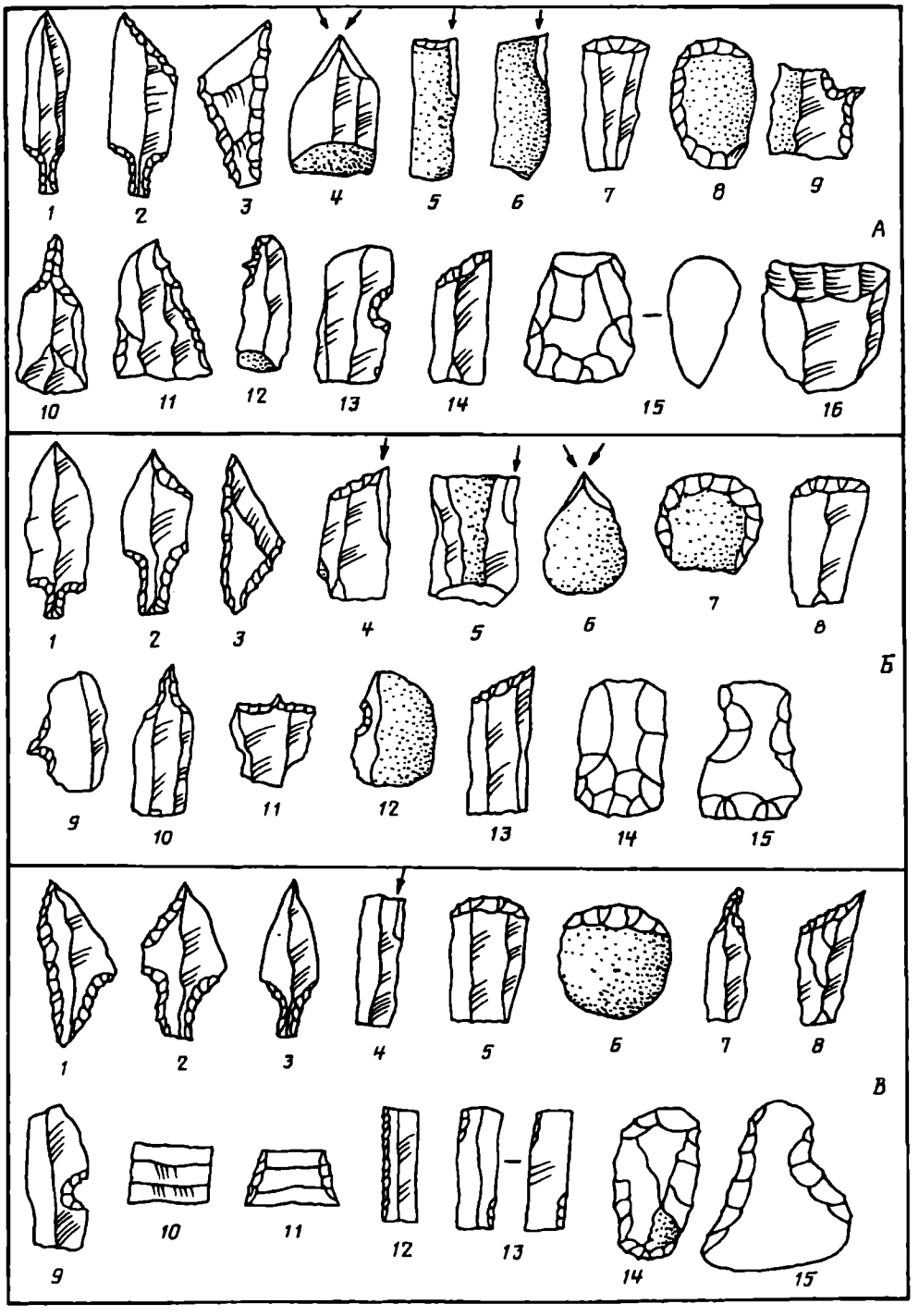


Рис. 2. Основные типы орудий гренской культуры. *А* – ранняя группа; *Б* – средняя группа; *В* – поздняя группа

пластины (рис. 2, *А*). Количество резцов в коллекциях преобладает над скребками, которых в Лудчице насчитывается 18,4%, в Берестеново – 10,7%. Причины данного явления мы усматриваем в дриасовом природном окружении, когда основным объектом охоты служили многочисленные стада северного оленя. Главная задача первобытного человека в этот период заключалась в заготовке большого количества мяса, шкур животных. Весной и осенью во время массовых переправ оленей через водные преграды и интенсивной охоты на них (Симченко Ю.Б., 19776, с. 92, 93) было необходимо большое количество копий, гарпунов, наконечники которых изготовлялись

из кости, рога. Основным орудием при их изготовлении являлись резцы, что, по нашему мнению, и обусловило их преобладание в инвентаре памятников ранней хронологической группы. Присутствуют в инвентаре также выемчато-зубчатые орудия, скобели, срединные и со смещенным рабочим краем проколки, топоры овальной формы.

Вторую хронологическую группу, датирующуюся, вероятно, пребореальным – бореальным периодами (10,3–8 тыс. лет назад), образуют поселения Боровка, Гренск, Гута 1, Журавель, Орша 1, Хвойная, Песчаница, Катынь 21 в Смоленской обл. Для их инвентаря характерны черешковые симметричные, асимметричные, гренские наконечники стрел, срединные и со смещенным лезвием проколки, выемчато-зубчатые орудия, пластины и отщепы со скошенным ретушью концом. Разнообразнее становятся рубящие орудия: кроме овальных появляются топоры с перехватом, прямоугольной формы (рис. 2, *Б*). По сравнению с коллекциями первой группы резко падает удельный вес резцов, причем в этой группе орудий возрастает роль боковых при снижении срединных. Так, в Гренске резцы составляют 13,2% всех орудий, в Журавле – 12,6% (Копытин, 1977, с. 60–66), Песчанице – 9,1, Орше – 1–7,2% (Ксензов В.П., 1994б, с. 14–16). Ведущее место в инвентаре памятников второй хронологической группы занимают скребки (Гренск – 23,3%, Журавель – 28,2 Гута – 1–31,4%). Соотношение резцов и скребков становится в пользу последних (в два раза и более). Обусловлено это обстоятельство, вероятно, изменениями природной среды, произошедшими в конце плейстоцена – начале голоцена на территории Верхнего Поднепровья, которые привели к перестройке растительного покрова, в первую очередь исчезновению холодных перигляциальных степей, и широкому распространению лесных формаций. Смена растительности непосредственно отразилась на развитии животного мира. Стада северных оленей уступают место лесным парным животным: лосям, косулям, кабанам, медведям (Долуханов П.М., 1989, с. 11). Изменились, естественно, и способы охоты, среди которых получают распространение выслеживание, тропление, скрадывание зверя. Возрастает также роль охоты на мелкого животного и птицу. С появлением новых способов охоты ее основным орудием становятся лук и стрелы. Отпала необходимость иметь большое количество копий, гарпунов и костяных наконечников к ним. Вероятно, в этот период с уменьшением добычи крупных животных обработка их шкур, усложнилась, усовершенствовалась, что потребовало большего количества скребков.

Третью хронологическую группу гренской культуры, датирующуюся началом атлантического времени (8–7 тыс. лет назад), составляют поселения Рекорд, Речица 2, Чижовка и, возможно, местонахождения Скиток, Целец. В их инвентаре появляются орудия геометрических форм и микролиты (рис. 2, *В*). Исчезают проколки со смещенным рабочим краем, выемчато-зубчатые орудия, единичными становятся резцы, возрастает роль скребков. Получает развитие техника микрорезцового скалывания (Рекорд), что, вероятно, объясняется контактами с яниславицким населением. Вместе с тем отметим, что инвентарь гренских поселений первого и второго этапов не имеет признаков инокультурной примеси или влияний. Материалов, проливающих свет на исторические судьбы населения гренской культуры, на сегодняшний день нет.

Близкие тенденции в развитии кремневого инвентаря, общие черты в технике его обработки, в характере использованной заготовки, близость форм орудий гренских, иеневских и песочноровских памятников свидетельствуют об их родственности. Расположение раннего поселения Аносово в восточной части Смоленщины указывает на возможное проникновение этого населения по Днепру в Волго-Окское междуречье еще в пребореале – начале бореала. Вероятно, в конце бореального времени гренское население обосновалось в бассейне Десны.

Наличие в инвентаре ранних памятников гренской культуры массивных широколиственных наконечников с толстым черешком, обработанным только по краям и сохраняющим нередко ударный бугорок, преобладание в группе резцов срединных, укороченных размеров концевых и подовальных скребков, слабое развитие пла-

стинчатой техники позволяют нам связывать их генезис с населением культуры лингби. Присутствие в раннем гренском комплексе черешковых асимметричных наконечников, часть которых по форме близка к гренскому типу, укороченные формы ряда групп орудий дают нам основание датировать поселения поздним дриасом (10,8–10,3 тыс. лет назад). Орудия подобных форм и размеров характерны для памятников позднеаллередского этапа развития лингбийской культуры. Проникновение позднелингбийского населения с запада в северную часть Верхнего Поднепровья фиксируют памятники Эжяринас 16, Дярежничя 31, Глинас 6, Красносельский 5,7 и др. на Немане (Кудрашоу В.Я., 1992, с. 73–75; Римантене Р.К., 1971, с. 25–30). Взятые из культурного слоя берестенова образцы (древесный уголь) дали по C^{14} следующие даты: 1165±40 (Т1–1304) и 850±30 (Т1–1306) лет от наших дней, что явилось следствием их загрязненности (распашка территории, прирастание корней, наличие современных кострищ и углей, проникающих в подпочву и т.д.).

Свидерская культура в Поднепровье Беларуси практически представлена одним памятником, расположенным у д. Яново Быховского р-на Могилевской обл. (рис. 1), на правом берегу Днепра (Копытин В.Ф., 1992, с. 27–29). Исследователь отмечает наличие в инвентаре типично свидерских нуклеусов со скошенными ударными площадками и встречным снятием заготовок. Наконечники стрел черешковые, с плоской ретушью на брюшке, резцы боковые, срединные, на углу сломанной пластины. В коллекции имеются также острия, скобели, концевые скребки, ретушированные пластины и отщепы; 71,4% орудий изготовлен из пластин.

Поселение Барколабово В.Ф. Копытин (1992, с. 30, 31) также относит к кругу памятников свидерской культуры. Судя по описанию материала, нуклеусов свидерского типа в коллекции нет. Ведущей группой орудий являются скребки (33 экз.), резцы (12 экз.) на углу сломанной пластины, срединные, боковые. Наконечники стрел черешковые и листовидной формы со слабовыраженной полукрутой ретушью со стороны спинки и плоской с брюшка. Встречаются скобели, топоры с перехватом, ретушированные пластины и отщепы. По нашему мнению, Барколабово входит в состав памятников раннего этапа днепро-деснинской культуры и датируется временем раннего мезолита.

Рассматривая в целом историческую обстановку, сложившуюся в конце плейстоцена на территории Поднепровья Беларуси, заметим, что свидерское население освоить данную территорию не смогло. Основной причиной неудачного продвижения свидерцев на север по Днепру и его притокам, вероятно, было присутствие здесь гренского населения, проживавшего в регионе с начала позднего дриаса. Отсутствие в Посожье свидерских и единичность гренских памятников (рис. 1) ставит под сомнение образование на этой территории сожской позднемезолитической культуры (Копытин В.Ф., 1977, с. 65, 66; 1992, с. 48–50).

В эпоху мезолита в центральной и южной частях Белорусского Поднепровья расселилось население **днепро-деснинской** культуры. Всего в ее составе насчитывается более 30 памятников. Среди них Смячка 14, 14А, Б. Г. Балка 1, Бор, Залесье, Раска (Телегин Д.Я., 1982, с. 138–144; Зализняк Л.Л., 1986, с. 83–108), Борисовщина, Дорошевичи, Загорины 1, Лясковичи, Макаричи, Рожава 1 (Исаенко В.Ф., 1976, с. 45–48; 1977, с. 57–59), Латки (Тихоненков И.М., 1966, с. 256–261), Барколабово, Горки, Ново-Быхов, Нераж, Рдица (Копытин В.Ф., 1992, с. 48–58); Береговая Слобода, Городок 4, Красновка 1А, Михайловка, Тайманово, Стасевка (Ксензов В.П., 1988, с. 33–48), Новые Громыки, Глыбовка, Клины 2 (Калечыц Е.Г., 1987, с. 15-37), Городок (Тихоненков И.М., 1972, с. 80–88), а также исследованные нами в последнее время поселения Гливин 1, Городище 2, Чижаха (Ксензов В.П., 1994б, с. 16–22).

На фоне соседних мезолитических культур лесной зоны Восточной Европы днепродеснинская выделяется рядом характерных черт кремневого инвентаря памятников.Техника расщепления кремня основана на подпризматическом, пирамидальном, подконическом нуклеусе при наличии аморфных и уплощенных из-за сильной сработанности. Нуклеусы в большинстве своем одноплощадные, двуплощадочные, как

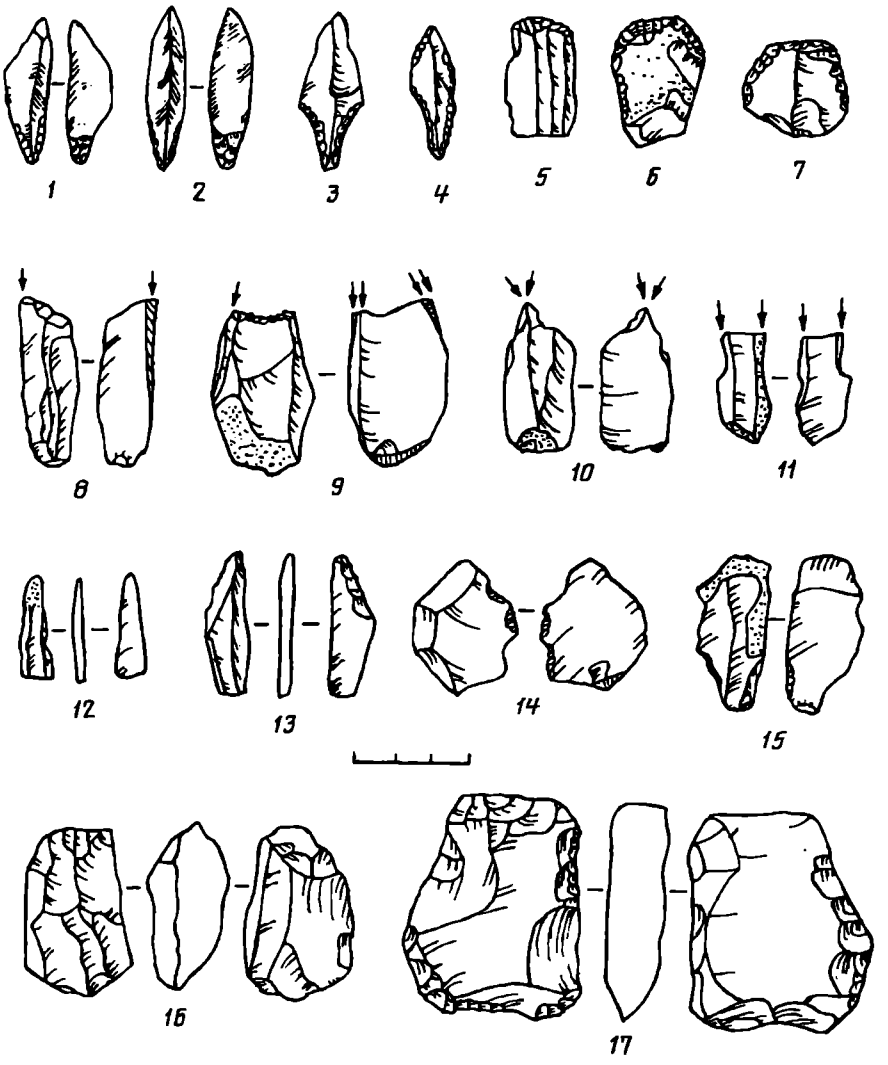


Рис. 3. Основные типы орудий раннего этапа днепро-деснинской культуры

правило, одностороннего снятия, площадки горизонтальные (преобладают) или слегка скошены. Снимались с нуклеусов в основном пластины.

Облик днепро-деснинской культуры определяют наконечники стрел, заготовкой которым служили пластины. Наиболее распространены черешковые постсвидерские, основная их особенность – резкое выделение черешка выемками по обоим краям заготовки, которые обработаны крутой или полукрутой ретушью со стороны спинки (преобладают) или с брюшка (единичные) и плоской ретушью с брюшка (рис. 3, *1*; 4, *2*). На более поздних памятниках плоская ретушь лишь частично покрывает брюшко черешка. Второй тип постсвидерских наконечников представляют иволистные, насад которых лишь намечался ретушью по обоим краям и обрабатывался плоской с брюшка (рис. 3, *2*; 4, *1*). Острие орудий натуральное, обрабатывалось краевой ретушью по одному, двум краям и иногда плоской с брюшка. Иволистные наконечники встречаются реже черешковых. Менее постсвидерских распространены черешковые симметричные (рис. 3, *3*; 4, *3*). Черешки у них выделялись по краям крутой, полукрутой ретушью со спинки, брюшка, реже противолежащей. Острие оставалось натуральным или обрабатывалось краевой мелкой ретушью, не меняя, однако, форму пера. Еще реже встречаются асимметричные наконечники стрел (рис. 3, *4*; 4, *4*). Наконечники черешковые, черешки выделялись по двум краям спинки крутой ретушью, в редких случаях противолежащей. Характерная черта наконечников – срез

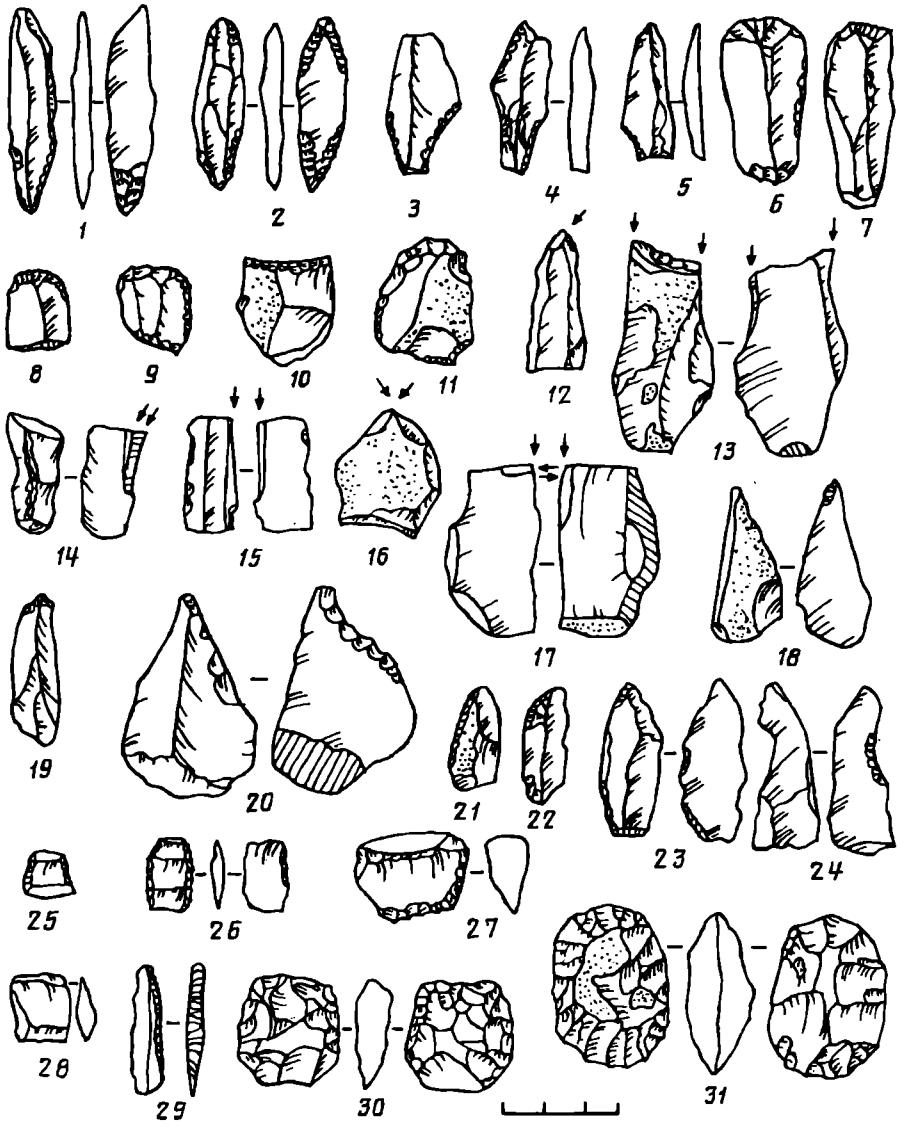


Рис. 4. Основные типы орудий позднего этапа днепро-деснинской культуры

крутой ретушью пера по одному краю, что придавало орудиям асимметричность. Лишь на поздних памятниках встречаются наконечники с боковой выемкой (Береговая Слобода, Гливин, Михайловка) (рис. 4, *5*).

Нужно отметить, что каждый отдельный тип из группы наконечников встречается в памятниках соседних финальнопалеолитических и мезолитических культур. Это можно объяснить как общностью их происхождения, взаимовлиянием, так и одинаковым образом жизни первобытных людей, обоснованным схожими природными условиями. Постсвидерские наконечники встречаются в памятниках родственных свидерской, бутовской, кундской, неманской культур, являясь неотъемлемой чертой инвентаря их памятников. Симметричные и асимметричные наконечники представляют особенности инвентаря также генетически связанных культур лингби, аренсбургской, гренской, иеневской, песочноровской.

Резцы представлены основными типами этой группы орудий – боковыми, срединными, на сломанном или натуральном конце заготовки (рис. 3, *8–11*; 4, *12–17*). Во всех хронологических группах памятников количественно преобладают боковые резцы, рабочий край которых оформлен посредством резцовых сколов по краям заготовки и крутой ретуши на ее конце. Соотношение угловых и срединных резцов примерно равно, причем зависимость их количества от возраста памятника не прослеживается.

Срединные резцы обрабатывались двумя или большим количеством сколов, пересекающимися по продольной оси заготовки под углом в 45°. Иногда рабочий край смещен на угол заготовки и достигает порой 90° (срединно-угловые резцы). Угловые резцы редки, лезвие оформлено на естественном остроугольном конце заготовки посредством нанесения одного-двух сколов по ее краю. Присутствуют в коллекции также резцы на углу сломанной пластинки.

Среди скребков преобладают концевые их пластин, их рабочий край высокий, прямой или дугообразный, обработан крутой скребковой ретушью. Значительное место в коллекциях занимают скребки из отщепов, имеющие овальный, подокруглый рабочий край. Соотношение скребков и резцов нередко зависит от хронологии памятников и может служить одним из дополнительных критериев их датировки. Для ранних поселений (Смячка 14 А, Б, Г, Бор, Залесье, Балка 1, Латки) характерно количественное преобладание резцов над скребками. Иная картина для поздних памятников – Береговая Слобода, Городок 4, Михайловка, Горки, Глыбовка, Клины 2, в коллекциях которых скребки преобладают над резцами. Вместе с тем отметим тот факт, что в инвентаре таких раннемезолитических поселений, как Барколабово, Раска скребки более многочисленны, чем резцы.

Для памятников днепро-деснинской культуры характерны в небольшом количестве пластины со скошенным ретушью концом. Обычно обработана верхушка пластины, ретушь мелкая, крутая, наносилась со стороны спинки. Проколки срединные, изготовлялись из пластин (преимущественно) и отщепов. Оформлялись они на острых концах заготовок путем обработки полукрутой мелкой ретушью одного или двух краев. Для сверл служили более массивные заготовки, на остроугольных концах которых крутой противолежащей ретушью выделялся рабочий край, иногда подправленный плоской с брюшка.

Вкладышевая техника днепро-деснинских памятников слабо развита. Единичны для ранних поселений пластинки с затупленным крутой мелкой ретушью краем, натуральные пластины-вкладыши. Среди вкладышевых инструментов позднемезолитических поселений немногочисленные трапеции, пластинки с затупленным краем, натуральные пластины-вкладыши, у которых отсечены верхушки и части с ударным бугорком, пластины-вкладыши с полукрутой ретушью по одному или двум краям, сечения пластин. На поселениях р. Березины, фиксирующих западную границу культуры, вкладышевые орудия более разнообразны и многочисленны.

Днепро-деснинским памятникам присущи топоры с перехватом и овальной формы, изготовленные из желваков кремния и массивных отщепов, одно-, двух- и многовыемчатые скобели, пластины и отщепы с нерегулярной ретушью по краям, клиновидные и долотоподобные орудия.

На сегодняшнем этапе исследования в днепро-деснинской культуре выделяются две хронологические группы памятников. Наиболее раннюю группу, датирующуюся пребореальным-бореальным периодами (10,3–8 тыс. лет назад), образуют поселения Смячка 14, 14, А, Б, Г, Бор, Балка 1, Залесье, Раска, Барколабово, Шихов, Королева Слобода, Латки, Чижаха и др. Культуроопределяющими поселениями второй хронологической группы являются Береговая Слобода, Рдица, Ново-Быхов на Днепре, Городище 2, Красновка 1А, Михайловка на р. Березине, Горки на р. Сож, Загорины 1, Дорошевичи, Лясковичи, Рожава 1 на р. Припять. Если коллекции памятников ранней группы типологически однообразны, то в инвентаре поздней группы появляются ранее не известные формы орудий. Так, к постсвидерским, симметричным, асимметричным, наконечикам добавляются наконечники с боковой выемкой, с черешком, оформленным по одному краю (рис. 4, 5). Присутствуют в поздних комплексах и вкладышевые орудия. На поселениях, расположенных на западе ареала распространения культуры (на р. Березине), встречаются находки бесчерешковых (ланцетовидных) наконечников, что вероятно, объясняется контактами с населением неманской и ярославицкой культур. В их инвентаре большой ассортимент вкладышевых орудий, среди которых трапеции, пластинки с затупленным краем и концом

сечения пластин, простые пластины-вкладыши, что послужило нам основанием для выделения на втором этапе днепро-деснинской культуры двух территориальных групп – западной (бассейн Березины) и восточной (бассейны Днепра и Сожа).

Состав кремневого инвентаря днепро-деснинских поселений позволяет определенно высказаться об их генезисе. Одним из важнейших компонентов является свидерский. О его наличии свидетельствует обработка плоской ретушью с брюшка насада иволистных и черешковых наконечников. Наконечники свидерской техники изготовления выявлены на большинстве памятников, они количественно преобладают над другими типами этих орудий. Видимо, к свидерским чертам относится использование пластины как основного типа заготовки для орудий, изготовление удлиненных концевых скребков, боковых и срединных резцов из пластин, топоров с перехватом, двухплощадных нуклеусов призматической формы, со встречным снятием заготовок.

Второй генетический компонент проявляется в наличии в инвентаре памятников черешковых симметричных и асимметричных наконечников стрел, пирамидальных и подконических одноплощадных нуклеусов. Происхождение этих типов орудий и нуклеусов, по нашему мнению, связано с появлением в финальном палеолите в южной части лесной зоны Восточной Европы населения культурной традиции лингби. Этим населением оставлены памятники Маскаука 6, Эжяринас 16, Дярежничя 31, на нижнем Немане (Римантене Р.К., 1971, с. 20–37), Красноселье Е на верхней Припяти (Зализняк Л.Л., 1989, с. 16, 17), Аносово (Гурина Н.Н., 1972, с. 244–251), Берестеново на верхнем Днепре. Вероятно, на рубеже плейстоцена – голоцена оно вступило в контакт со свидерским населением, проживавшим в основном на территории Полесья, оказав на него сильное влияние, в результате чего появляются памятники, сочетавшие в инвентаре свидерские и позднелингбийские черты. Несколько позже это смешанное население продвинулось на восток. На Десне им были основаны наиболее ранние памятники складывающейся днепро-деснинской культуры (Смячка 14, 14 А, Б, Г, Бор, Балка и др.). Затем оно продвигалось на север, освоив к концу мезолита бассейны Сожа, верхнего Днепра, Березины в южной и центральной частях Беларуси. Часть населения осталась в пределах восточной половины Белорусского Полесья (Борисовщина, Дорошевичи, Загорины, Макаричи, Рожава 1).

Прошедшие в своем развитии большой хронологический отрезок (10–7 тыс. лет назад) днепро-деснинское население, по нашему мнению, стало генетической основой верхнеднепровской неолитической культуры.

Единичны в Поднепровье Беларуси памятники **кудлаевской** культуры. Одни из них в южной части региона в пределах г. Речицы (рис. 1), открыт нами в 1981 г. (Ксензов В.П., 1986, с. 11–28). В результате ветровой эрозии культурный слой памятника был разрушен, на песчаной поверхности собраны материалы двух мезолитических культур – гренской и кудлаевской. Кудлаевские находки представлены серией микролитов, среди которых преобладают острия типа ставинога (кудлаевские острия) – 12 экз. (рис. 5. *4*, *10–21*). Изготовлены они из микропластин или небольших размеров пластинчатых отшепов путем притупления крутой мелкой ретушью одного края заготовки, приостряющей ее конец. Пластинки с затупленным крутой ретушью краем и их обломки представлены 8 экз. (рис. 5, *1–3*, *5–9*). У большинства изделий основание натуральное, обломанное, и лишь у одной пластинки оно обработано крутой ретушью, скошенное (рис. 5, *8*). Единичны пластинки с крутой мелкой ретушью по краю, которые имеют сегментовидную (рис. 5, *22*) или ромбовидную (рис. 5, *23*) форму. Среди вкладышей находятся также сечения пластин (5 экз., рис. 5, *24–28*) и трапеции (6 экз., рис. 5, *29–33*). Сечения пластин трапециевидные и прямоугольные, короткие и длинные, продольные их края оставались натуральными или обрабатывались на отдельных участках полукрутой ретушью. Трапеции двух типов – равнобедренные и высокие, поперечные края обрабатывались со спинки и с брюшка. На одном экземпляре край обработан встречной ретушью (рис. 5, *31*).

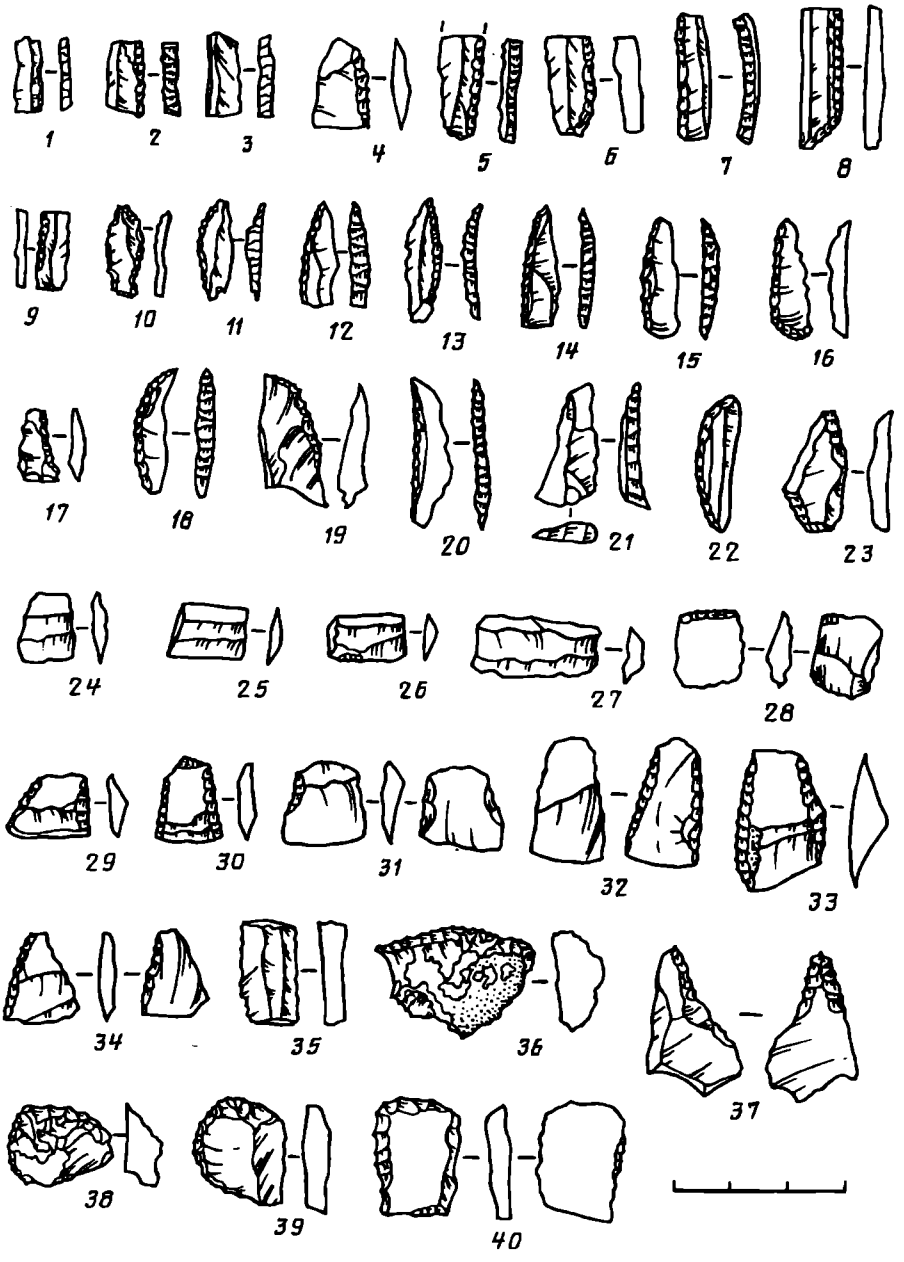


Рис. 5. Кудлеевские материалы с поселения Речица 2

Как известно, скребки в инвентаре кудлаевских памятников в большинстве своем оформлены из отщепов, неправильной формы (рис. 5, *36*, *38*). Встречаются также и концевые (рис. 5, *39*, *40*), причем скребковая ретушь заходит и на края заготовки. Проколки и сверла изготавливались из остроугольных отщепов, обработанных полукрутой ретушью по краям (рис. 5, *37*).

Кудлаевские нуклеусы на поселении Речица 2 сильно сработаны, определенной формы не имеют. Среди находок, которые можно отнести к кудлаевскому комплексу, небольшие пластины неправильной огранки с непараллельными краями, несущими нерегулярную ретушь, и разных размеров отщепы также с ретушью по краям. Наличие в инвентаре памятника трапеций, среди которых встречаются высокой формы, отсутствие резцов, маловыразительный облик скребков свидетельствуют о позднемезолитическом возрасте кудлаевского кремневого комплекса.

В южной Беларуси исследователи называют и другие памятники кудлаевской культуры. Среди них упоминаются Верхи, Замостье, Паперня (Телегин Д.Я., 1982),

Рис. 6. Янославицкие материалы с поселения Красновка 1Б

Белосорока, Криничная (Зализняк Л.Л., 1991, с. 10, 11), Озерное 1 (Кудряшов В.Я., Кривальцевич Н.Н., 1994). Культурный облик местонахождений Верхи, Замостье, Паперня, Белосорока до сих пор не ясен, и они, безусловно, нуждаются в дальнейшем изучении. Сложно решается вопрос о культурной принадлежности поселения Криничная. Материалы, собранные О.Л. Липницкой (1979, с. 32–36) и В.Ф. Копытиным (1986, с. 345), существенно различаются. В коллекции В.Ф. Копытина находятся черешковые наконечники стрел, острия, трапеции, рубящие орудия, чего нет в инвентаре, собранном О.Л. Липницкой. Определенные разногласия имеются в трактовке культурного облика материалов с Криничной. Так, В.Е. Кудряшов и О.Л. Липницкая (Кудряшов В.Е., Липницкая О.Л., 1993, с. 27–29) считают, что в инвентаре памятника преобладают бутовские элементы. Л.Л. Зализняк, В. Ф. Копытин и автор статьи относят Криничную к кругу памятников кудлаевской культуры. Из выделенных поселений несомненно кудлаевским является кремневый комплекс Озерное.

Янославицкую культуру в Белорусском Поднепровье представляют два памятника – Красновка 1Б и Старая Лутава (Ксензов В.П., 1988, с. 114–122). Ярким янославицким комплексом является Красновка 1Б (рис. 6). Среди орудий многочисленны янославицкие острия трапециевидной формы и с обломанным основанием. Встречаются в коллекции острия, обработанные только ретушью, пластинки с затупленным краем, пластины-вкладыши с натуральными краями, сечения пластин. Большинство скребков изготовлены из отщепов, они овальной формы и концевые. Многочисленны скробачи – куски кремня, отщепы, по краям имеющие нерегулярную скребковую ретушь. Резцы в инвентаре памятника единичны, присутствуют также микроскребки, скобели, пластины и отщепы с ретушью по краям. Нуклеусы сильно изношены, аморфны. Особенность коллекции поселения Красновка 1Б – отсутствие янославицких треугольников, трапеций, что, вероятно, является хронологическим признаком и позволяет датировать памятник началом атлантического времени, т.е. VIII тыс. до н. э. Более поздним янославицким поселением, датирующимся заключительными этапами мезолитической эпохи, является Старая Лутава. Янославицкие элементы встречаются в инвентаре ряда памятников – Гренские, Рудне Шлягинской, Гливине, Городке 4, однако они не определяют культурный облик поселений, а лишь являются свидетельством контактов разнокультурного мезолитического населения.

Таким образом, Поднепровье Беларуси после отступления ледника последней стадии валдайского оледенения вначале заселяется с запада населением гренской культуры, ранние памятники которой расположены в северной и центральной частях региона. Типологические характеристики инвентаря поселений первой хронологической группы позволяют утверждать, что произошло это в позднем дриасе. Несколько позднее территорию Белорусского Поднепровья пытались освоить с юга свидерцы, однако не смогли этого сделать, свидетельством чего является единичность памятников, оставленных ими. Гренское население проживало здесь до конца мезолитической эпохи. В мезолитическое время южную и центральную часть Верхнего Поднепровья с юга заселяют днепро-деснинцы, ставшие генетической основой верхнеднепровской неолитической культуры. В мезолите в Поднепровье Беларуси спорадически проникало население кудлаевской и янославицкой культур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бадер Н.О., 1970. Мезолит // Каменный век на территории СССР. МИА. № 166.

Будько В.Д., 1966. Памятники свидерско-гренской культуры на территории Белоруссии // МИА. № 126.

Воеводский М.В., 1950. Мезолитические культуры Восточной Европы // КСИИМК. Вып. XXXI.

Гурина Н.Н., 1972. Кремнеобрабатывающая мастерская в верховье Днепра // МИА. № 185. Палеолит и неолит СССР. Т. 7.

Гурина Н.Н., 1977. К вопросу о некоторых общих и особенных чертах мезолита лесной и лесостепной зон Европейской части СССР // КСИА. Вып. 149.

Гурина Н.Н., 1989. Мезолит Литвы и Белоруссии // Археология СССР. Мезолит. М.

Данилевич В.Е., 1895. Стоянка и мастерская каменного века в Могилевской губернии, исследованная летом 1883 г. // Киевская старина. Т. XIX.

Долуханов П.М., 1989. Природные условия эпохи мезолита на территории СССР // Археология СССР. Мезолит СССР. М.

Зализняк Л.Л., 1984. Мезолит Юго-Восточного Полесья. Киев.

Зализняк Л.Л., 1986. Культурно-археологическая периодизация мезолита Новгород-Северского Полесья. Киев.

Зализняк Л.Л., 1989. Охотники на северного оленя Украинского Полесья эпохи финального палеолита. Киев.

Зализняк Л.Л., 1991. Население Полесья в мезолите. Киев.

Исаенко В.Ф., 1966. Мезолит и неолит Припятского Полесья // Древности Белоруссии. Минск.

Исаенко В.Ф., 1970. Мезолит // Очерки по археологии Белоруссии. Ч. 1. Минск.
Исаенко В.Ф., 1970. Мезолит // Очерки по археологии Белоруссии. Ч. 1. Минск.
Исаенко В.Ф., 1976. Неолит Припятского Полесья. Минск.
Исаенко В.Ф., 1977. Мезолит Припятского Полесья // КСИА. Вып. 149.
Исаенко В.Ф., Тихоненков И.М., 1966. Об ареалах археологических культур каменного и бронзового веков на территории Белорусского Поднепровья // Вопросы истории и археологии. Минск.
Калечыц Е.Г., 1987. Памятники каменного и бронзового веков Восточной Белоруссии. Минск.
Кольцов Л.В., 1975. Памятники с яснилавицкими элементами на территории СССР // Памятники древнейшей истории Евразии. М.
Кольцов Л.В., 1977. Финальный палеолит и мезолит Южной и Восточной Прибалтики. М.
Кольцов Л.В., 1978. Финальный палеолит и мезолит Южной и Восточной Прибалтики. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М.
Кольцов Л.В., 1989. Заключение к тому "Мезолит СССР" // Археология СССР. М.
Копытин В.Ф., 1972. К вопросу изучения мезолита Верхнего Поднепровья // Беларускія старажытнасці. Мінск.
Копытин В.Ф., 1977. Мезолит Юго-Восточной Белоруссии / КСИА. Вып. 149.
Копытин В.Ф., 1986. Мезолитическая стоянка Криничная // АО 1984. М.
Копытин В.Ф., 1992. Памятники финального палеолита и мезолита Верхнего Поднепровья. Могилев.
Копытин В.Ф., 1994а. Некоторые итоги изучения Гренской стоянки // Гісторыка-археалагічны зборнік. Вып. 5
Копытин В.Ф., 1994б. Лудчица – памятник мезолита в Верхнем Поднеепровье // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск.
Ксензов В.П., 1986. Поздний мезолит Белорусского правобережья Дрепра // СА. № 1.
Ксензов В.П., 1988. Палеолит и мезолит Белорусского Поднепровья. Минск.
Ксензов В.П.,1994а. Поселение Берестеново на Днепре – памятник раннего этапа гренской культуры // Археологія і старажытная гісторыя магілеушчыны і сумежных тэрыторй. Магілеу.
Ксензов В.П.,1994б. Мезолитические культуры Белорусского Подвинья и Поднепровья. Автор. дис. ... докт. ист. наук. Минск.
Кудрашоу В.Я., 1992. Праблемы першапачатковага засялення Гродзнешчыны // Археалогічныя помнікі Гродзеншчыны. Гродна.
Кудряшов В.Е., Липинская О.Л., 1993. К вопросу о кудлаевской культуре эпохи мезолитана Могилевщине // Дняпроускі край. Магілеу.
Кудряшов В.Е., Кривальцевич Н.Н., 1994. Озерное і – новый памятник кудлаевской культуры эпози мезолита в Белорусском Полесье // Гісторыка-археалогічны зборнік. Вып. 5. Мінск.
Левенок В.П., 1966. Мезолит среднерусского днепровско-донского междуречье и его роль в сложении местной неолитической культуры // МИА. № 126.
Липинская О.Л., 1979. Мезолитическая стоянка Криничная // КСИА. Вып. 157.
Палікарповіч К.М., 1928. Дагістарычныя стаянкі верхняга і ніжняга Сажа // Працы катэдры археалегіі БАН. Т. 1. Менск.
Палікарповіч К.М., 1930. Дагістарычныя стаянкі сярэдняга Сажа // Працы катэдры археалегіі БАН. Т. 2. Менск.
Палікарповіч К.М., 1934. Палеолит и мезолит БССР и некоторых соседних территорий Верхнего Поднепровья // Труды 2-й междунар. конф. М.; Л.; Н. Вып. 5.
Поликарпович К.М., 1957. Стоянки среднего Посожья // Материалы по археологии Белоруссии. Минск.
Симченко Ю.Б., 1976. Культура охотников на оленей Северной Евразии. М.
Сорокин А.Н., 1986. Мезолит бассейнов Десны и Оки // КСИА. Вып. 188.
Телегин Д.Я., 1982. Мезолітічні пам"яткі Україні. Київ.
Тихоненков И.М., 1966. Кремневый инвентарь стоянки Латки // Вопросы истории и археологии. Минск.

Тихоненков И.М., 1972. Мезолитическая стоянка Городок в Чашницком районе Витебской области // Беларускія старажытнасці. Мінск.
Формозов А.А., 1954. Периодизация мезолитических стоянок Европейской части СССР // СА. № 2.
Формозов А.А., 1977а. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории Европейской части СССР. М.
Формозов А.А., 1977б. О критике источников в археологии // СА. № 1.
Kozlowski S.K., 1972. Jednorzedoure Rarpuny hawelanskiego typa w baseini morza Baltyckiego // Archeologia Polski. T. 22. Z. 1.
Kozlowski S.K., 1991. Le Lesnenten // Antropologie. XXIX/1–2.

Институт истории АН Беларуси,
Минск

V.P. KSENZOV

THE FINAL PALAEOLITHIC AND MESOLITHIC OF THE DNIEPER BASIN REGION OF BELARUS'

S u m m a r y

In the article the author is summing up the results of long-time period of researches of the final-palaeolithic and mesolithic settlements of the Dnieper basin region of Belarus'. During the period od late Drias – early Atlantic the Gren culture population lived on the territory of the region. Svider hunters couldn't widespread on the Upper Dnieper basin region, the evidence of which is the rarity of their settlements. The hunters of Dniepro-Desna culture settles the south of this territory – the basins of Dnieper, Berezina and Sozh river. Some times during the late Mesolithic inhabitants of Kudlayevka and Yanislavica cultures has revealed in the Southern part of Belorussian Dnieper basin.

Е.Н. ЧЕРНЫХ

КАРГАЛЫ – КРУПНЕЙШИЙ ГОРНОМЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ В ДРЕВНОСТИ

(структура центра, история открытий и изучения)

Каргалинский древний меднорудный и горнометаллургический центр (Каргалы) расположен на Южном Урале в административных пределах Оренбургской обл. (рис. 1). Благодаря исключительно крупным размерам выходы его медных руд и выработок встречаются на территории четырех административных районов области: Октябрьского, Сакмарского, Александровского и Переволоцкого. На долю Октябрьского р-на приходится не менее 2/3 всех древних и старинных выработок Каргалов; очень небольшая их часть (всего 1–2%) встречена на территории Переволоцкого р-на; оставшаяся треть подразделяется между Александровским (северные группы выработок) и Сакмарским (южные группы выработок) районами. Крайние юго-восточные выработки Каргалинского рудного поля (так называемый Петропавловский, или XI, участок) находятся в 50 км строго на север по прямой линии от центральных кварталов Оренбурга.

Каргалинские рудники расположены в северной зоне Великой Евразийской степи. Месторождения окружает типичный степной ландшафт с редкими колками лесной растительности (ольха, береза, осина, ивовые), сосредоточенными в непосредственной близости от водных источников и в глубоких оврагах. Ближайшие крупные массивы леса отстоят от Каргалов не ближе чем на 200–250 км к северо-востоку: это горно-таежная растительность Южного Урала.

Каргалинское рудное поле охватывает площадь в виде овала с приблизительными размерами 50 × 10 км; сам овал рудного поля вытянут в направлении северо-запад – юго-восток (рис. 1). Богатая медная минерализация проявляется по преимуществу в бассейне р. Урал (рис. 1) и главным образом его правых крупных притоков – Сакмары и Салмыша. Наиболее богатые выходы медных руд связаны в свою очередь также с правобережными притоками последних – Каргалкой и Янгизом. Основной "артерией", вокруг которой располагаются меднорудные разработки, является маловодная степная река Каргалка (точнее – Верхняя Каргалка); от нее и получили название эти знаменитые рудники (рис. 2). Однако медная минерализация рудного поля проявляется и восточнее – на высоких водоразделах (сыртах) между Каргалкой и Янгизом и уже совсем редко к востоку от Янгиза. Крайняя северо-западная периферия выходов каргалинских руд зафиксирована в самых верховьях речки Ток; однако эта речка принадлежит уже не уральскому, а волжскому бассейну (Ток – приток волжской Самары).

Данный производственный центр представляет собой гигантский и, вне всякого сомнения, уникальный горнометаллургический комплекс. Последнее становится совершенно очевидным при сопоставлении с ним не только соседних, но и весьма отдаленных древних горнорудных центров, разбросанных по бескрайним просторам всей северной половины Евразийского континента. Феномен Каргалов обусловлен целым блоком ярких признаков: ниже мы перечислим лишь некоторые.

1. Гигантская площадь оруденения, суммарно покрывающая до 500 км^2; с точки зрения геологических дефиниций, Каргалы относятся к категории обширных рудных полей.

© Е.Н. Черных, 1997 г.

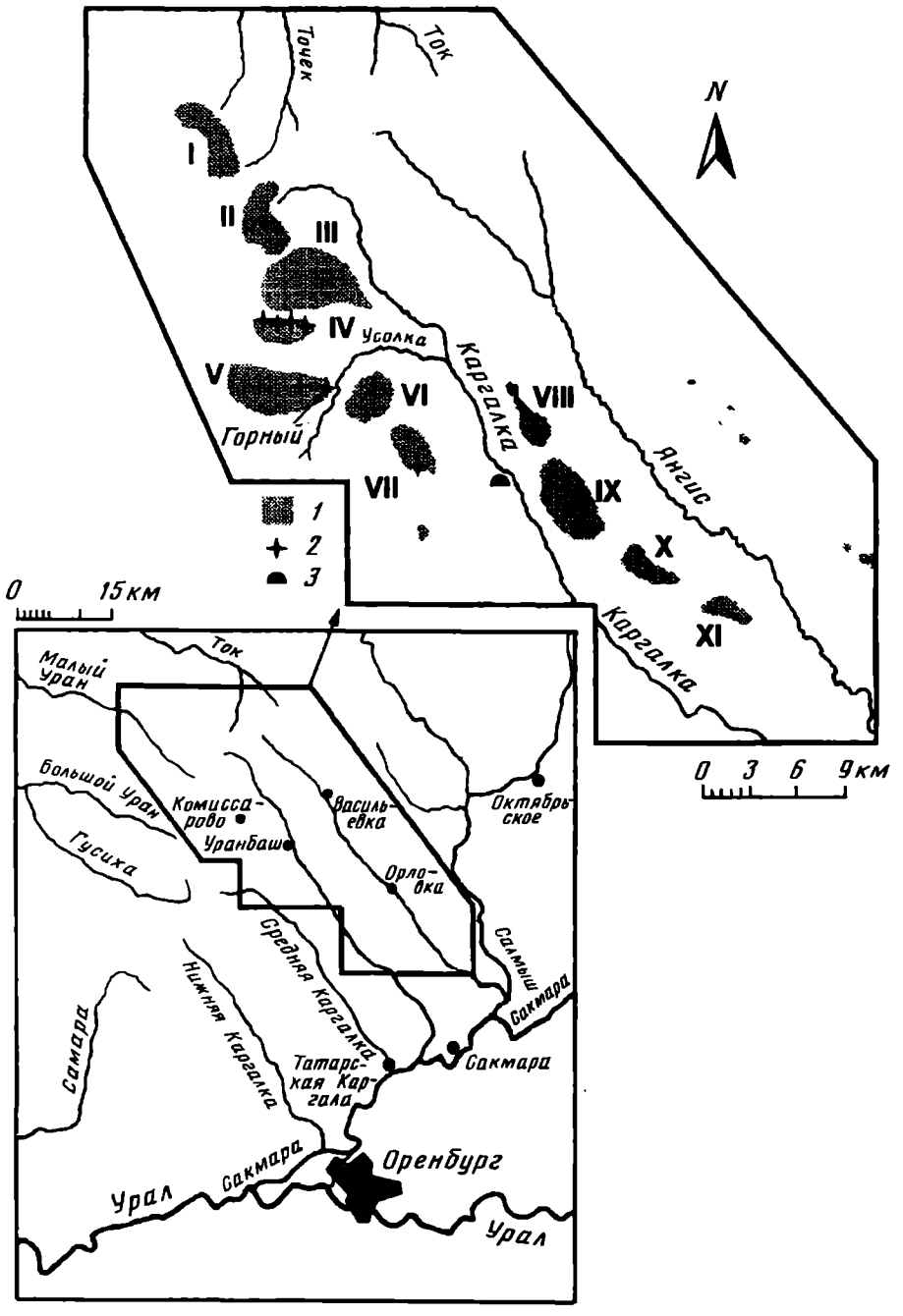


Рис. 1. Географическое положение Каргалинского рудного поля и его основных участков: *1* – площадь участка скопления выработок; *2* – поселения срубной культуры; *3* – курганная группа у с. Уранбаш

2. Практически все поверхностные выходы руд или же рудные тела сравнительно неглубокого залегания были выявлены еще в ранней древности; открытие и начало широких разработок каргалинских руд можно датировать концом IV или же рубежом IV–III тыс. до н.э. (ранний бронзовый век); пик этой активности приходился на эпоху поздней бронзы (II тыс. до н.э.).

3. Громадный объем древних и старинных горнопроходческих работ: глубина шахт и горизонтальных выработок в бронзовом веке достигала 40–42, а в новое время (XVIII–XIX вв.) – до 90 м.

4. Исключительное богатство Каргалов выразительными археологическими памятниками древнейших горняков и металлургов (в основном селища II тыс. до н.э. –

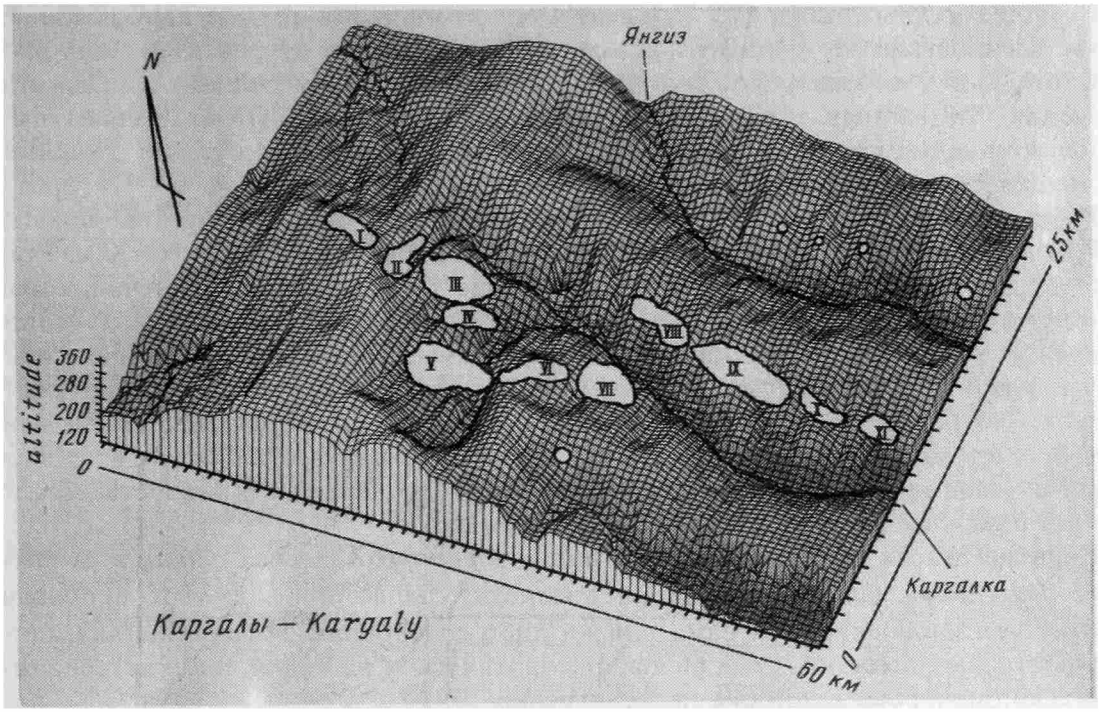


Рис. 2. Компьютерная реконструкция рельефа Каргалинской рудной зоны с основными участками скопления древних и старинных разработок; программа Surfer Mapping System, version 5.01. Golden Saftware Inc. (1993–1994); вариант изображения – 3D

поздний бронзовый век); повсеместно распространены здесь и памятники наиболее ранних, первых шагов российской меднорудной и медеплавильной промышленности (XVIII в.).

5. Масштаб добычи медных руд огромен: совокупная масса извлеченных медных минералов достигает нескольких миллионов тонн.

6. Огромное количество выплавленной из каргалинских руд меди: ее общая масса, по всей вероятности, равна сотням тысяч тонн.

7. Каргалинская медь в бронзовом веке распространялась по обширнейшим пространствам степей и лесостепей Восточной Европы (максимально – до 1 000 000 км^2); в новое время (XVIII–XIX вв.). Каргалинский комплекс имел ведущее значение для внутренних нужд России: накануне пугачевского восстания из его руды выплавляли до четверти меди всей Российской империи; каргалинскую медь вывозили также на запад вплоть до Англии и Франции.

Даже эти кратко перечисленные и лаконично охарактеризованные черты заставляют видеть в Каргалах комплекс совершенно исключительный, равный которому трудно сыскать едва ли не на целом Евразийском континенте[1].

Минерализация и характер оруденения. Каргалинское рудное поле принадлежит типу осадочных медных руд, основные месторождения которых сформировались в пермский геологический период на широких пространствах Приуралья (Западного Урала). Среди прочих приуральских месторождений медистых песчаников Каргалинские месторождения, безусловно, могут считаться наиболее богатыми и значительными как по общей массе медных руд, так и по концентрации здесь медных минералов.

---

[1] Материалы, собранные к 1996 г. по Каргалинскому комплексу, столь обширны и многообразны, что осветить их достаточно удовлетворительно, хотя бы и очень кратко, в рамках одной статьи вряд ли возможно; мы предлагаем сделать это в серии публикаций по отдельным темам и проблемам: например, исследования археологических памятников эпохи бронзы, более поздние памятники, экологические проблемы и т.д.

Ведущие медные минералы – окисленные, вторичные, медные карбонаты. Наиболее распространены малахит и сильно уступающий ему азурит. Перечень прочих сопутствующих им минералов довольно обширен, однако сколько-нибудь заметного значения при выплавке меди ни в древности, ни в XVIII–XIX вв. они не имели. Рудовмещающие породы – по преимуществу красноватые или серые (глубинные) песчаники, сланцевидные (глинистые) породы.

Рудные минералы залегали на различной глубине: начиная от поверхностных выходов песчаников и их обнажений по склонам оврагов вплоть до 80–90 м. Рудные тела представляют собой рассеянные в толще рудовмещающих песчаниковых и глинистых пород беспорядочные и бессистемно разбросанные гнезда (линзы) минералов, "неправильные" жилы. Сами скопления рудных минералов чрезвычайно сильно различаются между собой размерами (от нескольких сантиметров до десятков метров). Неупорядоченность в залегании минеральных линз обусловила хаотичный, по сути бессистемный поиск этих скоплений разведчиками-рудокопами как в древности, так и в новое время – об этом свидетельствует бесчисленное количество беспорядочных поисковых следов на всех участках Каргалов[2].

Вкратце охарактеризуем *основные типы горнопроходческих работ и их поверхностных следов*, а также их наиболее выразительные признаки. Это необходимо, потому что проводившиеся нами поиски либо совершенно нетипичны для широко распространенных и обычных видов археологической разведки, либо встречаются в практике таких разведок исключительно редко.

Шахты – вертикальные или близкие к вертикальным (от 90 до 60° наклона) проходки песчаниковых (в данном случае) пород с целью достижения рудных тел (линз или жил медных минералов), которые затем подвергались разработкам.

Штольни – горизонтальные или же близкие к горизонтальным (слегка наклонные) выработки-проходки, заложенные в песчаниках с теми же целями.

Шахты и штольни являются наиболее распространенными типами разработок на Каргалах. Как правило, их форма причудлива, равно как и размеры. Последние определяются строением рудовмещающих пород, а также различными поисковыми признаками, которыми руководствовались рудокопы во время поверхностных или подземных поисков медных минералов. Именно поэтому они могли плавно или же довольно круто переходить из одной формы в другую и почти никогда не отличались правильным "геометризмом" своего сечения или же четкостью направления. Поскольку на Каргалах преобладали так называемые линзовые или же гнездовые скопления медных минералов (малахита и азурита), то штольни или шахты могли разрастаться в громадные подземные залы с очень высокими – до 20 м – сводами, из которых вели в разные стороны иные штольни и штреки (или же так называемые "слепые" подземные горизонтальные проходки). Порой среди шахт и штолен можно обнаружить так называемые извозные, которые служили для транспортировки добытой в недрах руды; такие "извозные" шахты и штольни отличаются от иных расположенными рядом громадными отвалами пустой породы.

Разносы – шурфы и карьеры, заложенные в поверхностном глинистом "чехле" для расчистки коренной породы с целью поиска и выявления на ней следов медной минерализации. Отличаются, как правило, небольшим, окружавшим разнос отвалом кольцевидной формы.

---

[2] Очень хорошо знакомый с Каргалами и весьма образованный инженер Д.Д. Дашков писал в конце прошлого века: "Самые богатые руды, жесткие и тугоплавкие, извиваются неправильными жилами, то сжимаясь в толщину пальца, то разрастаясь на аршин и более; беднейшие легкоплавкие, проникая в пласты серой глины... тянутся объемистыми, часто прерываемыми жилами, случайно раздуваясь в могучие гнезда сажень в 20 поперечнике... Каждый удар кайлы может открыть новую жилу в пустой стене породы, с каждым ударом может оборваться надежное гнездо. Понятно, как не обеспечена добыча при подобном залегании руд и сколько нужно иметь подробно исследованных мест, чтобы делать какие-нибудь предположения на счет будущей разработки" (цит. по: Черноухов А.В., Чудиновских В.А., 1989, с. 148).

Провалы – обвалы скальной или глиняной кровли над сравнительно неглубокими горными проходками типа штолен либо крупных линзовых подземных выработок типа залов. Строго говоря, провалы – это лишь следы, отражающие прежние подземные горные работы; поэтому можно считать, что провалы служат своеобразной маркировкой сравнительно неглубоких, но невидимых с поверхности глубинных выработок. Провалы могут характеризоваться самыми разнообразными размерами от 2–3 до 50–70 м в диаметре и глубиной от 1 до 20–25 м (возможно, даже глубже). В "чистом" виде этот тип следов характеризуется отсутствием отвалов вокруг ям либо разрывом перекрывающих их отвалов пустой породы. Однако очень часто провалы бывают перекрыты более поздними следами и, в частности, отвалами, отчего сама их верификация сильно затрудняется. Данный тип следов горных работ на большинстве каргалинских участков представляется одним из самых широко распространенных.

Заметим кроме того, что выработки бронзового века, с одной стороны, и горные проходки XVIII и начала XIX столетий – с другой, по своей форме практически не различались между собой. Лишь только во второй половине XIX в. на Каргалах кое-где стали закладывать геометрически правильные проходки – шахты и штольни. Однако последние здесь крайне редки, да и к тому же они чаще всего были заложены уже на значительной глубине (60–80 м).

Отвалы – одни из наиболее характерных и многочисленных следов горных работ. Как правило, они сопровождают устья штолен и шахт, но могут порой располагаться и в значительном отдалении от них, заваливая, к примеру, склоны оврагов на протяжении многих сотен метров (порой простираясь в длину до 1 км и даже более). Именно поэтому мы не придавали им самостоятельного значения, а при подсчетах отвалы присовокуплялись к шахтам, штольням и разносам, как бы являясь сопровождающим материалом при них. Отвалы разного времени могли неоднократно перекрывать не только друг друга, но и древние устья вертикальных и горизонтальных выработок, создавая на поверхности минерализованных участков и групп подлинный хаос. Некоторые признаки характера отвалов позволяют различать их относительный возраст – либо эпохи бронзы, либо XVIII–XIX столетий.

Древнейшие из них, как правило, представлены мелкодробленой рудовмещающей породой, сопровождаемой весьма богатой также дробленой рудой – малахитом и азуритом. Такие древнейшие отвалы поэтому нередко напоминают места так называемого сухого обогащения руды, каковыми, вероятно, они являлись и в реальности. Более поздние отвалы отличаются от ранних: они зачастую представлены огромными кучами крупнообломочного материала – песчаниковых блоков и плит, слабо насыщенными кусками рудных минералов. Вероятно, этот материал связан прежде всего с относительно более глубокими выработками, что и было характерно для горных работ XVIII–XIX вв. Следует также учесть, что в это позднейшее время горные рабочие зачастую оттаскивали пустую породу в сохранившиеся полости более древних или же прежних выработок, нередко полностью забивая последние этой породой.

Мы упомянули и кратко описали здесь лишь самые главные типы поверхностных следов горных работ на Каргалах. Однако различить их с достаточной долей уверенности на практике бывает порой весьма и весьма сложно. Очень часто участок минерализации и сопровождающие его основные группы горных выработок являют собой хаотическое нагромождение (рис. 3–5) самых разнообразных следов, когда более поздние могли неоднократно перекрывать и разрушать более ранние. "Хаос" такого рода лишь с большим трудом поддается системному анализу, отчего наши подсчеты всегда носили достаточно приближенный характер; подчеркнем также, что мы были в состоянии просчитывать лишь следы шахт, штолен и разносов вместе со связанными с ними отвалами, а также провалов. С этими цифрами мы и ознакомим читателя ниже при характеристике отдельных групп IV и V участков Каргалов. При этом почти непременно визуальные наблюдения сопровождались дешифровкой аэрофотоснимков (рис. 3), без чего оценка всей этой гигантской массы следов была фактически нереальной. И наконец, еще раз желательно напомнить, что наши наблюдения

Рис. 3. Аэрофотоснимок скопления рудных выработок на участке IV – Мясниковский овраг

касались в громадном большинстве лишь поверхностных следов выработок, в то время как основная часть горных работ была сосредоточена в глубинных недрах Каргалов.

Главные зоны медного оруденения и горных выработок. Долина Каргалки, простираясь в направлении северо-северо-запад – юго-юго-восток, как бы разрезает Каргалинское рудное поле на две не вполне равные части (рис. 1; 2). Эти части благодаря долине Каргалки отделены друг от друга относительно свободной от богатой минерализации полосой шириной в несколько километров. Все это предопределило выделение в пределах рудного поля двух основных зон минерализации и сопутствующих им древних и старинных выработок: Северо-Западной и Юго-Восточной.

Северо-Западная зона (или же "*Каргалка – Северо-Запад*") сопряжена по преимуществу с долиной и западными водоразделами Каргалки, отделяющими ее от речек уже волжского бассейна – Малого и Большого Урана, Гусихи. Однако периферийный, крайний северо-западный участок оруденения и выработок данной зоны как бы "переваливает" этот водораздел и локализуется уже в самых истоках речушки Ток и ручья Точек.

Юго-Восточная зона (или же "*Янгиз – Каргалка*") сопряжена преимущественно с медной минерализацией на водораздельных высотах (сыртах) между долинами Каргалки и Янгиза. К ней же мы относим и отдельные – впрочем, весьма мелкие – проявления медных минералов к востоку от Янгиза (рис. 1; 2).

Рис. 4. Окруженная следами древних выработок площадка селища срубной культуры у б. хутора Горный, участок V – Усолка – Левобережный (раскопки 1994 г., вид с вертолета)

Всего к настоящему времени на Каргалах мы наметили 11 основных участков (I–XI) богатой медной минерализации и сопутствующих им разнообразных горнорудных разработок различного возраста. Семь из них (I–VII) составляют Северо-Западную зону рудного поля, четыре (VIII–XI) участка слагают зону Янгиз – Каргалка, или же Юго-Восточную. В большинстве случаев упомянутые здесь основные участки достаточно определенно обособлялись друг от друга благодаря особенностям рельефа – долинам речек или оврагам; порой же их границы могли вплотную подходить друг к другу. Кроме цифрового обозначения каждый из участков определялся по имени ближайшего населенного пункта либо урочища.

Северо-Западная зона: основные участки (I–VII)

В Северо-Западной зоне сосредоточено большинство участков минерализации (I–VII) и горных выработок различного возраста (рис. 1).

Участок I (*Верхнетокский*). Расположен на водораздельных высотах между бассейнами Каргалки и Тока, но прежде всего на пологих склонах, ведущих к Току. Группы крупных выработок сосредоточены в основном по склонам ручья Киелга и отчасти ручья Точек – левых притоков самых верховьев р. Ток. При дальнейших разведках возможно выделение нескольких участков выработок.

Участок II (*Каргалка-Исток*). Массивные группы крупных и выразительных выработок этого участка расположены на водораздельных высотах между Током и Каргалкой, но по преимуществу по склонам левого берега последней, ниспадающим к

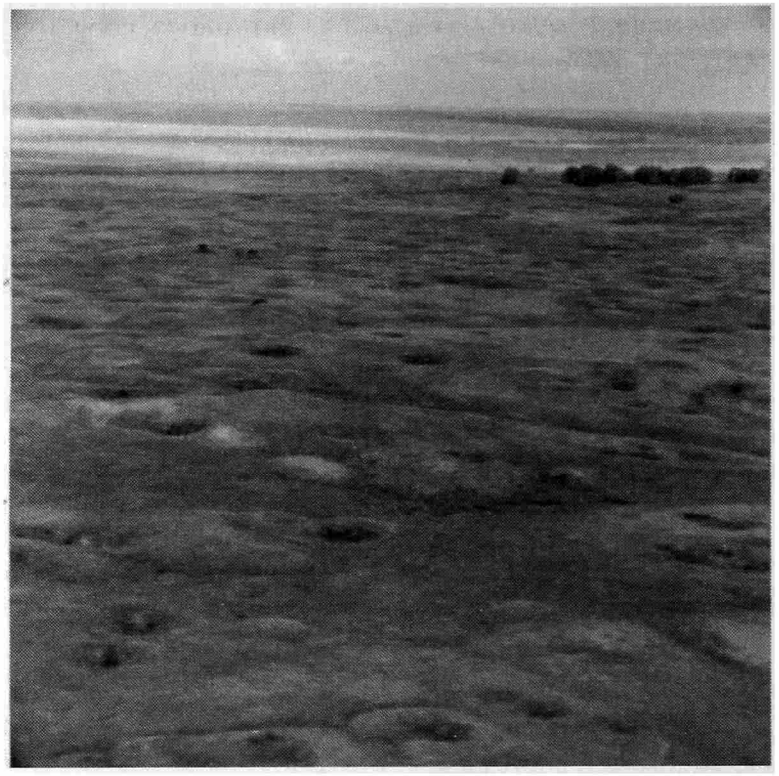


Рис. 5. Поверхностные следы рудных выработок на участке VII – Ордынском (вид с вертолета)

двум малозаметным ручьям, составляющим самые истоки Каргалки (на старых картах эта часть речки нередко именовалась как Кармалка). При дальнейших разведках возможно выделение нескольких групп древних и старинных выработок.

Участок III (*Пани́ка*). Наименование происходит от старинного названия местного оврага "Пониклый". Многочисленные и выразительные группы рудных выработок более или менее равномерно усеивают огромный холм общей площадью до 20–25 км^2, господствующий благодаря своей высоте (302 м над уровнем моря) в самых верховьях Каргалки. Долины истоков Каргалки, а также составляющих их ручьев и оврагов едва ли не замкнутым кольцом оконтуривают холм Пани́ки с трех сторон – западной, северной и восточной; с юга же границей участка является овраг Пани́ка, или – при иной транскрипции – Пониклый.

Участок IV (*Мясниковский*). Северные группы горных выработок этого участка вплотную подходят к пологим склонам оврага Пани́ка. Однако основные и наиболее мощные разработки участка тянутся по существу сплошной полосой (длиной до 3 км) по высокому берегу (плато) и вдоль крутых склонов Мясниковского оврага (рис. 3), а также внизу – по глубокому руслу заросшего лесом и высохшего ручья этого оврага и к югу от него, вплоть до следующего за Мясниковским безымянного неглубокого оврага. Здесь, по краю высокого плато открыто более десятка следов поселений срубного типа в непосредственной близости от выработок.

Участок V (*Усолка – Левобережный*). Расположен к югу от Мясниковского и отделен от последнего довольно протяженной, свободной от медной минерализации полосой в 2 км. Примыкает к склонам и оврагам левого берега речки Усолка – правого притока Каргалки. От следующего – шестого – участка отчленяется с востока неширокой долиной Усолки. Один из самых крупных и представительных участков на Каргалах. Наши полевые работы (разведки и раскопки) были сосредоточены по преимуществу на этом участке; основным объектом раскопок стало поселение горняков и металлургов срубной культуры у б. хутора Горный (рис. 4). Участки

аналогичного по времени и очень богатого культурного слоя отмечены также примерно в 0,5 км к западу от селища Горный.

Участок VI (*Усолка – Правобережный*). Расположен юго-восточнее предшествующего участка и занимает обширные площади склонов правого берега долины Усолки и холмистые водоразделы (сырты) внутри своеобразной водораздельной дуги между Усолкой и Каргалкой (рис. 1, 2). Множество мощных выработок примыкают к руинам б. хутора Горный (в XVIII–XIX вв. он именовался Богоявленской горной конторой), существовавшего здесь вплоть до его уничтожения в начале 1960-х годов. Будущие изыскания, без сомнения, позволят выделить здесь несколько крупных групп выработок и иных следов ранних горных работ.

Участок VII (*Ордынский*). Назван по Ордынскому оврагу, длинному и сбегающему в долину Каргалки у с. Уранбаш (центр села находится примерно в 3 км от крайних восточных выработок Ордынского оврага). Данный участок является, пожалуй, наиболее мощным и выразительным "сгустком" древних и старинных горных выработок на всем Каргалинском рудном поле (рис. 5). Сами разработки густо заполняют крутые склоны и высокое плато очень глубокого (до 40–50 м) Ордынского оврага; немалое их число разбросано и по его дну. От предшествующего шестого участка на северо-западе отделяется лишь условно – по неглубокому руслу безымянного оврага, верховья которого расположены в 3 км к югу от с. Комиссарово, Ордынский участок в первой основной зоне занимает крайнее юго-восточное положение. Здесь, на самом краю могучего скального обрыва в глубокий овраг обнаружены слои обширного поселения срубной культуры.

Юго-Восточная зона: основные участки (*VIII–XI*)

Масштабы работ в пределах Юго-Восточной зоны Каргалов, по всей вероятности, были несколько меньшими, нежели в Северо-Западной зоне, что и отразилось на числе основных участков – их четыре (рис. 1).

Участок VIII (*Портновский*). Локализован на высоком междуречье Каргалки и Янгиза. Центр участка (близ верховьев Ершовского оврага) находится в 3,5 км восточнее хутора Портнов. По всей вероятности, будущие исследования позволят наметить здесь ряд компактных групп выработок.

Участок IX (*Уранбашский*). Самый обширный и наиболее выразительный из всех участок Юго-Восточной зоны. Очень многочисленные выработки захватывают широкие площади на высоком междуречье Каргалки и Янгиза. Крайние северо-западные выработки этого участка зафиксированы в 2–2,5 км к востоку от с. Уранбаша – своеобразного географического центра всего Каргалинского рудного поля. По всей вероятности, будущие исследования позволят наметить множество компактных групп выработок.

Участок X (*Орловский*). Центр участка локализован на высоком междуречье Каргалки и Янгиза в 5–5,5 км к северо-востоку от пос. Светлый на Каргалке и в 4,5 км к западу от с. Орловка на Янгизе. По всей вероятности, будущие исследования позволят наметить ряд компактных групп выработок.

Участок XI (*Петропавловский*). Центр участка локализован на высоком междуречье Каргалки и Янгиза в 8 км к северо-востоку от пос. Светлый на Каргалке и в 4,5 км к юго-западу от с. Петропавловка на Янгизе. Наименее значительный и самый периферийный на всем Каргалинском рудном поле. Не исключено, что будущие исследования позволят наметить ряд компактных групп выработок.

Кроме упомянутых здесь 11 основных участков медной минерализации и горнорудных выработок разведками выявлены более или менее значительные следы разведок и поисковых разработок за пределами данных участков. Специальным и сколько-нибудь тщательным полевым обследованиям они пока что не подвергались; мы ограничились лишь их нанесением на карту (рис. 1; 2).

Суммарная площадь всех 11 намеченных участков, на которых зафиксированы громадные скопления следов древних и старинных работ, оценивается нами примерно в 130–135 км^2, видимо, вместе с разбросанными еще отдельными и сравнительно не-

большими скоплениями за гранями этих главнейших участков их совокупная площадь будет равна 135–140 км^2.

До сих пор с определенной степенью приближенности было просчитано количество поверхностных следов древних и старинных выработок лишь на двух участках – IV (Мясниковском) и V (Усолка – Левобережном). Для первого из них это число колеблется в пределах 2700–3000, а на втором – от 3800 до 4100. Общее их число для всего Каргалинского комплекса, видимо, будет приближаться к 20 000 (!), при том что отвалы горных разработок в расчеты не входили.

История открытия и использования Каргалов весьма сложна и длительна. В качестве уникального узла богатых медных месторождений этот комплекс известен людям уже не менее 5 тыс. лет. Однако эта долгая история вместила в себя два периода удивительных взлетов в добыче руд и выплавке металла, а также разделяющий их чрезвычайно длительный период едва ли не полного и внезапного забвения каргалинских рудников.

На протяжении тысячелетий этот гигантский комплекс привлекал внимание самых различных групп людей, чьи интересы диктовались целями отнюдь не сходными. Среди таких направлений достаточно явно обозначаются, во-первых, производственное и, во-вторых, научное. В последнем случае столь же четко обозначены исследования горно-геологического, палеонтологического и археологического характера. Видимо, не требует специальных доказательств, что важнейшим и наиболее постоянным здесь было первое из названных направлений – индустриально-производственное. С глубоким сожалением следует отметить, что в комплексе научных изысканий наиболее инертным показали себя археологи: почти до самого последнего времени специалисты по древним культурам и технологиям фактически не проявляли сколько-нибудь заметного интереса к Каргалам. В сравнении с ними гораздо бóльшую энергию своих поисков показали палеонтологи, не говоря уже о геологах и горняках.

Если опираться на систему радиоуглеродных калиброванных датировок, можно полагать, что первое "индустриально-производственное" открытие Каргалов свершилось, по всей видимости, уже в конце IV или же по крайней мере близ рубежа IV и III тыс. до н.э. Пионерам этого открытия стали местные южноуральские этнические группы подвижных скотоводов ямной или, точнее, ямно-полтавкинской культуры. Такое заключение проистекает из двух групп фактов (Кузьминых С.В., Агапов С.А., 1989, с. 180, 188). Во-первых, все медные изделия в Волго-Уральских курганах упомянутого типа отлиты и откованы из приуральской меди группы МП (медистых песчаников). Данный вывод был сделан уже довольно давно – по сути в самом начале серийного производства спектральных анализов раннего восточноевропейского металла (Черных Е.Н., 1966, с. 68, 69, 88; 1970, с. 48, 106), и с тех пор долговременное продолжение аналитических работ по этой программе нимало не изменило основного заключения (Кузьминых С.С., Агапов С.А., 1989, с. 180, 188). Во-вторых, инвентарь некоторых богатых подкурганных погребений ямно-полтавкинского типа в Приуралье (р. Илек, Тамар-Уткуль VII, курганы 3 и 4, погр. 2 и 9; см. Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю., 1994, с. 14–17), а также в бассейне Среднего Заволжья (Утевка, кург. 2; см.: Васильев И.Б., 1980, с. 38–42, 57) наряду с медным оружием (кинжалами, теслами и т.д.) включал в себя также куски медной песчаниковой руды, вполне отвечающей каргалинскому типу малахита. К этому следует добавить, что среди многочисленных подкурганных погребений срубного облика в с. Уранбаш – топографическом центре Каргалинского рудного поля – встречена и более ранняя могила (кенотаф) ямно-полтавкинского типа[3].

Находки ямно-полтавкинского времени в самих шахтах или же в непосредственной близости от них пока что не обнаружены. Зато чрезвычайно велико число и разнообразие находок в памятниках уже оседлых скотоводов срубной культуры

---

[3] Неопубликованные раскопки Н.Л. Моргуновой 1991 г., кург. 1; см.: Моргунова Н.Л. Отчет о... раскопках курганной группы "Уранбаш". Архив ИА РАН № 15737, с. 19.

(культурно-исторической общности). Наиболее выразительная коллекция ныне происходит из слоев исследуемого селища у б. хутора Горный, локализованного в V группе выработок на Каргалах (раскопки 1992–1996 гг.). Уже зафиксированы следы целого ряда поселений этого типа на IV, V и VII участках Каргалинского рудного поля. По всей вероятности, эксплуатация Каргалинских рудников в эпоху бронзы была постоянной и не прерывалась вплоть до конца II тыс. до н.э. Примечательно, что благодаря крайне выразительной химической чистоте восходящая к каргалинским рудам медь группы МП шла, как правило, на изготовление тяжелых орудий и оружия вроде крупных т.н. "серпов" срубного типа, втульчатых топоров и т.п.; эта медь у срубных металлургов сравнительно редко употреблялась для выделки украшений.

С началом раннего железного века наступает период почти трехтысячелетнего забвения Каргалов. Наши разведки не привели к находкам памятников савроматосарматского времени, во всяком случае тех, которые можно увязывать с занятием горным делом и металлургией на этом рудном поле. Параллельно с этим едва ли не полностью исчезает медь химической группы МП из инвентаря южноуральских кочевников раннежелезного века; хотя из химически чистой меди они отливали множество наконечников стрел, однако это уже медь иных рудных источников (Кузьминых С.В., Агапов С.А., 1989, с. 195–197). Не обнаруживаем мы сколько-нибудь заметных следов разработки каргалинских руд и выплавки из них меди и в более поздние исторические периоды. Резкая перемена наступила лишь в XVIII в., с появлением на Южном Урале российских промышленников.

Второе "индустриальное" открытие Каргалов было связано с именами пионеров российской горнометаллургической промышленности – братьями Иваном Борисовичем и Яковом Борисовичем Твердышевыми, а также их зятем и неизменным компаньоном Иваном Семеновичем Мясниковым (Павленко Н.И., 1962, с. 227 сл.; Гудков Г.Ф., Гудкова З.И., 1985, с. 28–53 и др.). Событие это, по всей видимости, имело место между 1737–1738 и 1742–1743 гг., но никак не ранее. Во всяком случае основоположник российской медеплавильной промышленности Вильгельм де Геннин – человек, буквально захваченный страстью открытий новых медных рудников на Урале, – еще в 1726 г. совершенно ничего не знал о них. Не имел он представления даже о всем том крупном южноуральском районе (б. Тамьянская волость – крайний юг "Ногайской дороги" Башкирии), где уже через пару десятков лет компания Твердышевых – Мясникова начала активную разработку Каргалинских рудников. Основатель Екатеринбурга, начальник всех уральских казенных горных заводов генерал-майор В.де Геннин в попытках оценки и прогнозов минеральных ресурсов недоступного тогда Южного Урала мог использовать лишь глухие, туманные сведения одинокого военно-политического разведчика, проникшего под видом торговца в тот исключительно враждебный к российской администрации, приграничный с "киргиз-кайсацкой" степью регион (Генин В., 1995, с. 339–346).

Девятью годами позднее другой неистовый энтузиаст и пионер российской колонизации Южного Урала, организатор и начальник Оренбургской военно-колонизационной экспедиции фанатичный И. Кирилов был одержим лихорадочной идеей постройки огромного медеплавильного завода в этих районах (осуществить это он и попытался безуспешно в 1735 г. в Табынске на р. Белой). Повсюду на Южном Урале ему грезились неохватные меднорудные и иные минеральные залежи. В сентябре того же года он посылает радостную весть Правительствующему Сенату, что при закладке пробной шахты в Сакмарске он обнаружил богатую медную руду: "А Сакмарский городок весь на медной руде стоит и 22 дня [сентября] в том городке шахту заложил" (Матвиевский П.Е., Ефремов А.В., 1991, с. 41, 42). Весть, скорее всего, оказалась ложной, медной руды в Сакмарске (Сакмаре) нет, во всяком случае богатой. Однако Сакмарский городок, или казачья станица, тогда недавно заселенная и по сути одинокая в данном регионе, расположена всего в 25–30 км от крайних юго-восточных древних выработок Каргалов (рис. 1), правда, тоже небогатых. Вполне вероятно, что местное казачье население Сакмарского городка в то время уже могло что-ни-

будь узнать о бесчисленных Каргалинских "ордынских ямах" с зелеными и синими камнями.

Однако на сегодняшний день вполне определенным является лишь то, что к 1744 г. для родоначальника южноуральской горнометаллургической промышленности И.Б. Твердышева с его компаньонами и родичами богатства Каргалов стали уже вполне известными. Именно в этом году он получил разрешение от первого оренбургского губернатора строить медеплавильный завод, который должен был работать на каргалинской руде. И уже в 1745 г. новая – спустя почти три тысячи лет! – каргалинская медь была выплавлена на Воскресенском заводе, расположенном далеко – примерно в 200 км к северо-востоку от рудников – в горно-таежной зоне Урала, за р. Белой.

С тех пор около 150 лет Каргалы служили важнейшим, постоянным и богатейшим источником медной руды для южноуральской медеплавильной промышленности и для всей Российской империи. Таковым источником Каргалинский комплекс оставался вплоть до революционных перемен в технологии медеплавильной индустрии на Урале. Удивительно, но даже в канун своего полного истощения, уже в конце XIX столетия Каргалы все еще продолжали манить промышленников. "В настоящее время горный промысел сосредоточился в вышеупомянутой Каргалинской степи, и она одна сохраняет еще значение для горного дела", – писал в 1883 г. Д.Д. Дашков, управляющий Благовещенским заводом (Черноухов А.В., Чудиновских В.А., 1989, с. 148). Завод этот продолжал тогда работать на подходящей к концу каргалинской руде, хотя и был удален от исходных рудников на 500 км. Даже в 1904 г., когда судьба рудников казалась вроде бы совершенно очевидной, владельцы "Каргалинских дач" Пашковы, сдавая в аренду все эти земли крестьянам под выгоны и пахоту, оговаривают условие для арендаторов, по которым "горная контора Пашковых имеет право производить на этих участках поиски и добычу руды" (Гудков Г.Ф., Гудкова З.И., 1993, с. 466).

Судя по сохранившимся архивным документам, Каргалы были открыты в XVIII в. исключительно по поверхностным следам горных работ бронзового века. Более того, все заявленные рудники изначальных компаньонов, равно как и их наследников, буквально повторяли очертания поверхностей, как правило, сплошь покрытых устьями древних штолен и шахт, а также отвалами из них. Добыча руд вначале велась ими, видимо, без каких-либо даже грубо оформленных геодезических планов, которые имели хотя бы подобие официального характера. Только в 1748 г. новые хозяева наспех оконтурили на Каргалах первые 382 рудника, а в 1753 г. к ним прибавили еще 100 (или 102). Каждый рудник, согласно тогдашней регламентации Берг-Коллегии, представлял собой прямоугольную площадь 250 × 250 саженей (534 × 534 м), что составляло примерно 0,29 км^2 (см., например: Материалы по истории Башкирской АССР, 1956, с. 83–89). Суммарно все 484 формально ими обозначенных рудника покрывали площадь около 138–140 км^2, т.е. довольно точно соответствовали по совокупному охвату основным 11 участкам всего Каргалинского рудного поля, намеченных нами (см. выше).

Документы сохранили для нас восхищение российских промышленников умением "ордынских" или "чудских" горняков находить руду и добывать ее. Поэтому они с самого начала, да и позднее – уже в течение последующих десятилетий, следовали тем штольням и шахтам, которые оставили на этих холмах рудокопы бронзового века. Верхний и самый богатый рудоносный горизонт Каргалов, видимо, до глубины 25–42 м оказался отработанным в древности. Прямым и ярким свидетельством богатства извлеченных некогда "чудским народом" минералов оказались отвалы отработанной в древности породы с изобилием оставленных зеленых и синих минералов (их и теперь видно великое множество). Заводчики тогда постарались даже устроить как бы вторичную добычу медной руды из этих привлекательных отвалов "чрез просеивание железными решетками" (ГАСО, ф. 115, д. 262). Судя по ряду полевых наблюдений, российские промышленники отрабатывали по преимуществу уже разведанные в бронзовом веке участки Каргалов, предпочитая пробиваться вглубь, в толщу песчаников с расчетом попасть на новые скопления медной руды.

Для научной или околонаучной публики древность меднорудных разработок на Каргалах стала известной уже более 230 лет назад: тогда их называли, как уже упоминалось, "ордынскими" или же "чудскими". Во всяком случае, в литературе сведения об этом появились еще в 1762 г. благодаря публикациям П.И. Рычкова, родоначальника южноуральского краеведения, члена-корреспондента Российской академии наук, неплохо известного тогда своим ученым-современникам из обеих российских столиц (Рычков П.И., 1762; 1896, с. 75). Однако, пожалуй, любителей всяческих редкостей, начиная с П.И. Рычкова, в большей степени на Каргалах и сходных с ними месторождений медистых песчаников оренбурго-уфимской группы интересовали даже не археологические предметы, но находки флоры и фауны давних геологических эпох (в данном случае пермской). Специальные палеонтологические экскурсии – в XVIII в. дилетантские, а позднее, в XIX и XX вв., уже профессиональные – устремились к древним рудникам, буквально насыщенным остатками окаменелых деревьев и невиданных животных палеозойского времени. Древние шахты и штольни представляли собой сотворенные человеком удивительные разрезы, где запечатлелись все эти диковины. Параллельно палеонтологи сообщали и о самих древних рудных выработках, об их форме, размерах и т.п.

В конечном итоге кажется, что самыми яркими в этой серии стали работы нашего известного палеонтолога и писателя-фантаста И.А. Ефремова, долгое время работавшего на Каргалах (Чудинов П.К., 1987, с. 23, 24, 32–35, 43, 212). Именно ему, пожалуй, принадлежат одни из самых полных свидетельств о древних и старинных разработках на Каргалах, включая публикацию подробных и утраченных ныне карт рудников, а также художественный рассказ-очерк о старинных местных рудокопах (Ефремов И.А., 1954, с. 51–73, 370–375, рис. 76, 77; 1970, с. 187–216).

Поразительно, но в археологической литературе вплоть до самого последнего времени Каргалы были освещены крайне бедно. К примеру, в специальной монографии Б.Г. Тихонова "Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье" (Тихонов Б.Г., 1960, с. 11) о них лишь очень кратко упоминается; вслед за геологами и горняками (см., например: Яговкин И.С., 1932; Миропольский Л.М., 1938 и др.) автор повторяет мысль, что здесь преобладали выработки XVIII–XIX столетий, но вместе с тем лишь одной фразой утверждает, что "возникновение добычи руды следует датировать здесь очень ранним временем". Само это "очень раннее время" начала выработок на Каргалах стало проясняться лишь с проведением массовых спектральных анализов древнейшей восточноевропейской меди, определением ее химических характеристик и после сопоставления последних с геохимией уральских руд. В результате последовало заключение, что самая ранняя в Приуралье химически чистая медь (так называемая группа МП), обнаруженная в ямно-полтавкинских погребениях эпохи ранней бронзы, была выплавлена из каргалинской руды (Черных Е.Н., 1966, с. 68, 69, 88, карта 3; 1970, с. 37, 48, 106, 112–114, рис. 32). Вывод оказался в целом справедливым, и это показали дальнейшие как лабораторные, так – в основном – и полевые исследования.

Удивительно также, как долго сами Каргалинские рудники "ухитрялись" совершенно не привлекать внимания полевых исследователей-археологов. Находясь в легко доступной зоне, совсем близко от Оренбурга, их выработки ни разу не стали объектом специального исследования или даже беглого описания. Отсутствие в археологической литературе какой-либо позитивной информции об этом уникальном комплексе привело, скажем, к тому, что последний не удостоился даже краткого упоминания в сводных работах со специальными разделами о древней рудной базе на пространствах б. СССР (Черных Е.Н., 1991, с. 35–39; Chernykh E.N., 1992, p. 4–10). Реальное же открытие Каргалов археологами произошло в недавнее время.

В сентябре 1989 г. сотрудники Восточноевропейской археологической комплексной экспедиции совместно с археологами Археологической лаборатории Оренбургского

педагогического института[4] совершили краткую (однодневную) экскурсию на Каргалы и курганную группу эпохи бронзы в с. Уранбаш, расположенную, как тогда полагали, в 8–9 км в стороне от самих Каргалинских рудников[5]. Во время экскурсии хватило даже одного беглого взгляда, чтобы получить яркое впечатление о громадных масштабах древних и старинных работ на Каргалах. Правда, уже тогда по иронии судьбы нас ждали две ошибки. Первая из них сводилась к тому, что заключение об исключительной мощи каргалинских выработок мы строили лишь на очень малой части видимых выработок. Тогда в поле нашего зрения попало не более 1/20 части тех выработок, что были на Каргалах в реальности; парадоксально, но и этой малой части оказалось вполне достаточно для принципиально верной оценки. Другой ошибкой стало поспешное заключение об отсутствии близ самих шахт каких-либо археологических комплексов. Уже на следующий год выяснилось, что уранбашские курганы определяют как бы топографический центр каргалинского рудного поля. Кроме того, и это еще один парадокс, но нашу экскурсию мы начали с поверхности незамеченного тогда поселения срубной культуры; понадобились еще два года разведок, чтобы его обнаружить, после чего это селище у б. хутора Горный стало с 1992 г. центральным пунктом наших раскопок; раскопки продолжаются и по сей день.

В 1990 г. в Институте археологии РАН была создана специальная экспедиция[6], в которой активное участие приняла и Историко-экокультурная ассоциация "Поволжье". С этого времени исследования Каргалов стали постепенно приобретать системный характер. Их отличал целый ряд взаимосвязанных направлений: а) топография и структура Каргалинского рудного поля; б) археологическе разведки для выявления памятников эпохи бронзы и сооружений XVIII–XIX столетий; в) раскопки поселений и могильников[7] бронзового века; г) аналитические исследования продуктов горнометаллургического производства (прежде всего шлаков); д) изучение архивных материалов XVIII–XIX вв.; е) инфраструктура Каргалинского комплекса; ж) экология и проблема антропогенных экологических катастроф в результате горнометаллургической активности в Каргалинской инфраструктуре, а также некоторые другие направления. Начиная с 1991 г. результаты ряда направлений этих исследований получили свое регулярное отражение как в российской, так и в зарубежной литературе (Черных Е.Н., 1993; 1994, с. 155, 156; 1995а, б, в; 1996 а, б; Черных Е.Н. и др., 1991; 1994; Черных Е.Н., Кузьминых С.В., 1991; Chernij E.N., 1994; 1995 a, b; Chernykh E.N., 1994; 1996; Agapov S. et al. 1995). И уже к настоящему времени Каргалинской экспедиции удалось создать обширнейший фонд самых разнообразных материалов, способных по-новому осветить все упомянутые здесь темы, что требует, безусловно, специальных публикаций.

---

[4] В этой экскурсии 1989 г. принимали участие: от Восточно-европейской экспедиции – Е.Н. Черных, С.В. Кузьминых, Е.Ю. Лебедева, Т.О. Тенейшвили, от лаборатории педвуза – Н.Л. Моргунова, А.Ю. Кравцов, О.И. Порохова.

[5] Такое заключение строилось на базе двух разведочных маршрутов 1988 и 1989 гг., проведенных А.Ю. Кравцовым и С.А. Вороновой (Отчеты в ИА РАН, № 13461 и 14442). Во время первого маршрута были открыты Уранбашские курганы. Второй маршрут проходил по долине Каргалки, и тогда в районе с. Комиссарово (наш участок V, примерно в 8–9 км от курганов в с. Уранбаш) были замечены следы горных работ, однако описания самих выработок в отчете 1989 г. нет.

[6] Участники всех сезонов Каргалинской экспедиции: С.В. Кузьминых, Е.Ю. Лебедева и автор статьи. Участники большинства сезонов: С.А. Агапов, Е.Е. Антипина, В.Ю. Луньков, Л.Б. Орловская, Т.О. Тенейшвили. Кроме того, в различное время по этим программам работали Т.Б. Барцева, Д.В. Вальков, М.В. Борисов. С 1993 г. в полевых и лабораторных изысканиях активно работали также испанские археологи Отдела истории высшего Совета по научным исследованиям, а также Мадридского университета: прежде всего Хуан Гарсиа, Мариа Исабель Наваретте, Сальвадор Ровира, а также Алисия Переа, Игнасио Монтера, Кармен Феррерас, Палома Ойера. Кроме того, в сезон 1993 г. на Каргалах работал Инго Мотценбеккер из Германского Археологического института.

[7] Сотрудники археологической лаборатории Оренбургского педагогического института Н.Л. Моргунова и О.И. Порохова в 1991 и 1992 гг. раскапывали некоторые курганы Уранбашской (южной) группы; их отчеты хранятся в архиве ИА РАН.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильев И.Б., 1980. Могильник ямно-полтавкинского времени у с. Утевка в Среднем Поволжье // Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж.

Геннин В., 1995. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I. Екатеринбург.

Гудков Г.Ф., Гудкова З.И., 1985. Из истории южноуральских горных заводов XVIII–XIX веков. Ч. 1. Уфа.

Гудков Г.Ф., Гудкова З.И., 1993. Из истории южноуральких горных заводов XVIII–XIX веков. Ч. 2. Уфа.

Ефремов И.А., 1954. Фауна наземных позвоночных в пермских медистых песчаниках Западного Приуралья // Тр. Палеонтологического ин-та. Т. LIV. М.

Ефремов И.А., 1970. Путями старых горняков // Сердце змеи. Библиотека приключений. Вып. 19. М.

Кузьминых С.В., Агапов С.А., 1989. Медистые песчаники Приуралья и их использование в древности // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск.

Матвиевский П.Е., Ефремов А.В., 1991. Петр Иванович Рычков. 1712–1777. М.

Материалы по истории Башкирской АССР, 1956. Т. IV. Ч. 1. М.

Миропольский Л.М., 1938. Медные руды в пермских отложениях ТАССР и их генезис // Уч. зап. Казан. ун-та. Т. 98. Кн. 1. Сер. Геология. Вып. 1. Казань.

Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю., 1994. Памятники древнеямной культуры на Илеке. Екатеринбург.

Павленко Н.И., 1962. История металлургии в России XVIII века. Заводы и заводовладельцы. М.

Рычков П.И., 1762. Топография Оренбургская. СПб.

Рычков П.И., 1896. История Оренбургская (1730–1750). Оренбург.

Тихонов Б.Г., 1960. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье // МИА. № 90.

Черноухов А.В., Чудиновских В.А., 1989. История медеплавильной промышленности Урала пореформенного периода по записке Д.Д. Дашкова // Промышленность Урала в период зарождения и развития капитализма. Свердловск.

Черных Е.Н., 1966. История древнейшей металлургии Восточной Европы // МИА. № 132.

Черных Е.Н., 1970. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // МИА. № 172.

Черных Е.Н., 1991. История освоения минеральных ресурсов на территории СССР // Горная Энциклопедия. Т. 5. М.

Черных Е.Н., 1993. Каргалы – древний горнорудный центр на Южном Урале // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Екатеринбург.

Черных Е.Н., 1994. Каргалинский древний меднорудный центр на южном Урале // АО – 1993 г. М.

Черных Е.Н., 1995а. Исследования Каргалинского меднорудного центра // АО – 1994 г. М.

Черных Е.Н., 1995б. Древнее горнометаллургическое производство и антропогенные экологические катастрофы (к постановке проблемы) // Матер. конф. "Древний мир: проблемы экологии". 18–20 сентября 1995 г. М.

Черных Е.Н., 1995в. Древнее горнометаллургическое производство и антропогенные экологические катастрофы (к постановке проблемы) // ВДИ. № 3(123). М.

Черных Е.Н., 1996а. Каргалинский горнометаллургический комплекс на Южном Урале // XIII Уральское археологическое совещ. Тез. докл. Ч. I. Уфа.

Черных Е.Н., 1996б. Лунный пейзаж Каргалов // Родина. № 5.

Черных Е.Н., Агапов С.А., Кравцов А.Ю., Кузьминых С.В., Лебедева Е.Ю., Моргунова Н.Л., Орловская Л.Б., Тенейшвили Т.О., 1991. О работах Волго-Уральской комплексной экспедиции в 1989–1990 гг. // Археологические открытия Урала и Поволжья. Ижевск.

Черных Е.Н., Агапов С.А., Барцева Т.Б., Кузьминых С.В., Лебедева Е.Ю., Луньков В.Ю., Тенейшвили Т.О., 1994. О работах Восточноевропейской экспедиции // Археологические открытия Урала и Поволжья. Йошкар-Ола.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В., 1991. Каргалинский древний горнорудный центр на Урале // Древнейшие этапы развития горно-геологических знаний в Средней Азии. Тез. докл. семинара, 21–24 октября 1991 г., Душанбе. Душанбе.

Чудинов П.К., 1987. Иван Антонович Ефремов. М.

Яговкин И.С., 1932. Медистые песчаники и сланцы (мировые типы) // Тр. Всесоюз. геологоразведочного ин-та. Вып. 185. М.; Л.

Agapov S., Kuzminij S., Lebedeva E., Vicent Garcia J.M., Rovira Llorens S., 1995. Kargali, the Oldest Metallurgical Centre in Northern Eurasia // European Association of Archaeologists. First Annual Meeting – Santiago 95. Abstracts. (Santiago de Compostela).

Chernij E.N., 1994. Kargali. Origines de la metalurgia en Eurasia Central // Rev. arqueol. Ano XV. № 153. Enero 1994. Madrid.

Chernij E.N., 1995a. Kargali: la energia de produccion y las catastrofes ecologicas // Rev. arqueol. Ano XVI. № 168. Abril, Madrid.

Chernij E.N., 1995b. The development of metallurgy in European Prehistory // European Association of Archaeologists. First Annual Meeting – Santiago 95. Abstracts (Santiago de Compostela).

Chernykh E.N., 1992. Ancient Metallurgy in the USSR. The Early Metal Age. Cambridge.

Chernykh E.N., 1994. L'ancienne production miniere et metallurgique et les catastophes ecologiques anthropogenes: introduction au probleme // Trabajos de prehistoria. Vol. 51. № 2. Madrid.

Chernykh E.N., 1996. The Down of Mining and Metallurgy in Eastern Europe: the New Discoveries // XIII International Congress of UISPP Forli – Italia – 8/14 September 1996. Colloquia. Section 10 – The Copper Age in the Near East and Europe. Colloquim XIX – Metallurgy: Origins and Technology.

Институт археологии РАН,
Москва

E.N. CHERNYKH

KARGALY – THE MOST OLDEST MINING AND METALLURGICAL HUGE COMPLEX IN NORTHERN EURASIA

Summary

Kargaly was the most oldest and gigantic center of mining and metallurgy in the Great Eurasian Steppe (from North Black Sea region to Mongolia). Kargaly is situated in the arid steppe zone of the Ural Mountains mining system (south-west Urals) and is associated with sedimentary deposits of copper bearing sandstone. Kargaly was one of the biggest centers of ancient Eurasia: total area of mineralization covers about 500 sq.km. (50 × 10 km). There are countless traces of ancient mining work-shafts (depth up to 90 m) – no less than twenty thousand traces. First discoveries at the Kargaly copper deposits date to the Early Bronze Age, in the late 4th mill BC, and may be associated with local pit-grave (yamnaya) culture. The site was exploited continuously during the Middle and Late Bronze Ages (up to second half of the second millennium BC). The Late Bronze Age (srubnaya culture) was the real apogee in this earliest period of exploitation. The capacity of extracted during the Bronze Age minerals was not less than 1.5-2 million tons. Copper from Bronze Age Karglay was used throughout eastern Europe, throughout an area of up to one million square km. During next approximately three thousand years (I mill BC – first decades of the 18 century AD), however, there is virtually no evidence of mining or mineral exploitation at Kargaly. A second era of discovery and exploitation between about AD 1745-1900 was carried out by first Russian industrialists. Probably the most remarkable feature of this later period was the technological similarities it shared with the mining and metallurgy of the Bronze Age. Kargaly demonstrates impressively, therefore, the beginning and end of an archaic mode of mining and metallurgy. It is remarkable to note that an interest to Kargaly complex for the part of archaeologists was very weak till 1989; a special archaeological project is realising during last five years.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского Фонда фундаментальных исследований (проекты 96-06-80135 и 96-06-88008)

В.И. МОЛОДИН

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ЮГЕ ГОРНОГО АЛТАЯ*

Плоскогорье Укок занимает довольно обширные пространства юго-западной части Горного Алтая, на границе с Монголией и Китаем на юге, с Казахстаном на западе (рис. 1). Это высокогорное плато, раскинувшееся на высоте около 2,5 тыс. м над уровнем моря, обрамлено горными хребтами и труднодоступно даже в настоящее время. Существует лишь несколько узких труднопроходимых перевалов, по которым можно проникнуть в этот район. Отсюда с плоскогорья берут начало реки Ак-Алаха и Бухтарма (Сапожников В.В., 1911, с. 270 и сл.; Чайко А.В., 1994, с. 7–15). Если принять также во внимание нелегкие условия высокогорной тундры и суровый климат, то становятся понятными причины относительно слабого антропогенного воздействия на среду обитания и археологические памятники в регионе, благодаря чему этот район практически не потерял своего первозданного колорита.

Вместе с тем прекрасные возможности для зимнего содержания домашних животных делали Укок чрезвычайно привлекательным для скотоводов начиная уже с ранней поры бронзового века вплоть до современности.

Научная значимость исследуемого региона обусловлена следующими обстоятельствами.

1. Географическое положение плоскогорья способствовало длительной изоляции обитавших на нем носителей ярких и самобытных культур начиная, вероятно, с каменного века до современности. Это дает возможность получить достаточно полную картину этнокультурного развития в регионе на протяжении по меньшей мере семи последних тысячелетий. Интересно и то, что район был пограничным в определенные исторические периоды, что накладывало отпечаток на развитие как этнических, так и культурных явлений.

2. Уникальные природно-климатические условия региона способствовали тому, что в ряде погребальных комплексов эпохи раннего железа образовывались линзы мерзлоты, благодаря которым сохранились изделия из тканей, кожи, войлока, дерева, а также мумифицированные трупы людей. Научную значимость информации, получаемой при изучении подобных памятников, вообще трудно переоценить. Прекрасная сохранность всего погребального комплекса дает уникальную возможность не только получить набор предметов, которые не сохраняются в других условиях (среди них, кстати, немало высокохудожественных изделий пластического и декоративно-прикладного искусства), но и сделать невозможные в других условиях, по существу этнографические, наблюдения над отдельными сюжетами погребального обряда.

Полученные при раскопках на Укоке биологические объекты (мумии людей, остатки мягких тканей людей и животных) при проведении палеогенетических и медико-биологических исследований дают уникальную информацию не только биологического, но и исторического свойства.

3. Слабое влияние антропогенного фактора явилось причиной того, что многие археологические объекты дошли до нас в непотревоженном состоянии. Данное обстоя-

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда.

© В.И. Молодин, 1997 г.

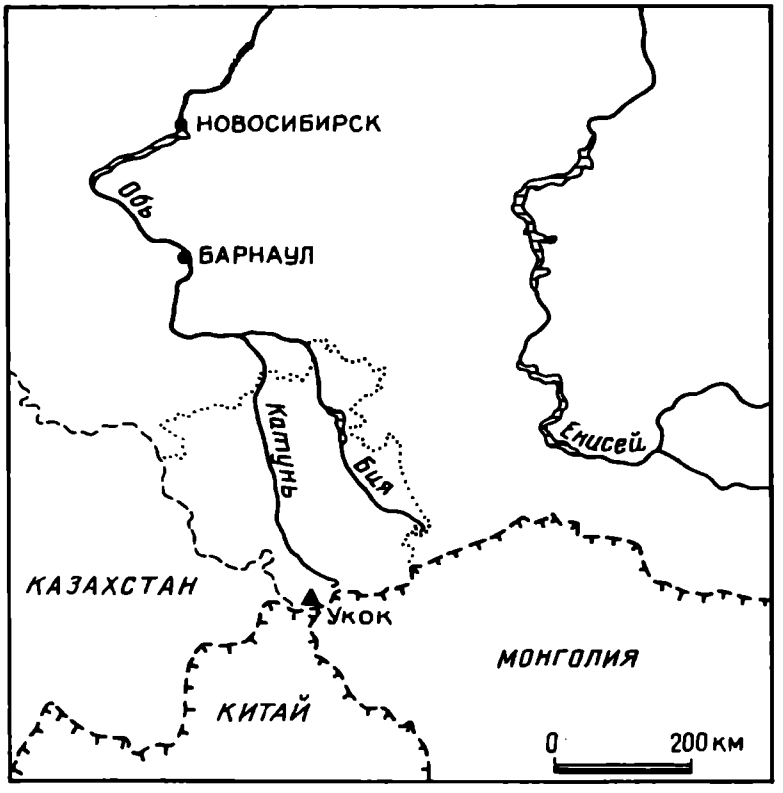


Рис. 1. Схема расположения плоскогорья Укок

тельство повышает репрезентативность получаемых здесь источников. С другой стороны, целый ряд факторов объективного и субъективного характера оказывает существенное негативное воздействие на сохранность этих уникальных объектов, что провоцирует оправданную тревогу как специалистов – археологов, так и широкой общественности. Особое беспокойство вызывают явления, связанные с глобальным потеплением климата (Honghton J.T. et al., 1990; Величко А.А., 1991, с. 5–22; Будыко М.И. и др., 1993, с. 29–34 и др.), которые могут привести к непредсказуемым последствиям на погребальных комплексах с мерзлотой и в ряде случаев способствовать оттаиванию линзы, утрате уникальнейших предметов и ценнейшей научной информации. Таким образом, остро встает проблема сохранения и даже спасения выдающихся памятников истории и культуры.

Археологические исследования на плоскогорье проводятся силами двух отрядов Института археологии и этнографии СО РАН на протяжении пяти полевых сезонов. Разработана комплексная программа, включающая широкомасштабные исследования археологических памятников различных типов (погребальные, культовые, поселенческие комплексы, петроглифы) (Derev'anko A.P., Molodin V.I. 1994, p. 307–311) с привлечением широкого круга специалистов различных дисциплин – геоморфологов, палеогеографов, палеонтологов, антропологов, дендрохронологов, генетиков и т. д. В полевых и камеральных исследованиях самое активное участие принимают сотрудники Института цитологии и генетики СО РАН, Института геологии и геофизики СО РАН, Института катализа СО РАН (все Новосибирск), Института "ВИЛАР" (Москва).

Исследования ведутся в тесном сотрудничестве со специалистами других стран. Это Бельгийский королевский музей, Цюрихский городской археологический центр (Швейцария). Раскопки неоднократно посещали ученые Англии, Бельгии, Германии, Республики Корея, США, Японии.

Основные результаты работ на Укоке, полученные в ходе пятилетних исследований, можно сформулировать следующим образом: прежде всего это разработка

схемы культурно-исторического развития в регионе на протяжении практически всего голоцена.

В настоящей статье мы представляем данную периодизацию в достаточно конспективном виде по причине известных ограничений объема публикации. Определенная часть наработок, выполненных в русле данной проблемы, опубликована в ряде статей и монографий (Древние культуры..., 1994; Молодин В.И., 1992; 1993а; Molodinn V.I., 1995; Полосьмак Н.В., 1992; 1993; 1994 а, в; Polosmak N., 1991; 1994a,b и другие работы).

Наиболее древние памятники, относящиеся, скорее всего, к каменному веку (мезолиту, а возможно, и концу верхнего палеолита) открытые на плоскогорье, представлены наскальными рисунками местонахождения Калгутинский рудник (рис. 2, *1*). Это крупные изображения лошадей, быков или бизонов, выполненные в характерной манере, позволяющей поставить их в один ряд с древнейшими известными на сегодняшний день рисунками эпохи мезолита – верхнего палеолита Евразии. Ближайшими аналогиями данным произведениям являются изображения лошадей и быков на памятниках Аршан-Хад и Хара-Удзур (Чандамань) в Монголии (Окладников А.П., 1981, табл. 107, 1; 108, 7; 122; 123; Новгородова Э.А., 1984, рис. 10, 11), Белая Лошадь в Хакасии (Ларичев В.Е., 1994; рис. 8–10). Можно усматривать известную стилистическую близость с изображениями лошадей на Шишкинских скалах (Окладников А.П., Запорожская В.Д., 1959, с. 86–87, табл. XXV) и Игнатьевской пещеры (Петрин В.Т., 1992, с. 62, рис. 50), а также рисунков, выполненных в так называемой минусинской традиции, открытых в одноименном регионе Южной Сибири (Шер Я.А., 1980, рис. 88, 89; Пяткин Б.Н., 1995, с. 86, табл. XIII, *1*). Разумеется, я отдаю себе отчет, насколько сложна и дискуссионна проблема датирования петроглифов. Учитывая характер статьи, я вынужден ограничиться по существу лишь констатацией ближайших и отдаленных аналогий и декларацией датировки, отослать читателя к совместной с Д.В. Черемисиным монографии (Молодин В.И., Черемисин Д.В., в печати), где дано развернутое обоснование нашего видения проблемы.

Обзор алтайских петроглифов позволяет полагать, что изображения памятника Калгутинский рудник являются древнейшими из открытых на сегодняшний день в регионе.

Отсутствие на Укоке качественного сырья для производства каменных орудий, а также специфическая геоморфологическая ситуация региона делают проблематичным поиски здесь памятников древнекаменного века, хотя не следует забывать, что совсем недалеко от Укока, к востоку от плоскогорья в Чуйской степи, обнаружено значительное количество прекрасных палеолитических местонахождений (Деревянко А.П., Маркин С.В., 1987). Памятники эпохи мезолита и неолита на Укоке пока не обнаружены.

Период ранней поры бронзового века представлен погребальными комплексами афанасьевской культуры (Савинов Д.Г., 1994, с. 130–134) (конец IV – начало II тыс. до н. э.) (рис. 2, *2–9*). Носителями культуры было европеоидное население, занимавшее горные районы Южной Сибири (Алтай, Хакасия, Тува), Западной Монголии и Северо-Западного Китая. На могильнике Бертек-33 исследовано пять курганов, относящихся к данной культуре.

Одиночные и коллективные захоронения совершались в неглубоких ямах. Погребенные лежат на спине, с ногами, согнутыми коленями вверх, головой на запад, юго-запад. Над могилой возводилось небольшое каменно-земляное сооружение в виде вписанных колец-оград. В погребениях обнаружен типичный для культуры инвентарь – сосуды, каменные орудия, костяные украшения и т. д.

С большой долей вероятности к данной эпохе можно отнести изображение марала, обнаруженное на озере Музды-Булак (рис. 2, *10*). Оно отличается величиной и реалистичностью исполнения. Рисунок перекрыт стилистически иными изображениями, относящимися к эпохе железа, что косвенно подтверждает предлагаемую дату рассматриваемого персонажа. К тому же аналогичные стилистически изображения этого

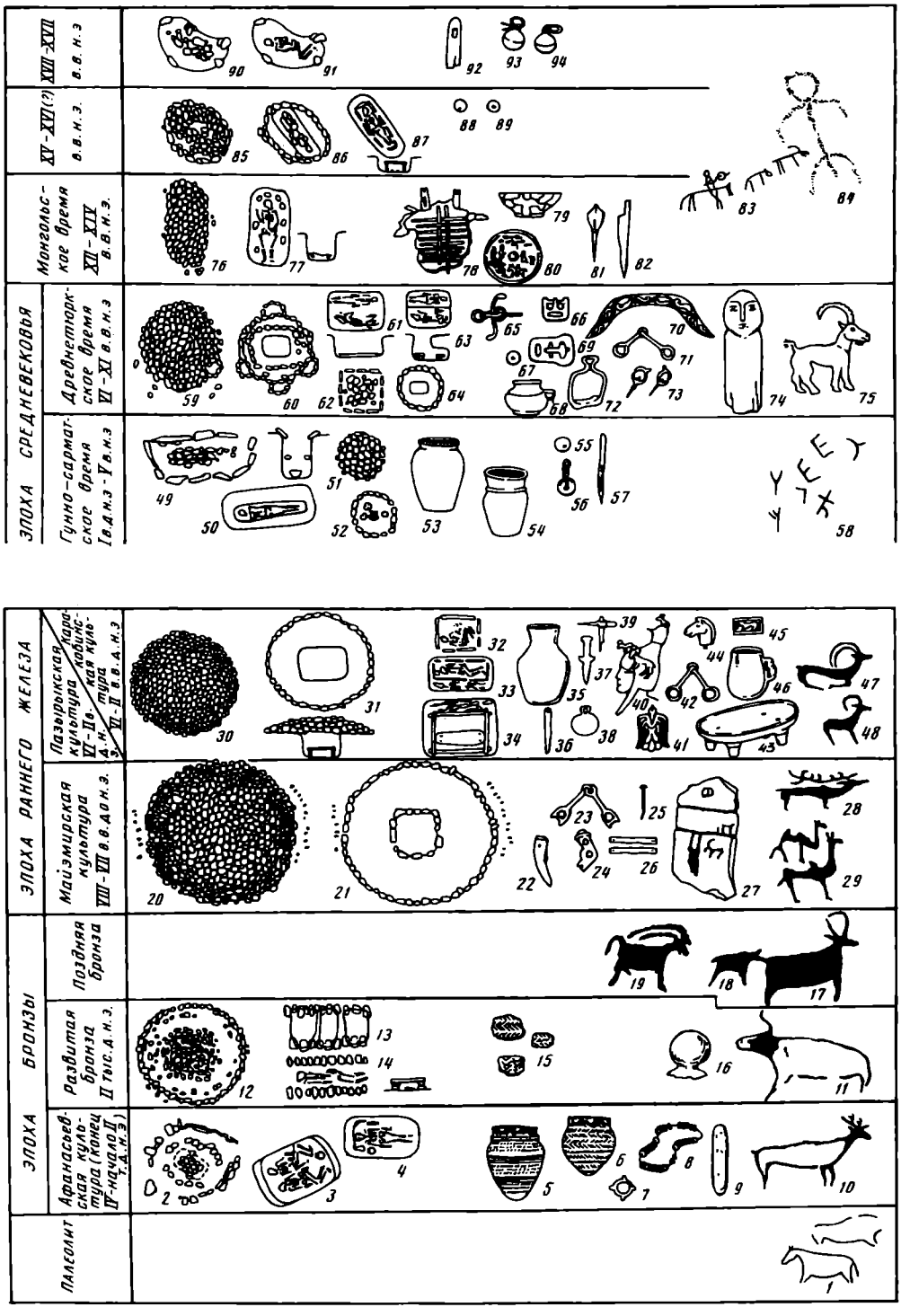


Рис. 2. Периодизация древних культур плоскогорья Укок (Горный Алтай) (масштаб произвольный, рисунки артефактов, наскальных изображений и археологических комплексов схематичные)
1, 11, 58 – Калгутинский рудник; *2–9* – Бертек-33; *10* – озеро Музды-Булак; *12–15* – Бертек-56; *16, 49, 50, 55, 56, 85–89* – Кальджин-6; *17–19* – Музды Булак-1; *20–27, 92* – Ак-Алаха-2; *28, 29, 47, 48, 75* – Бертекская писаница; *30, 31, 34, 43, 45, 46* – Ак-Алаха-3; *33, 35, 36* – Бертек-1, *32* – Бертек-12; *37–39, 40, 42, 45* – Ак-Алаха-1; *41, 44* – Кутургунтас; *51, 52, 79* – Мойнак-2; *53, 54, 57* – Бертек-3/4; *59–61, 67–69, 71–73* – Бертек-34; *62* – Бертек-59; *63, 64, 70* – Кальджин-8; *65, 66* – Бертек-27; *74* – Урочище Кургунгунтас; *76–78, 80* – Бертек-20; *81, 82* – Кальджин-1; *83, 84* – Морена; *90, 91, 93, 94* – Бертек-9

животного известны на святилище Кучерла-1, где, вероятно, связаны с афанасьевским культурным горизонтом (Деревянко А.П., Молодин В.И., 1991, с. 3–7). Близкие по величине и стилю изображения алтайских петроглифов и раньше обращали на себя внимание исследователей как особые и датировались эпохой неолита (Окладникова Е.А., 1984, с. 50, 51).

К эпохе развитой бронзы (рис. 2, *12–15*) относится одиночное сооружение Бертек-56, представляющее собой каменное кольцо диаметром 14 м с наброской в центре, первоначально явно оформленной конструктивно (Молодин В.И., 1993, с. 17–20). Внутри кольца и за его пределами прослежены остатки пяти кострищ. Два погребения выявлены в центре памятника под наброской. Захоронение совершалось на уровне материка в каменном склепе, представляющем подобие цисты с двумя длинными стенками при отсутствии торцов. Могила перекрывалась двумя-тремя массивными каменными плитами. Погребения вторичные. Кости скелета лежат в анатомическом порядке, при этом некоторые отсутствуют. Умерший положен вытянуто на бок, головой на восток. При расчистке кострищ обнаружены фрагменты керамики от трех сосудов, позволяющие уверенно датировать сооружение периодом развитой бронзы. Абсолютные аналогии этой посуде известны в культовом комплексе, исследованном нами в среднем течении р. Кучерлы (Деревянко А.П., Молодин В.И., 1991, с. 3–7). Эта посуда представляет, по всей видимости, новое, ранее не известное культурное образование периода развитой бронзы Алтая, локализующееся в его южной (юго-западной?) части и возможно генетически связанное с афанасьевской культурой (Молодин В.И., 1993б, с. 39–41). По данным антрополога Т.А. Чикишевой, это европеоиды, отличающиеся как от афанасьевских и андроновских представителей, так и от синхронных им носителей каракольской культуры Центрального Алтая (Чикишева Т.А., 1995, с. 103–106).

Вероятно, к этому же времени относится каменная монументальная скульптура человеческой головы (Молодин В.И., 1994а, с. 43–45), вторично использованная при сооружении насыпи кургана эпохи раннего железа (рис. 2, *16*). Во всяком случае, стилистически близкие произведения имеют место в синхронной по времени окунёвской культуре Минусинской котловины (Вадецкая Э.Б. и др., 1980, табл. XXXIII, *15*, *16*; IV, *14*).

Эпохой бронзы можно датировать изображение быка, обнаруженное на памятнике Калгутинский рудник (рис. 2, *11*). Это профильный рисунок довольно крупных размеров. Стилистически подобные изображения этого животного выделены в древнем искусстве Горного Алтая в особый культурно-исторический пласт эпохи развитой бронзы (Молодин В.И., Погожева А.П., 1990, с. 167–177). Данные изображения имеют параллели в окуневском искусстве Западных Саян (Пяткин Б.Н., Мартынов А.И., 1985, табл. 15, *17*; Вадецкая Э.Б., 1980, табл. XXX, XXXI), а также в культуре этого же хронологического периода Тувы (Дэвлет М.А., 1980, с. 99, табл. 18–108).

К этой же хронологической группе относятся несколько композиций петроглифов, обнаруженных на валунах в долине р. Кара-Чад. Это композиции, демонстрирующие сцены охоты, где антропоморфные существа в грибовидных головных уборах, показанные в характерной иконографической манере, охотятся с луком на быков и горных козлов. Подобные персонажи хорошо известны в петроглифах Южной Сибири и Монголии (Дэвлет М.А., 1976, табл. 36; Окладников А.П., 1981, табл. 92, *1*), обнаружены они и в Горном Алтае (Окладников Е.А., 1987, рис. 4), что позволило В.Д. Кубареву выделить особую иконографическую манеру изображения антропоморфных образов (Кубарев В.Д., 1987а, с. 150–169).

Основной массив подобных изображений на Алтае относится, по-видимому, к культурам каракольского круга эпохи развитой бронзы, однако возникновение этой традиции своими корнями несомненно уходит в афанасьевскую эпоху.

К развитому или позднему бронзовому веку относятся изображения, выполненные в геометрическом стиле, обнаруженные на памятниках Морена-1 и Музы-Булак-I

(рис. 2, *17–19*). Подобная иконографическая манера характерна для памятников эпохи бронзы Средней Азии (Шер Я.А., 1980, с. 108), что, возможно, свидетельствует о проникновении на данную территорию Горного Алтая групп населения с Запада.

Погребальные или поселенческие комплексы периода поздней бронзы еще предстоит выявить на Укоке, как, впрочем, и на всей территории Горного Алтая.

К эпохе раннего железа относятся памятники майэмирской культуры VIII–VII вв. до н. э. (рис. 2, *20–28*). Исследовано несколько курганов данного периода, среди которых особое место занимает сооружение Ак-Алаха-2 (Полосьмак Н.В., 1993, с. 21–28).

Конструкция возводилась из огромных камней и представляет собой невысокую плоскую вымостку диаметром около 40 м. После ее снятия обнаружено крупное кольцо каменной ограды с геометрическими пристройками и двумя аллеями оленных камней за ее пределами. Один камень был установлен в центре кургана. В потревоженной погребальной камере обнаружены остатки коллективного захоронения нескольких человек и лошадей. Найдены бронзовые стремечковидные удила, роговой псалий, надежно датирующие сооружения, золотые пластины-нахвостники и т. д. Сочетание в одном комплексе оленных камней и погребения с датирующими предметами трудно переоценить, поскольку имеющий место феномен дает уникальную информацию для понимания этих замечательных произведений монументальной скульптуры, а также их датировки.

К этому же времени относится Бертекская писаница с изображением верблюдов, оленей, козлов, образующих целые панно и композиции, выполненные в характерной для раннескифского времени манере (Черемисин Д.В., Слюсаренко И.Ю., 1994, с. 49–61) (рис. 2, *28, 29*). Древнейшим на памятнике можно считать изображение оленя с клювовидной мордой, выполненного в стиле оленных камней Монголии (Волков В.В., 1981).

Остальные сюжеты, относящиеся к данной эпохе, сопоставимы с изобразительной традицией Казахстана (Кадырбаев М.К., Марьяшев А.Н., 1977, с. 83, рис. 43) и Средней Азии (Марьяшев А.Н., 1971, с. 66), что может свидетельствовать о миграционных процессах на плоскогорье (Молодин В.И., Черемисин Д.В., 1992, с. 89–92).

В VI в. до н. э. майэмирскую культуру Горного Алтая сменяет другая, еще более яркая культура, получившая название "пазырыкская", распространяющаяся на территории горной страны и известная благодаря раскопкам С.И. Руденко, М.П. Грязнова, С.В. Киселева, В.Д. Кубарева, А.С. Суразакова, В.А. Могильникова и других ученых (Руденко С.И., 1953; Грязнов М.П., 1958; Киселев С.В., 1951; Кубарев В.Д., 1987б; Суразаков А.С., 1989; Могильников В.А., 1986).

Исследования на Укоке курганов, оставленных рядовыми кочевниками, показали их полное тождество аналогичным памятникам более северных районов Алтая. Погребения сооружались в глубоких могилах, на дно которых помещался деревянный сруб. Захоронения, как правило, одиночные, однако встречаются и коллективные. В могилу клали труп лошади. Погребальный инвентарь представлен сосудами, бронзовыми и железными предметами вооружения, конской упряжи и украшениями (рис. 2, *30, 31, 33–43*).

В результате исследования кургана Ак-Алаха-1, оставленного, по-видимому, представителями среднего слоя знати, получены уникальные источники. Вся погребальная конструкция оказалась неграбленной. Благодаря линзам мерзлоты, имеющим место в погребальной камере, в деревянных колодах обнаружены высокохудожественные изделия из дерева, кожи, войлока, остатки трупов коней и людей (Полосьмак Н.В., 1992, с. 26–36; Polos'mak N.,1991, p. 5–13).

Не менее замечательными оказались находки в самом большом по величине на плоскогорье кургане Кутургунтас. Несмотря на то что памятник был ограблен еще в древности, на конских захоронениях сохранились уникальные деревянные, завернутые в золотую фольгу фигурки грифонов и антропоморфные изображения (Polos'mak N., 1994a, p. 251–287).

Однако совершенно уникальное открытие было сделано Н.В. Полосьмак на могильнике Ак-Алаха-3. В небольшом, сильно потревоженном кургане был обнаружен бревенчатый склеп внушительных размеров, полностью заполненный льдом. Обнаружено захоронение в колоде, сопровождаемое шестью конями, на которых сохранились богатые деревянные украшения, войлочные аппликированные седла и т. д. В колоде оказалась мумия молодой женщины в одежде, оригинальном головном уборе и парике. До нас дошли такие уникальные предметы, как, например, блуза из китайского шелка, серебряное зеркало в деревянной оправе, парик, а также десятки оригинальных произведений декоративно-прикладного искусства (Polos'mak N., 1994в, p. 80–103). Тело мумии украшала татуировка (Полосьмак Н.В., 1994а, с. 29–34).

Еще одно погребение мумифицированного трупа молодого мужчины обнаружено в кургане № 3 могильника Верх-Кальджин-II (Молодин В.И., 1995, с. 87–89). Сохранилась прическа, предметы вооружения и быта. Замечательная одежда, найденная в могиле, – это три головных убора разного фасона, войлочные сапоги-ботфорты с кожаными "галошами", короткие тканые штаны и великолепная шуба-дубленка с хвостом.

Значимость данного погребения заключается еще и в том, что полученная информация коренным образом меняет наши представления о погребальном обряде рядовых пазырыкцев, для которых очевидно присутствие мумификации и украшение тела татуировкой.

Принципиально новую информацию дало изучение надмогильных сооружений пазырыкской культуры, представленных, как выясняется, несколькими вариантами (Молодин В.И., 1992, с. 103–106).

Таким образом, полученные источники по пазырыкской культуре не только обогащают нас высокохудожественными произведениями пластического и декоративно-прикладного искусства, но и позволяют на качественно новой основе интерпретировать хозяйственный и бытовой уклад древних обитателей Алтая, а также их духовный мир (Полосьмак Н.В., 1994б, с. 137–143; Молодин В.И., Бородовский А.П., 1994, с. 72–79). Остатки трупов людей и животных являются бесценным материалом для палеогенетиков, антропологов, палеантологов, паталогоанатомов.

На Укоке исследовано несколько захоронений каракобинской культуры, существовавшей параллельно пазырыкской (рис. 2, *32*). Эта культура имеет характерные черты погребальной обрядности, в частности упрощенную по сравнению с пазырыкскими конструкцию надмогильных сооружений и помещение умерших в каменный ящик (Суразаков А.С., 1989). По-видимому, на Укоке каракобинцы появляются позже пазырыкцев, поскольку отмечено несколько случаев впущенных каракобинских захоронений в пазырыкские могилы.

Основной пласт памятников изобразительного искусства, обнаруженный на Укоке, относится к эпохе раннего железа. Как правило, это небольшие группы рисунков, нанесенные на сланцевых валунах, окатанных ледником, или на скалах правого берега р. Ак-Алаха (рис. 2, *47*, *48*). Стилистически изображения весьма стандартны. Это профильные рисунки животных, где главным персонажем несомненно является горный козел. Круг аналогий данным памятникам чрезвычайно широк, они встречаются во всех горных районах Центральной Азии (Окладников А.П., 1980; Самашев З.С., 1992).

К гуннскому времени относится погребальный комплекс Кальджин-6 и Ак-Кол-1 (рис. 2, *49*, *50*). Исследовано около десятка захоронений, совершенных в глубоких могильных ямах. Надмогильное сооружение представляло каменный прямоугольник, выложенный аналогично цистам, сильно просевшим к центру могильной ямы. Сооружение ориентировано по линии запад – восток с некоторым отклонением. Погребенные лежат на спине в вытянутом положении, головой на запад – северо-запад, реже на восток. На дне могилы устраивалась деревянная обкладка либо более сложная бревенчатая конструкция. Иногда покойника помещали в лиственничную колоду. Инвентарь небогат, но достаточно ярок. Находка же массивной нефритовой

бусины и подвески из золотой проволоки и сердолика (рис. 2, *55*, *56*) позволяет, ориентируясь на китайский круг аналогий, датировать комплекс раннегуннским временем (Стоянка Лаохюшань..., 1990, с. 59, рис. 53).

К этому же хронологическому периоду относятся своеобразные культовые комплексы, раскопанные в различных частях плоскогорья. По внешнему виду они представляют собой круглую или овальную наброску, часто пристроенную к могильникам пазырыкской культуры. Под наброской в центре прослеживается система ям и прокалов, иногда обнесенных круглой или подчетырехугольной оградой. В ямках обнаружены кости животных, развалы сосудов и в одном случае железный напильник (Савинов Д.Г., 1994б, с. 144, 145; Молодин В.И., 1994, с. 94–103; Молодин В.И. и др., 1993, с. 23, 24, 48, 49) (рис. 2, *53*, *54*, *57*). Подобные конструкции известны в памятниках кокэльской культуры Тувы (Кызласов Л.Р., 1958, с. 94, 95).

На памятнике Калгутинский рудник были обнаружены тамгообразные изображения, сконцентрированные на вершинах горной гряды. Эти знаки имеют прямые аналогии в петроглифах Монголии и датируются гуннским временем (Новгородова Э.А., 1984, рис. 56) (рис. 2, *58*).

Разнообразие выделяемых комплексов гунно-сарматского времени на Укоке свидетельствуют о том, что мы, вероятно, имеем дело как с памятниками, оставленными непосредственно гуннами (могильники Кальджин-6, Ак-Кол-1, петроглифы), так и с комплексами, связанными с деятельностью автохтонного населения, испытывающего на себе гуннское влияние. Первая посылка находит подтверждение в находках В.Д. Кубаревым в непосредственной близости от Укока печей для обжига керамической посуды (Кубарев В.Д., Журавлева А.М., 1986, с. 101–119), тождественной собственно гуннской керамике.

Памятники древнетюркской эпохи (VI–XII вв. н. э.) представлены несколькими исследованными погребальными и культовыми комплексами (рис. 2, *59–73*). Выявлено два типа погребальных сооружений. К первому относятся довольно сложные конструкции из камня, представляющие после разборки развала свода шестиугольную ограду с перемычками и примыкающими к ней кольцами. Могильная яма разделена стенкой, где в одной камере помещен человек, в другой – сопровождающая его лошадь (Савинов Д.Г., 1994в, с. 146–151).

Памятники второго типа имеют более простое надмогильное сооружение, представляющее после разборки насыпи круглое кольцо, оконтуривающее могилу. Однако погребальная камера имеет сложную конструкцию с отходящим в стенку подбоем, вход в который закрыт вертикально стоящими камнями. В подбой помещали труп человека, а в соседнюю камеру – лошадь. В обоих случаях отмечена ориентация умершего головой на восток, а лошади в противоположную сторону.

Получен богатый и разнообразный инвентарь, состоящий из орудий труда, украшений, бытовых предметов, конской упряжи. Особенно обращает на себя внимание серебряный сосуд из памятника Бертек-34 и седло с костяными орнаментированными накладками (курган № 1, памятник Кальджин-8).

При исследовании древнетюркских захоронений на Укоке обнаружен кенотаф, где вместе с погребениями коней положены лишь отдельные предметы, принадлежавшие умершему, в частности пояса.

Интересен курган № 3 памятника Ак-Алаха-1, где обнаружено богатое захоронение ребенка или юноши, сопровождаемое тремя конями.

Тюркские памятники Укока относятся к расцвету курайской культуры – середина IX–X в. (Савинов Д.Г., 1994в, с. 146–151). Появление могильных ям с подбоем связано, вероятно, с усилением влияния на древнетюркское население Алтая Уйгурского каганата (Кубарев В.Д., 1985, с. 136–148).

К X–XI вв. следует относить захоронение лошадей с характерным инвентарем, обнаруженное на памятнике Бертек-27.

На Укоке исследовано несколько каменных оградок, обычных для древнетюркского времени, представляющих четырехугольную конструкцию, иногда с антропоморфным

изваянием. Одно такое изваяние обнаружено Н.В. Полосьмак в долине Куртунгунтас (рис. 2, *74*).

Еще одно изваяние найдено в позднесредневековом захоронении, где оно было вторично переиспользовано для сооружения каменного ящика.

Изображения древнетюркского времени встречаются эпизодически на памятниках различных эпох. Они наносились преимущественно гравировкой и отличаются реализмом, динамикой и изящным исполнением (рис. 2, *75*).

Особую значимость приобретает открытие на Укоке памятников монгольского времени, весьма поверхностно изученных не только на Алтае, но и вообще в Центральной Азии (рис. 2, *76–82*).

Исследована одиночная каменная конструкция, представляющая овальную в плане наброску из небольших валунов, перекрывающих могильную яму. Погребенный лежит на спине в вытянутом положении, головой на север (рис. 2, *76*, *77*). На груди его обнаружен оригинальный плетеный доспех (рис. 2, *78*), выполненный из кожи и прутьев (Молодин В.И., Соловьев А.И., 1994, с. 127). Аналогичное защитное снаряжение хорошо известно в Китае, где оно использовалось в боевой практике еще в этнографическое время (Ян хун, 1980, рис. 2). Здесь же найдено великолепное бронзовое зеркало, изготовленное также в Китае (Чажн ин, 1990 № 3 каталога), с прекрасно выполненной на тыльной стороне мифологической сценой (рис. 2, *80*). Изделие датируется XIII–XIV вв. (Лубо-Лесниченко Е.И., 1975, с. 90–92). Интересно отметить, что при раскопках курганов пазырыкской культуры в верхней части наброски неоднократно находили предметы вооружения, обломки металлической посуды, изделия из фарфора, относящиеся к монгольскому времени (рис. 2, *79*, *81*, *82*). Очевидно, это явление связано с какими-то культовыми действиями населения монгольского времени, обитавшего на Укоке, для которых использовались курганы, оставленные более древними обитателями.

К XV–XVI вв. можно предварительно отнести несколько погребальных комплексов, представляющих до раскопок небольшие овальные в плане конструкции, ориентированные по линии северо-запад – юго-восток (рис. 2, *85–89*). После разборки каменной наброски оконтуривается овальная ограда, опоясывающая погребальную камеру. В неглубокой земляной яме сооружали каменный ящик, в который и помещали умершего. Погребенный лежал на спине в вытянутом положении, головой на северо-запад. Сопровождающий инвентарь представлен несколькими бусинами из сердолика.

Интересно захоронение памятника Бертек-9, совершенное в неглубокой яме под каменной наброской. Погребенный лежал на правом боку в скорченном положении, головой на запад (рис. 2, *90*, *91*, *93*, *94*). Особенности погребального обряда, несмотря на его известную индивидуальность, позволяют провести аналогии с чертами обрядности казахов Южного Алтая, в сферу обитания которых входило плоскогорье Укок. Данной идентификации, казалось бы, противоречат архаичные, явно домусульманские черты, присущие погребению исследуемого памятника. Однако, по данным А.В. Коновалова, специально занимавшегося этой проблемой, отдельные черты домусульманского происхождения в погребальном обряде сохраняются без влияния ислама, что отличает южноалтайских казахов от групп населения, проживавших на основной территории, и обусловлено, вероятно, обособленностью этой популяции от основного этнического массива (Коновалов А.В., 1983, с. 120).

Ориентация погребенного по линии запад – восток, лицом к югу (т. е. к Мекке) сопоставима с ориентацией умерших у казахов Южного Алтая, Западного Казахстана и Бунеевской орды (Кастанье М.А., 1911, с. 79).

Характерные бронзовые пуговицы, обнаруженные в погребении, являются предметами русского экспорта; активное проникновение русских вещей в Азию происходит не ранее XVI в., а наиболее массовым было в XVII–XVIII вв.

В изобразительном искусстве древнетюркскую традицию продолжают петроглифы палеоэтнографического времени. Они выполнены гравировкой или грубой выбивкой,

отличаются нарочитой небрежностью и схематизмом, а также отсутствием патины (рис. 2, *83*, *84*).

Места, где зафиксированы такие изображения, чаще всего связаны с пунктами временных загонов или отстойников для содержания овец. В одном случае рядом с рисунками были обнаружены этнографические предметы (Молодин В.И. и др., 1995, с. 128–131), что позволяют интерпретировать памятник как своеобразный культовый комплекс.

Аналогии средневековым и этнографическим рисункам хорошо известны как на Алтае, так и в Монголии (Окладников А.П., 1981; Черемисин Д.В., 1993, с. 122–143).

Предлагаемая схема дает возможность представить исторические процессы, протекающие на Укоке, а также в Юго-Западном Алтае, на протяжении нескольких тысячелетий. Однако, как видно, она содержит немало обширных лакун, которые еще предстоит заполнить.

Второе направление работ на Укоке связано с музеефикацией наиболее ценных археологических памятников, отработкой методов их консервации и реставрации. В настоящее время на основе японского оборудования работает установка по консервации дерева, являющаяся единственной в России и СНГ. Установлены контакты со Швейцарским центром по реставрации тканей, на основе лаборатории Эрмитажа проведена реставрация войлоков памятника Ак-Алаха-1. Московским институтом "ВИЛАР" завершается работа по консервации мумий.

Третьим направлением наших работ на Укоке является составление его археологической карты. Для территории Горного Алтая, очень богатого разнообразными археологическими памятниками, такая работа в высшей степени актуальна, тем более что исследования в этом направлении проводились эпизодически и весьма поверхностно, за исключением, пожалуй, петроглифов (Кубарев В.Д., Маточкин Е.П., 1992). Вместе с тем десятки памятников разрушаются в результате хозяйственной деятельности, многие местонахождения неоднократно "открываются" разными исследователями, о наличии уникальных объектов, как правило, не ведает районная администрация.

За пять полевых сезонов нами инвентаризовано более 150 объектов с составлением подробного описания и картографирования (Деревянко А.П. и др., 1994, с. 16–18; Молодин В.И. и др., 1995, с. 121–160), еще не менее сотни местонахождений уже открыты и нуждаются в проведении подобной работы.

В заключение хочу особо отметить, что благодаря операторам института и нашим зарубежным коллегам из Швейцарии, США, Бельгии, Японии снято несколько фильмов (в том числе и методического характера), отражающих процесс исследования практически всех типов археологических памятников Укока и делающих эту информацию достоянием международного научного сообщества и широкой общественности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Будыко М.И., Ефимова Н.А., Лугина К.М., 1993. Современное потепление // Метеорология и гидрология. № 7. М.

Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А., 1980. Памятники окуневской культур. Л.

Величко А.А., 1991. Глобальные изменения климата и реакция ландшафтной оболочки // Изв. АН СССР. Сер. геогр. № 5. М.

Волков В.В., 1981. Оленные камни Монголии. Улан-Батор.

Грязнов М.П., 1958. Древнее искусство Алтая. Л.

Деревянко А.П., Маркин С.В., 1987. Палеолит Чуйской котловины. Горный Алтай. Новосибирск.

Деревянко А.П., Молодин В.И., 1991. Относительная хронология и культурная принадлежность памятника Кучерла-1 (Горный Алтай) // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул.

Деревянко А.П., Молодин В.И., Новиков А.В., 1994. Археологические памятники долины Бертек // Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск.
Древние культуры Бертекской долины, 1994. Новосибирск.
Дэвлет М.А., 1976. Петроглифы Улуг-хема. М.
Дэвлет М.А., 1980. Петроглифы Мугур-Саргола. М.
Кадырбаев М.К., Марьяшев А.Н., 1977. Наскальные изображения хребта Каратау. Алма-Ата.
Кастанье И.А., 1911. Надгробные сооружения киргизских степей. Оренбург.
Киселев С.В., 1951. Древняя история Южной Сибири. М.
Коновалов А.В., 1983. Погребально-поминальная обрядность казахов Южного Алтая // Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири. Новосибирск.
Кубарев В.Д., 1985. Древнетюркские кенотафы Боротала // Древние культуры Монголии. Новосибирск.
Кубарев В.Д., 1987а. Антропоморфные хвостатые существа Алтайских гор // Антропоморфные изображения. Новосибирск.
Кубарев В.Д., 1987б. Курганы Уландрыка. Новосибирск.
Кубарев В.Д., Журавлева А.Д., 1986. Керамическое производство хуннов Алтая // Палеоэкономики Сибири. Новосибирск.
Кубарев В.Д., Маточкин Е.П., 1992. Петроглифы Алтая. Препринт. Новосибирск.
Кызласов Л.Р., 1958. Этапы древней истории Тувы (в кратком изложении) // Вестн. МГУ. Истор.-филол. серия. № 4.
Ларичев В.Е., 1994. "Белая лошадь" Черной горы (астралогические аспекты памятника и астральная подоснова искусства древнекаменного века Сибири) // Древние культуры Южной Сибири и Северо-Восточного Китая. Новосибирск.
Лубо-Лесниченко Е.И., 1975. Привозные зеркала Минусинской котловины. Л.
Марьяшев А.Н., 1971. Древние наскальные рисунки Чуланских гор // Вестн. АН КазССР. Алма-Ата.
Могильников В.А., 1986. Некоторые аспекты этнокультурного развития Горного Алтая в раннем железном веке // Материалы по археологии Горного Алтая. Горно-Алтайск.
Молодин В.И., 1992. Надмогильные сооружения пазырыкской культуры (к реконструкции этапов погребальной обрядности) // Вторые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск.
Молодин В.И., 1993а. Основные итоги археологических исследований Западносибирского отряда Северо-Азиатской комплексной экспедиции на плоскогорье Укок летом 1992 года // Altaica. № 2. Новосибирск.
Молодин В.И., 1993б. Современное состояние проблемы бронзового века Горного Алтая // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири. Томск.
Молодин В.И., 1994а. Антропоморфное изваяние эпохи бронзы с Юго-Западного Алтая // Материалы по истории и культуре Республики Алтай. Горно-Алтайск.
Молодин В.И., 1994б. Культовый комплекс Бертек-3–4 // Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск.
Молодин В.И., 1995. Укок-1995 – новые находки и открытия // III годовая итоговая сессия Института археологии и этнографии СО РАН, ноябрь 1995 г. Новосибирск.
Молодин В.И., Бородовский А.П., 1994. Каменные ручные жернова в древней погребальной обрядности Западной Сибири // Altaica. № 4. Новосибирск.
Молодин В.И., Каен-Делайте А., Массар К., Мыльников В.П., Хохлова О.Н., 1993. Исследование памятника Мойнак-2 на плоскогорье Укок // Altaica. № 2. Новосибирск.
Молодин В.И., Новиков А.В., Черемисин Д.В., 1995. Археологические памятники долины Мойнак и ближайших окрестностей (Горный Алтай, плоскогорье Укок) // Археология вчера, сегодня, завтра. Новосибирск.
Молодин В.И., Погожева А.П., 1990. Плита из Озерного (Горный Алтай) // СА. № 1.
Молодин В.И., Соловьев А.И., 1994. Могильник Бертек-20 // Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск.
Молодин В.И., Черемисин Д.В., 1992. К вопросу о связях населения Казахстана и Саяно-Алтая в эпоху раннего железа (по материалам петроглифов) // Маргулановские чтения. Петропавловск.
Молодин В.И., Черемисин Д.В. (в печати). Петроглифы плоскогорья Укок.

Новгородова Э.А., 1984. Мир петроглифов Монголии. М.
Окладников А.П., 1980. Петроглифы Центральной Азии. Л.
Окладников А.П., 1981. Петроглифы Монголии. Л.
Окладников А.П., Запорожская В.Д., 1959. Ленские писаницы. Наскальные рисунки у деревни Шишкино. М.; Л.
Окладникова Е.А., 1984. Петроглифы Средней Катуни. Новосибирск.
Окладникова Е.А., 1987. Хронология наскального искусства горы Колбак-Таш (Горный Алтай) // Новые памятники эпохи металла на Среднем Амуре. Новосибирск.
Петрин В.Т., 1992. Палеолитическое святилище в Игнатьевской пещере на Южном Урале. Новосибирск.
Полосьмак Н.В., 1992. Курган с замерзшей могилой в Горном Алтае // Изв. СО АН СССР. История, филология и философия. Вып. I. Новосибирск.
Полосьмак Н.В., 1993. Исследование памятников скифского времени на Укоке // Altaica. № 3. Новосибирск.
Полосьмак Н.В., 1994а. К вопросу о древней татуировке // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск.
Полосьмак Н.В., 1994б. Пазырыкская культура // Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск.
Полосьмак Н.В., 1994в. Стерегущие золото грифы. Новосибирск.
Пяткин Б.Н., Мартынов А.И., 1985. Шалаболинские петроглифы. Красноярск.
Пяткин Б.Н., Советова О.С., Миклашевич Е.А., 1985. Петроглифы Оглахты V (публикация коллекции) // Древнее искусство Азии. Петроглифы. Кемерово.
Руденко С.И., 1953. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.
Савинов Д.Г., 1994а. Афанасьевская культура // Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск.
Савинов Д.Г., 1994б. Гунно-сарматское время // Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск.
Савинов Д.Г., 1994в. Древнетюркское время // Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск.
Самашев З.С., 1992. Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. Алма-Ата.
Сапожников В.В., 1911. Монгольский Алтай в истоках Иртыша и Кобдо: Путешествия 1905–1909 гг. Томск.
Стоянка Лаохюшань уезда Юйшу провинции Гирин, 1990. (на кит. яз.).
Суразаков А.С., 1989. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск.
Чайко А.В., 1994. Геоморфология Бертекской долины (Плоскогорье Укок) и ее горного обрамления // Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск.
Черемисин Д.В., 1993. К изучению поздних петроглифов Горного Алтая // Современные проблемы изучения петроглифов. Кемерово.
Черемисин Д.В., Слюсаренко И.Ю., 1994. Бертекская писаница // Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск.
Чжан ин, 1990. Бронзовые зеркала, найденные в провинции Цзилинь. Пекин (на кит. яз.).
Чекишева Т.А., 1995. Некоторые новые палеоантропологические материалы эпохи неолита и ранних этапов эпохи бронзы с территории Сибири // III годовая итоговая сессия Ин-та археол. и этногр. СО РАН. Ноябрь 1995 г. Новосибирск.
Шер Я.А., 1980. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.
Ян хун., 1980. Очерки по истории древнекитайского оружия. Пекин (на кит. яз.).
Derev'anko A.P., Molodin V.I., 1994. The Russian-Japanese "Pazyryk" programme the First Year of Joint studies // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. An International Journal of Comparative Studies in History and Archaeology. Vol. I. № 3. Netherlands.
Hohghton J.T., Jenkons G.J., Ephraums I.I., 1990. Climate Change. Cambridge.
Molodin V.I., 1995. Perspectives and Preliminary results of archaeological Investigations of the South-Western Altai (The Ukok Plateau) // Science Policy: New Mechanisms for Scientific Collaboration between East and West. NATO ASISeries 4. Science and Technology Policy. Vol. I. Dordrecht: Boston; London.

Polos'mak N., 1991. Un nowean Kourgane a "l'tomble gelee" de l'Altai // Arts Asiatiques. T. XLVI. Paris.
Polos'mak N., 1994a. A mummy unearched from Pastures of Heaven // Nat. Geogr. Vol. 186. № 4.
Polos'mak N., 1994b. Kurgan Kuturguntas I: Interment of a Noble Warrior – Horseman // Korean Ancient Histor. Soc. № 16.5. Seoul.

Институт археологии и этнографии САРАН,
Новосибирск

V.I. MOLODIN

SOME RESULTS OF THE ARCHAEOLOGICAL RESEARCH IN THE SOUTH OF MOUNTAINEOUS ALTAI (PLATEAU UKOK)

Summary

The article contains the statement of general results of the archaeological research in the plateau Ukok (south of Mountainous Altai) where due to the local natural conditions the graves of the early Iron Age in many cases preserve all their organics and by this give the extremely plentiful and diverse material for historical reconstuctions. Besides, the article contains the data on excavations of the sites, preceding the scythian epoch as well as replacing it up until the late Middle Ages.

В.Г. ЖИТНИКОВ

К ПРОБЛЕМЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЕЛИЗАВЕТОВСКОГО ГОРОДИЩА В ДЕЛЬТЕ ДОНА

История Елизаветовского поселения – крупнейшего памятника скифского времени в Северо-Восточном Приазовье – остается объектом пристального внимания исследователей. В настоящее время одной из наиболее дискуссионных является проблема возникновения и становления поселения. Ее решение, как представляется, позволит приблизиться к пониманию многих вопросов, связанных с развитием этнополитической и демографической ситуации на Нижнем Дону в VI–V вв. до н.э.

Как обоснованно полагают специалисты, Елизаветовское поселение первоначально возникло как сезонное стойбище-зимник для кочевников, который в дальнейшем, вероятно, в течение десятилетий, трансформировался в стационарное поселение (см., напр.: Артамонов М.И., 1949, с. 29; Брашинский И.Б., 1977, с. 76). При этом, как заметил И.Б. Брашинский, подобное предположение базируется исключительно на том, что на городище до сих пор не открыты выраженный культурный слой и остатки долговременных жилищ V в. до н. э., и поэтому пока не может считаться обоснованным; возможно, следы раннего поселения, если оно, конечно, существовало, еще не обнаружены (Брашинский И.Б., 1977, с. 76). Отметим и точку зрения К.К. Марченко, который гипотетически допускал оба варианта становления поселения: как в виде зимника, так и в форме одноактного создания небольшого поселка (Марченко К.К., 1983, с. 61).

Начальная дата Елизаветовского поселения определялась И.Б. Брашинским рубежом первой и второй четвертей V в. до н.э. (Брашинский И.Б., 1977, с. 71). Однако новые находки, прежде всего ряд обломков ионийских амфор, в том числе фрагмент хиосской амфоры с воронкообразным горлом, ножка клазоменской (?) амфоры и т.д. (Брашинский И.Б., 1980а, с. 14 сл., табл. XXII, *1, 2;* 1980б, л. 16; Марченко К.К., 1984, с. 131), по-видимому, дают основания несколько удревнить время возникновения памятника и отнести его к последней четверти или, скорее всего, к концу VI в. до н.э. С другой стороны, среди погребений Елизаветовского могильника, составляющего с городищем единый культурно-исторический и археологический комплекс, отсутствуют захоронения конца VI – начала V в. до н.э. И лишь с конца первой – начала второй четверти V в. до н. э. появляются наиболее ранние погребения. Видимо, именно к этому времени и относится превращение сезонного стойбища в крупный зимник с относительно стабильным населением (ср.: Марченко К.К. и др., 1988, с. 64).

В научной литературе появление Елизаветовского поселения традиционно связывается с началом процесса седентаризации определенной группы кочевого населения Нижнего Подонья (Брашинский И.Б., 1977, с. 76; 1981, с. 88 сл.; Лукьяшко С.И., 1988, с. 70–72; 1990, с. 11 сл.; Лукьяшко С.И., Максименко В.Е., 1990, с. 20). Недавно автором данной статьи была высказана иная точка зрения на эту проблему, основанная на предположении, что возникновение зимника в дельте Дона было связано с коренными изменениями военно-политической и демографической ситуации в Северном Причерноморье и на Нижнем Дону в конце VI – начале V в. до н. э. и с миграцией в низовья Дона новой орды варваров (Житников В.Г., 1987, с. 12; 1992а, с. 11 сл.).

© В.Г. Житников, 1997 г.

Как уже подчеркивалось в ряде работ, при определении своеобразия облика культуры обитателей Елизаветовского поселения, как, впрочем, и любого другого памятника Северного Причерноморья скифского времени, решающее значение приобретают такие элементы культуры, как погребальный обряд и лепная керамика, которые являются наиболее консервативными и устойчивыми по отношению к различным инновациям (Брашинский И.Б., Марченко К.К., 1984, с. 24 сл.; Копылов В.П., Марченко К.К., 1986, с. 22 сл.). Очевидно, если Елизаветовское поселение сформировалось в результате постепенного оседания донских кочевников, то этот процесс должен был проявиться прежде всего в генетической преемственности форм погребального обряда и основных типов лепной керамики хронологически последовательных памятников. Наоборот, появление новой группы населения должно было привести к некоторым, возможно, весьма существенным изменениям как погребального обряда, так и керамического комплекса. Таким образом, ответ на вопрос о местных или иных корнях населения Елизаветовского поселения должен базироваться, главным образом, на сравнительно-историческом анализе указанных категорий культуры.

Итак, обратимся к такому устойчивому этнографическому признаку, как погребальный обряд. К настоящему времени на Нижнем Дону известно около 60 комплексов раннескифского времени, большинство из которых опубликованы[1]. Среди них выделяется весьма многочисленная группа погребений (не менее 40 комплексов), которую часто относят к VI в. до н. э. в целом. Однако ведущие памятники группы – Новоалександровка I 7/8, Хапры 1/25 – по греческой керамике датируются второй половиной VI в. до н.э., что позволяет отнести еще ряд погребений именно к этому времени[2].

Судя по опубликованным данным, для захоронений VI в. до н. э. присуще разнообразие в устройстве погребальных сооружений. Так, среди представительной левобережной группы памятников доминируют захоронения в насыпи, однако для могил с установленной формой ямы можно отметить преобладание погребений с подбойной конструкцией (12 из 18 ям). На Правобережье подбойные могилы отсутствуют, здесь зафиксированы в основном подпрямоугольные ямы. Подчеркнем, что длина ям, за редким исключением – Новоалександровка I 7/8 (Кореняко В.А., Лукьяшко С.И., 1982, с. 153), не превышает 2–2,5 м. Преобладает обычай хоронить

---

[1] Из работ последних лет см., напр.: Кореняко В.А., Лукьяшко С.И., 1982, с. 149–157; Максименко В.Е., 1983, с. 25–27, 34 сл., 38–42; Беспалый Е.И., Парусимов И.Н., 1991, с. 182–194.

[2] Наметившаяся в последние годы в скифоведении тенденция к удревнению раннескифских памятников отразилась и на датировках ряда нижнедонских погребений. Так, вышеупомянутый новоалександровский комплекс С.В. Полин относит ко времени не позднее начала VI в. до н. э. (Полін С.В., 1987, с. 27), И.Н. Медведская – ко второй половине VII в. до н.э. (Медведская И.Н., 1992, с. 92), Н.М. Бокий и В.С. Ольховский – ко времени не позднее середины, но не ранее второй четверти VI в. до н. э. (Бокий Н.М., Ольховский В.С., 1994, с. 157). Рубежом VII–VI вв. до н.э. С.В. Полиным датируется погребение у станции Хапры (Полін С.В., 1987, с. 22).

В связи с этим заметим следующее. Амфора из погребения у с. Новоалександровка относится к тому типу самосских амфор, который В. Грэйс датировала временем около 500 г. до н. э. (Grace V.R., 1971, p. 71, 76, pl. 15, *3*, fig, 2, *4;* см. также: Брашинский И.Б., 1984, с. 101, табл. II, *5*, XII, *3*). Подобные амфоры были обнаружены среди находок в колодце *Q* 12 : 3 Афинской Агоры, датируемом 520–480 гг. до н. э. (Roberts S.R., 1986, p. 65, fig. 41, N 412, 413). А.П. Абрамов выделил аналогичные амфоры в тип I самосских амфор, первоначально датировав его 550–480 гг. до н.э. (Абрамов А.П., 1992, с. 249, табл. 1). В последующих работах, однако, автор ограничил время бытования этих сосудов 520–480 гг. до н. э. (Абрамов А.П., 1993а, с. 12) или концом VI – началом V в. до н. э. (Абрамов А.П., 1993б, с. 83, табл. 6), отметив при этом, что новоалександровская амфора относится к числу наиоболее ранних представителей этого типа. По материалам Фанагории А.А. Завойкин датирует фрагменты подобных амфор в пределах конца VI – около 480 г. до н. э. (Завойкин А.А., 1992, с. 48 сл., табл. 1, рис. 2, *19*). Что касается амфоры из погребения у станции Хапры, то она, по-видимому, относится к продукции Клазомен и датируется в пределах третьей четверти – второй половины VI в. до н.э. (Абрамов А.П., 1993а, с. 29, рис. 11; 1993б, с. 80, табл. 2, *13*, рис. 7).

умерших в вытянутом положении, на спине, головой на запад, однако встречается и восточная ориентировка. Особые закономерности в расположении погребального инвентаря не устанавливаются. Остатки напутственной пищи представлены в основном костями барана, реже – лошади. Обращают на себя внимание некоторые различия между правобережной и левобережной группами донских памятников: так, на Левобережье фиксируется значительный процент подбойных могил, отсутствующих на Правобережье. Некоторая разница заметна и в наборе инвентаря: в правобережных захоронениях практически отсутствуют изделия из резной кости (колчанные застежки, навершия и т.д.), единичны лепные сосуды, т.е. категории вещей, хорошо представленные на Левобережье. Поэтому представляется возможным предположить, что погребальные комплексы Нижнего Подонья VI в. до н. э. оставлены различными группами варваров.

Обратимся к материалам Елизаветовского курганного могильника, среди погребений которого, надежно датированных греческой керамикой, не менее 45 комплексов относятся к V в. до н. э. (см., напр.: Брашинский И.Б., Демченко А.И., 1969, с. 113–117; Брашинский И.Б., 1973, с. 58–60; 1980а, с. 205–207; Копылов В.П., Марченко К.К., 1986, с. 24–27). Уже наиболее ранние захоронения, датируемые концом первой – началом второй четверти V в. до н. э., совершены по обряду, сохраняющемуся практически неизменным на протяжении почти двухвекового функционирования некрополя: в прямоугольных, длинных (до 3,5–4 м и более), узких (0,8–1,5 м) и неглубоких (до 1 м) могильных ямах, имеющих, как правило, широтную ориентацию. Очень устойчиво положение погребенных: вытянуто, на спине, головой на запад, иногда на восток. Устойчивы расположение и набор погребального инвентаря: обычно в восточной части ямы, в ногах погребенного находились амфора, часто – килик или скифос, лепные сосуды. Здесь же – остатки напутственной пищи, в основном кости коровы или лошади. Уже в ряде ранних погребений прослеживается обычай помещать под горлом лежащей амфоры килик или кубок – деталь, повторяющаяся и в тризнах (Миллер А.А., 1914, с. 229 и сл.; Брашинский И.Б., Демченко А.И., 1969, с. 113–116). Обычно в могилах присутствует стандартный набор вооружения: меч или кинжал, колчанный набор, копье или дротик.

Отметим, что некоторые отклонения, касающиеся формы или размеров погребальных сооружений, набора инвентаря и т.д., объясняются социальными, имущественными или другими различиями, но не этнокультурными причинами (Брашинский И.Б., Марченко К.К., 1984, с. 25 сл.; Копылов В.П., Марченко К.К., 1986, с. 26–28). Анализ погребального обряда Елизаветовского могильника привел специалистов к выводу об изначальной однородности обряда (Копылов В.П., Марченко К.К., 1986, с. 28). Более того, этот анализ позволяет утверждать, что уже в наиболее ранних комплексах могильника проявились полностью оформившиеся традиции погребальной обрядности жителей Елизаветовского поселения, мало изменившиеся за период его существования. Иными словами, эта группа населения появилась в низовьях Дона с уже сложившимся погребальным обрядом (Копылов В.П., 1992, с. 83).

Попытаемся теперь оценить погребальный обряд Елизаветовского могильника с точки зрения возможной и предполагаемой С.И. Лукьяшко и В.Е. Максименко эволюции погребального обряда нижнедонских кочевников VI в до н. э. (Лукьяшко С.И., 1988, с. 68–72; 1990, с. 11; Лукьяшко С.И., Максименко В.Е., 1990, с. 20). Позволяет ли сопоставление материалов памятников утверждать, что население Елизаветовского поселения сформировалось в результате последовательного и непрерывного развития местного степного населения VI в до н.э.?

Разумеется, нельзя отрицать, что некоторые степные комплексы VI в до н. э. и захоронения Елизаветовского некрополя V в. до н. э. имеют отдельные общие черты, в частности прямоугольную форму ямы, положение погребенных. Известно, однако, что аналогичные элементы обряда относятся к числу универсальных, широко рапространенных у кочевников и полукочевников Северного Причерноморья и Поволжья (Смирнов К.Ф., 1964, с. 266 сл.; Ольховский В.С., 1991, с. 150–156, 166).

Как отмечала М.Г. Мошкова, подобные "признаки, взятые в отдельности... являлись, очевидно, общеиранским достоянием и не могут служить для этнических определений" (Мошкова М.Г., 1984, с. 7).

Более продуктивным представляется подход, основанный на сопоставлении памятников по совокупности элементов погребального обряда в целом. Подобный подход демонстрирует существенные различия между степными комплексами VI в. до н. э. и погребениями Елизаветовского могильника. Прежде всего это касается погребальных сооружений. Как показано выше, если для памятников VI в. до н. э. присуще разнообразие конструкций с известным преобладанием подбоев, то в некрополе Елизаветовского поселения полностью доминируют длинные, прямоугольные и узкие ямы. Отметим, что отсутствие могил подбойной и катакомбной конструкции, а также глубоких ям в составе Елизаветовского могильника часто объясняют невозможностью их сооружения из-за высокого уровня стояния грунтовых вод в донской дельте (см., напр.: Миллер А.А., 1910, с. 91; Копылов В.П., Марченко К.К., 1986, с. 26). На мой взгляд, подобное утверждение нуждается в существенной корректировке. Как установлено исследованиями, в середине I тыс. до н. э. уровень грунтовых вод в дельте был значительно ниже (минимум на 4–4,5 м), чем в настоящее время (Марченко К.К., 1977, с. 81; Житников В.Г., 1992б, с. 16). Во-вторых, основным типом строений Елизаветовского городища были сильно заглубленные в почву (до 1,5–2,5 м) землянки, куда грунтовые воды не проникали, очевидно, даже во время наводнений, иначе жить в них было бы невозможно (Брашинский И.Б., Марченко К.К., 1978, с. 206, 220; Житников В.Г., Марченко К.К., 1984, с. 164). Наконец, единичные случаи сооружения подбоев и глубоких могильных ям, правда, в IV в. до н. э., в курганах могильника все же зафиксированы (Брашинский И.Б. и др., 1977, с. 89; Брашинский И.Б. и др., 1978, с. 109). Следовательно, уровень грунтовых вод не мог служить препятствием для сооружения подбоев и катакомб, а их отсутствие, как и небольшая глубина захоронений, по-видимому, были обусловлены традициями погребальной обрядности жителей Елизаветовского поселения.

Столь же показательными представляются и различия в расположении в погребениях некоторых категорий сопровождающего инвентаря, а также в его составе. В степных захоронениях VI в. до н. э. керамика и остатки напутственной пищи не имеют стабильной позиции. В елизаветовских комплексах предметы греческого керамического импорта и кости животных всегда занимают строго обусловленное обрядом место: в ногах погребенных, т.е. преимущественно в восточной части могильной ямы.

Отметим еще одну интересную деталь. Оружие в захоронениях VI в. до н. э. представлено исключительно остатками колчанных наборов; лишь в погребении 25 кургана 1 у станции Хапры был найден единственный экземпляр железного акинака (Максименко В.Е., 1983, с. 26, рис. 9, *3*). В то же время среди погребений V в. до н. э. Елизаветовского могильника 47% содержали мечи, 51% – копья (Копылов В.П., 1980, с. 24–27; 1989, с. 57 сл.). Высокий процент захоронений с оружием обусловлен, видимо, тем, что основу Евлизаветовского могильника составляет обширная группа малых курганов с погребениями воинов и воительниц (Копылов В.П., Марченко К.К., 1986, с. 28).

Резюмируя краткий анализ погребального обряда, следует еще раз обратить внимание на существенные различия между комплексами VI в. до н. э. и погребениями Елизаветовского могильника. Едва ли эти отличия связаны с развитием обряда во времени, ибо отмеченные изменения слишком значительны, масштабны и произошли весьма стремительно. Скорее всего, они отражают появление в районе дельты Дона новой группы населения.

Перейдем к сопоставлению керамических комплексов. Как представляется, степную архаическую керамику необходимо сравнить прежде всего с лепной посудой V в. до н. э. Елизаветовского могильника, которая корректнее городищенских материалов отражает этнокультурные традиции населения дельты Дона (Копылов В.П., Марченко К.К., 1980, с. 160).

Разумеется, среди комплексов имеются морфологически сопоставимые типы сосудов. К их числу могут относиться главным образом плоскодонные горшки с выраженным горлом, более или менее отогнутым наружу венчиком и округлыми выпуклыми плечами – тип I елизаветовской керамики, широко представленный как в материалах могильника, так и городища (Марченко К.К., 1972, с. 126–129, рис. 2, *1, 2*; Копылов В.П., Марченко К.К., 1980, с. 156 сл., рис. 1, *1–4*). Среди нижнедонской керамики предшествующего времени с ними имеют сходство сосуды из ряда погребений: Высочино VII 26/7, Новоалександровка I 33/5 и 34/4 (Беспалый Е.И., Парусимов И.Н., 1991, с. 186, 188–190, рис. 4, *2*; 5, *8, 12*), Ростов-н/Д 5/1 (Брашинский И.Б., 1973, с. 54, рис. 20, *2*). Отметим, однако, что некоторые из перечисленных сосудов были покрыты лощением, в то время как елизоветовские горшки типа I не имеют лощеной поверхности. Следует указать и на практически полное отсутствие орнаментации на сосудах из степных захоронений. Елизаветовские сосуды типа I часто орнаментировались рядом пальцевых вдавлений или защипов по краю венчика и горлу. По-видимому, некоторое морфологическое сходство между отдельными горшками степных нижнедонских комплексов и керамикой типа I Елизаветовского городища и могильника можно объяснить широким распространением подобной посуды в VI–V вв. до н. э. в Северном причерноморье (см., напр.: Граков Б.Н., 1954, с. 70–72, табл. II *1, 2;* III, *1, 2;* Петренко В.Г., 1967, с. 11; табл. 5, *1–25;* 10, *3, 4, 7;* Гаврилюк Н.А., Отрешко В.М., 1982, с. 75 сл., рис. 1, *1–12*).

Среди керамики раннескифского времени на Нижнем Дону имеются лощеные сосуды с шаровидным туловом и высоким раструбным узким горлом – Высочино VII 3/2, Красногоровка 9/2 (Беспалый Е.И., Парусимов И.Н., 1991, с. 184, 190 сл., рис. 3, *8;* 6, *10*), а также с шаровидной формой тулова и либо с короткой шейкой и слегка отогнутым венчиком – Высочино I 6/1, 23/4 (Максименко В.Е., 1983, с. 38, 76, рис. 23, *16;* 46, *9*), либо с узким цилиндрическим горлом без выделенного венчика – Весёлый 1/1 (Смирнов К.Ф., 1964, с. 34, рис. 60, *5*), Плоский I 5/1 (Копылов В.П., 1990, с. 56, рис. 1). Заметим, что подобная керамика совершенно отсутствует в материалах V в. до н. э. Елизаветовского могильника и городища.

Видное место в коллекции лепных сосудов Елизаветовского могильника занимают имеющие хорошо лощеную поверхность кубки с биконическим или округлым стройным туловом, раструбным венчиком и петельчатой ручкой (Копылов В.П., Марченко К.К., 1980, с. 157, рис. 1, *5–8*). Среди находок из нижнедонских кочевнических погребений известно несколько кубков. Однако в отличие от елизаветовских сосуды из степных комплексов – Новоалександровка I 33/4 (Беспалый Е.И., Парусимов И.Н., 1991, с. 187, рис. 5, *6*), Алитуб 7/3 (Максименко В.Е., 1983, с. 76, рис. 46, *7*) – не имели лощения, у них шаровидное тулово и венчик либо прямой, либо загнут внутрь. Лощеные черпаки из других погребений – Весёлый 2, Крепинский I 17/6 (Максименко В.Е., 1983, с. 74, рис. 45, *9, 11*), Новоалександровка I 34/4 (Беспалый Е.И., Парусимов И.Н., 1991, с. 190, рис. 5, *10*) – также не находят параллелей среди елизаветовских находок.

В комплексах V в. до н. э. Елизаветовского могильника широко представлены плоскодонные миски в виде перевернутого усеченного конуса с лощеной поверхностью; имеются также лощеные миски с загнутым внутрь краем и лощеные кружки с вертикальной петельчатой ручкой (Копылов В.П., Марченко К.К., 1980, с. 158 сл., рис. 1, *10–16*). Подобные сосуды совершенно отсутствуют в материалах степных погребений раннескифского времени в Подонье.

Таким образом, сопоставление комплексов лепной керамики степного Подонья и Елизаветовского могильника демонстрирует различия принципиального характера между ними и не позволяет, на мой взгляд, говорить о преемственности основных типов лепной посуды и о развитии традиций предшествующего времени в керамике, бытовавшей в V в. до н. э. у населения дельты Дона.

Как представляется, указанные изменения в погребальном обряде и комплексе лепной керамики хорошо согласуются с выделенными А.Ю. Алексеевым масштабными преобразованиями в скифской культуре, происходившими в последней трети VI – начале V в. до н. э. и знаменовавшими собой исчезновение архаической Скифии и становление классической скифской культуры V–IV вв. до н. э. (Алексеев А.Ю., 1991, с. 44; 1992, с. 103–112). Выводы исследователя в известной мере подтверждаются и другими археологическими материалами елизаветовского комплекса: например, уже в наиболее ранних погребениях могильника отсутствуют столь типичные для захоронений VI в. до н. э. предметы, как костяные колчанные застежки, в колчанных наборах представлены исключительно трехлопастные и трехгранные наконечники стрел и т.д.

Допустим все же, что зимник в дельте Дона появился в результате седентаризации части местного степного населения. Однако в связи с подобным предположением правомерно возникает целый ряд вопросов. Каким образом и почему в столь короткое время меняется погребальный обряд: многообразие погребальных сооружений, характерное для памятников VI в. до н. э., сводится к единообразию при доминировании нового типа могильной ямы; изменяется состав и расположение сопровождающего инвентаря и т.д.? Почему уже в наиболее ранних погребениях Елизаветовского могильника столь широко представлена греческая импортная керамика, выступающая по сути в качестве неотъемлемой части сложившегося погребального обряда (ср.: Копылов В.П., 1992, с. 83)? С чем связаны, наконец, изменения в керамическом комплексе, явственно проявившиеся с началом формирования Елизаветовского поселения и его могильника?

Поиск ответов на хотя бы некоторые из поставленных вопросов побуждает нас вновь обратиться к анализу военно-политической ситуации, сложившейся в степях Северного Причерноморья и, в частности, на Нижнем Дону в конце VI – первой трети V в. до н. э.

По мнению исследователей, в указанное время в северо-понтийском регионе происходит резкая дестабилизация обстановки (см., напр.: Виноградов Ю.Г., 1980, с. 106 сл.; 1983, с. 398–400; 1989, с. 84–90; Толстиков В.П., 1984, с. 24 сл., Шелов-Коведяев Ф.В., 1985, с. 63–70; Marčenko K., Vinogradov Yu., 1989, p. 807, 808; Виноградов Ю.А., Марченко К.К., 1991, с. 149–151). Как полагают, важнейшие изменения этого периода были связаны с передвижениями в степное Причерноморье новых орд кочевого населения не только из района Северного Кавказа, но и главным образом с востока (Виноградов Ю.А., Марченко К.К., 1991, с. 150; Алексеев А.Ю., 1991, с. 54; 1992, с. 111). Обычно для иллюстрации кризисных явлений в Северном Причерноморье привлекается множество фактов. При этом, однако, вне поля зрения специалистов, за редким исключением (см., напр.: Алексеев А.Ю., 1991, с. 55; 1992, с. 114, 118), остаются события конца VI – начала V в. до н. э. на Нижнем Дону. Между тем археологические материалы говорят о нестабильной военно-политической обстановке и в этом районе.

Во-первых, в конце VI или в начале V в. до н. э. прекращается существование Таганрогского поселения – единственной греческой колонии периода архаики в Северо-Восточном Приазовье, возникшей еще в конце VII или на рубеже VII–VI вв. до н. э. (Книпович Т.Н., 1949, с. 8; Блаватский В.Д., 1961, с. 149; Шелов Д.Б., 1970, с. 45 сл.).

Во-вторых, обширные археологичеческие изыскания последних десятилетий в Нижнем Подонье позволяют отметить странный феномен: с начала V в. до н. э. в степях вокруг донской дельты практически исчезают кочевнические погребения. Если, как говорилось выше, для VI в до н. э. на Дону известно не менее 40 захоронений, то комплексов V в. до н. э. считанные единицы. Признавая известные трудности, не позволяющие в ряде случаев четко выделить памятники V в. до н. э., все же заметим, что немногочисленность погребений кочевников может свидетельствовать об определенном запустении нижнедонских степей с начала V в. до н. э.

Наконец, в конце VI в. до н. э. в дельте Дона возникает Елизаветовский зимник, а несколько позднее, с конца первой четверти V в. до н. э., начинает формироваться его курганный могильник.

Сопоставление перечисленных выше событий на Нижнем Дону показывает их одновременность, которая едва ли была случайной. По-видимому, эти события были теснейшим образом связаны с важнейшими изменениями военно-политической ситуации в Северном Причерноморье в конце VI – первой трети V в. до н. э. и с очередным циклом передвижений кочевого и полукочевого населения, но уже в пределах причерноморских степей. Разумеется, векторы этих миграций в конкретном случае надежно не устанавливаются. Обращает на себя внимание, что первые признаки нестабильности появляются именно в Северо-Восточном Приазовье, т.е. в восточной части степного коридора. Таким образом, кризисная обстановка в нижнедонском регионе складывается примерно на 25–30 лет раньше, чем на Боспоре и Нижнем Побужье, что свидетельствует об относительно медленном и неоднородном развитии неблагоприятных тенденций во времени и пространстве (Виноградов Ю.А., Марченко К.К., 1991, с. 150 сл.).

Цепь событий на Нижнем Дону представляется возможным реконструировать в следующем виде. В конце VI в. до н. э. здесь появляется новая группа варваров, с которыми следует связывать возникновение зимника на месте будущего Елизаветовского поселения. Обосновавшись в донской дельте, пришельцы, очевидно, довольно быстро установили контроль над окрестной степью. Возможно, именно этим объясняется очевидный факт запустения нижнедонских степей с начала V в. до н. э. В связи с судьбой Таганрогского поселения отметим версию И.Б. Брашинского, полагавшего, что его недолговечность могла быть обусловлена ксенофобией местного туземного кочевого общества (Брашинский И.Б., 1981, с. 88). Внимания заслуживает и гипотеза С.Р. Тохтасьева о том, что прекращение жизни Таганрогского поселения было связано с начавшимся в конце VI в. до н. э. давлением скифов на северопонтийское эллинство (Тохтасьев С.Р., 1984, с. 135). Со своей стороны предположим, что гибель греческой колонии в районе Таганрога могла быть вызвана и какими-либо действиями "елизаветовских" варваров. Впрочем, нельзя исключать, что в течение некоторого времени пришельцы сохраняли мирные отношения с греками. Может быть, этим и объясняется появление античной керамики последней четверти – конца VI в до н. э. в слоях Елизаветовского городища.

Отметим, что в литературе уже высказывались предположения о появлении в низовьях Дона на рубеже VI–V вв. до н. э. новой группы населения. Это событие И.С. Каменецкий связывал с приходом меотского племени танаитов (Каменецкий И.С., 1965, с. 18), а В.Е. Максименко – с миграцией савроматского племени язаматов (Максименко В.Е., 1983, с. 123). Что касается этнических атрибуций, то более убедительной представляется точка зрения, согласно которой Елизаветовское городище и могильник являются памятниками культуры этнически однородного населения; основа развития этой культуры явно скифского происхождения; анализ материальной культуры городища и погребального обряда могильника дает основания говорить о формировании в дельте Дона локального варианта собственно скифской культуры (Брашинский И.Б., Марченко К.К., 1984, с. 27; Копылов В.П., Марченко К.К., 1986, с. 24, 34).

Определенное количество параллелей и аналогий елизаветовским находкам (лепная керамика, оружие, украшения и т.д.), как уже отмечалось исследователями, можно найти среди материалов синхронных памятников степного и лесостепного Поднепровья (Брашинский И.Б., Марченко К.К., 1984, с. 26; Копылов В.П., Марченко К.К., 1986, с. 31). Однако вопрос о ближайших и непосредственных истоках культуры населения Елизаветовского поселения требует, разумеется, самостоятельного исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамов А.П., 1992. Новые данные о торговых связях Боспора в VI–V вв. до н. э. // Очерки археологии и истории Боспора. М.

Абрамов А.П., 1993а. Античные амфоры. Периодизация и хронология // Боспорский сборник. Вып. 3. М.

Абрамов А.П., 1993б. Классификация и периодизация амфор второй половины VI – первой половины V в. до н. э. // РА. № 4.

Алексеев А.Ю., 1991. Хронология и хронография Причерноморской Скифии V в. до н. э. // АСГЭ. Вып. 31.

Алексеев А.Ю., 1992. Скифская хроника. СПб.

Артамонов М.И., 1949. К вопросу о происхождении боспорских Спартокидов // ВДИ. № 1.

Беспалый Е.И., Парусимов И.Н., 1991. Комплексы переходного и раннескифского периодов на Нижнем Дону // СА. № 3.

Блаватский В.Д., 1961. Работы подводной Азово-Черноморской экспедиции в 1960 г. // СА. № 4.

Бокий Н.М., Ольховский В.С., 1994. Раннескифский курган на днепровском Правобережье // РА. № 2.

Брашинский И.Б., 1973. Раскопки скифских курганов на Нижнем Дону // КСИА. Вып. 133.

Брашинский И.Б., 1977. Проблемы хронологии Елизаветовского городища в дельте Дона // Изв. СКНЦВШ. Обществ. науки. № 1.

Брашинский И.Б., 1980а. Греческий керамический импорт на Ниженм Дону. Л.

Брашинский И. Б., 1980б. Отчет о работе Южно-Донской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1980 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8132.

Брашинский И. Б., 1981. Греки и варвары на Нижнем Дону и в Северо-Восточном Приазовье в VI–IV вв. до н.э. (К проблеме греко-варварских взаимодействий) // Демографическая ситуация в Причерноморье в период великой греческой колонизации. Тбилиси.

Брашинский И. Б., 1984. Методы исследования античной торговли (на примере Северного Причерноморья). Л.

Брашинский И. Б., Демченко А.И., 1969. Исследования Елизаветовского могильника в 1966 г. // КСИА. Вып. 116.

Брашинский И. Б., Зарецкий Ю.П., Копылов В.П., Яковенко Э.В., 1977. Исследование Елизаветовского курганного могильника // АО – 1976. М.

Брашинский И. Б., Копылов В.П., Яковенко Э.В., 1978 Раскопки Елизаветовского могильника // АО – 1977. М.

Брашинский И. Б., Марченко К.К., 1978. Строительные комплексы Елизаветовского городища на Дону // СА. № 2.

Брашинский И. Б., Марченко К.К., 1984. К вопросу об этнической атрибуции Елизаветовского городища на Дону // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.

Виноградов Ю.А., Марченко К.К., 1991. Северное Причерноморье в скифскую эпоху. Опыт периодизации истории // СА. № 1.

Виноградов Ю.Г., 1980. Перстень царя Скила. Политическая и династийная история скифов первой половины V в. до н. э. // СА. № 3.

Виноградов Ю.Г., 1983. Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. Т. 1. М.

Виноградов Ю.Г., 1989. Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н. э.: Историко-эпиграфическое исследование. М.

Гаврилюк Н.А., Отрешко В.М., 1982. Лепная керамика архаического поселения Большая Черноморка II // Древности степной Скифии. Киев.

Граков Б.Н., 1954. Каменское городище на Днепре // МИА. № 36.

Житников В.Г., 1987. Политическая и демографическая ситуация конца VI – нач. V в. до н. э. на Нижнем Дону и возникновение Елизаветовского поселения // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье – Приазовье. Тез. докл. конф. Новочеркасск.

Житников В.Г., 1992а. Нижнее Подонье в VI – первой трети III в. до н. э. (экономическая характеристика). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.

Житников В.Г., 1992б. Дельта Дона в скифское время // Историческая география Дона и Северного Кавказа. Ростов-н/Д.

Житников В.Г., Марченко К.К., 1984. Новые данные о строительных комплексах Елизаветовского городища на Дону // СА. № 3.

Завойкин А.А., 1992. Классификация фрагментов самосских амфор из Фанагории // РА. № 3.

Каменецкий И.С., 1965. Население Нижнего Дона в I–III вв. н. э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Книпович Т.Н., 1949. Танаис. М.; Л.

Копылов В.П., 1980. Мечи из погребений V в. до н. э. Елизаветовского курганного могильника // КСИА. № 162.

Копылов В.П., 1989. Распространенность категорий погребального инвентаря в комплексах Елизаветовского могильника V–IV вв. до н.э. // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1988 г. Тез. докл. семинара. Азов.

Копылов В.П., 1990. Погребения раннескифского времени в устье Маныча // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Азов. Вып. 9.

Копылов В.П., 1992. Новые данные о связях населения дельты Дона в V в. до н. э. // Донские древности. Азов. Вып. 1.

Копылов В.П., Марченко К.К., 1980. Лепная керамика Елизаветовского могильника на Дону // СА. № 2.

Копылов В.П., Марченко К.К., 1986. К вопросу о взаимодействии этнокультурных массивов на Нижнем Дону и в Северо-Восточном Приазовье в V–III вв. до н.э. (Об этнической принадлежности населения Елизаветовского городища) // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-н/Д.

Кореняко В.А., Лукьяшко С.И., 1982. Новые материалы раннескифского времени на левобережье Нижнего Дона // СА. № 3.

Лукьяшко С.И., 1988. Этнические процессы на Нижнем Дону и Северо-Восточном Приазовье в VI–IV вв. до н. э. // Проблемы сарматской археологии и истории. Тез. докл. конф. Азов.

Лукьяшко С.И., 1990. Этнополитическая история и экономические связи кочевого населения Нижнего Дона в VIII–III вв. до н. э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Лукьяшко С.И., Максименко В.Е, 1990. Этнополитическая ситуация на Нижнем Дону и Северо-Восточном Приазовье в VI–V вв. до н. э. // Дон и Северный Кавказ в древности и средние века. Ростов-н/Д.

Максименко В.Е., 1983. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-н/Д.

Марченко К.К., 1972. Лепная керамика V–III вв. до н. э. с городища у станицы Елисаветовской на Нижнем Дону // СА. № 1.

Марченко К.К., 1977. Дополнения к палеографии района Елизаветовского городища на Дону // Изв. СКНЦВШ. Обществ. науки. № 1.

Марченко К.К., 1983. Основные этапы истории Елизаветовского поселения на Дону // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов-н/Д.

Марченко К.К., 1984. Греческий эмпорий на территории Елизаветовского городища // АО – 1982. М.

Марченко К.К., Житников В.Г., Яковенко Э.В., 1988. Елизаветовское городище – греко-варварское торжище в дельте Дона // СА. № 3.

Медведская И.Н., 1992. Периодизация скифской архаики и Древний Восток // СА. № 3.

Миллер А.А., 1910. Раскопки в районе древнего Танаиса // ИАК. Вып. 35.

Миллер А.А., 1914. Раскопки у станицы Елисаветовской в 1911 г. // ИАК. Вып. 56.

Мошкова М.Г., 1984. Предисловие // Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.

Ольховский В.С., 1991. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н. э.). М.

Петренко В.Г., 1967. Правобережье Среднего Приднепровья в V–III в. до н. э. // САИ. Вып. Д1–4.

Полін С.В., 1987. Хронологія ранньоскіфських пам'яток // Археологія. Вип. 59.

Смирнов К.Ф., 1964. Савроматы. М.

Толстиков В.П., 1984. К проблеме образования Боспорского государства (Опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI – первой половине V в. до н. э.) // ВДИ. № 3.

Тохтасьев С.Р., 1984. Scythica в "Трудах II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья (Цхалтубо, 1979)" // ВДИ. № 3.
Шелов Д.Б., 1970. Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н. э. М.
Шелов-Коведяев Ф.В., 1985. История Боспора в VI–IV вв. до н. э. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1984 год. М.
Crace V.R., 1971. Samian amphoras // Hesperia. Vol. XL. No. 1.
Marcenko K., Vinogradov Yu., 1989. The Scythian period in the northern Black Sea region (750–250 BC) // Antiquity. Vol. 63. No. 241.
Roberts S.R., 1986. The Stoa Gutter Well, a Late Archaic Deposit in the Athenian Agora // Hesperia. Vol. 55. № 1.

Ростовский государственный университет
Ростов-на-Дону

V.G. ZHITNIKOV

TO THE PROBLEM OF THE ORIGIN OF THE YELIZAVETOVSKOYE FORTIFIED SETTLEMENT IN THE RIVER DON DELTA

S y m m a r y

Yelizavetovskoye fortified settlement – the largest settlement of scythian time in the North-Estern Azov sea coast region – appeared in the end of the VI c. B.C. as winter quarters of the nomadic or semi-nomadic population. Usually its rise is connected with the beginning of the process of sedentarization of the nomads of the Low Don. Yet the comparative analysis of the burial rite demonstrates significant differences between the burials of the steppe territory of the river Don basin of the VI c. B.C. and the Yelizaverovsk grave of the V c. B.C. Comparison of the basic types of the moulding ceramics of the mentioned sites does not allow to speak about the continuity of the ceramics complexes. Consequently, the appearance of the Yelizavetovskoye settlement was not connected with the activities of the local steppe population. Analysis of the military-political situation which had occured in the Low Don Region in the end of the VI – the beginning of the V c. A.D. (cessation of existence of the Taganrog settlement of Greeks, definite desolation of the Low Don steppes) allows to connect the appearance of ther Yelizavetovskoye settlement with the most important changes of the military-political and demographical situation in the northern Black Sea coast region in the mentioned time and with the appearance of the new group of barbarians in the end of the VI c B.C. in the Low Don. From this time on in the delta of Don there was developing the local version of the scythian culture of their own.

Н.А. КРЕНКЕ, Н.В. ЛОПАТИН

ПЕТРОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ КЕРАМИКИ ГОРОДИЩА ДЬЯКОВО И ТУШЕМЛЯ

Памяти Александра Георгиевича Черняховского

Авторы имели недолгое счастье общения с А.Г. Черняховским (1929–1988), доктором геолого-минералогических наук, сотрудником Института географии АН СССР. Александр Георгиевич сочетал в себе высокий профессионализм в своей области знаний с искренней любознательностью по отношению к памятникам археологии и готовностью прийти на помощь археологам. А помощь эта была действительно необходима, ведь сталкиваясь с реальностями «земли», мы часто оказываемся неспособными ответить на самые элементарные вопросы на основе гуманитарных знаний. Так, например, очень сложно было определить и, главное, доказать, что тонкие белесые прослойки в культурном слое Дьякова городища – это зола. Именно с решения этой задачи началось наше сотрудничество с А.Г. Черняховским в 1981 г.

Петрографическое изучение керамики двух хорошо известных, эталонных городищ железного века – Дьякова (Н.А. Кренке, раскопки автора, и Тушемли (Н.В. Лопатин, раскопки Н.П. Третьякова 1955–1957 гг.) было предпринято в 1988 г. с целью получить ответы на ряд конкретных вопросов. В значительной степени текст данной статьи является записью устных комментариев, сделанных А.Г. Черняховским при просмотре шлифов.

I. Керамика Дьякова городища

Относительно дьяковской керамики ставились следующие вопросы:

1. Какова была сырьевая база керамического производства, эксплуатировались ли какие-либо специальные месторождения глины?

2. Менялась ли сырьевая база на протяжении многовековой истории конкретных поселений?

3. Возможно ли по петрографическим признакам выделить привозную керамику?

4. Каковы особенности состава керамического теста у групп керамики, выделенных при разработке археологической типологии, различаются ли эти группы и по петрографическим признакам?

В коллекции из раскопок Дьякова городища и близлежащего селища Чертов Городок было отобрано для петрографического изучения 22 образца керамики, 3 льячки, 3 «рогатых кирпича» (очажные подставки?), 2 куска обмазки. Образцы отбирались с таким расчетом, чтобы были представлены все основные стратиграфические горизонты и типы керамики, выделенные при археологической классификации.

Сравнение шлифов керамики со шлифами льячек, обмазок и «рогатых кирпичей» позволило установить, что сырье для изготовления последних отличалось от сырья, шедшего для производства керамики.

Исходным сырьем для производства льячек, обмазок и «рогатых кирпичей», по всей вероятности, служили покровные суглинки, в том числе подзолистый горизонт и горизонт Bt. Это доказывается гранулометрическим составом образцов (они по су-

© Н.А. Кренке, Н.В. Лопатин, 1997 г.

ществу представляют собой алеврит, глины очень мало), наличием неразрушенных почвенных структур (кутаны-натеки). В одном из образцов обмазки был обнаружен даже фитолит.

Во всех образцах, полученных не из керамики, отсутствовали искусственные добавки дресвы (имевшиеся дериваты гнейсов были окатаны и, по всей вероятности, их надо рассматривать как естественную составляющую). В тесто, из которого изготавливались «рогатые кирпичи» и льячки, добавлялся заполнитель органического происхождения. Петрографический анализ не выявил каких-либо значимых различий между образцами льячек и «рогатых кирпичей» из верхнего и нижнего слоев Дьякова городища.

Изучение шлифов керамики показало, что различия петрографических характеристик не зависят от того, из какого слоя происходят образцы. Нет достоверных различий и между керамикой Дьякова городища и расположенного в 400 м от него селища Чертов Городок.

Основным варьирующим признаком является гранулометрический состав образца (степень «жирности» и «тощести» исходного сырья).

Два образца древнейшей текстильной керамики с гребенчатым штампом VIII–VII вв. до н.э., взятые с Дьякова городища и Чертова Городка, оказались различными по составу алевритного материала. Искусственная примесь гнейсовых зерен валунного происхождения в обоих образцах была одинаковой.

Из нижнего слоя Дьякова городища (V–III вв. до н.э.) было отобрано четыре фрагмента текстильной керамики от разных горшков. Сырье, взятое для их изготовления, происходит из разных мест (как минимум разные горизонты одной ямы). Один из этих образцов резко отличается от всех остальных наличием карбонатов. Глинистого материала в этом образце было довольно мало (тесто тощее). Возможное происхождение – морена, глубокие части покровных суглинков. Другой образец – тоже «тощий», но без карбонатов. Глина двух других образцов из нижнего слоя – жирная, алевритного материала мало. В одном образце имеется хорошо окатанный мелкопесчаный материал, в другом песка очень мало, но есть железистые обломки (обр. Д-4, рис. 1, *1*), что дало основание А.Г. Черняховскому предположить, что сырьем послужила мезозойская глина. Искусственный отощитель во всех образцах был одинаковый – дробленый гнейс. Принципиальных различий между сырьем, из которого изготавливались древнейшая дьяковская керамика VIII–VII вв. н.э. и керамика V–III вв. до н.э., не прослеживается.

По шлифам, сделанным с образцов грубой кухонной посуды и крупных сосудов для хранения продуктов из нижней и средней части верхнего слоя Дьякова городища, удалось установить, что часть из них сделана из жирной или очень жирной глины, содержащей мало алевритных частиц. В качестве искусственного заполнителя применялись гнейсы. В одном образце имелись единичные обломки керамики (шамот) или неразмокшей глины. Образец единственного на городище штрихованного горшка относится к вышеописанной группе и ничем принципиально из нее не выделяется (обр. Д-6, рис. 1, *2*).

Ряд образцов грубых гладкостенных или слегка заглаженных сосудов был сделан из более низкосортной, тощей глины (обр. Д-9, рис. 1, *4*). Один из таких образцов, по предположению А.Г. Черняховского, мог быть сделан из суглинка, взятого в верхних почвенных горизонтах (образец имеет песчано-алевритный состав, глинистых частиц мало). Различия в количестве слюды, соотношение глинистого, алевритного и песчаного материалов указывают на то, что сырье для грубой гладкостенной керамики из низкосортной глины бралось из разных мест (не из одной ямы или, по крайней мере, из разных ее горизонтов).

Два образца профилированной текстильной керамики из средней и верхней части верхнего слоя Дьякова городища не отличались по петрографическим характеристикам от грубой гладкостенной керамики верхнего слоя. Один текстильный черепок был почти тождествен гладкостенному, сделанному из очень жирной глины, сырье другого было несколько грубее.

Рис. 1. Дьяково городище. Образцы керамики. *1* – Д-4 (кв. 147, яма в материке), текстильный; *2* – Д-6 (кв. 56, гл. 270), штрихованный; *3* – Д-9 (кв. 75, гл. 210), гладкостенный, слегка заглаженный: *4* – Д-13 (кв. 108, гл. 225), подлощенный

Подлощенная керамика из средней и верхней части верхнего слоя (I–IV вв. до н.э.) изготовлена преимущественно из жирной глины, в которой алевритная составляющая практически отсутствует. Гнейсовый искусственный заполнитель хорошо подобран по размеру (отвеян?). Среди подлощенных сосудов встречен один, сделанный из гораздо более тощей глины (обр. Д-13, рис. 1, *3*). Черепок чернолощеной керамики не имел каких-либо специфических особенностей, которые указывали бы на особые сырьевые источники (обр. Д-17, рис. 2, *1*).

Из двух черепков, отобранных в самом верхнем горизонте верхнего слоя (V–VII вв. н.э.), один (отр. Д-18, рис. 2, *2*) ничем принципиально не отличался от более древних образцов гладкостенных сосудов, другой имел ярко специфическую особенность – его тесто было чрезвычайно насыщено слюдой, являвшейся естественным компонентом сырья. Этот черепок отличался от других и по составу заполнителя (керамики, песок). По внешним же морфологическим показателям этот сосуд особенно не выделялся: типичная для Дьякова городища подлощенная миска с прямым венчиком, отогнутым под углом, т.е. тип посуды, который характеризует финальный этап функционирования поселения.

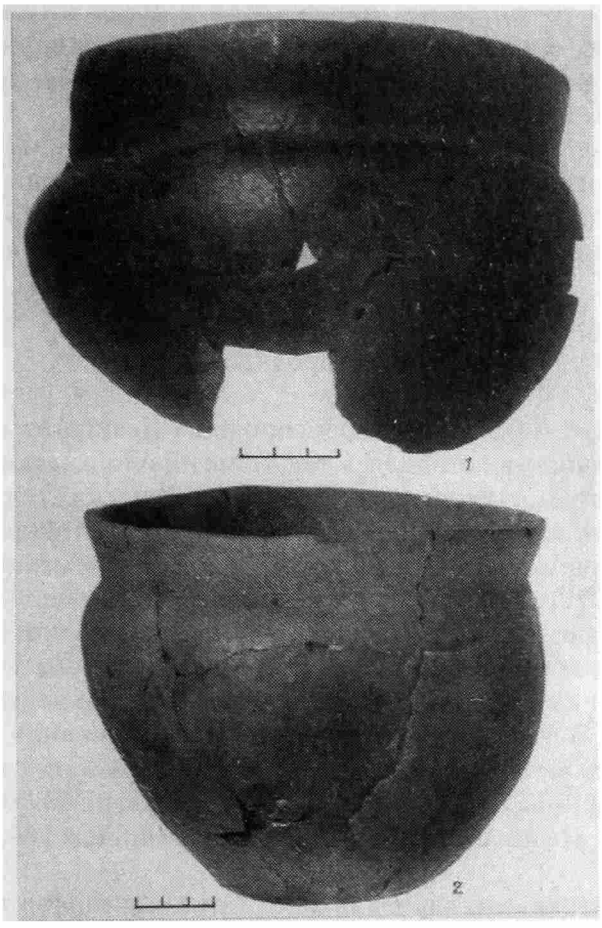


Рис. 2. Дьяково городище. Образцы керамики. *1* – Д-17 (кв. 259, гл. 140), черно-лощеный с двусторонним лощением; *2* – Д-18 (кв. 256, гл. 160), гладкостенный

С древнерусской круговой керамики XI–XIII вв., найденной на городище, было изготовлено три шлифа. Они так же, как и шлифы с керамики железного века, оказались неоднородными: два образца были изготовлены из жирной глины, а один – из тощей, причем этот образец отличался обилием слюды.

Глина, из которой была изготовлена древнерусская керамика, отличалась от глины дьяковской керамики меньшим содержанием карбонатов. Слюдистый древнерусский образец был похож на слюдистый дьяковский. Гнейсовая дресва в древнерусской керамике такая же, как и в дьяковской.

Выводы: 1) Ряд категорий глиняных изделий («рогатые кирпичи», льячки, обмазки) и некоторые сосуды изготавливались из подручного низкосортного материала – верхних почвенных горизонтов покровных суглинков, широко распространенных в ближайших окрестностях городища. Большая часть керамики во все периоды существования городища изготавливалась из настоящих глин или относительно глубоко залегавших горизонтов покровных суглинков.

2) Единообразие спектра петрографических характеристик керамики разных стратиграфических горизонтов указывает на то, что, по всей вероятности, во все периоды жизни городища сырьевая база керамического производства не менялась. Сырьем служили, видимо, различные горизонты мезозойских отложений, имеющиеся близ городища. Разнообразие глин, из которых изготавливалась как дьяковская, так и древнерусская керамика, позволяет предположить, что не было какого-либо единого месторождения, служившего сырьевой базой керамического производства на городище.

3) Единичные образцы керамики, которые, с точки зрения петрографии, выделялись из остальной массы, по другим археологическим параметрам не были чем-либо

примечательными. В то же время фрагменты, с археологической точки зрения уникальные, возможно, происходящие от привозных горшков (штрихованный, чернолощеный, профилированный текстильный), по петрографическим характеристикам существенно не отличались от остальных.

4) Необходимо более тщательно изучить, являлось ли наличие шамота в образце дьяковской керамики из финального горизонта культурного слоя случайным или фиксирует появление новой традиции.

5) Следующим этапом работы должно стать петрографическое изучение местных глинистых отложений.

II. Керамика городища Тушемля

Помимо сформулированных выше для городища Дьяково вопросов при изучении керамики городища Тушемля ставилась также методологическая задача – сравнение результатов петрографического исследования керамических образцов и определения признаков технологии керамики с помощью наблюдения изломов и поверхностей фрагментов в бинокулярный микроскоп по методике, разработанной А.А. Бобринским (Бобринский А.А., 1978, с. 84–99). Такой подход к проблеме вытекает из необходимости четкого понимания археологами возможностей того или иного метода при постановке конкретных вопросов изучения технологии древних производств, и в частности гончарства. В литературе можно встретить разные мнения о преимуществах отдельных методов. В частности, И.Г. Глушков, ставивший специальную задачу сопоставления разных методов изучения керамики, пришел к выводу, что при изучении состава формовочных масс наиболее пригоден петрографический метод (Глушков И.Г., 1995, с. 6). Ниже приведены некоторые данные, свидетельствующие об обратном.

Результаты сравнительного изучения некоторых признаков технологии керамики трех городищ, в том числе Тушемли (верхний слой), по методике А.А. Бобринского уже публиковались Н.В. Лопатиным (Лопатин Н.В., 1987).

Для петрографического анализа были отобраны 28 образцов керамики городища Тушемля от разных сосудов, в том числе 4 (Т-1–4) – из нижнего слоя, относящегося к днепро-двинской культуре раннего железного века, 8 (Т-5–12) – из среднего культурного слоя, представляющего культуру «типа среднего слоя Тушемли» (рис. 3) и 16 (Т-13–28) – из верхнего слоя, так называемой «тушемлинской культуры» (рис. 4). Образцы Т-7, 8, 9 и Т-22, 23, 25 имели лощеную поверхность.

В результате анализа выявлено, что все образцы имели одинаковый в качественном отношении состав пород и минералов. Формовочные массы состояли из двух компонентов: 1) алевро-глинистой основной массы и 2) гранитно-гнейсовых добавок.

1. Алевритовые частицы (кварц, полевой шпат, слюды, роговые обманки) – неокатанные, имеют размеры 0,05–0,1 мм, изредка крупнее. Среди образцов имеются различия по соотношению глины и алеврита в естественной массе (более тонкие и более грубые), но принципиальных различий, которые свидетельствовали бы о происхождении глины из разных месторождений, нет.

Отсутствие в глине карбонатных включений свидетельствует о том, что она добывалась с небольшой глубины (не более 3 м). Однородный состав, незначительное количество органики, относительно небольшое содержание песка и алеврита говорят о добывании глины не из верхних горизонтов почвы (ниже верхней части горизонта В).

Во всех образцах зафиксированы окатанные кварцевые частицы (песчинки) размерами 0,2–0,5 (редко до 0,8) мм. Ряд признаков свидетельствует, что они являются естественным компонентом глинистой массы: небольшие размеры, небольшое количество (1–4) в каждом шлифе (оба признака – по сравнению с искусственной добавкой – дресвой, см. ниже), стабильное присутствие в каждом образце.

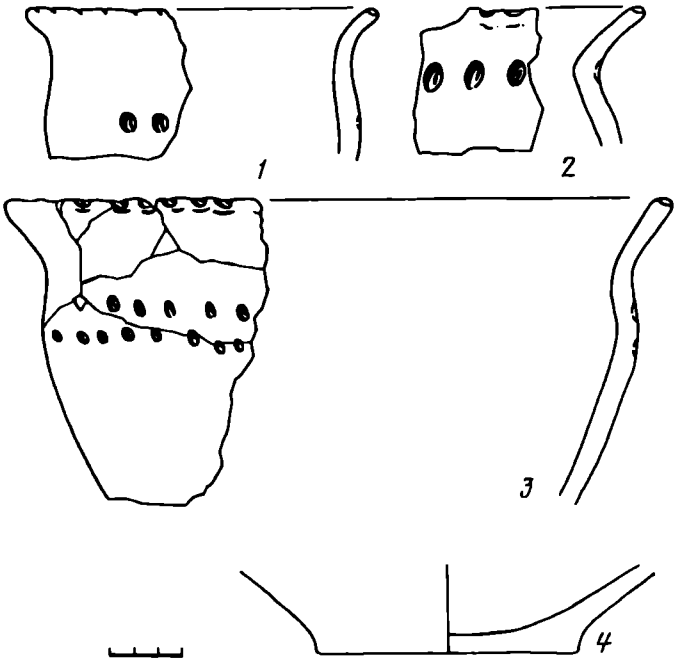
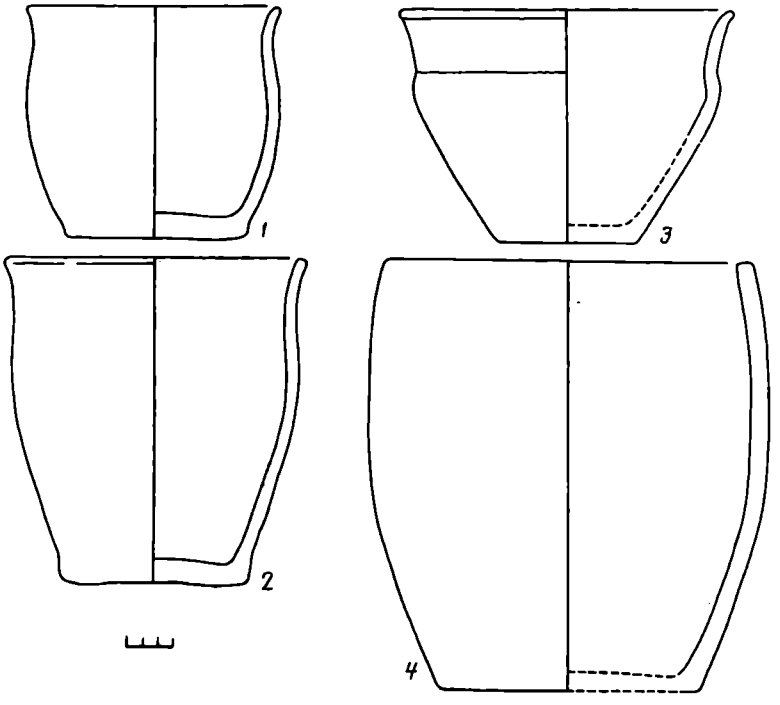


Рис. 3. Средний слой городища Тушемля. Образцы керамики. *1* – Т-11; *2* – Т-5; *3* – Т-6 (все грубые); *4* – Т-9 (лощеный)



Ртс. 4. Верхний слой городища Тушемля. Образцы керамики. *1* – Т-20, *2* – Т-16 (грубые); *3* – Т-23; *4* – Т-25 (лощеные)

В некоторых образцах отмечены конкреции гидроокислов железа (Т-1, 3, 6, 11). К естественной составляющей глинистой массы, по всей вероятности, относятся и отдельные включения выгоревшей органики.

2. Гранитно-гнейсовые добавки получены путем разрушения валунов моренного происхождения. Они состоят из следующих минералов: кварцы, калиевые полевые шпаты (нерешетчатые и с микроклиновыми решетками), кислые плагиоклазы, мус-

ковитовые слюды (белые), биотиты (черные слюды). Моренные валуны легко разрушаются без нагревания, причем чем больше в породе биотита, тем легче она разрушается. Такая дресва более характерна для образцов из верхнего культурного слоя.

Частицы искусственной добавки остроугольные; их размеры, зафиксированные в шлифах, – около 1 мм и более. Частицы размерами 1,0–1,5 мм зафиксированы во всех образцах (кроме Т-3 и Т-11) в количестве от 1 до 6; размерами 1,6–2,0 мм – в 18 образцах (кроме Т-7, 9, 16, 17, 20, 21, 23, 26–28) в количестве от 1 до 5; размерами 2,1–3,0 мм – в 7 образцах (Т-3, 5, 6, 10, 19, 24, 25) в количестве от 1 до 3; размерами более 3 мм – в 6 образцах (Т-2, 3, 12–14, 28) по 1 шт. Таким образом, зерна дресвы не более 1,5 мм в поперечнике зафиксированы в следующих образцах: Т-7, 9, 16, 17, 20, 21, 23, 26, 27.

Во многих образцах глина частично или полностью аморфизирована, что говорит о температуре обжига в диапазоне 600–900° (частичная аморфизация) и не менее 900° (полная аморфизация – Т-13, 15–17, 19, 21, 26, 28).

* * *

Полученные данные об искусственных минеральных примесях сравнивались с проведенными ранее определениями тех же образцов с помощью бинокулярного микроскопа. Всего определенных дважды образцов оказалось 15. В таблице приводятся данные определения двумя разными методами (через дробь: петрографический/бинокулярный) следующих признаков: наличия конкреций гидроокислов железа (бурого железняка); наибольшего размера частиц естественной примеси – окатанного песка (в мм, округленно до целых в сторону увеличения); наибольшего размера частиц искусственной примеси – дресвы (в мм, с таким же округлением. Данные определений в бинокулярный микроскоп – два значения через тире: регулярно встречаемые – редко встречаемые частицы).

По представленным сопоставлениям можно сделать следующие выводы. Качественный состав примесей (искусственных и естественных) определен в целом одинаково. Нечасто встречающиеся включения конкреций гидроокислов железа относительно чаще наблюдаются в изломах фрагментов с помощью бинокулярного микроскопа, чем в прозрачных шлифах (но ни разу наоборот). Естественная примесь мелких песчинок (менее 1 мм в поперечнике) определена во всех случаях, однако наблюдение

Таблица

Сравнение результатов определения примесей в керамике разными методами

Образец	Бурый железняк	Песок	Дресва
Т-5	–/–	1/1	3/4–6
Т-6	+/+	1/1	3/5–9
Т-7	–/–	1/2	2/1–2
Т-8	–/–	1/1	2/2–7
Т-9	–/–	1/2	2/2–3
Т-10	–/+	1/3	3/4–6
Т-11	+/+	1/1	2/4–6
Т-12	–/+	1/1	4/4–8
Т-13	–/–	1/2	4/3–7
Т-15	–/–	1/1	2/3
Т-16	–/–	1/1	2/3
Т-20	–/–	1/1	2/3–8
Т-22	–/–	1/1	2/3
Т-23	–/–	1/2	2/2
Т-25	–/–	1/2	3/3–4

изломов и поверхностей иногда фиксирует единичные более крупные включения (2–3 мм в поперечнике).

Существенно различаются результаты определения размерности искусственной примеси – дресвы. Наблюдение крупных частиц в изломах и поверхностях черепков позволяет выделить более грубые формовочные массы (с включением до 9 мм) и более тонкие, которые применялись для изготовления столовой посуды (с включениями дресвы не более 2–3 мм в поперечнике). При изготовлении шлифа, естественно, вероятность попадания в его плоскость наиболее крупных частиц невелика. Поэтому, ни в какой мере не оспаривая очевидных достоинств петрографического анализа при минералогическом изучении керамики (характеристика исходного сырья, сопоставление изделий с конкретными месторождениями и др.), нужно учитывать, что данные о наибольших размерах искусственных минеральных примесей, весьма важные при изучении керамики (в частности, лепной керамики железного века Восточной Европы), этим методом получены быть не могут.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бобринский А.А., 1978. Гончарство Восточной Европы. М.

Глушков И.Г., 1995. Керамика как археологический источник (методика технологической диагностики лепной посуды). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск.

Лопатин Н.В., 1987. К соотношению керамики верхних слоев Тушемли, Демидовки и Колочина (опыт привлечения некоторых данных о технологии) // Социально-экономическое развитие древних обществ и археология. М.

Институт археологии РАН,
Москва

N.A. KRENKE, N.V. LOPATIN

PETROGRAPHICAL STUDY OF THE CERAMICS OF DYAKOVO AND TUSHEMLYA FORTIFIED SETTLEMENTS

Summary

In the article there are considered the possibilities of the petrographical method of study of ceramics applicable to the materials of the two well-known Iron Age sites of the Eastern European forest zone – Dyakovo and Tushemlya. Samples of clay works were analysed by the authors under the leadership of the Doctor of geological – mineralogical sciences A.G. Chernyakhovsky. The tasks had been set to reveal the differences in the mineralogical contents of various groups of ceramics, separated according to the archaeological characteristics – from different stratigraphic horizons, kitchen- and tableware, local and assumably imported as well as other commodities made of clay. There have been received data characterizing the pottery manufacture. Yet they do not reveal the synonimous correlation with the mentioned subdivisions of material. A series of samples from Tushemlya was analysed also with the help of observation through binocular microscope according to the methodology of A.A. Bobrinsky. It has been clarified that this method is more preferrable at the definition of the size of the particles of mineral admixtures, especially of the large ones.

П. БЕРНАР, К. АБДУЛЛАЕВ

НОМАДЫ НА ГРАНИЦЕ БАКТРИИ

(к вопросу этнической и культурной идентификации)*

В третьей четверти II в. до н.э. греческое государство, которое со времени экспедиции Александра господствовало над долиной среднего течения Окса, от Гиндукуша на юге до гор Гиссара на севере, исчезает под натиском кочевников. Завоевание Греко-Бактрии, начатое с правобережья и восточной оконечности левого притока р. Кокчадарья, где к 145 г. до н.э. гибнет греческий город Ай-Ханум, завершается к 130 г. до н.э. с правлением Гелиокла – последнего греческого царя Бактрии. К югу от Гиндукуша и в Пенджабе греческая гегемония продолжается вплоть до 20 г. до н.э.

О номадах свидетельствуют некоторые отрывочные тексты классических авторов: одна фраза Страбона, несколько параграфов китайской хроники. Согласно Страбону (XI, 1, 8, 2), «самые известные кочевники, которые проживали к востоку от Каспийского моря, те, которые захватили у греков Бактрию – Асии, Пасианы, Тохары и Сакаравлы».

Китайские источники Ши Цзы, Хань Шу, Хоу Хань Шу говорят о них как о юэчжах, кочевавших между Дуньхуаном и горами Цянь Линь (Тянь-Шань или хребет Кансу?). Юэчжи были изгнаны к 174 г. из своих земель другими кочевыми племенами. Они обосновались в области, заключенной между долиной Или и Тянь-Шанем, откуда они вытеснили обитавших здесь саков. Через некоторое время они пересекают Даюань (Фергана) и останавливаются в Бактрах в стране Дася. В 120 г. китайский посол Чжань Цзянь находит их обосновавшимися на правом берегу Окса. Южная Бактрия еще не была ими оккупирована, но власть юэчжей уже распространялась и на этой территории.

В хронике Хоу Хань Шу, которая заключает более позднюю информацию о путешествии Чжань Цзяня, о тех же юэчжах говорится, что они имели свою столицу в Ланьши (возможно, речь идет о Бактрах)[1]. Чуть позже после сообщения Чжань Цзяня они завершили завоевание греческой Бактрии. Мы увидим, что на самом деле Западная Бактрия за Бактрами была отвоевана у греков другой этнической группой кочевников, которые еще долго сопротивлялись юэчжам.

В перечислении четырех кочевнических народов у Страбона юэчжи, очевидно, появляются под именем тохаров. В индийских и китайских источниках IV в. н.э. Бактрия называлась Тохаристаном или «страной тохаров», скорее всего, по имени своих главных завоевателей, юэчжей китайских источников, предков основателей кушанской династии, которая в течение первых веков нашей эры создала империю более обширную, чем греки.

Долгое время мы не располагали данными о культуре кочевников – завоевателей Бактрии, кроме скромного по своему археологическому материалу некрополя Тепа-и Шах с его скупыми данными о погребальном комплексе, антропологическом типе и этнической принадлежности погребенных (Литвинский Б.А., Седов А.В., 1983).

---

* Первая часть представляет сокращенный и несколько переработанный перевод статьи П. Бернара (см. Bernard P., 1987, p. 758–768). Вторая часть написана К. Абдуллаевым.

[1] О локализации см. (Абдуллаев К.К., 1994, С. 6, 7).

© П. Бернар, К. Абдуллаев, 1997 г.

В настоящее время стало возможным составить более конкретное представление о них благодаря двум памятникам. Один из них – Халчаян на правобережье Окса, в долине Сурхандарьи (открытый более 30 лет тому назад) (Пугаченкова Г.А., 1966; 1971; 1987а), другой – Тилля-тепе на левобережье Окса, в Западной Бактрии, исследовался более 10 лет тому назад (Сарианиди В.И., 1983; 1984; 1986; Sarianidi V.I., 1984).

Эти памятники гораздо полнее и разнообразнее представляют облик культуры двух народностей, которых мы считаем главными участниками завоевания греческой Бактрии, – юэчжей в центре и на востоке, саков и сакаравлов на западе.

Постройка сакской усадьбы в Халчаяне в среднем течении Сурхандарьи датируется рубежом нашей эры и приписывается одному из вождей кочевого племени юэчжей. Эта атрибуция основывается на сходстве физического облика с характерными монголоидными признаками главных участников сцены, представленных в Халчаяне, с монетными выпусками некоего Герая, правившего в это время в данном регионе. На монетах имя Герая сопровождается эпитетом «Кушан». Из китайских источников известно, что глава одного из кланов юэчжей, называемой Кушаном, известен на начальном этапе образования Кушанской империи, которая формировалась на территории Бактрии.

Идентификация персонажей рельефов зала Халчаяна как осевших кочевников юэчжей представляется убедительной. На основе 20 значительных фрагментов, найденных на полу, Г.А. Пугаченкова восстанавливает группу всадников, несущихся галопом, вправо на композиции. Она видит в них победное возвращение отряда всадников юэчжей, сопровождаемых эскадроном союзников – бактрийских всадников. Идентификация первых не вызывает каких-либо сомнений – они одного этнического облика с царской фамилией, те же монголоидные черты с вытянутыми раскосыми глазами, бровями, поднятыми к виску, с покатым лбом и уплощенным затылком, длинными прямыми волосами, зачесанными назад и перетянутыми лентой, с усами и длинными бакенбардами. Они одеты в широкие штаны и куртку до середины бедер, стянутую на талии, с длинными рукавами. Зато идентификация вторых представляется спорной. Г.А. Пугаченкова предлагает видеть в них представителей бактрийской знати по двум причинам: во-первых, потому что они совершенно иного физического, чисто европеоидного облика, к тому же с густой бородой и усами; во-вторых, они носят тяжелое обмундирование катафрактариев (кирасу из больших четырехугольных пластин, опускающуюся до колен); «они не могли быть не кем иным, как представителями местного парфянского и бактрийского населения» (рис. 1).

Однако этот момент не может не вызвать возражений. Если речь идет о победоносном возвращении смешанного отряда союзников, как объяснить тогда, что один из юэчжей показан натягивающим лук, а оседланная лошадь без всадника будто потеряла своего седока; среди фрагментов имеются пустое облачение катафрактария и копыто лошади, наступившей на кирасу катафрактарии.

По нашему мнению, речь идет о сцене сражения, где легкая кавалерия юэчжей побеждает тяжелых катафрактариев. То, что две группы четко представлены как противники, подтверждает соседнее панно, где изображена царская фамилия. Один из юэчжей держит у ног кирасу катафрактария, как бы демонстрируя трофей, завоеванный у врага.

Может возникнуть возражение против этой гипотезы о сцене сражения между двумя группами всадников. Семь лошадей, изображениями которых мы располагаем, скачут в одном направлении – слева направо, за исключением одной, идущей справа налево. Ответом может быть предположение, что это не столкновение двух отрядов, но бегство катафрактариев, преследуемых юэчжами. Эта схема преследования, данная при сражении, вписывается в традицию иранского мира и примеров тому предостаточно: роспись Дура Европос III в. н.э., наскальный рельеф из Фирузабада, запечатлевший триумф Ардашира, основателя сасанидской династии, над последним парфянским царем Артабаном V в 224 г., наскальный рельеф из Накш-и Рустама со

Рис. 1. *1* – голова воина в шлеме и бронированном вороте из Халяаяна; *2, 3* – глиняное изображение доспехов, Халчаян; *4* – фрагмент настенной росписи с изображением воина в шлеме, с развивающейся лентой-диадемой, Дальверзинтепа; *5* – фрагмент росписи с изображением головы коня, защищенной броней, Дальверзинтепа; *6* – изображение воина в доспехах и развивающейся лентой на монетах индо-сакских правителей; *7* – изображение воина со сложносоставным луком на реверсах раннесогдийских монет; *8, 9* – бюст правителя на раннесогдийских монетах, прическа с длинными висячими бакенбардами; *10* – голова персонажа из Халчаяна с характерными длинными бакенбардами

сценой победы Хормизда II (302–309 гг.) над известным противником. Истоки композиции конного преследования следует искать в искусстве степных народов, как это показывает маленькая золотая пластина из сибирской коллекции Петра Великого, датировка ее спорна, но она определенно датируется временем ранее завоевания Александра (Rudenko S., 1966, pl. XXII, *18*, fig. 29; Schiltz V., 1994, fig. 256). Хотелось бы видеть на этой пластине возвращение из сражения пяти воинов, везущих тела своих двух товарищей. Ясно, что речь идет о группе из двух всадников-кочевников, убегающих с лошадьми убитых, бездыханные тела которых свесились с седел; они преследуются тремя противниками, двое из которых натягивают луки, между тем как третий занес свое копье над одним из еще живых беглецов.

Можно ли продолжать видеть в катафрактариях композиции царской резиденции Халчаяна представителей бактрийской знати после исправления основного смысла сцены? A priori ничто не противоречит гипотезе. В действительности легко допустить, что местная аристократия во время нашествия юэчжей должна была стоять на стороне греков. С другой стороны, ничто не мешает считать, что вооружение катафракта-

риев, остатки которого были найдены в арсенале греко-бактрийского Ай-Ханума (Grenet F., et al., 1980, p. 60–63), могло быть предназначено одному из таких бактрийских наемников. Возможность того, что на фризе из Халчаяна запечатлено завоевание Бактрии юэчжами, довольно мала, потому что изображения греков в композиции отсутствуют. Ими не могут быть те бородатые персонажи, которые облачены в доспех катафрактария.

М.В. Горелик, посвятивший специальную работу вооружению, утверждает, что катафрактарии были известны многим кочевым народам между Аралом, Тянь-Шанем и Памиром (Горелик М.В., 1987, с. 110–113). Эти народы перенимали опыт в техническом и материальном оснащении на территории обширной ахеменидской державы и в Китае, с которыми имели различные столкновения. Сведения, полученные из нумизматического материала областей к западу от Бактрии, указывают на то, что в катафрактариях Халчаяна можно видеть других кочевников, с которыми столкнулись юэчжи во время завоевания Бактрии.

Первое свидетельство, которое мы извлекаем из монет царевича-номада Танлисмаидата, правившего в I в. до н.э. в области примерно к западу от Бактр (один экземпляр был куплен в Маймане), связано с тем фактом, что второй элемент его составного имени – Маидат (-mai/h-dat,,), «данный Луной», является иранским по происхождению. На этих монетах бюст Танлисмаидата представлен в высоком воротнике, идентичном «воротникам» катафрактариев Халчаяна (Mitchiner M., 1975, types 607, 608). Кроме того, на голову царя надета каска, плотно облегающая голову, снабженная назатыльником и нащечниками, очень схожими с касками катафрактариев Халчаяна, включая короткий козырек шлема, который можно различить лишь на очень хорошо сохранившихся экземплярах.

Со второй половины II в. до н.э., в то смутное в истории кочевнических племен время, цари индо-скифской династии, которые позднее, в I в. до н.э. и в начале I в. н.э., правили Арахосией и Панджабом, были отброшены в западные провинции греко-бактрийского царства. На своих монетах они изображаются верхом на лошади, в катафрактарном доспехе. Он идентичен вооружению противников юэчжей из Халчаяна: кираса с длинной юбкой из больших металлических пластин четырехугольной формы, нашейник (назатыльник) с утолщением по краю, шлем, плотно облегающий голову и закрывающий затылок и уши.

Вернемся теперь на северо-запад Афганистана, в регион, откуда происходят монеты Танлисмаидата, и остановимся на необычном некрополе Тилля-тепе, открытом в главном оазисе р. Сар-и Пул, в сотне километров к западу от Бактр. Судя по типу одежды и ее украшению нашивными бляшками, инкрустированным драгоценными золотыми украшениями, шесть погребенных этого некрополя относятся к царскому роду осевших кочевников из оазиса современного Шибаргана, которые, вне всякого сомнения, имели своей резиденцией Емши-тепе, главный городской центр оазиса, расположенный на расстоянии 500 м от некрополя.

Согласно монетным находкам, шесть захоронений укладываются в период от 50 г. до н.э. до 50 г. н.э. Характер материала, как и наличие одного мужского захоронения, указывает на то, что захоронения были одновременными. Наиболее поздняя дата определяется 19–20 гг. н.э. по ауреусу Тиберия, чеканенному в Лионе. Среди обильного материала особое внимание привлекают несколько предметов из погребения 4, принадлежавшего «принцу».

Наиболее характерным украшением является колье вокруг шеи. Оно состоит из двух симметричных частей, соединенных в центре овальной камеей. Каждая секция составлена из двух шнурков, которые свиты в один крупный шар.

Поиск аналогий приводит нас к образцам монет греко-индийских царей, которые правили в Арахосии и Панджабе в первой половине I в. н.э., наследников индо-скифов, власти которых кушанская династия положила конец. Синхронность захоронения принца из Тилля-тепе с правлением Гондофара – основателя династии (20–45 гг. н.э.) и первого, кто известен нам по изображениям с крупным витым шнуром на шее, дает

еще одну явную аналогию. Значение этого колье как царского знака подтверждается и наличием в нем геммы с гравированным изображением мужчины в уборе типа греко-бактрийской каски.

Эта гемма, думается, не относится к памятникам греческого периода и не используется вторично. Примитивный стиль, использованный гравером для драгоценного материала, говорит о том, что она вышла из местной мастерской, которая еще продолжала работать в «греческой» манере после падения греческой власти. Использование подобного сюжета в украшении призвано было, по всей вероятности, подчеркнуть царскую власть его носителя, несмотря на то что иконографически сюжет близок к греко-бактрийскому комплексу. Однако, несмотря на это, среди правящей знати традиция эта была наиболее устойчивой. Достаточно вспомнить надчеканы на парфянских монетах, где местные царьки оттискивали свое изображение в шлемах и других атрибутах царской власти, характерных для более раннего времени.

Другим предметом, сопровождавшим тилля-тепинского принца, были ножны кинжала, украшенные золотом и инкрустацией из бирюзы и выполненные в «зверином стиле» позднего периода. Эти ножны имеют две пары полукруглых выпуклостей, которые служили креплением их к поясу, шнур обматывался вокруг бедра. Подобный тип крепления ножен четырьмя застежками-выступами известен по различным изобразительным памятникам и нескольким реальным экземплярам по всей парфянской империи и в областях ее культурного влияния: в Центральном Иране (поясная пряжка из области Кермана), Элимаиде (бронзовая статуэтка из Шами), Сузиане (две статуэтки), Пальмире (многочисленные рельефа и статуи), Коммагене, а также по скульптурным изображениям царей Иберии (ножны питиахша Аспаруха в некрополе Мцхеты). На Северном Кавказе он появляется с миграцией сарматов и фиксируется на различных погребальных рельефах первых веков нашей эры, в частности на великолепной обкладке ножен из Горгиппии.

На востоке схожее вооружение можно видеть на эмиссиях царя номадов Гиркода, который правил в I в. до н.э. Монеты его находят в западной части бухарского оазиса и на другой стороне Окса, на его левом берегу, в области Амуля-Чарджоу, где прямая дорога соединяет Согдиану с Маргианой, пересекая великую реку. Находки деревянных ножен аналогичной формы сделаны также на Горном Алтае, где они датированы III–II вв. до н.э. (верхнее течение р. Чу), а также в Туве и Минусинской котловине, что свидетельствует о том, что этот тип ножен с четырьмя лопастями для крепления использовался очень рано в восточных областях, но, кажется, не прослеживается ни у юэчжей, ни в Халчаяне, ни в искусстве кушан и их потомков. Наличие его в некрополе Тилля-тепе примечательно. Что касается парфян, у которых этого типа ножны были столь широко распространены, то они могли продолжать их использовать еще со времени, когда их предки были номадами, или же перенять эту форму у ближайших соседей-кочевников на восточной границе.

В облачении погребенного имеется образец не совсем обычного одеяния, наличие его обнаруживается благодаря золотым бляшкам. Это не куртка с запáхом и не широкие штаны, которые составляли обычную одежду номадов, но просторное и длинное платье, которое окутывало ноги принца до пят. В.И. Сарианиди, автор раскопок некрополя, признал в этом платье царское одеяние, имитирующее персидское платье в сценах представления подчиненных ахеменидским царям. Оно соответствует платью персонажа на подвесках из погребения 2 с изображением божества, держащего двух крылатых драконов, которое В.И. Сарианиди считает мужским, потому что куртка с запáхом на персонаже является мужской.

Подобное пышное платье, подтянутое между ног спереди и сзади двумя шнурками, облегчающими ходьбу или верховную езду, фиксируется на изображениях царей Коммагены (третья четверть I в. до н.э.), а также на изображении двух неизвестных персонажей, которые участвуют в жертвоприношении, совершаемом божеством в храме Бела в Пальмире (38 г. н.э.). На этих двух памятниках, по всей вероятности, наличие его объясняется иранским влиянием.

Однако было бы абсурдным утверждать, что находки Тилля-тепе не имеют ничего общего с юэчжами-кушанами. Существовали сильные культурные традиции, общие для всех степных народов, между которыми были тесные связи различного рода. Материалы некрополей правобережья Окса, раскопанных советскими археологами, показывают, что культура юэчжей не оставила в них какого-либо следа, более того, они имеют аналогии с Тилля-тепе, особенно в том, что касается элементов декора.

Распространение этих кочевнических народов, не подвластных постепенно осевшим на землю юэчжам, по нумизматическим данным и материалам Тилля-тепе, прослеживается к западу от Бактр. Это подтверждается и данными письменных источников, которые помимо текста Страбона, упоминающего лишь самое начало расселения, говорят о массовом приходе в последней трети II в. до н.э. на восточные рубежи парфянской империи кочевников, которые определяются общим термином «скифы», реже, но более точно – «саки» или «сакарауки». Это заставляет вспомнить о современном Сеистане в нижнем течении р. Гильменд, отделяющей Иран от Афганистана.

Сакастан, или «страна саков», упоминается на рубеже нашей эры в дорожном списке «Парфянских стоянок» Исидора Харакского. Парфянские цари искали союза с саками в своих столкновениях сначала с Селевкидами, а затем и с Римом. Они пытаются захватить власть и в Иране. Это с их помощью Синатрук в 78 или 77 гг. до н.э. восходит на трон (Lucian, Macrob., 15). В 30 г. н.э. Фраат IV побеждает претендующего на власть Тиридата с помощью «скифов» (Just, XLII. 6, 5). В 36 г. до н.э. это были снова скифы, которые ассоциировались с дахами и которые поддержали Артабана II, чтобы помешать утвердиться другому конкуренту, поддержанному Римом (Joseph. Ant. XVIII,), однако эти неугомонные соседи часто превращаются в противников парфян. Вызванные Фраатом II на помощь против Антиоха VII Сидета, они подоспевают к концу военных действий, когда победа уже была одержана без них, и требуют выплаты компенсации, что и делает Фраат II (129/128 г. до н.э., Just. XLII. 1–2, 1). Его преемник Артабтан I сталкивается с тем же в 124/123 г. до н.э. в одном из сражений против врагов, которых Помпей Трог называет «тохарами»: это единственный случай, когда название юэчжей появляется в контексте, который не является собственно бактрийским. Митридат II (124/123 – 90 или 87 гг. до н.э.) мстит за эти унижения, нанеся множество поражений скифам (Just. XLII, 2, 5). Именно в этот хронологический промежуток в пограничных областях парфянской империи и греко-бактрийского царства имеют хождение парфянские драхмы с надчеканами и подражания им, представлявшие чекан царьков номадов неюэчжийского происхождения, которые были вовлечены в орбиту исторических событий в парфянской державе.

Находки двух из них в погребениях Тилля-тепе подтверждают связь погребенных данного некрополя с кочевническим населением, которое, согласно классическим источникам, упомянутым выше, играло решающую роль в событиях, происходивших на восточных границах парфянской империи начиная с 130 г. до н.э. (саки и сакарауки). Все же, если принц из Тилля-тепе был выходцем из другого этноса, нежели вышеуказанные, он мог принадлежать одному из племен, название которого до нас еще не дошло (пасианы Страбона, вероятно – апасиаки, находились много севернее, а асиане являются не кем иным, как ветвью тохаров), и культурные корни и этнические истоки следует искать здесь, а не в области юэчжей китайских источников.

Итак, если китайский посланник Чжань Цзянь застает юэчжей обосновавшимися к северу от р. Гушуй (Окс, Амударья), то есть основания предположить, что они заняли чьи-то уже насиженные в этих краях места. Одним из городищ, значительных по своим размерам и наиболее соответствующим описаниям китайских хроник, является Дальверзинтепа – памятник, расположенный в среднем течении Сурхандарьи, одного из притоков Окса. Археологическое изучение Дальверзинтепа (Институт искусствознания им. Хамзы, руководитель – Г.А. Пугаченкова) дало блестящий материал по культуре населения данного региона. Не останавливаясь подробно на его характеристике, изложенной в публикациях, отметим некоторые особенности в статиграфической

картине памятника, в которой особенно выделяются слои греко-бактрийского (XVIII–XIX ярусы), юэчжийского (XVIII – середина XVII ярусов) периодов (Тургунов Б., 1978, с. 47–61).

Особое внимание привлекает дом богатого горожанина (Беляева Т., 1978), вскрытый в одном из центральных кварталов древнего города вместе с комплексом богатого домовладельца (Дт-6) (Тургунов Б., 1978, С. 47–61), расположенным неподалеку. Они представляют собой образцы жилой архитектуры города. В процессе раскопок дома богатого горожанина были найдены два фрагмента настенной росписи. Остановимся подробнее на условиях их находки. Следует сразу же отметить, что слой, в котором были расчищены два крупных фрагмента с росписью, предшествовал первым существенным ремонтным работам, произведенным, как полагает автор раскопок, после каких-то сильных разрушений здания. Относительно контекста находки автор пишет: «В ходе ремонтных работ все стены были покрыты новой глиняной штукатуркой из хорошо отмученной глины (тип 2)[2]. Просушенная штукатурка покрывалась известковыми побелками, только в помещении 8 и на западной стене в нише помещения 10 покрытие произвели тонким раствором и росписью. Характер росписи в помещении 8, дошедшей лишь в крошеве, не выяснен, но ясно видны розовый, желтый цвета и черные полоски. В нише помещения 10 при ремонте роспись была сбита. Реставраторам удалось закрепить два небольших куска. На мелких фрагментах видна окраска в ярко-красный, голубой, розовый, желтый цвета и черные тонкие линии. Два упомянутых куска – сюжетные: на одном просматривается часть головы коня коричневой масти в панцирном наморднике синего цвета, взятого в уздцы (рис. 1, *5*); на другом изображено лицо мужчины с бородой и усами, повернутое вправо, в шлеме голубого цвета (рис. 1, *4*). Перед лицом мужчина держит меч, окрашенный в желтый цвет, через который просвечивается щека и глаз» (Беляева Т., 1978, с. 37).

Как отмечает автор, здание после описанного ремонта функционирует длительное время, не меняя своего структурного облика, за исключением того, что пом. 13 и восточная часть пом. 8 через определенный промежуток времени закладываются, причем под пол пом. 13, по мнению автора раскопок, был спрятан клад с золотыми предметами в керамическом кувшине. Ювелирным украшением из этого клада было посвящено несколько публикаций (Тургунов Б., 1973; Пугаченкова Г.А., Тургунов Б., 1974; Пугаченкова Г.А., 1974; 1976; Воробьева-Десятовская М.И., 1976).

Датирующий материл к вышеописанным фрагментам росписей дает керамика так называемой «второй группы», собранная между первоначальными и ремонтными полами помещений 2, 2а, 3, 11, а также из массы разрушенных кирпичей, лежавших ближе к полу. Многие формы посуды повторяют в основном первую группу, в то же время здесь представлен более широкий ассортимент с разнообразием форм: фрагменты бокалов яйцевидной профилировки на маленькой конической ножке, чаши с отогнутым наружу или вогнутым вовнутрь венчиком, миски с налепами в виде шишечек или же штампованным орнаментом и т.д. Следует отметить большой процент сероглиняной керамики, почти равный, как отмечает автор, количеству красноангобированной. Аналогичные комплексы получены как на самом Дальверзинтепа (Дт-2, Дт-4, Дт-7, Дт-9), так и на других памятниках Бактрии (Кобадиан II–III, Халчаян, Айртам, Бактры II), датированных I в. до н.э. – II в. н.э. (Беляева Т., 1978, с. 42, 43). Итак, выяснив датировку слоя, в котором были найдены два фрагмента настенной росписи, вернемся к анализу изображений.

На первом фрагменте в технике полихромной росписи дано профильное изображение воина в шлеме (рис. 1, *4*). Тонкие черты его лица мастерски очерчены изящными линиями красновато-коричневого цвета, большой глаз, подчеркнутый черной

---

[2] К типу 2 автор относит наслоение в 15 мм из хорошо отмученной плотной и твердой глины желтовато-коричневого оттенка. Далее на штукатурку нанесен плотный по консистенции известковый раствор. Подобных слоев побелки насчитывается 4–5 общей толщиной 4 см. Характерно, что этот слой был вскрыт на большой площади здания (Беляева Т., 1978, С. 37).

краской, дугообразная бровь, прямой нос, клиновидная борода с тонкими усами. Все признаки указывают на европеоидное происхождение персонажа. Интересен шлем воина: его форма приближается к конической, он окрашен в синевато-голубоватый цвет, передающий, по всей вероятности, цвет стали. Самая верхняя часть повреждена, этот участок росписи не сохранился, однако выше остался кусочек росписи, окрашенный тем же цветом, что и шлем; если мысленно соединить его с остальной частью, то получится форма греческого шлема. Не исключено также, что этот кусок отстал от утраченной части; с учетом этой возможности шлем обретает форму, близкую к шлемам, изображенным на халчаянских скульптурах. В верхней части шлем разделен на горизонтальные полосы, передающие концентрические металлические пластины, которые крепились посредством заклепок (одна из них показана слева). У виска шлем имеет выемку, далее, закрывая лоб, он загибается вверх, образуя небольшой козырек (халчаянские изображения). Затылок и шея воина были защищены, по всей вероятности, бронированным воротником. На эту деталь указывает наличие вертикальных, находящих друг на друга пластин, показанных тонкими линиями с точечными вкраплениями по центру (крепления). Представляет интерес деталь в виде прозрачной желтой полосы, находящей на лицо и шлем воина в нижней части, как бы образуя узел; второй конец ее заходит за спину персонажа. Г.А. Пугаченкова трактует эту деталь как «изогнутый меч» (Pugatchenkova G.A., 1978, p. 63; Беляева Т., 1978, с. 38). На наш взгляд, это нечто иное – изображение прозрачной ленты, хорошо представленной на сакских монетах, начиная от Азеса I (Mitchiner M., 1974). Не исключено, что в данном случае лента означает царственную диадему (рис. 1, *б*). Интересно в связи с этим отметить, что манера ношения ленты существенно меняется при облачении царственного воина в доспехи и шлем, лента в этом случае повязывается на шею, что мы и видим на росписи из Дальверзинтепа.

Не менее интересен второй фрагмент, представляющий голову лошади рыжей масти в панцирном облачении. На фрагменте можно видеть намордный панцирь, судя по цвету, металлический, показано оголовье из тонких ремней, сходящихся на виске под округлой бляшкой. Подбородник представляет собой более широкий плетеный ремень, аналогичный оголовью на гипсовой фигурке коня из Ай-Ханум.

Еще у Геродота, повествующего о массагетах, мы находим упоминание о панцирной броне у лошадей, на которых совершал поход Кир. Говоря о массагетах как о племени, образом жизни сходном со скифским, Геродот отмечает, что массагеты носят одежду, подобную скифской, и ведут похожий образ жизни. Сражаются они на конях и в пешем строю. Есть у них обычно также луки, копья и боевые секиры. Все вещи у них из золота и меди. Металлические части копий, стрел и боевых секир они изготовляют из меди, а головные уборы, пояса и перевязи украшают золотом. Также и коням[3] они надевают медные панцири и нагрудники. Уздечки же, удила и нащечники инкрустируют золотом (Herod, I, 215). Наконец, прекрасный пример конского защитного снаряжения дает халчаянский комплекс. Это изображение закованной в пластинчатую броню протомы лошади, которая принадлежала, по всей видимости, воинам-катафрактариям.

Великолепный материал по истории вооружения номадов дали раскопки могильника Орлат в Самаркандской области (Пугаченкова Г.А., 1987б; 1989, с. 122–154). Здесь в курганных захоронениях наряду с предметами вооружения были обнаружены костяные пластины с гравированными изображениями сцен сражения и поединка (рис. 2).

Батальная сцена композиционно представляет две группы воинов. В верхней части показаны трое всадников и один пеший, в нижнем регистре слева направо двое всадников; им противостоит упавший всадник с раненым конем и рядом с ним еще один пеший стрелец. В целом получается четыре всадника против двух всадников и двух пеших. Г.А. Пугаченковой было высказано мнение, что набор вооружения и

---

[3] О конском вооружении см. Никаноров В.П., 1985.

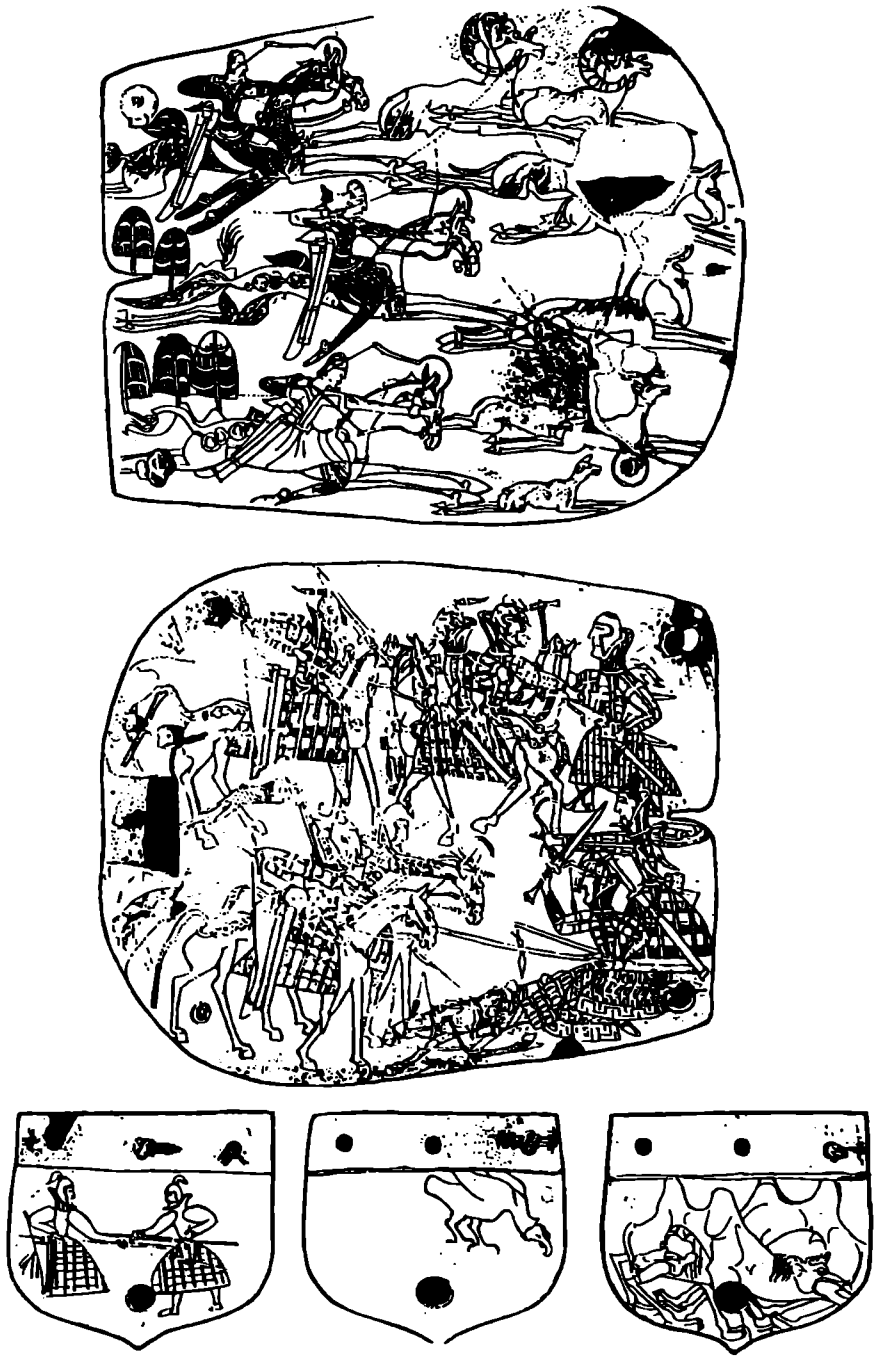


Рис. 2. *1* – пластины из Орлата: две большие пластины с изображением сцены охоты и сражения; три малые пластины со сценами поединка, двух борющихся верблюдов и изображение хищной птицы (гриф?)

облик сражающихся во многом сходны между собой, за исключением незначительных деталей. На некоторых из них хотелось бы остановиться более подробно.

Одну из примечательных особенностей вооружения на пластинах представляют панцирные доспехи (Абдуллаев К.К., 1992, с. 3–6). Интересна форма доспеха с плотно прилегающей верхней частью, сильно приталенной к поясу, с неимоверно широким подолом, спускающимся много ниже колен (до голени), а также высокий бронированный воротник колоколовидной формы. Верхняя часть панциря, т.е. бронированная куртка, одинакова у всех, за единственным исключением (всадник первой линии), и состоит из горизонтальных широких пластин, нашитых на кожаную (матерчатую?)

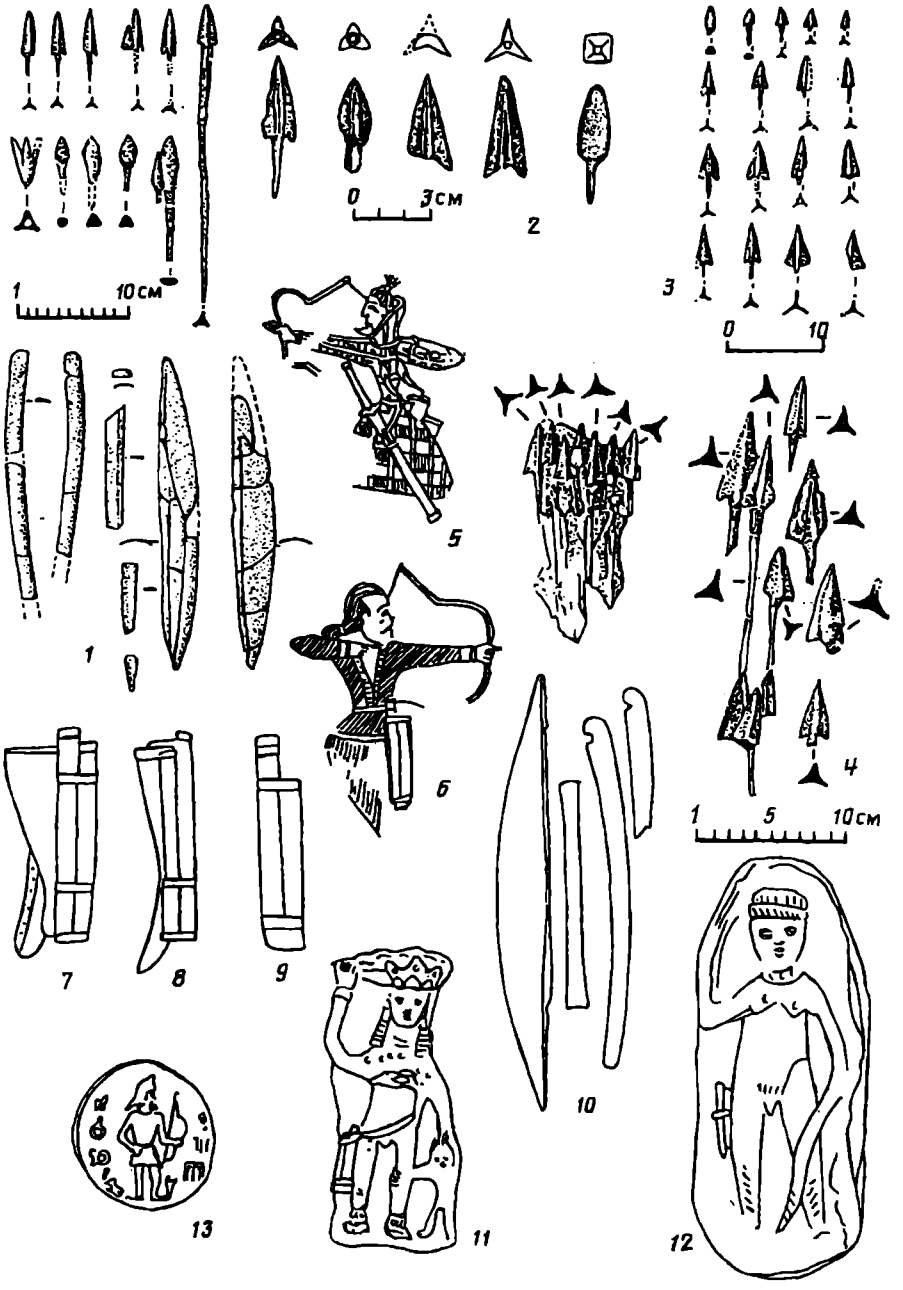


Рис. 3. *1, 3, 4* – наконечники стрел и роговые накладки на лук из курганов Орлата (по І.А. Пугаченковой); *2* – наконечники стрел из обмазки пола помещения Халчаяна (по Г.А. Пугаченковой); *5* – фигура лучника из сцены сражения на орлатской пластине; *6* – лучник на пластине из Тахти-Сангина; *7, 8* – прорисовки колчанов с орлатских пластин; *9* – прорисовка колчана с тахтисангинской пластины; *10* – накладки на лук из алтайских курганов (по С.И. Руденко); *11* – терракотовое изображение Геракла из Кара-Пичок (Таджикистан); *12*-терракотовое изображение из Бараттепа; *13* – изображение лучника на раннесогдийских монетах

основу. Горизонтальные ряды пластин чередуются с полосами кожи, кроме того, вертикальная кожаная полоса проходит по центру. Не исключено, что эти места являлись наиболее уязвимыми, может быть, поэтому один из всадников пронзает своего противника именно на месте этой полосы. Нижняя часть бронированного доспеха представляет собой более простую систему расположения пластин в ряд. Пластины, вероятно, крепились также и по центру, на что указывают прочерченные по центру линии, передающие, скорее всего, толстый сыромятный шнур или металлическую заклепку. По всей видимости, очень широкие подолы, закрывающие боль-

шую часть корпуса коня, также были рассчитаны на защиту наиболее уязвимых мест животного.

Из оружия дальнего боя на пластинах представлен сложносоставной сильно рефлексирующий лук. Отметим, что в погребальном инвентаре курганов были найдены роговые и костяные пластины, составляющие некогда части этого оружия (рис. 3).

Эволюция сложносоставного лука была подробно разработана в работе Б.А. Литвинского, дающего широкую его географию, включая и Среднюю Азию (Литвинский Б.А., Пьянков И.В., 1966, с. 36–52; Литвинский Б.А., 1966).

Открытия последних лет значительно пополнили пункты находок костяных накладок на лук, что свидетельствует о широком применении этого типа оружия (Манылов Ю.П., 1990, рис. 1, *17*)[4]. Не заостряя внимания на его истории, отметим, что изображение на пластинах (рис. 3, *5*) передает один из вариантов сложносоставного лука, а именно его асимметричную разновидность с укороченной нижней частью. Эта конструктивная особенность прослеживается как в изображении лука в натянутом состоянии (правая нижняя фигура), так и в спущенном (верхняя правая фигура). О неслучайном характере подобной конструкции говорят также устройство и форма колчана. По всей вероятности, подобная конструкция лука объясняется не только удобством обращения с ним, но и улучшенными прицельными качествами. Подобный вариант сложносоставного лука следует рассматривать как этап в развитии этого оружия наступательного боя. Изобретение его, по всей вероятности, связано с появлением и распространением бронезащитного панцирного вооружения. Мощная ударная сила рефлексирующего лука была рассчитана на бронебойность. Во всяком случае, именно на этот период падает почти полная смена втульчатых наконечников стрел на черешковые. Характерной особенностью последних, и это в полной мере подтверждают материалы как Халчаяна и Орлата (рис. 3, *1–3*), так и других памятников Средней Азии, является форма наконечника – она удлиненная (временами доходящая до 5–6 см), часто с опущенными вниз жалами (в отличие от отростка на втульчатых наконечниках) и с длинным черенком – это, по-видимому, способствовало более глубокому проникновению наконечника, преодолевавшего если не саму броню, то наиболее уязвимые места доспеха. Во всяком случае, широкое распространение подобного оружия в эллинистическую эпоху в Средней Азии подтверждают многие памятники изобразительного искусства. Ближайшей аналогией рассматриваемой конструкции лука служат его изображения на раннесогдийских монетах с фигурой лучника на оборотной стороне (Mitchiner M., 1975, type 652)[5], примыкающие к последним сериям подражаний драхмам Антиоха I и датируемые II–I вв. до н.э. (Зеймаль Е.В., 1983, с. 201, табл. III, *1–5*) (рис. 1, *7*).

Изображение на пластинах демонстрирует довольно оригинальную конструкцию колчана (рис. 3, *7, 8*). Он состоит из трех отсеков, в том числе двух прямоугольных, перехваченных поперек планочками в трех местах. Они разной длины и расположены ближе к корпусу воина (для удобства извлечения?). Третья часть – горит треугольной формы, сужающийся книзу, но в нижней части дополненный линзовидной накладкой. Примечательной, на наш взгляд, является разная длина отсеков для стрел, что наталкивает на мысль о существовании двух видов стрел: коротких – для обстрела с близкого расстояния и длинных – для ведения боя с дальней дистанции. Деталь эта наиболее отчетливо показана на пластинке со сценой охоты (Пугаченкова Г.А., 1989,

---

[4] Вряд ли справедливо замечание О.В. Обельченко (Обельченко О.В., 1992, с. 159) о том, что "лук и стрелы не играли такой первостепенной роли в вооружении воина (племен Бухарского Согда. – *К.А.*), как у скифов". Важность сложносоставного лука подчеркивается даже монетной иконографией – ср. серии древнесогдийских монет с лучником на оборотной стороне, не говоря об их изображениях в искусстве Бактрии (Тахт-и Сангин) и Согда (Орлат).

[5] Монеты с изображением бюста царя с именем Ата на лицевой стороне и стоящего лучника на оборотной стороне автор относит к периоду подражаний селевкидскому чекану и датирует эту серию 250–130 гг. до н.э. (Mitchiner M., 1976, с. 432).

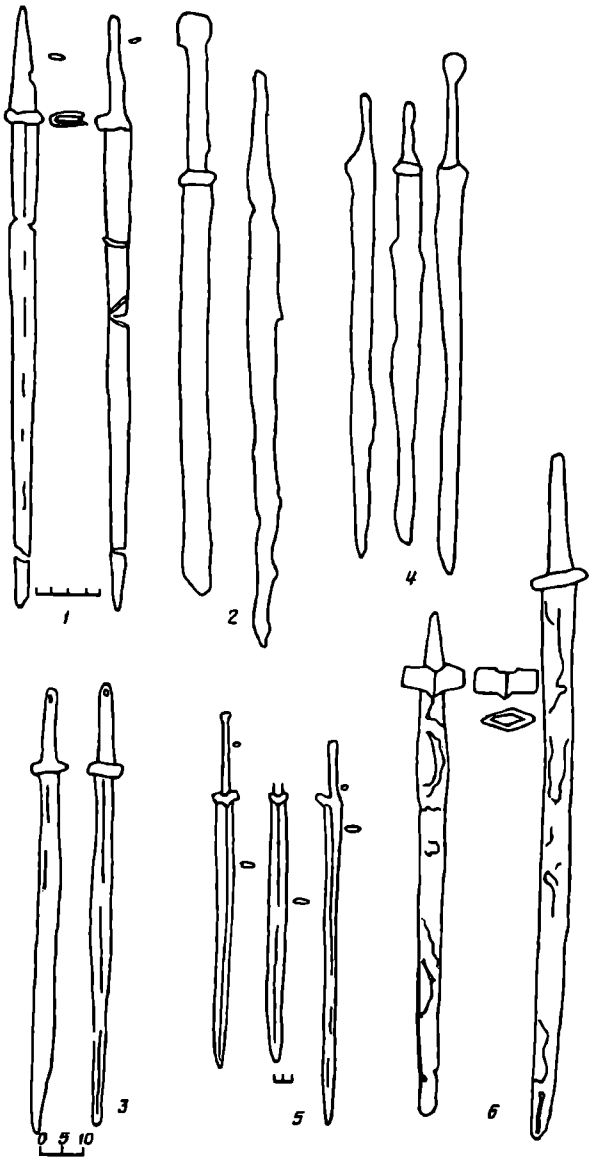


Рис. 4. Прорисовка некоторых типов мечей.
1 – Кызылтепа (Бухарская область); *2* – Агалыксай (Самаркандская область); *3* – Тулхар (Таджикистан); *4* – Лявандак (Бухарская область); *5* – Гяур, Тумек-Ичиджик (Туркмения); *6* – Орлат (Самаркандская область)

рис. 72). Колчаны подобного типа изображены на костяной пластинке из Тахт-и Сангина со сценой "Бактрийцы на охоте" (Литвинский Б.А., Пичикян И.Р., 1980; 1986, с. 117, рис. 3), датированной рубежом нашей эры (рис. 3, *2*). Такой тип колчана, привнесенный в бактрийскую военную среду номадами, сохраняется здесь на протяжении длительного времени, о чем свидетельствует, например, терракота с изображением царственного воина (Геракл) из Кара-Пичок (рис. 3, *11*) (Виноградова Н.М., Пьянкова Л.Т., 1983, с. 56–68). Сюда же можно отнести фигурку из Бараттепа (Сурхандарьинская область) (рис. 3, *12*), терракоты относятся к III–IV вв. н.э. (Абдуллаев К.К., 1988, с. 26–33).

Из оружия ближнего боя на пластине из Орлата показаны мечи и боевой топор. Мечи воинов из композиции в полной мере совпадают с мечами из погребения (рис. 4, *6*). Это длинные (длина боевой части от 70 до 86 см) двулезвийные мечи с перекрестьем у рукояти, укладывающиеся в классификацию сарматских мечей пер-

вого типа (Пугаченкова Г.А., 1989, с. 143) и встречающиеся в курганных погребениях согдийского региона (Лявандак, Куюмазар, Кызылтепа, Саваган) (Обельченко О.В., 1956; 1962; 1966; 1978). В Бактрии наиболее близкие аналогии обнаруживают два меча из Тулхарского могильника (рис. 4, *3*) (Мандельштам А.М., 1966, с. 102, табл. XXXIX, *1*, *2*), где также были найдены четыре монеты – самые ранние подражания оболам Евкратида (3 экземпляра) – и обол Герая, относимые А.М. Мандельштамом к последней трети II в. до н.э. (Мандельштам А.М., 1966, с. 142).

Возвращаясь к изображению на пластине, важно подчеркнуть еще одну деталь. Это длинная форма рукояти с навершием на конце, сходная с мечом из кургана Алгалыксая (рис. 4, *2*) (Обельченко О.В., 1981, с. 26, рис. на фронтисписе). Сюда же следует отнести мечи из Ливандакского могильника (рис. 4, *4*) со сходной формой перекрестья и округлым пластинчатым навершием, относимым к концу II в. до н.э. (Обельченко О.В., 1962, с. 133, рис. 8). Перекрестье мечей на изображении имеет в середине треугольный выступ, подобный перекрестью из кургана 2 в Орлате, он входил в паз на ножнах меча, эта деталь отчетливо видна на ножнах двух персонажей – крайнего в нижнем ряду и всадника в верхнем ряду – в виде выемки по центру в верхней части ножен (Пугаченкова Г.А., 1989, рис. 56).

Небезынтересно отметить способ ношения и крепления ножен. У всех персонажей меч помещен на левом бедре. Причем сами ножны висят на ремешке, следующем от пояса, ремешок проходит через планочку крепления на ножнах (подобная планочка для портупеи, сделанная из нефрита, была найдена in situ с мечом, кинжалом и нефритовым же перекрестьем)[6]. На конце ремешок имеет округлый язычок, который, в свою чередь, крепится посредством шнура к подолу доспеха, в двух случаях это показано довольно четкой изогнутой линией.

Боевой топор на изображении показан у крайней правой фигуры в момент нанесения удара. Он состоит из длинной витой рукояти и имеет обоюдоострую (?), почти симметричную поверхность, т.е. это боевая секира типа сагариса саков и массагетов, о котором упоминает Геродот (II, 2, 15; VII, 64). Находки двулезвийных топоров были зафиксированы в сакских погребениях Памира, принадлежащих, по всей вероятности, воинам (Литвинский В.А., 1972, с. 122, 123).

Наконец, из оружия наступательного боя на пластине из Орлата представлено копье с длинным древком и ланцетовидным наконечником ромбовидной формы и втульчатым креплением к древку. Как известно, это было довольно распространенное оружие у народностей Средней Азии. Им были вооружены, по словам Геродота, бактрийцы, согдийцы, парфяне, хорезмийцы, арии, гандхары, дадики (VII, 64, 65). Это подтверждается и многочисленными находками наконечников в погребениях воинов (Литвинский Б.А., 1972, с. 198–211).

Хотелось бы вкратце остановиться на изображении лошадей. Пластина из Орлата дает нам два определенно отличных друг от друга типа (рис. 5, *1*). Всадники правой линии атаки сидят на животных, существенно отличающихся от породы коней противника. Отличительные признаки выражены не только мастью, как бы затемненной точечными вдавлениями, что, впрочем, в равной степени может указывать на более длинный шерстяной покров, но и строением тела. Во-первых, у заштрихованных лошадей более короткий корпус, более короткие ноги, особенно в части плюсны. Во-вторых, переносица, в отличие от горбовидной формы высоких лошадей, прямая, уши крупные. В отличие от них, второй тип представляет животных, значительно более крупных по размеру. Бросаются в глаза их удлиненные пропорции, длинные ноги и шея, сухая голова, горбоносый профиль. Бесспорно, перед нами высокопородистые скакуны благородных кровей. Из современных лошадей Средней Азии этим изображениям наиболее близки по своей стати карабаир (Узбекистан – точнее, округа Самарканда) и ахалтекинец (Туркмения).

---

[6] Подобный элемент крепления, очень популярный и распространенный в Ханьском Китае и у его кочевых соседей, проникает в Среднюю Азию, скорее всего, с юэчжами (Trousdale W., 1975).

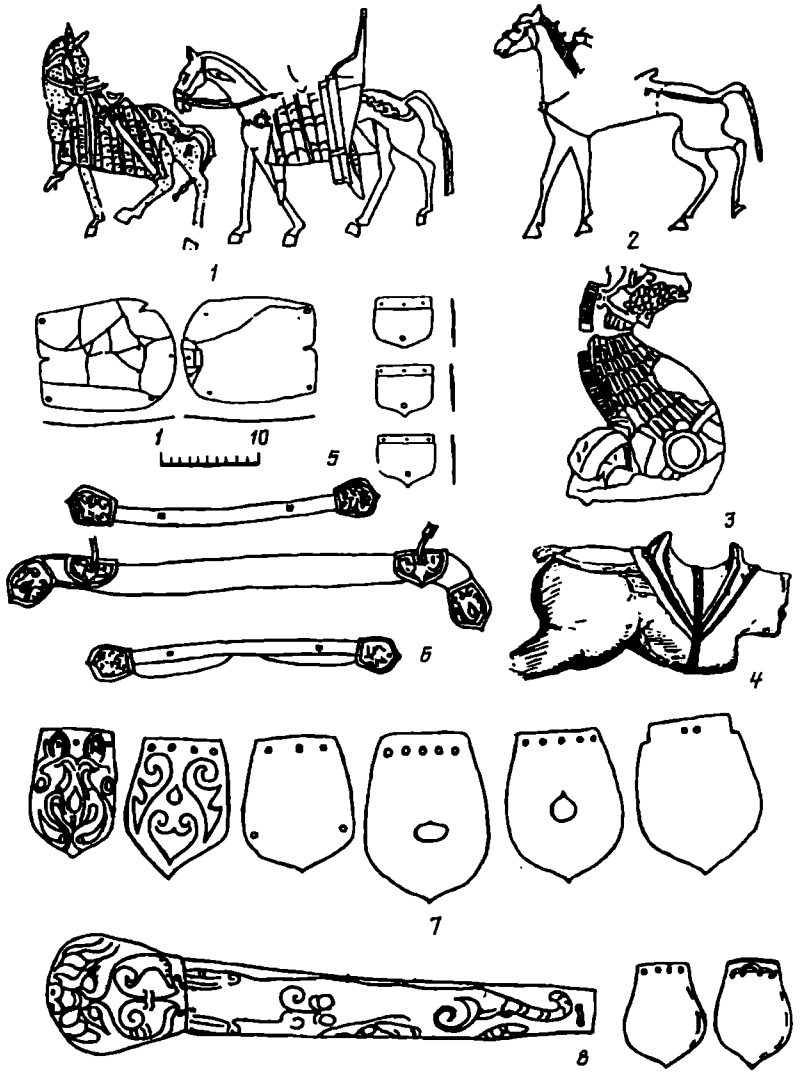


Рис. 5. *1* – изображение лошадей на орлатской пластине; *2* – лошадь на войлочном ковре из 5-го пазырыкского кургана, прорисовка детали композиции; *3* – протома лошади, закованной в броню, фрагмент скульптуры Халчаяна; *4* – изображение лошади, фрагмент скульптуры Халчаяна; *5* – пластины из Орлата; *6* – пластины, украшающие концы седельных ремней, Пазырык; *7* – типы костяных пластин из курганов Алтая; *8* – ремень и способ крепления (по С.И. Руденко)

Оба типа орлатских коней объединяет один морфологический признак – это уплощенный, как бы приплюснутый круп. Признак этот находит свои аналоги в изображении на войлочном ковре из пятого пазырыкского кургана (Руденко С.И., 1953, табл. XCV) (рис. 5, *2*). Впрочем, коней из Орлата сближает с пазырыкским изображением не только этот признак – близость породы настолько очевидна, что перечисление общих черт представляется здесь излишним. Интересно другое – конское снаряжение, к таковому мы относим также и стрижку лощади. Обращает на себя внимание подстриженная грива с оставленными длинными локонами на загривке. Этот элемент хорошо виден на лошадях со сцен охоты из Орлата и Тахт-и Сангина, а также на изображении из Пазырыкского кургана. Специально оставленные длинные локоны служили, по своей вероятности, для облегчения при запрыгивании на лошадь. Во всяком случае, именно за них держится всадник на пазырыкском ковре. Другая интересная деталь в конском убранстве – это оформление хвоста. Он либо заплетен в косу, либо свободно свисает, но в верхней части оправлен в чехол. Это хорошо видно на орлатской пластине со сценами сражения, на фрагменте пластины из Тахт-и Сангина (Литвинский Б.А., Пичикян И.Р., 1986, рис. 3 – нижний рисунок) и на

Рис. 6. Монета Настена. *1* – лицевая сторона; *2* – оборотная сторона

изображении из Пазырыка. Следует отметить, что в пазырыкском комплексе имеется множество чехлов для конских хвостов, сделанных из грубой материи или кожи, иногда украшенных цветной лентой.

Наконец, хотелось бы остановиться еще на одной аналогии. Это изображение всадника на недавно опубликованной О. Бопеараччи[7] монете с именем неизвестного до

[7] Авторы выражают глубокую признательность О. Бопеараччи за любезно предоставленный материал.

настоящего времени владетеля – некого "Настена, сына Ксатранна". Остановимся подробнее на этом нумизматическом открытии, так как изображение на монете, как мы увидим ниже, тесно связано с темой нашей работы (рис. 6).

Монета была найдена в августе или сентябре 1992 г. в Бадахшане, в горной местности в северо-восточной части Бактрии и поступила на рынок в Пешаваре (Пакистан). Здесь же стало появляться множество монет индо-греческого, индо-скифского, индо-парфянского и кушанского типов. Речь шла об огромном кладе, насчитывающем около 2 тысяч килограммов монет, среди которых множество новых типов, имен, монограмм и т.д. Интересующая нас монета – тетрадрахма весит 14,35 г и передает, вероятно, вес аттического стандарта. Монета датируется авторами публикации между 50 г. до н.э. и 30 г. н.э.[8]

Л.С. В ободке из перлов бюст правителя вправо в шлеме и задрапированном плаще, скрепленном на правом плече фибулой. Черты лица трактованы в обобщенной манере и далеко уступают в художественном отношении медальерным портретам раннеэллинистической эпохи. Особенно это чувствуется в передаче носа, губ, подбородка, глаз – они показаны линиями без рельефной моделировки мускулатуры лица. Видимая часть волос (основная часть спрятана под головным убором) передана удлиненным рельефом, спадающим на затылок без проработки фактуры (косые штрихи). Сзади развеваются концы диадемы. Интересен головной убор, напоминающий по типу бактрийский шлем царя Евкратида и последующих правителей. Но близость эта выражается лишь общими очертаниями шлема, между тем как на монете Настена прослеживается ряд отличительных деталей. Это, во-первых, очень широкие поля, причем в средней части они загнуты вверх и выделены углом. Во-первых, верхняя часть шлема, сводчатая на монетах Евкратида и других царей, на рассматриваемом экземпляре как бы разделена на два полушария: маленькое спереди и более крупное сзади. На монете Настена отсутствуют такие украшения, как рог и уши на шлеме. Несколько иначе трактован султан. Помимо несколько обобщенной манеры передачи, длинные завитки его как бы прорастают из массивного в верхней части навершия аморфных очертаний (возможно, следствие сохранности монеты?)

Перед бюстом изображение "аксары" кхарошти *сам.*

О.С. Галопирующий влево всадник на коне. Надпись в две строки. Сверху над всадником четко читаемое NAΣTHNHΣ. Внизу с западанием под штемпель первой и последней буквы – ...ATPANNO... С правой стороны частично проступает элемент лунарной сигмы. Авторы публикации допускают чтение нижнего слова как ATPANNOY с корнем слова "атр" – "огонь". Однако композиция надписи предполагает наличие еще одной буквы, поэтому предлагается вариант ΞATPANNOY с иранским корнем X^caθa ("кшатра" – "власть"; например, Кшатра Варью – один из Амэша-спентов зороастрийского пантеона, олицетворяющий "верховную власть"). "Хшатранна" соответственно толкуется авторами как "сын (потомок) Хшатры" (более подробно см. Bopearachchi O., Grenet F., 1993, p. 302, 303). Вернемся, однако, к описанию изображения на оборотной стороне монеты. Здесь изображен, по-видимому, тот же персонаж, что и на лицевой стороне. Прямая посадка всадника с руками, лежащими на бедрах и держащими поводья, напоминает фигуры всадников на индо-греческих и индо-сакских монетах. Костюм всадника плохо различим. Можно отметить просторные шаровары, заправленные в мягкую обувь и стянутые лентами (на изображении видны концы завязок). Другим интересным элементом костюма является плащ, показанный развевающимся за спиной всадника. Он передан двумя горизонтальными рельефными линиями по центру и двумя косыми линиями сверху и снизу. Выше изображены вьющиеся концы диадемы. Интересно отметить, что манера изображения плаща развевающимся сзади становится характерным элементом в кочев-

[8] Первое собщение о ней дал О. Бопеараччи, который ведет систематическую обработку монет этого клада (Bopearachchi O., 1993, p. 609–611). Более подробное изложение материала дано в другой статье (Bopearachchi O., Grenet F., 1993, p. 299–307, tabl. XVII).

ническом изобразительном комплексе (Пазырек, Кетмень-Тюбе, Кампыр-тепа и др.) (Абдуллаев К.К., 1995).

Интересно на монете изображение лощади и ее убранство. Первое, что привлекает внимание, это ее стать. У нее очень длинная и выгнутая шея с относительно крупной горбоносой головой. Грива у животного коротко подстрижена и лишь на уровне груди всадника заметен рельеф (?). Если это так, а это покажут лучше сохранившиеся экземпляры, то это оставленный специально локон, о котором говорилось выше. Интересна манера изображения хвоста коня, аналогичная пластинам из Орлата. Отличительным признаком от последних является форма крупа лошади – совершенно круглая. Однако этот элемент иконографии на монете может объяснить устойчивость традиций медальерного искусства Бактрии на протяжении почти всей эллинистической и постэллинистической эпохи.

Таким образом, некоторые иконографические черты на монете Настена указывают на близость персонажа к среднеазиатскому кочевническому комплексу, откуда, вероятно, происходили некоторые представители царствующих династий юга Гиндукуша и некоторых других северо-западных частей Бактрии. Еще рано давать ответы на многие вопросы, касающиеся этих "темных веков". Благодаря новым археологическим открытиям и более детальному изучению материала все четче проступают контуры исторической картины Бактрии в период заката одной из могущественных держав эллинистического Востока – Греко-Бактрийского царства.

Итак, если подвести итог нашему обзору, вырисовывается следующая картина. В Согдийском регионе довольно своеобразным по своему облику выглядит орлатский комплекс, анализ которого сближает его с культурой пазырыкских курганов[9]. Наличие, например, костяных пластин от седельных ремней в курганных погребениях Орлата является наиболее убедительным аргументом этой связи. Кто были носители культуры орлатского могильника? Ответом на этот вопрос может стать специальное исследование. В данной статье можно было бы предположительно назвать юэчжей, которые, согласно китайским источникам, будучи теснимы сюнну, проделали длинный путь и осели к северу от Окса. Здесь же рельефный комплекс Халчаяна демонстрирует нам сцену борьбы представителей юэчжей с населением осевших на правом берегу номадов (катафрактарии халчаянских композиций). Монеты Танлисмаидата и Настена свидетельствуют о том, что западная и северо-западная части Бактрии все еще (I в. до н.э. – первая четверть I в. н.э.) находились под властью сакских владетелей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абдуллаев К.К., 1988. О культе Геракла в Бактрии (некоторые вопросы иконографии) // ИМКУ. № 2. Ташкент.

Абдуллаев К.К., 1922. К вопросу о воинстве Средней Азии в эллинистическую эпоху // Средняя Азия и мировая цивилизация. тез. докл. междунар. конф. Ташкент.

Абдуллаев К.К., 1994. К локализации столицы Юэчжей //Города Цетральной Азии на Великом шелковом пути. Тез. докл. Самарканд.

Абдуллаев К.К., 1995. Образ номадов в искусстве Бактрии // ВДИ. № 2.

Беляева Т., 1978. Жилой дом богатого горожанина // Дальверзинтепе – кушанский город на Юге Узбекистана. Ташкент.

Виноградова Н.М., Пьянкова Л.Т., 1983. Работы в Гиссарской долине в 1977 г. // АТР. Вып. XVII. Душанбе.

Воробьева-Десятовская М.И., 1976. Надписи письмом кхарошти на золотых предметах из Дальверзинтепа // ВДИ. № 1.

Горелик М.В., 1987. Сакский доспех // Центральная Азия. Новые памятники письменности искусства. М.

[9] О хронологической близости пазырыкских курганов, которые несомненно предшествовали орлатским, говорит и более поздняя датировка Пазырыка (см. Марсадолов Л.О., 1981; Hiebert F., 1991, p. 117–129).

Зеймаль Е.В., 1983. Древние монеты Таджикистана. Душанбе.
Литвинский Б.А., 1966. Сложносоставной лук в Средней Азии (к проблеме эволюции лука на Востоке) // СА. № 4.
Литвинский Б.А., 1972. Древние кочевнки "Крыши мира". М.
Литвинский Б.А., Пичикян И.Р., 1980. Новые открытия в южном Таджикистане // Вестник АН СССР. № 7.
Литвинский Б.А., Пичикян И.Р., 1986. Тахт-и Сангин – Каменное городище // АРТ. Вып. XIX. Душанбе.
Литвинский Б.А., Пьянков И.В., 1966. Военное дело у народов Средней Азии в VI–IV вв. до н.э. // ВДИ. № 2.
Литвинский Б.А., Седов А.В., 1983. Тепаи-Шах. Культура и связи кушанской Бактрии. М.
Мандельштам А.М., 1966. Кочевники на пути в Индию // МИА. № 136. М.
Манылов Ю.П., 1990. Раскопки Кульдукской курганной группы в центральных Кызылкумах // ИМКУ. № 23. Ташкент.
Марсадолов Л.О., 1981. О дендрохронологии памятников ранних кочевников Саяно-Алтая // Краткие тез. докл. науч. конф. Отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа. Л.
Никанаров В.П., 1985. Развитие конского защитного снаряжения античной эпохи // КСИА. № 184.
Обельченко О.В., 1956. Кую-Мазарский могильник // ТИИА АН УзССР. Вып. XIII. Ташкент.
Обельченко О.В., 1962. Лявандакский могильник // ИМКУ. Вып. 2. Ташкент.
Обельченко О.В., 1966. Сазаганские курганы // ИМКУ. Вып. 7. Ташкент.
Обельченко О.В., 1978. Мечи и кинжалы из курганов Согда // СА. № 4.
Обельченко О.В., 1981. Курганы древнего Согда. Ташкент.
Обельченко О.В., 1992. Культура античного Согда. М.
Пугаченкова Г.А., 1966. Халчаян. Ташкент.
Пугаченкова Г.А., 1971. Скульптура Халчаяна. М.
Пугаченкова Г.А., 1974. Ювелирные изделия дальверзинского клада // Советское искусствознание. 1973. М.
Пугаченкова Г.А., 1976. К открытию надписи кхарошти на золотых предметах дальверзинского клада // ВДИ. № 1.
Пугаченкова Г.А., 1987а. Еще о халчаянской скульптуре // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М.
Пугаченкова Г.А., 1987б. Образ кангюйца в согдийском искусстве // Из художественной сокровищницы Среднего Востока. Ташкент.
Пугаченкова Г.А., 1989. Древности Мианкеля. Ташкент.
Пугаченкова Г.А., Тургунов Б.А., 1974. Исследования Дальверзинтепа в 1972 году // Бактрийские древности. Л.
Руденко С.И., 1953. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М., Л.
Сарианиди В.И., 1983. Афганистан: сокровища безымянных царей. М.
Сарианиди В.И., 1984. Бактрия сквозь мглу веков. М.
Сарианиди В.И., 1986. Храм и некрополь тилля-тепе. М.
Тургунов Б., 1973. Дальверзинтепа хазинаси // Фан на турмуш. № 10 (на узб. яз.).
Тургунов Б., 1978. Дом богатого домовладельца // Дальверзинтепе – кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент.
Bernard P., 1971. Le campagne des fouilles de 1970 à 1970 Aï Khanoum (Afghanistan) // CRAI. Paris.
Bernard P., 1987. Les nomades conquérants de l'Empire gréco-bactrien. Réflexions sur leur identité et ethnigue et culturele // CRAI. Paris.
Bopearachchi O., 1993. Nasten, un prince iranienne inconnue entre Grécs et Kouchans // CRAI. Paris.
Bopearachchi O., Grenet F., 1993. Nasten souverain iranienne incinnue etre Grécs et Kochanes // Studia Iranica. T. 22.
Grenet F. et al., 1980. Campagne de fouille 1978 à Aï Khanoum (Afghanistan) // BEFEO. 68.
Hiebert F., 1991. Pazyryk Chronology and Early Horse Normads Reconsidered // Billetin of the Asia Institute. № 6.
Mitchiner M., 1975. Indo-Greek and Indo-Scythian coinage. Vd. 5. London.

Mitchiner M., 1976. Indo-Greek and Indo-Scythian coinage. Vd. 6. London.
Pugatchenkova G.A., 1978. Tresors de Dalverzin-tepe. Leningrad.
Rudenko S., 1966. Die siberische Sammlung Peters I. Berlin.
Sarianidi V.I., 1984. Bactrian Gold. Leningrad.
Schiltz V., 1994. Les Scythes et les nomades des steppes. Paris.
Trousdale W., 1975. The Long Sword and Scabbard Slide in Asia. Washington.

Академия надписей и изящной словесности,
Париж
Институт археологии АН Узбекистана,
Самарканд

P.BERNAR, K. ABDULLAYEV

NOMADS AT THE BORDER OF BACTRIA
(to the guestion of ethnic and cultural identification)

S u m m a r y

The authors investigate the data of the written tradition (ancient and Chinese) regarding the nomads, who in the II century B.C. conquered the Greco-Bactrian kingdom, and compare them with the burial rite of a number of nomadic necropols of Middle Asia (Tillya-tepe, Orlat, etc.), coins that were issued by the rulers of nomads, and a range of topics of fine art of the I c. B.C. – I c. A.D. (a special attention is attracted by the sculptural frieze of Khalchayan). Authors consider that in the conquest of Greco-Bactria there took part two main ethnic groups: Yuedzhs-Tokhars who seized the major part of that state, and Saks who controlled the western part of Bactria.

В.С. ФЛЁРОВ, В.Н. КАМИНСКИЙ

ПРИКУБАНСКИЙ РЕГИОН РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ЮРТООБРАЗНЫХ ЖИЛИЩ

Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы относятся к тем археологическим объектам, значение которых, несмотря на давнюю известность, стало осознаваться только в последнее время. Достаточно указать, что на страницах "Советской археологии" – "Российской археологии" за последние пятьдесят лет они упоминались, кажется, только два раза (Плетнёва С.А., 1964, с. 136, рис. 3; Красильников К.И., 1981, с. 118, рис. 6). Между тем, со времени первого открытия юртообразных жилищ на Правобережном Цимлянском городище (Ляпушкин И.И., 1940) обнаружено около 40 их местонахождений, распространенных от Волги до Нижнего Дуная и от Среднего Дона до Кубани (Флёров В.С., 1992, с. 25–31). Подавляющее большинство таких жилищ принадлежало праболгарским, а в донских степях их возводили, конечно, и хазары. В лесостепи юртообразные жилища, вероятно, сооружались изредка и аланами, что можно предполагать по раскопкам Дмитриевского (Плетнёва С.А., 1989, с. 35–39) и Маяцкого селищ[1].

В настоящее время со всей определенностью можно говорить о двух основных регионах бытования раннесредневековых юртообразных жилищ. первый связан с салтово-маяцкой культурой Хазарского каганата, где юртообразные постройки известны от низовьев до среднего течения Дона и по Северскому Донцу и его притока Осколу. Второй – северо-восточная Болгария периода Первого Болгарского царства.

За пóследние годы появились данные, позволяющие ставить вопрос о существовании третьего региона, охватывающего междуречье р. Кубани и ее притока р. Лабы в предгорьях Северного Кавказа. Основание для этого дают недавние открытия юртообразных построек на Каладжинском селище и Первомайском городище в совокупности с ранее известными жилищами Хумаринского городища (рис. 1).

Каладжинское селище расположено на крутом склоне правого берега р. Лаба в 2 км к северо-западу от ст. Каладжинской Лабинского р-на Краснодарского края. Селище было открыто и исследовалось В.Н. Каминским в 1990–1991 гг.[2] Несмотря на небольшую вскрытую площадь, здесь в сложных стратиграфических переплетениях открыто 25 построек, из которых не менее 7 относятся к юртообразным. Столь значительная доля юртообразных построек среди прочих (полуземлянки, турлучные) неизвестна ни на одном другом памятнике Восточной Европы (если не считать

---

[1] Выражаю глубокую признательность А.З. Винникову за информацию о неопубликованных жилищах Маяцкого селища.

[2] Владимир Николаевич Каминский (1957–1992) погиб в очередной своей экспедиции в результате трагической случайности. Жил и работал в Краснодаре, автор более 40 работ, незадолго до гибели защитил кандидатскую диссертацию. Каладжинское селище принадлежит к его самым интересным открытиям.

К сожалению, сам он не успел опубликовать результаты раскопок на этом памятнике. В настоящей статье с разрешения И.В. Каминской публикуются в соответствии с темой только юртообразные жилища Каладжинского селища. Имя В.Н. Каминского с полным правом стоит во главе статьи как автора открытия памятника, весьма важного для понимания многих этнокультурных процессов на Северном Кавказе в эпоху раннего средневековья.

© В.С. Флёров, В.Н. Каминский, 1997 г.

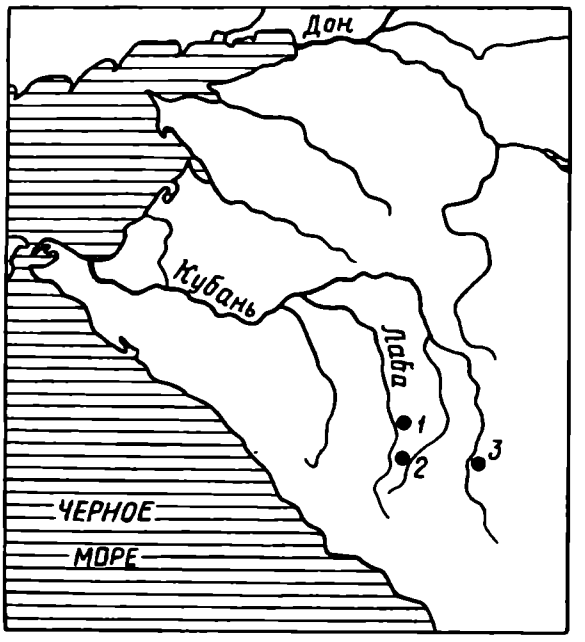


Рис. 1. *1* – селище Каладжинское; *2* – городище Первомайское, *3* – городище Хумаринское

Правобережное Цимлянское городище, на котором они являются единственным видом жилищ вообще).

Все юртообразные постройки селища оказались наземными и были выявлены благодаря сохранившимся по их периметрам лункам от жердей, служивших каркасом вертикальных стен. В пяти жилищах контуры, кроме того, обозначены и отдельными камнями.

Жилище № 1 (рис. 2, *1*) овальное, 3,00 × 2,45 м. Контур прослежен по десяти лункам с сечением в среднем 8–9 см. Важнейшим признаком как данного, так и других прикубанских юртообразных жилищ являются интервалы между лунками. У жилища № 1 они составляют 36, 38, 40,40, 40, 50, 70, 80, 120 см. Не исключено, что в больших интервалах на северной половине жилища была еще одна лунка, а с юга даже две. В таком случае общее количество лунок, т.е. жердей каркаса стен, могло достигать 13. Эти три лунки могли быть уничтожены более поздними сооружениями, а возможно, три жерди просто не были заглублены. Пол жилища земляной, уплотненный. Очага в постройке не оказалось. Как предполагал В.Н. Каминский, очаг мог находиться за пределами жилища. Это предположение должно быть отнесено и к четырем другим жилищам. Жилище № 1 было перекрыто остатками более поздней турлучной постройки.

Жилище № 3 (рис. 2, *2*), имеет очертания неправильного овала, 2,25 × 2,80 м. Контур постройки хорошо обозначен четырнадцатью лунками по периметру. Большинство из них не круглые, а овальные с сечением 5–10 см при глубине 6–13 см. Интервалы между лунками: 10, 25, 40, 50, 50, 60, 70, 75, 90, 95, 100 см. Обращает внимание отсутствие лунок на юго-восточной стене. Объяснение этому может быть то же, что и в жилище № 1. По одной лунке было внутри жилища около северо-западной стены и снаружи около юго-восточной стены. Пол земляной, уплотненный, очага на нем нет.

По периметру стен рассеяны бесформенные обломки камня-плитняка размерами от нескольких сантиметров до полуметра. Особенно много камней с восточной стороны жилища. В.Н. Каминский видел их назначение в креплении полога стен, войлочных, по его мнению. Это вполне вероятно, но в любом случае камни имели явное отношение к стенам.

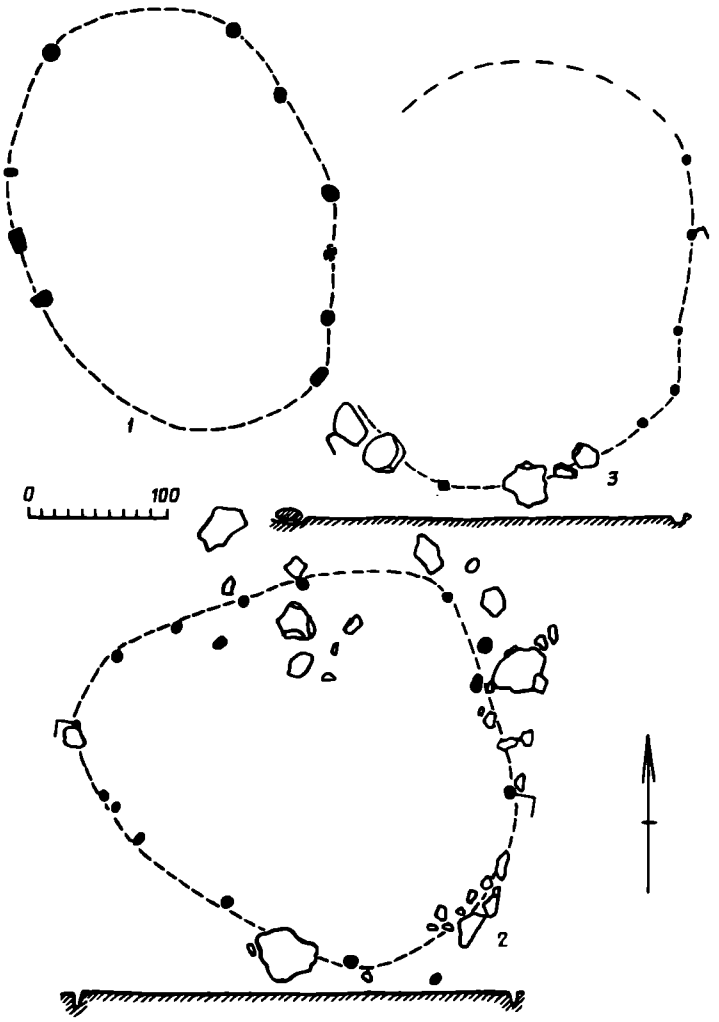


Рис. 2. Селище Каладжинское. *1* – жилище № 1; *2* – жилище № 3; *3* – жилище № 6. Раскопки В.Н. Каминского

Жилище № 4 (рис. 3, *1*). Имеет очертания неправильного овала, 3,55 × 3,12 м. Линия стен обозначена десятью лунками, из которых девять с овальным сечением 7–9 см при глубине 8-15 см. Одна лунка на западной стороне жилища имела квадратное сечение 7 × 7 см. Примечательно, что в данном жилище преобладают интервалы между лунками, превышающее 100 см: 40, 40, 60, 90, 100, 105, 115, 120, 130, 130 см. Возможно, это вызвано его относительно большими размерами.

Пол неровный, слегка уплотненный. В восточной половине жилища – углубленный на несколько сантиметров очаг неправильных очертаний.

По контуру жилища рассеяны необработанные обломки камня. Скопление камней оказалось в северо-западном секторе пола. Среди них выделяется плита 70 × 70 см. Тут же найден обгоревший кусок дерева размером 24 × 8 × 5 см. Определить его назначение трудно.

Жилище № 5 (рис. 3, *2*). Сохранилась только его северная половина диаметром 3,43 м, южная разрушена оползнем. Похоже, что жилище имело очертания, близкие к овальным. На сохранившейся части жилища прослежены семь лунок от жердей каркаса. Всего же лунок могло быть до 13–14. Все лунки округлые с сечением 6–7 см при глубине 6–10 см. Интервалы между ними: 40, 70, 70,75, 80, 105 см. Пол земляной уплотненный.

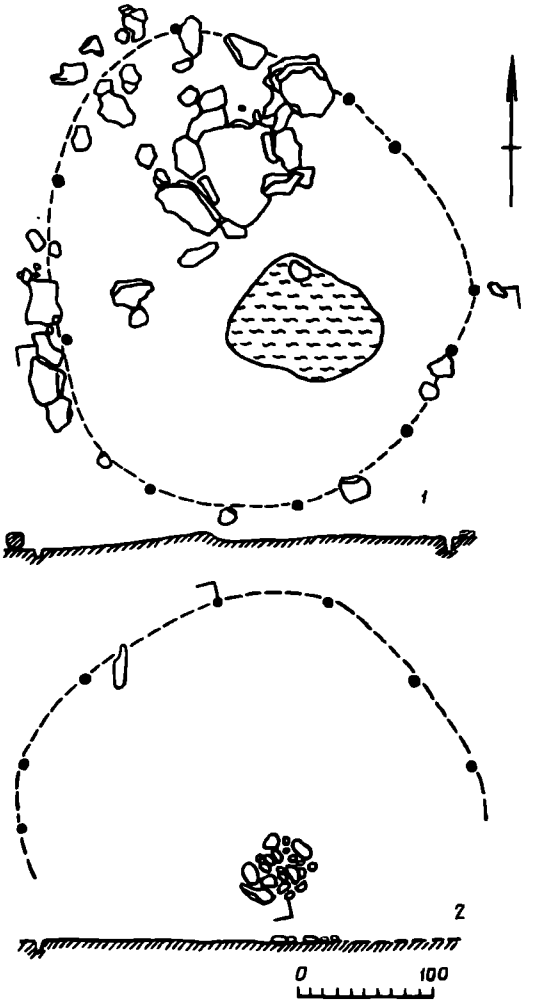


Рис. 3. Селище Каладжинское. *1* – жилище № 4; *2* – жилище № 5. Раскопки В.Н. Каминского

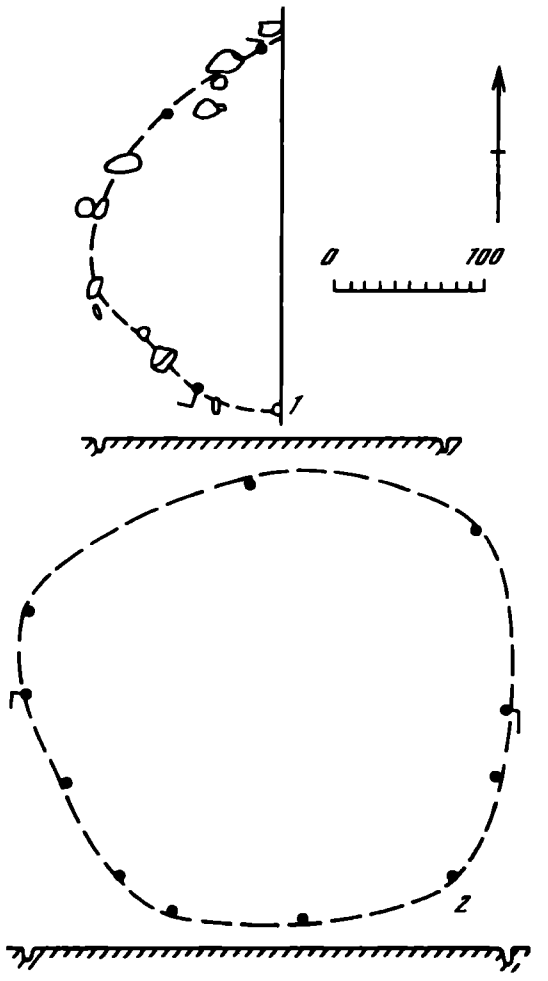


Рис. 4. Селище Каладжинское. *1* – жилище № 10; *2* – жилище № 12. Раскопки В.Н. Каминского

Примерно в центре постройки находился небольшой очаг, 48 × 58 см, выложенный галькой, перекрытой слоем золы. Удлиненная ямка на северо-западе постройки, вероятно, более позднего происхождения.

Жилище № 6 (рис. 2, *3*). В ходе раскопок выявлена только его юго-восточная половина, по периметру которой сохранилось пять круглых лунок сечением 7–8 см при глубине 6–9 см. Интервалы между ними: 28, 40, 50, 70 см. На южной стороне еще одна лунка – квадратная в сечении 7 × 7 см. Всего же вдоль стены данной постройки могло быть около 15 лунок, если судить по интервалам между сохранившимися.

Пол земляной, уплотненный. Очага в сохранившейся части жилища не оказалось и, вероятнее всего, его не было вообще. На линии южной стены пять разрозненных обломков камня-плитняка.

Жилище № 10 (рис. 4, *1*). В границах раскопа оказалась только его западная половина диаметром 2,75 м. Контуры постройки определены преимущественно по отдельным небольшим камням, довольно равномерно распределенным по его периметру, и всего лишь тремя лунками. Две из них размещались на северной стороне жилища с интервалом в 70 см и одна – на южной стороне. Нет сомнения, что стена не могла поддерживаться только тремя жердями-опорами. На западной стороне жилища должно было быть не менее 5–6 опор, а по всему периметру – не менее 10–12. Надо полагать, "недостающие" опоры либо вообще не были заглублены, либо заглублялись

столь незначительно, что лунки от них просто не удалось проследить. Диаметры и глубины сохранившихся лунок обычны для селища – соответственно 7 и 8–10 см.

Пол земляной, уплотненный. Очага на вскрытой части пола не оказалось.

Жилище № 12 (рис. 4, *2*) выявлено по 11 лункам по краям уплотненного земляного пола. По очертаниям план жилища более приближается к окружности, нежели к овалу, 3,6 × 3,3 м. Все лунки круглые, сечение 6–9 см, глубина 8–15 см. Интервалы между ними: 40, 40, 55, 65, 75, 75, 90, 110, 125 см. Только два северных интервала достигали по прямой 150 и 170 см. Не исключено, что на каждый из них приходилось еще по одной жерди. Если это так, то общее количество жердей могло составлять 13. Очага не было и в этом жилище, но более примечательно полное отсутствие камней вдоль его стен.

Не трудно заметить, что, несмотря на некоторые несущественные различия, все семь юртообразных построек Каладжинского селища типологически чрезвычайно единообразны. Их размеры (по максимальным диаметрам) варьируют в пределах всего 60 см – от 3,60 до 3,00 м. Менее устойчивы планы жилищ, но это присуще всем юртообразным постройкам Восточной Европы. Придерживаясь определенных размеров, "каладжинское" население саму разметку на местности проводило явно "на глазок".

Весьма устойчивой оказалась система каркасов, отраженная в лунках. При заметных колебаниях интервалов между жердями они большей частью равны 40–80 см, причем и располагались жерди вдоль стен довольно равномерно. Это особенно заметно на фоне большинства юртообразных жилищ салтово-маяцкой культуры, у которых устойчивая система опор в большинстве случаев не прослеживается.

Относительно равномерная рассредоточенность жердей при устойчивых размерах жилищ привела к близкому количеству их в каждом жилище – в среднем около 13 плюс-минус 2–3.

Большие трудности вызывает определение места входа в жилищах Каладжинского селища. У кочевников, в том числе и современных, вход в юрту всегда направлен на восток или юг. Исходя из этого можно, правда лишь предположительно, определить возможные варианты расположения входа в описанных постройках. Так, в постройке № 1 вход был возможен с южной стороны, свободной от лунок каркаса. В постройке № 3 – наибольшие интервалы между лунками с восточной и южной сторон; не исключено, что мелкие камни на юго-востоке могли служить вымосткой входа.

Если исходить из того же признака, т.е. наличия больших интервалов между лунками, то вход в жилище № 4 мог находиться как на южной стороне, так и на восточной. В отношении других построек определить расположение входа, даже предположительно, невозможно. Так, в постройке № 12 самые большие интервалы находятся на северо-северо-востоке, а несколько меньше, но заметные, – на юге.

Местная особенность каладжинских жилищ – использование в них камня. Этот прием достаточно устойчив, хотя говорить о его большой эффективности вряд ли возможно – сплошная кладка по всему периметру стен здесь освоена не была.

К сожалению, и это касается практически всех восточноевропейских раннесредневековых юртообразных жилищ, ничего определенного нельзя сказать о материалах, использовавшихся в стенах.

Характерно для жилищ селища и отсутствие в большинстве из них очагов, что можно объяснить использованием их преимущественно в теплое время года. На зиму население могло переходить в более утепленные жилища, полуземлянки или наземные турлучные, составляющие большинство на поселении.

Сейчас трудно конкретизировать этническую принадлежность населения Каладжинского селища в рамках узкого региона и выяснять, какая именно группа праболгар проникла в верховья Кубани и её притоков. В.Н. Каминский в отчете о раскопках селища в 1991 г. писал: "Раскопки селища имеют важное значение для изучения этнической ситуации в горной зоне Северо-Западного Кавказа на стыке степного

кочевого мира и оседлой аланской культуры... Раскопки приобретают особое значение, так как указывают на проникновение в горную местность какого-то кочевого племени из степей. Жилища в виде юрт и легких каркасных конструкций тому свидетельство... В качестве предположения можно сказать, что селище оставлено одним из тюрских племен, проникшем в горы не ранее IX в. и установившем тесные отношения с аланскими племенами региона. Подтверждением тому является посуда с селища, имеющая массу аналогий среди керамики аланских городищ, расположенных южнее по долине р. Лабы" (Каминский В.Н., 1991, с. 219). В целом с таким определением этнической ситуации на селище можно согласиться, хотя для её конкретизации необходимо продолжение раскопок селища. Пока же накоплен небольшой объем находок, в том числе керамики. В связи с последним В.Н. Каминский предполагал широкое бытование на селище деревянной и кожаной посуды. Надо отметить, что археологи в большинстве случаев такую возможность не учитывают, хотя этнографические данные действительно свидетельствуют о большом распространении на Северном Кавказе сосудов из этих недолговечных материалов, в частности у карачаевцев (Карачаевцы..., 1978, с. 78, 97) и осетин (Калоев Б.А., 1971, с. 102). Необъяснимо пока отсутствие среди каладжинской керамики котлов с внутренними ушками – тип посуды, присутствующий на большинстве известных памятников восточной Европы с юртообразными постройками. Не исключено, что они еще будут здесь обнаружены.

Хронология Каладжинского селища детально не разработана. В.Н. Каминский определил его дату в широких пределах – IX–XII вв. Судя по стратиграфии, юртообразные постройки относятся к самому раннему периоду существования селища, т.е. вероятнее всего, к IX в. Уточнить дату каждого конкретного юртообразного жилища не представляется возможным из-за почти полного отсутствия находок на их полах. В связи с вопросом о хронологии немаловажно иметь в виду, что большинство юртообразных построек Восточной Европы относится именно к IX в.

Первомайское городище. Находится в долине р. Большая Лаба в месте ее выхода из гор в предгорья, на водоразделе между речками Бешеная и Безымянная, в 18 км к северо-востоку от пос. Курджиново Карачаево-Черкессии. Раскопки велись с 1983 г. в течение ряда лет И.В. Каминской и В.Н. Каминским (Каминская И.В., Каминский В.Н., 1986).

В 1988 г. на городище открыта небольшая наземная юртообразная постройка размером 2,5 × 2,6 м (рис. 5). В плане ее очертания близки к правильному овалу и выявлены по девяти лункам, расположенным с интервалами в 35, 35, 38, 40, 42, 65, 105, 110 см. Наиболее равномерны интервалы на северной стороне постройки. Отсутствие лунок с юго-западной стороны можно объяснять только незаглубленностью жердей на этой части стены. Если предположить, что на одном из двух больших восточных интервалов находился вход, то можно реконструировать еще три лунки. В итоге надо полагать, стены постройки должны были держаться минимум на 12 опорах. Диаметры сохранившихся лунок 6–8 см, глубины – 5–48 см.

Нет необходимости распространяться по поводу почти абсолютной схожести этой постройки с каладжинскими: она наземная, как и они имела то же число опор того же диаметра, и в ней так же не оказалось очага. Пожалуй, такое сходство не удивительно, учитывая, что оба памятника находятся в одном микрорегионе на расстоянии около 30 км друг от друга.

По наблюдениям И.В. Каминской, постройка залегала над слоем, датируемым керамикой VIII в., в слое, датируемом также по керамике X в. В слое над юртой зафиксированы котлы с внутренними ушками. Безусловно, датирование по керамике не дает желаемой точности и пока стоит остановиться на более широкой дате юртообразной постройки – IX–X вв. Что касается котлов, то не следует исключать их бытование и во время существования самой постройки. Что не вызывает сомнений, так это принадлежность каладжинских и первомайской юртообразных жилищ к одному культурно-хронологическому комплексу и, более чем вероятно, к одному этносу. Сама

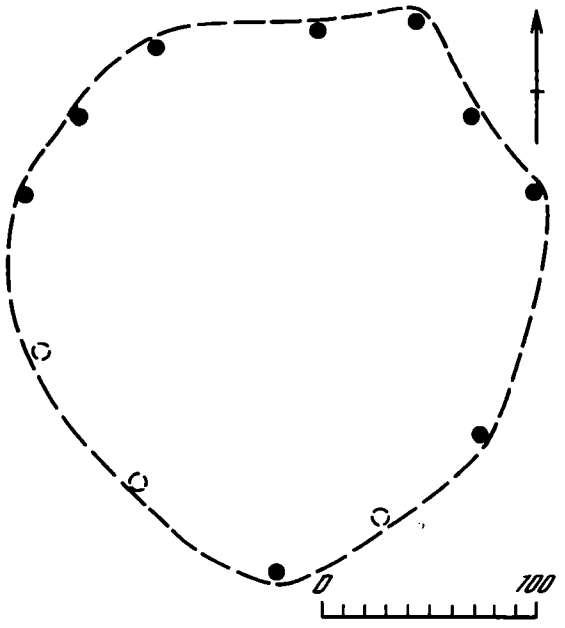


Рис. 5. Жилище городища Первомайского. Раскопки И.В. Каминской

И.В. Каминская связывает появление юртообразной постройки на Первомайском городище с приходом "степняков" (Каминская И.В., 1988, с. 207)[3].

Третьим памятником, по которому мы располагаем данными о юртообразных постройках Прикубанья, является широко известное **Хумаринское городище,** где Х.Х. Биджиев исследовал шесть таких жилищ. К сожалению, описаны они Х.Х. Биджиевым суммарно, а опубликованы только три из них (Биджиев Х.Х., 1983, с. 36, рис. 30). Попробуем описать их более детально, делая упор на основные признаки и особенности каждого из трех жилищ.

Жилище № 2 (рис. 6, *3*). Имеет очертания в виде неправильного овала, 3,4 × 3,3 м. Контур обозначен 15 лунками, из которых только одна имела круглое сечение диаметром 10 см. Остальные отличаются несравненно бóльшими размерами (от 10 × 20 до 20 × 49 см), а главное – неправильными и неустойчивыми сечениями. Глубины лунок достигали 30 см. Лунки расположены относительно равномерно. Основные интервалы между ними: 40, 50, 60, 60, 60, 65, 65, 80, 86, 88, 100 см. Лишь в четырех случаях лунки расположены попарно с интервалами всего в 10–25 см.

Очаг смещен к востоку от центра и отличается значительными размерами – диаметр 1,15 м, глубина 0,5 м, что нехарактерно для восточноевропейских юртообразных жилищ. С востока к очагу примыкает овальный выступ. Это либо приочажная яма, либо первоначальное место очага. Последнее более вероятно. Пол земляной, утрамбованный или утоптанный.

Жилище № 3. Выявлена только его северо-западная часть. Жилище пережило в свое время реконструкцию. На первом этапе существования основу его стен составлял каркас из вертикальных опор (рис. 6, *1*), от которого на раскопанной четверти периметра сохранилось девять лунок столь же неправильных очертаний, как и в жилище № 2, но меньших сечений (от 10 × 12 до 20 × 25 см) а главное, расположенных с меньшими интервалами, но также достаточно равномерно: 14, 17, 24, 26, 30, 35, 35, 50 см. Глубина лунок от 20 до 40 см.

---

[3] Приношу глубокую благодарность И.В. Каминской за предоставленную возможность опубликовать эту постройку.

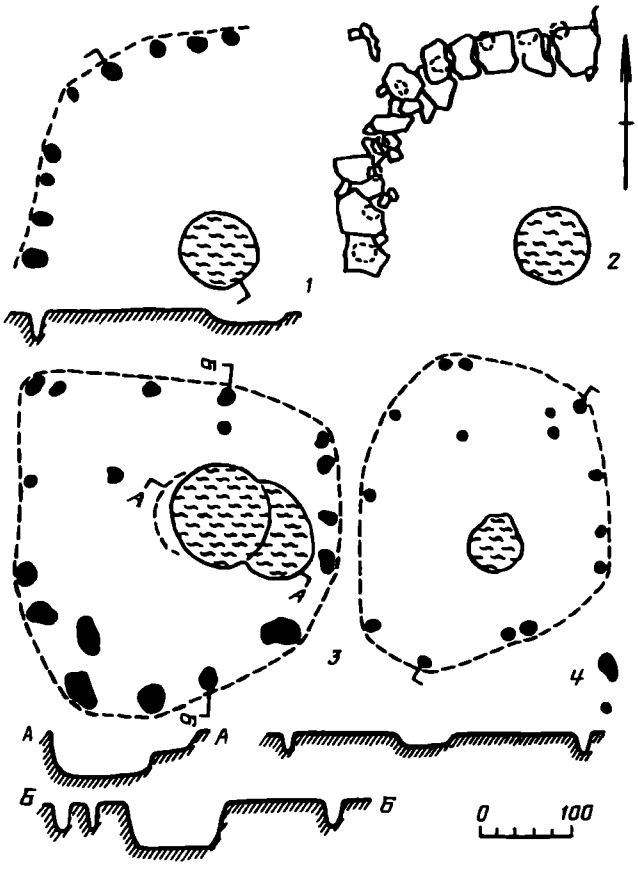


Рис. 6. Городище Хумаринское. *1–2* – жилище № 3; *3* – жилище № 2; *4* – жилище № 5. По Х.Х. Биджиеву

Второй этап жизни жилища связан с преобразованием его в постройку на каменном цоколе. Ранняя стена была разобрана, а над оставшимися лунками был выложен цоколь новой стены из камня-плитняка, на уровне которого были обнаружены куски глиняной обмазки стен (рис. 6, *2*). Что касается очага в центре жилища, то он либо сохранил после перестройки своё первоначальное месторасположение, либо относится уже к турлучной постройке.

Жилище № 5 (рис. 6, *4*). Очертания удлиненно-овальные, 3,00 × 2,50 м, по контуру стен расположены 12 лунок с остатками дерева в них. Глубины лунок достигают 20 см. Интервалы между ними достаточно равномерны: 45, 50, 60, 60, 60, 80, 80, 80, 88 см. Минимальный интервал между лунками 25 см, а максимальные – 1,15 и 1,25 м. Кроме того, как и в жилище № 2, здесь есть четыре попарно расположенные лунки – на северной и южной сторонах. Пол жилища земляной, утрамбованный. Чуть южнее центра находился круглый очаг диаметром 60 см и глубиной около 20 см.

Хумаринские юртообразные жилища имеют как определенные черты сходства, так и различие с каладжинско-первомайскими. К первым относятся наземный характер сооружения, примерно равное число опор в каркасе стен и земляные полы. К различиям в первую очередь надо отнести необычайно толстые опоры жилищ Хумаринского городища и расположение некоторых из них попарно. Аналогии такой конструкции стен пока нет ни на одном из других памятников Восточной Европы. Именно по этой причине нельзя согласиться с Х.Х. Биджиевым, когда он говорит о тождественности жилищ Хумаринского городища и салтово-маяцкой культуры (Биджиев Х.Х., 1983, с. 37, 38), хотя, безусловно, и те и другие принадлежат к единой традиции.

Особенно большими лунками отличались жилища № 2 и № 3. В жилище № 3 одна лунка имела сечение 20 × 26 см, а в жилище № 2 – даже 26 × 42 см. Несколько

меньшими были сечения лунок в жилище № 5, но и здесь они достигали 12–14 см, что в два раза превышает сечения лунок жилищ Каладжинского селища, которые чаще всего равнялись 6–7 см. Соответственно и глубина хумаринских лунок была большей (до 30 см), нежели каладжинских (до 15 см). Объяснить бóльшие размеры хумаринских лунок можно либо иными приемами установки опор, либо неопытностью здешнего населения в сооружении стационарных жилищ. Во всяком случае, запас прочности опор хумаринских жилищ значительно превышал необходимый. Жилища Каладжийского селища в этом отношении устроены более рационально.

Итак, в Верхнем Прикубанье открыто минимум три памятника, давших в совокупности при весьма незначительных вскрытых площадях уже 14 юртообразных жилищ. На современном уровне исследованности поселений региона это количество представляется достаточно значительным для первых обобщений и некоторых прогнозов.

При индивидуальности каждого перечисленные жилища обладают несколькими существенными признаками, позволяющими относить их к единой домостроительной традиции.

1. Наземность. Этот признак однозначен и не дает никаких вариантов. Уже только по одному этому признаку прикубанские жилища в своей совокупности отличаются от ближайшего доно-донецкого региона юртообразных жилищ, в котором все они имеют в той или иной степени (чаще около 50 см) углубленные котлованы. Что касается обнаруженных А.В. Гадло на Нижнем Дону около г. Новочеркасска так называемых наземных построек, то их приходится исключать из круга сравнений, поскольку на их месте выявлены только очажки, а сами контуры жилищ обнаружить не удалось. Не исключено, что это следы не юртообразных стационарных построек, а собственно юрт (Гадло А.В., 1978, с. 118–122). Наземность, таким образом, – это признак, который не только объединяет прикубанские юртообразные постройки между собой, но и отличает их от остальных построек юртообразного типа в Восточной Европе.

2. Планы жилищ. А) Все жилища имеют овальные, но не очень четкие очертания. Последнее вообще характерно для юртообразных строений. Б) Отсутствуют круглые или близкие к ним постройки, что, напротив, присуще многим жилищам Подонья (Правобережное Цимлянское городище, селища Маяки, Маяцкое, Дмитриевское). Некоторую тенденцию к округлости можно усмотреть только в жилище № 12 Каладжинского селища и жилище Первомайского городища. В то же время, учитывая, что прототипом юртообразных жилищ является круглая кочевническая юрта, не следует исключать открытие в Прикубанье действительно строго округлых юртообразных жилищ.

3. Система опор каркаса, отраженная в оставшихся от них лунках. Этот признак – один из наиважнейших при систематизации юртообразных жилищ Восточной Европы. Он чрезвычайно выразителен и в каждом случае достаточно устойчив. Что касается прикубанских построек, то обращает на себя внимание три момента. Во-первых, количество опор достаточно постоянно на всех трех памятниках. В среднем их около 13. Во-вторых, достаточно устойчивы интервалы между опорами. Наиболее распространены интервалы в 40–75 см. Интервалы менее 35 см редки, исключая жилище № 3 Хумаринского городища. Более распространены интервалы в 80–110 см. Интервалы свыше 110 см также редки, исключая жилище № 4 Каладжинского селища. Наличие больших интервалов, как уже отмечалось, связано, вероятнее всего, с тем, что часть опор просто не заглублялась. Действительно, в каждом большом интервале, как правило, "не хватает" одной опоры. Соответственно каждый из интервалов в 80–130 см при делении на два дает самые распространенные показатели – 40–65 см. Не требует объяснения, что значительная стабильность количества опор и размеров интервалов между ними взаимообусловлены. В свою очередь оба этих признака обусловлены довольно стандартными размерами жилищ. Необходимо особо подчеркнуть, что диаметры жилищ в среднем немногим более 3 м особым типообразующим признаком для прикубанских жилищ не являются. Дело в том, что это

вообще самый распространенный диаметр раннесредневековых юртообразных построек Восточной Европы.

В-третьих, для прикубанских жилищ характерно почти полное отсутствие лунок в полах. В редких случаях можно встретить две-три. Для сравнения укажу хотя бы на нижнедонское Правобережное Цимлянское городище, на полах почти каждого жилища которого есть от нескольких до многих десятков лунок (Флёров В.С., 1995).

Не оказалось в прикубанских жилищах и столь распространенных в донских хозяйственных ям или небольших ямок хозяйственного назначения.

В итоге прикубанские юртообразные жилища могут быть охарактеризованы как овальные, с устойчивой системой каркаса, выраженной в стремлении к равному числу опор и стабильности интервалов между ними, а также отсутствием встроенных в жилище хозяйственных ям. В совокупности такое сочетание признаков присуще только юртообразным жилищам трех упоминаемых памятников. Таким образом, мы можем ставить вопрос о существовании в бассейне Верхней Кубани региона со сложившимся своеобразным типом раннесредневековых юртообразных жилищ, который не был сюда принесен извне, но сформировался в местных условиях. В природно-ландшафтном отношении это предгорная зона. Территория эта достаточно четко выделяется географически и едина в IX–X вв. в культурно-историческом отношении.

С полной уверенностью можно прогнозировать открытие в Верхнем Прикубанье новых памятников с аналогичными описанным юртообразными жилищами. Вместе с этим дóлжно поставить и вопросы методики раскопок прикубанских средневековых поселений. Опыт показал, что большинство прикубанских юртообразных жилищ удается выявлять исключительно по лункам каркаса, часто весьма неглубоким. Во многих нет даже очагов или камней по периметру. Понятно, что любая небрежность в процессе раскопок, снятие культурного слоя большими пластами, пренебрежение тщательностью горизонтальных зачисток неизбежно приведут либо к полному уничтожению остатков жилищ, либо к неопознанности их, а в конечном итоге – и к неверным выводам о развитии местного домостроительства. Естественно, это предостережение касается не только раскопок прикубанских, но и всех праболгарских поселений Восточной Европы.

Своеобразие прикубанских юртообразных жилищ становится особенно заметным при сравнении с жилищами других регионов от Волги до Нижнего Дуная, и это является еще одним существенным аргументом в пользу выделения прикубанского региона, однако сложение типа прикубанского юртообразного жилища отнюдь не проходило в полном отрыве и изоляции от общего протекавшего в степях процесса появления юртообразных строений. Укажем для примера на расположенное на Нижнем Дону городище Крымское, на котором Е.И. Савченко открыл юртообразное жилище с котлованом глубиной 20 см, по периметру пола которого чрезвычайно равномерно, с интервалами, равными в среднем 40 см, находилось 15 лунок (Савченко Е.И., 1969, с. 5). По всем признакам, кроме заглубленности, данное жилище ближе всего прикубанским и в то же время не имеет прямых аналогий в самом Подонье.

В заключение немного о состоянии изученности юртообразных жилищ в других регионах Северного Кавказа. Х.Х. Биджиев сообщает об открытии на городище Кизиловая Балка на правом берегу р. Кубани у г. Амравира неполностью расчищенной постройки с ямками от "кольев", которая, по его предположению, может являться остатками "юрты". Невдалеке от нее найдена другая постройка – турлучная – диаметром 5 см с ямками от "кольев" диаметром 5–7 см и глубиной 10–12 см по периметру (Биджиев Х.Х., 1983, с. 121). Не исключено, что данные постройки являются действительно юртообразными и относятся к выделенному нами прикубанскому региону, но отсутствие чертежей этих сооружений заставляет воздержаться от определенного суждения об их типологических принадлежности.

Две круглые постройки с котлованами, выложенными камнем, открыты на городище "Указатель" под г. Кисловодском (Ковалевская В.Б., 1977). Отнесение их к юртообразным весьма проблематично.

Более широкую известность получила информация об открытии округлого жилища на городище Хазар-кала на р. Ярык-су в Северном Дагестане. По описанию А.В. Гадло, оно имело котлован диаметром 3 м и глубиной около 15 см с ямками по периметру (Гадло А.В., 1975, с. 65). Данное описание следует, вероятно, рассматривать как возможную реконструкцию, поскольку оно не подкрепляется чертежом данного объекта.

Своеобразно к вопросу о юртообразных жилищах Северного Дагестана подошел М.Г. Магомедов, категорично заявивший, что "юрты и юртообразные сооружения были здесь самым распространенным типом жилья" (Магомедов М.Г., 1983, с. 146). В качестве примеров он указывает на круглые глинобитные площадки на городищах Тенг-кала и Чир-юрт, которые, по его мнению, "о ч е в и д н о (здесь и далее разрядка моя. – *В.Ф.*) являются остатками юртообразных полов". С этим согласиться нельзя. Одним из признаков юртообразных жилищ Восточной Европы является именно отсутствие многослойного глинобитного пола.

Совершенно неприемлемо отнесение М.Г. Магомедовым к юртообразным прямоугольных полуземлянок и прямоугольных удлиненных наземных жилищ II–III вв. н.э. городища Андрей-аул, а тем более п р я м о у г о л ь н ы х с каменными основаниями, выложенными по системе "елочка" на городище Чир-юрт, которые он выделяет в качестве "усложненного варианта" юртообразных жилищ (Магомедов М.Г., 1983, с. 146–150, рис. 54, 57, 58). Данные постройки, как и постройки с глинобитными полами, являются местной особенностью стационарного домостроения и появляются в Дагестане задолго до образования Хазарского каганата. Приходится констатировать, что до настоящего времени юртообразные жилища, т.е. жилища, происходящие от собственно юрты степных кочевников VII–X вв., в Северном Дагестане неизвестны, хотя бытование их здесь вполне вероятно. Описанные М.Г. Магомедовым раннесредневековые, а тем более постройки II–III вв., не имеют ничего общего с юртообразными жилищами бассейна Дона – Северского Донца, Нижнего Дуная и Верхнего Прикубанья.

Итак, Верхнее Прикубанье предстает единственным регионом распространения раннесредневековых юртообразных жилищ на Северном Кавказе. Данный вывод важен не только сам по себе. Это дополнительный аргумент в пользу неоднократно высказывавшихся мнений о проникновении сюда степных элементов. В качестве таковых, вероятнее всего, надо видеть праболгар, чьи юртообразные жилища в значительном количестве открыты в степях и лесостепи Восточной Европы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Биджиев Х.Х., 1983. Хумаринское городище. Черкесск.

Гадло А.В., 1975. Городище Казар-кала (к вопросу о хазарской культуре в Северном Дагестане) // КСИА. Вып. 144.

Гадло А.В., 1978. Кочевье хазарского времени у станицы Заплавской на Нижнем Дону // Проблемы археологии. Вып. II. Л.

Калоев Б.А., 1971. Осетины (историко-этнографическое исследование). Изд. 2-е. М.

Каминская И.В., 1988. Отчет о раскопках Гамовского отряда на могильнике Гамовская балка и городище Первомайском в 1988 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 13117.

Каминская И.В., Каминский В.Н., 1986. Исследование Первомайского городища в долине реки Большой Лабы // XIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Орджоникидзе.

Каминский В.Н., 1991. Отчет о работах Восточно-Закубанской археологической экспедиции в бассейне реки Лабы в 1991 г. // Архив ИА РАН. Р-1.

Карачаевцы. Историко-этнографический очерк / Под ред. Л.И. Лаврова, 1978. Черкесск.

Ковалевская В.Б., 1977. О работах средневекового отряда Ставропольской экспедиции // АО-1976. М.

Красильников К.И., 1981. Возникновение оседлости у праболгар Среднедонечья // СА. № 4.

Ляпушкин И.И., 1940. Раскопки Правобережного Цимлянского городища // КСИИМК. Вып. IV.

Магомедов М.Г., 1983. Образование Хазарского каганата. М.

Плетнёва С.А., 1964. Построение кочевнического лагеря-вежи // СА. № 3.

Плетнёва С.А., 1989. На славно-хозарском пограничье. М.

Севченко Е.И., 1969. Отчет о работе отряда Новочеркасской экспедиции в 1969 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3971.

Флёров В.С., 1992. Юртообразные жилища праболгар в Восточной Европе // Вопросы этнической истории Волго-Донья. Пенза.

Флёров В.С., 1995. Правобережное Цимлянское городище в свете раскопок 1987–1988, 1990 гг. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. 4. Симферополь.

Институт археологии РАН,
Москва

V.S. FLYOROV, V.N. KAMINSKY

THE KUBAN BASIN REGION OF THE EARLY MEDIEVAL YURT-LIKE HOUSES

Summary

At present in the Eastern Europe there are known about 40 locations of the yurt-like houses of pre-Bulgarians. The majority of them are concentrated in the Don basin and Low Danube. The discovery of the yurt-like at the Kaladzhinskoye site and at the fortified settlements Khumarinskoye and Pervomaiskoye allows to put a question about existence of one more region of the yurt-like houses in the upper Kuban river basin. The most common characteristics of the yurt-like houses is the absense of the deepened pit. The most expressive is the series of seven houses of the settlement Kaladzhinskoye (Fig. 2-4): their maximum diameters – from 3,0 to 3,6 m; the average number of holes left by the supports of the walls is 13; the most widely spread intervals between the supports are 40-80 sm. The walls of some of them were reinforced by stone. Close to them is the house of the fortified settlement Pervomaiskoye (Fig. 5). The peculiarity of the houses of the fortified settlement Khumarinskoye are large sizes of the supporting poles of the walls (Fig. 6). The fact of the presense of the yurt-like houses in the upper Kuban basin in the VIII–IX cc. witnesses the penetration here of pre-Bulgarians. In the other regions of the North Caucasus, including Daghestan, early medieval yurt-like houses up to now have not been discovered.

А.С. АГАПОВ, Т.Г. САРАЧЕВА

О СПОСОБАХ НОШЕНИЯ ВИСОЧНЫХ КОЛЕЦ

Височные кольца – специфическая деталь славянского женского костюма. Их изучение сводилось к общему анализу, построению типологической классификации, определению хронологии; кроме того, практически все исследователи пытались определить их место в костюме изучаемой эпохи и способ ношения. Как правило, височные кольца находят у висков погребенных и на этом основании относят к категории головных украшений. В решении вопроса о том, как они носились, подобного единства мнений не существует. Это объясняется тем, что исследователи неизбежно сталкиваются с рядом сложностей, вызванных прежде всего спецификой источниковедческой базы (Арциховский А.В., 1930, с. 46; Musianowicz K., 1949, с. 117; Сабурова М.А., 1974, с. 85).

Источниками, позволяющими воссоздать металлический головной убор древнерусских женщин, являются материалы раскопок погребений с точной фиксацией височных колец in situ, а также изобразительные материалы и письменные свидетельства этой эпохи. К сожалению, исследователи не всегда указывают источник информации о способах ношения этих украшений, вследствие чего степень достоверности реконструкций резко снижается.

Большинство исследователей считают, что височные кольца могли носиться по-разному. Чаще других в публикациях упоминаются два способа ношения колец. По мнению некоторых исследователей, кольца надевали или продевали через кожаный ремешок, полоску ткани, шерстяной шнурок, надетые на голову, или прикрепляли к краю головного убора более сложной конструкции. Впервые эту точку зрения высказал В.И. Сизов в конце прошлого века (Сизов В.И., 1895, с. 186). Она неоднократно повторялась в дальнейшем и сохраняет свое значение и доныне (Арциховский А.В., 1930, с. 46; Рыбаков Б.А., 1932, с. 32, 33; 1988, с. 521; Монгайт А.Л., 1947, с. 83; Корзухина Г.Ф., 1954, с. 59; Шмидт Е.А., 1957, с. 207; Розенфельдт Р.Л., 1963, с. 219; Русанова И.П., 1966, с. 19; Левашева В.П., 1967, с. 7; Соловьева Г.Ф., 1978, с. 171; Рябинин Е.А., 1986, с. 53; Археологія і нумізматыка Беларусі, 1993, с. 566; Седов В.В., 1994, с. 56).

Особый интерес представляет находка из Гочевского могильника. В одном из погребений височные кольца были нанизаны на обруч металлического головного венчика (Шинаков Е.А., 1982, с. 93).

Иногда височные кольца прикрепляли на специальные кожаные полоски, которые затем уже привешивали к головному убору в области висков (Сабурова М.А., 1975, с. 18, 19).

Еще один способ ношения колец реконструировал Н.И. Булычов по материалам раскопанных им погребений вятичей (Булычов Н.И., 1913, с. 17). Здесь кольца вплетали непосредственно в волосы (иногда в виде цепочки) или прикрепляли к прическе лентами или ремешками, которые сперва продевали через кольца, а затем вплетали в волосы (Рыбаков Б.А., 1948, с. 240; Седова М.В., 1981, с. 9; Сабурова М.А., Седова М.В., 1984, с. 114). Этот способ ношения колец в сочетании с разными вариантами причесок наиболее детально реконструировала М.А. Сабурова по материалам погребений могильников Новинки I и II Вологодской обл. (Сабурова М.А., 1974). Подобные реконструкции приводят в своих работах и западные археологи-

© А.С. Агапов, Т.Г. Сарачева, 1997 г.

слависты (Musianowicz K., 1949, с. 117, 118; Георгиева С., Пешева Р., 1955, с. 541; Нидерле Л., 1956, с. 241; Милчев А., 1963, с. 22; Гатев П., 1977, с. 33).

Некоторые исследователи высказывали предположение, что определенные типы височных колец могли носиться продетыми в уши, являясь по существу серьгами (АрхеалогІя І нумІзматыка БеларусІ, 1993, с. 566; Сабурова М.А., 1974, с. 89–91; Пушкина Т.А., 1987, с. 53). Одним из первых авторов этой гипотезы был А.В. Арциховский. Тем не менее он считал невозможным выделять серьги в отдельную категорию украшений, подчеркивая, что археологи обычно не в состоянии определить способ ношения височных колец (Арциховский А.В., 1930, с. 46). К этой точке зрения склонялись Г.Ф. Корзухина и Б.А. Рыбаков, категорически отрицая ношение серег, продеваемых в мочки ушей, в древнерусский период (Корзухина Г.Ф., 1954, с. 59; Рыбаков Б.А., 1988, с. 521).

Несмотря на это утверждение, известны случаи находок височных колец, продетых в ушные раковины, которые частично сохранились. Это трехбусинные кольца из Поворовских курганов (Рабинович М.Г., 1940, с. 89), проволочные кольца из Акатовской курганной группы и из кургана 4 Бабаевского могильника (Недошивина Н.Г., 1961, с. 6; Тухтина Н.В., 1961, с. 14). О нескольких находках бусинных височных колец «в правом ухе» женских и мужских костяков сообщают авторы раскопок болгарского некрополя Ловеч X–XIII вв. При этом они не указывают, были ли обнаружены сами фрагменты ушных раковин (Георгиева С., Пешева Р., 1955, с. 541).

Эти наблюдения остались практически незамеченными в дальнейшем. Они основывались только на визуальных наблюдениях авторов раскопок, не были подкреплены специальными исследованиями и именно поэтому, вероятно, вызывали недоверие и сомнение. Если ношение тонких проволочных височных колец в качестве серег некоторые исследователи допускали (Левашева В.П., 1967, с. 7), то сообщение М.Г. Рабиновича о находке трехбусинных височных колец в мочках ушей в последующих работах не упоминается.

Таким образом, в современной археологической науке господствующей является точка зрения, основанная на материалах раскопок погребений, согласно которой височные кольца носились либо вплетенными в волосы, либо на специальном кожаном ремешке или полоске ткани.

Письменные источники эпохи древней Руси содержат скудную информацию об украшениях. Но упоминания височных колец и серег крайне важны для нас. Так, например, хорошо известно описание костюма князя Святослава: «В одно ухо у него была вдета золотая серьга; она была украшена карбункулом, обрамленным двумя жемчужинами» – пишет византийский историк Лев Диакон (Лев Диакон, 1988, с. 82). В Чтении о Борисе и Глебе (конец XI в.) упоминаются кольца, носившиеся в ушах: «И се внезапу испадоста еи златии колци, иже ношаше въ ушию своею...» (Лукина Г.Н., 1974, с. 248). Ипатьевская летопись сообщает о сборе серебра Владимиром Галицким с городов Волыни (1150 г.): «Они же емлюче серебро изо ушью и с шии...» (Ипатьевская летопись, 1962, с. 417, л. 151 об.). Слово «серьга» встречается в памятниках древнерусской письменности начиная с XIV в. в значении мужского ушного украшения (Лукина Г.Н., 1974, с. 250).

Таким образом, приведенные письменные свидетельства подтверждают бытование ушных украшений у славян в X–XIII вв. Безусловно, эти сведения нуждаются в объективных доказательствах, которые могут быть получены в процессе тщательного исследования височных колец, обнаруженных ранее, а также в ходе новых полевых работ с точной фиксацией места расположения украшений на погребенном.

В публикациях материалов раскопок погребений XI–XIII вв. исследователи иногда отмечают находки височных колец, продетых в фрагменты кожи, которые, по их мнению, являются остатками головного убора. Нами было предпринято медико-

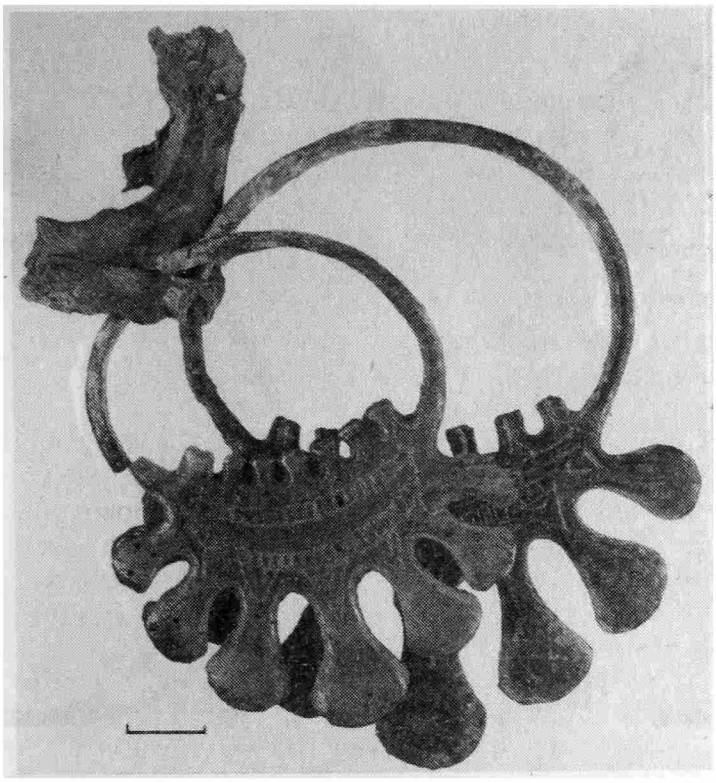


Рис. 1. Общий вид находки № 1 до восстановления

криминалистическое исследование пяти подобных находок[1]. Все они, судя по погребальному инвентарю, происходят из женских погребений.

1. Фрагмент «кожи» с продетыми в отверстия двумя семилопастными височными кольцами (рис. 1). Место находки: Смоленская губерния, Юхновский уезд, 1-я курганная группа у д. Ступенки, курган № 9. Автор раскопок Н.И. Булычов (1913, с. 46). Место хранения: ГИМ, опись № 159, № 23, 24. Семилопастные височные кольца принадлежат к самым ранним по типологии Т.В. Равдиной и датируются началом XII в. (Равдина Т.В., 1968, с. 138). Толщина дужек колец равна 2 мм. Они изготовлены из сплава на основе меди с высоким содержанием олова и имеют покрытие. Автор раскопок приводит два разных описания этой находки. В описании погребального инвентаря кургана он указывает, что «3 кольца были привязаны шерстяною лентою к кольцу из белого сплава» (Булычов Н.И., 1913, с. 46, рис. 26). Анализируя погребальный инвентарь в целом и в частности височные кольца, он пишет о том, что эти же три семилопастных кольца были связаны вместе, через их дужки был продет ремешок, который висел на круглом колечке, вплетенном в волосы (Булычов Н.И., 1913, с. 17).

2. Фрагмент «кожи» с продетым в отверстие проволочным браслетообразным височным кольцом[2] (рис. 2). Место находки: Московская обл., Балашихинский р-н, курганная группа у ст. Салтыковка, курган № 6. Автор раскопок А.Л. Монгайт (1947). Место хранения: музей археологии МГУ, опись 28, № 37. В этом погребении слева и справа от черепа были найдены по три круглопроволочных завязанных височных кольца. По свидетельству автора, они были продеты в полоски кожи, с помощью которых, очевидно, прикреплялись к прическе (Монгайт А.Л., 1947, с. 83, рис. 1, *4*). Височные кольца изготовлены из сплава на основе меди с оловом и имеют покрытие.

---

[1] Выражаем благодарность Н.Г. Недошивиной, С.С. Ширинскому, Л.Р. Кызласову и Ю.Л. Щаповой за предоставленный для исследования материал.

[2] Два других височных кольца, которые ранее находились в отверстиях, сохранились в фрагментах.

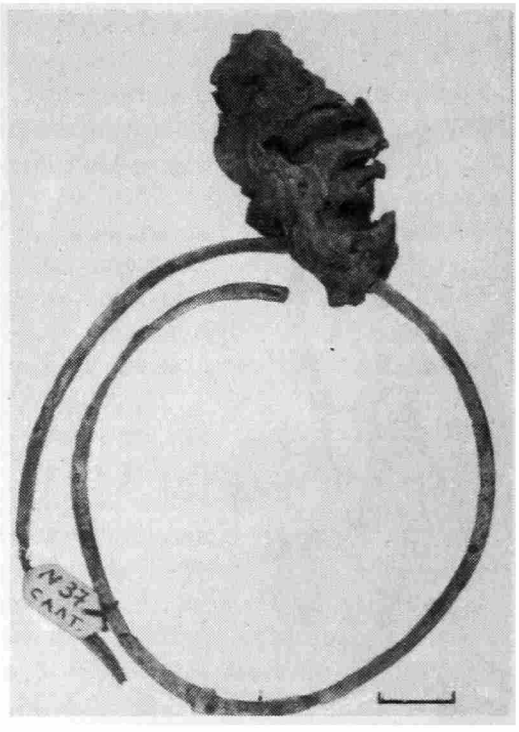


Рис. 2. Общий вид находки № 2 до восстановления

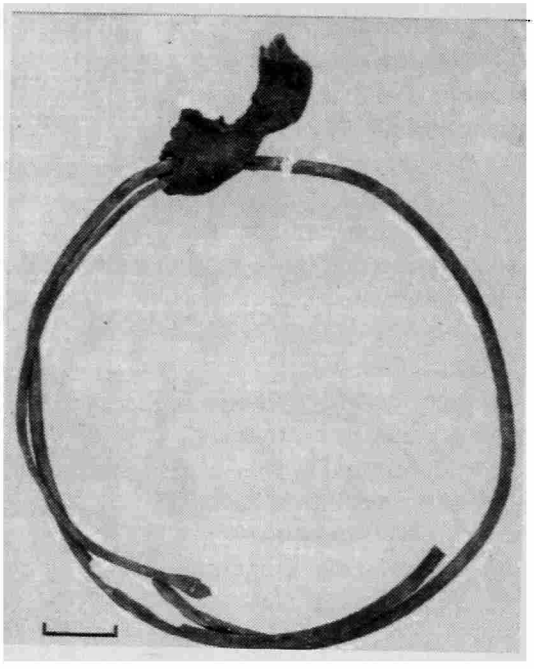


Рис. 3. Общий вид находки № 5 до восстановления

Толщина проволоки, из которой они изготовлены, –-2 мм. Дата погребения, по А.Л. Монгайту, XII в.

3. Фрагмент «кожи» с продетым в отверстие семилопастным височным кольцом. Место находки: Московская обл. Одинцовский р-н, 3-я курганная группа у д. Таганьково, курган № 2. Автор раскопок С.С. Ширинский. Место хранения: музей археологии МГУ, полевой № 2. Фрагментированное семилопастное височное кольцо с надетыми на него проволочным перстнеобразным височным кольцом и фрагментом кожи было обнаружено на плечевом отростке правой лопатки погребенной (Ширинский С.С., 1958, с. 8). Семилопастное кольцо относится к типу развитых, имеющих дату вторая половина XII–XIII в. (Равдина Т.В., 1968, с. 140). Оно изготовлено из сплава на основе меди с высоким содержанием олова и имеет покрытие. Толщина дужки кольца – 2 мм.

4. Фрагмент «кожи» с продетым в отверстие проволочным перстневидным височным кольцом. Место находки: Московская обл., Щелковский р-н, 1-я курганная группа у д. Каблуково, курган № 9, погребение № 1. Авторы раскопок А.А. Коновалов и Л.Р. Кызласов. Кольцо было обнаружено у «височных костей черепа» (Коновалов А.А., 1968, с. 33). Обруч кольца разомкнутый, один край его изогнут в дугу. Оно изготовлено из сплава на основе меди, основными легирующими компонентами которого являются олово, свинец, цинк. Толщина проволоки – 1,5 мм. Дата курганной группы XI–XII вв. (Коновалов А.А., 1972, с. 152).

5. Фрагмент «кожи» с продетыми в одно отверстие думя проволочными височными кольцами (рис. 3). Место находки: Московская обл. Мытищинский р-н, курганная група у д. Пирогово, курган № 12. Автор раскопок Ю.Л. Щапова. Место хранения: музей археологии МГУ, полевой № 12. Височные кольца обнаружены у затылка (Щапова Ю.Л., 1960, с. 2). Одно проволочное браслетообразное кольцо изготовлено из сплава на основе меди. Края его не сохранились, но, по утверждению автора раскопок, кольцо относилось к типу завязанных (Щапова Ю.Л., 1960, с. 2). Толщина проволоки – 2 мм. Другое кольцо также сохранилось не полностью. Оно относится к типу браслетообразных. Сохранившийся конец его расплющен и имеет отверстие. Толщина проволоки – 1,4 мм. Дата курганной группы – XII–XIII вв.

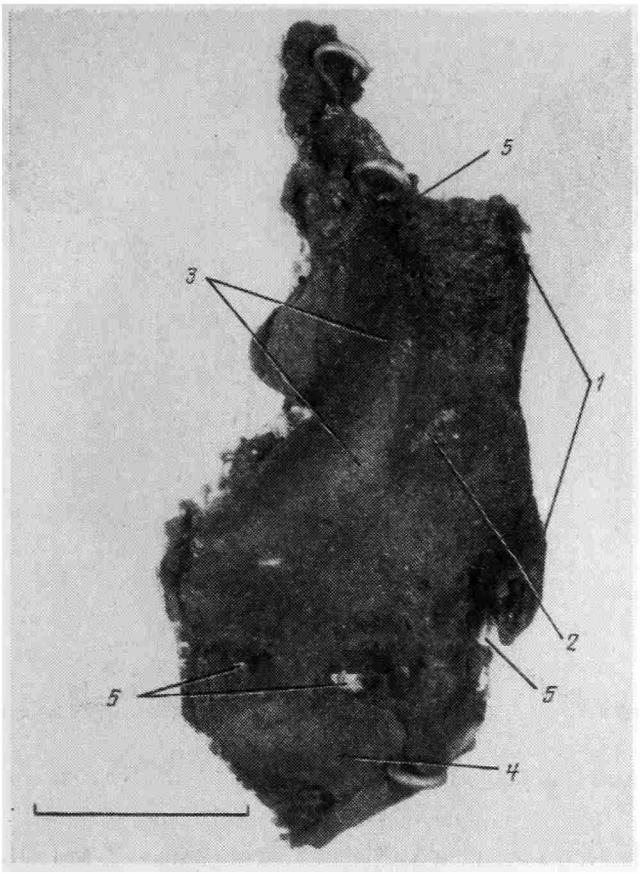


Рис. 4. Фрагмент «кожи» из находки № 1 после восстановления. Частные элементы ушной раковины: *1* – внешний край и часть завитка; *2* – ладьевидный желобок; *3* – часть средней и нижней ветвей противозавитка; *4* – часть мочки; *5* – отверстия для украшений

Исследование этих находок производил сотрудник медико-криминалистического отделения лаборатории Бюро Республиканского центра судебно-медицинской экспертизы Минздравмедпрома РФ А.С. Агапов. Цель исследования сводилась к определению видовой и региональной принадлежности фрагментов «кожи». Оно включало в себя визуальное и стереомикроскопическое изучение (МБС-2) объектов до восстановления и после. Восстановление объектов в уксусно-водно-спиртовом растворе (1 : 7 : 2), приготовленном по прописи А.Н. Ратневского № 1 (1972 г.), проводилось на протяжении 3,5 мес.

В результате первоначального исследования объектов на основании выявленных внешних морфологических признаков (форма фрагментов в целом, конфигурация краев, характер рельефа поверхностей) было установлено, что объекты № 1, 5 являются в значительной степени мумифицированными фрагментами ушных раковин человека; объект № 2 является почти полностью сохранившейся правой ушной раковиной человека, задняя сторона которой оказалась скрепленной в процессе высыхания с фрагментом правой височной кости и ее сосцевидного отростка. Сильная деформация и фрагментированность, значительные окислы на поверхности не позволили определить конкретную видовую принадлежность объектов № 3 и 4 на данном этапе исследования.

После восстановления в растворе фрагменты «кожи» расправились, приобрели равномерную темно-коричневую окраску, а также мягко- и упруго-эластичную консистенцию, близкую к физиологической консистенции кожи человека.

В ходе последующего исследования были получены подтверждения результатов первоначальных наблюдений, а также выявлены некоторые новые детали. Представ-

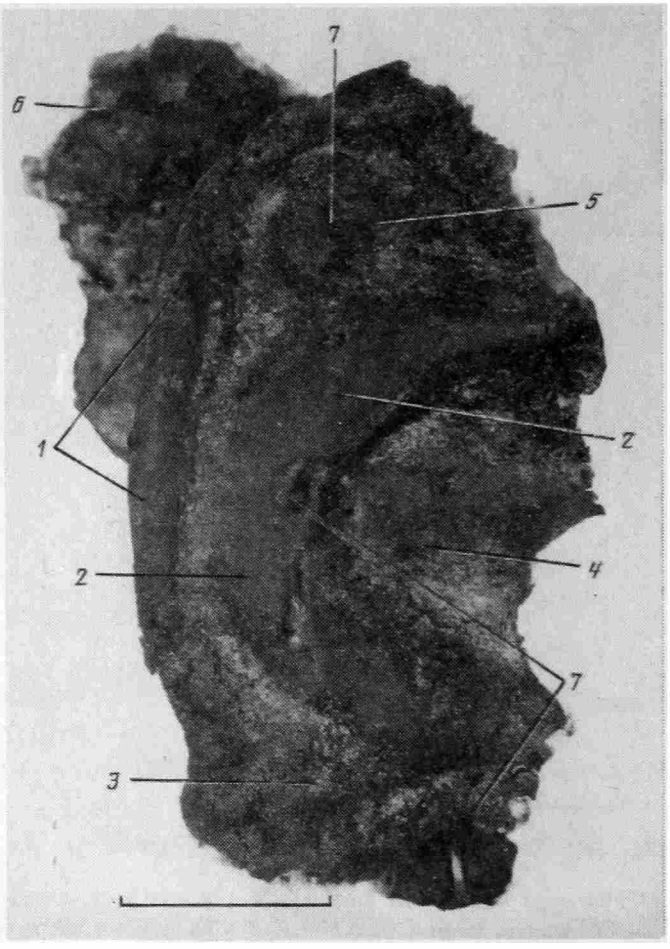


Рис. 5. Анатомические образования из находки № 2 после восстановления. Частные элементы комплекса: *1* – завиток; *2* – противозавиток; *3* – мочка; *4* – полость ушной раковины; *5* – «пальцевая» ямка; *6* – фрагмент чешуи височной кости; *7* – отверстия для украшений

ленный фрагмент «кожи» из находки № 1 в восстановленном виде является биологическим объектом антропологического происхождения, а именно частью левой ушной раковины человека (рис. 4). Об этом убедительно говорят хорошо сохранившиеся частные анатомические элементы внешнего строения (части завитка, противозавитка, ладьевидного желобка и мочки). В нижней части фрагмента хорошо заметны три отверстия овально-щелевидной формы, размерами ~0,2 × 0,1 см, располагающиеся на одной условной поперечно-дугообразной линии в 0,3 см друг от друга. В среднее и крайнее «правое» отверстия до восстановления были продеты украшения. Аналогичное отверстие расположено в верхней части фрагмента в области правого края.

Объект № 2 после восстановления представляет собой комплекс, состоящий из анатомически и топографически взаимосвязанных образований правой височной области головы человека: ушная раковина овальной формы (4,2 × 2,5 × 0,4 см) с сохранившимся фрагментом кожи заушной области (2,5 × 1,3 × 0,2–0,25 см); фрагмент листка надкостницы (2,3 × 1,3 × 0,1 см); фрагмент правой височной кости (3,5 × 2,7 × 0,5 см), включающий в себя часть ее чешуи и ячеистую часть сосцевидного отростка (рис. 5). В препарате полностью восстановились общие и частные внешние и структурные признаки и элементы, характеризующие вышеуказанные анатомические образования и позволяющие сделать следующий вывод: представленный на исследование комплекс мумифицированных биологических тканей имеет ярко выраженное антропологичекое происхождение. Детальными исследованиями

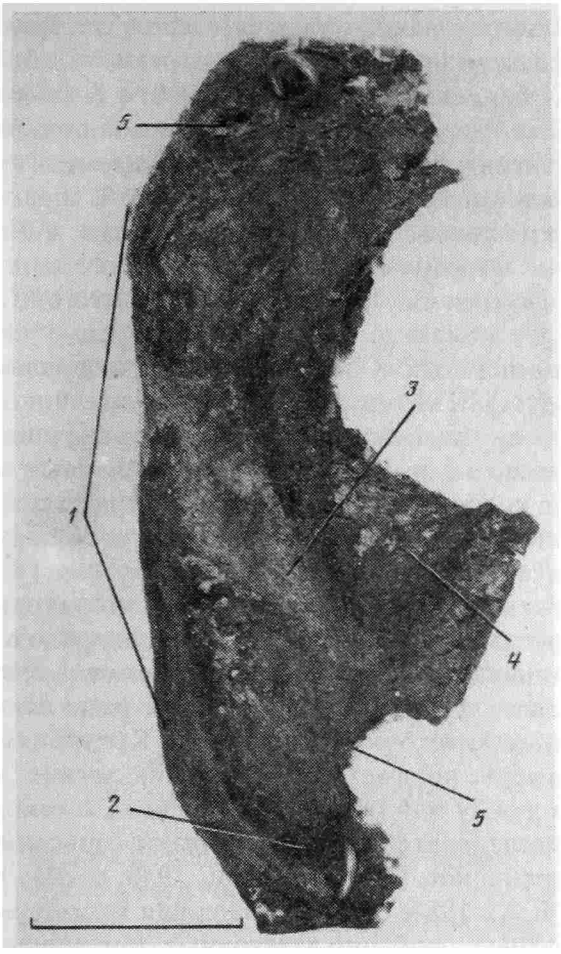


Рис. 6. Фрагмент «кожи» из находки № 5 после восстановления. Частные элементы ушной раковины: *1* – внешний край завитка раковины; *2* – мочка; *3* – нижняя ветвь противозавитка; *4* – полость ушной раковины; *5* – отверстия для украшений

восстановленной ушной раковины установлено наличие в ней трех изолированных друг от друга сквозных отверстий овально-щелевидной формы (0,2 × 0,1 см), однотипного характера, располагающихся последовательно на одной условной вертикальной линии. До восстановления препарата в нижнее отверстие было продето проволочное украшение. Учитывая однотипность двух других отверстий, можно считать, что они образованы искусственно для (и в процессе) ношения подобных украшений.

Объект № 3 сильно фрагментирован, однако сохранившиеся частные элементы строения позволяют утверждать, что в препарате представлена часть мочки левой ушной раковины, подвергшаяся мумифицированию, с относительно хорошо сохранившимся ее нижне-наружным краем. В сквозное отверстие до восстановления препарата было продето украшение.

Внешние и структурные видимые признаки восстановленного объекта № 4 позволяют считать, что он имеет антропологическое происхождение и является фрагментом подвергшейся мумифицированию левой ушной раковины человека. В отверстие, расположенное в области мочки, до восстановления было продето украшение.

В восстановленном виде объекта № 5 отчетливо проявились внешние общие и частные признаки и элементы анатомического строения, свидетельствующие о том, что в препарате представлена почти полностью сохранившаяся правая ушная раковина человека (рис. 6). В области верхнего и нижнего края ушной раковины расположено по одному отверстию.

Таким образом, в ходе исследования установлено, что все представленные фрагменты «кожи» антропологического происхождения: находки № 1, 3, 4 представляют собой фрагменты левых ушных раковин человека; находка № 2 – анатомо-топографически взаимосвязанный комплекс, состоящий из правой ушной раковины с участком кожи заушной области, фрагментов надкостницы и правой височной кости человека; находка № 5 – фрагмент правой ушной раковины человека. В фрагменте № 1 в наличии четыре отверстия для украшений, в № 2 – три отверстия, в № 5 – два отверстия, в фрагментах №№ 3 и 4 – по одному отверстию. Общее состояние отверстий, их сглаженные, омозолевшие края свительствуют о том, что они были сформированы прижизненно в результате контакта с массивными предметами (украшениями) на протяжении длительного периода. Следовательно, факт использования височных колец в качестве серег в XI–XIII вв. является доказанным.

Следует отметить тот немаловажный факт, что проведенные медико-криминалистические исследования по восстановлению представленных биологических объектов являются своего рода уникальными, так как в доступной нам специальной литературе не обнаружено данных о восстановлении подобных объектов, а именно ушных раковин, столь большой давности.

На основании обнаруженных ранее и изученных нами находок установлено, что в качестве «серег» могли носить разные височные кольца: проволочные браслетообразные (в частности, завязанные), перстневидные, семилопастные, трехбусинные[3].

Большинство исследователей эпохи древней Руси разделяют серьги и височные кольца, относя их к разным категориям украшений. Критериями подобного деления выступают форма и размеры предметов. Украшения легкие, небольшого размера, которые имеют тонкую дужку или обруч, как правило, с декоративным элементом (бусы, привески и т.д.), исследователи часто называют серьгами независимо от места их расположения на погребенном (Рыбаков Б.А., 1948, с. 241; Корзухина Г.Ф., 1954, с. 108 и далее; Рябинин Е.А., 1986, с. 57). Украшения массивные, большого размера (например, браслетообразные, особенно завязанные, щитковые височные кольца) не могли использовать в качестве серег и носили около висков (Георгиева С., Пешева Р., 1955, с. 541; Шмидт Е.А., 1957, с. 207; Милчев А., 1963, с. 33). Исследование, проведенное нами, опровергает это утверждение, так как продетые в отверстия ушных раковин кольца имеют разные форму, размеры, а толщина дужек или обручей колеблется от 1,4 до 2 мм. Толщина дужек семилопастных височных колец, как правило, составляет 1,9–2,1 мм, толщина проволоки браслетообразных височных колец – 1,5–2,2 мм. Следовательно, кольца, использованные в качестве серег в изученных нами находках, нельзя назвать ни тонкими, ни небольшими. Очевидно, что подобные украшения древнерусские женщины могли носить и как височные кольца, и как серьги. Оформление краев обручей также не является признаком того или иного вида украшений. Единственным критерием различия между ними может выступать только место ношения, а не форма и размеры.

Таким образом, височные кольца носились по-разному, в том числе и продетыми в ушные раковины, являясь по существу серьгами. В таких случаях их могли носить как по одному, так и несколько в одном ухе. Этот факт говорит о том, что древнерусские женщины, используя височные кольца в качестве серег, соблюдали традицию ношения именно колец – по несколько экземпляров с одной стороны головы. Ярким подтверждением этого выступает фрагмент ушной раковины из находки № 5, в ниж-

---

[3] Несколько фрагментов хорошо сохранившихся мумифицированных ушных раковин человека с продетыми в них височными кольцами не были подвергнуты лабораторному исследованию. Это фрагмент ушной раковины с четырьмя семилопастными височными кольцами из раскопок Смедовских курганов (РИАМЗ, КП 1390, А/210); два фрагмента разных ушных раковин с проволочными спиральными височными кольцами из раскопок Белогорских курганов (ГИМ, Оп. № 773, №№ 51, 30); фрагмент ушной раковины с браслетообразным и перстнеобразным височными кольцами из Мякининских курганов (ГИМ, Оп. № 124, № 74).

нем отверстии которого было продето два височных кольца. О креплении нескольких колец в одном отверстии кожаной повязки упоминает польская исследовательница К. Мусинович (Musianowicz K., 1949, с. 117). В находках № 2 и № 5 браслетообразные височные кольца были завязанными, что предполагает их длительное ношение.

На данном этапе исследования трудно определить соотношение разных способов ношения височных колец. Это объясняется рядом причин: различной степенью сохранности погребенных и материалов, из которых могли быть сделаны головные уборы; недостаточно точной фиксацией находок при раскопках, в частности произведенных в конце XIX – начале XX в., когда было исследовано большинство курганных погребений.

В эпоху древней Руси височные кольца и серьги, вероятно, сосуществовали как две близкие категории головных украшений. Форма и конструкция височных колец способствовали тому, что они оказались многофункциональным, трансформируемым украшением, которое можно было использовать и в качестве колец, и в качестве серег. Вероятно, под давлением тогдашней моды произошло постепенное вытеснение височных колец серьгами и утратилась традиция ношения нескольких украшений с одной стороны головы. Начиная с XIV в. кольца в значении украшения для головы не упоминаются в письменных источниках. Не известны они и по погребальным памятникам. Вероятно, в это время племенной убор с характерным для него набором височных колец окончательно выходит из употребления, а серьги становятся наиболее любимой и неотъемлемой деталью женского головного убора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Археалогія і нумізатыка Беларусі. Энцыклапедыя, 1993. Мінск.

Арциховский А.В., 1930. Курганы вятичей. М.

Булычов Н.И., 1913. Раскопки по среднему течению р. Угры. М.

Гатев П., 1977. Накити от погребения от XI–XII вв. // Археология. Кн. 1. София.

Георгиева С., Пешева Р., 1955. Средневековен Български некропол край гр. Ловеч // ИАИ. Кн. XX.

Ипатьевская летопись, 1962 // ПСРЛ. Т. 2. М.

Коновалов А.А., 1968. Отчет о раскопках кривических курганов у д. Каблуково Щелковского р-на Московской обл. в 1967 г. // Архив ИА РАН Р-1. № 4275.

Коновалов А.А., 1972. Характеристика медных сплавов украшений из кривических курганов у д. Каблуково // Новое в археологии. М.

Корзухина Г.Ф. 1954. Русские клады IX–XIII вв. М.; Л.

Лев Диакон. 1988. История. М.

Левашева В.П., 1967. Височные кольца // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Тр. ГИМ. Вып. 43.

Лукина Г.Н., 1974. Названия предметов украшений в языке древнерусской письменности X–XII вв. // Вопросы словообразования и лексикологии древнерусского языка. М.

Милчев А., 1963. Раннесредневековни български накити и кръстове енколпиони от Северозападна България // Археология. Кн. 3. София.

Монгайт А.Л., 1947. Салтыковские курганы // МИА. № 7.

*Недошивина Н.Г., 1961.*Отчет о раскопках курганной группы близ д. Акатово Московской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 2278.

Нидерле Л., 1956. Славянские древности. М.

Пушкина Т.А., 1987. Височные кольца Гнездовского комплекса // Тр. V Конгресса МУСА. Т. III. Вып. 16. М.

Рабинович М.Г., 1940. Курганы в Поворовке // Сборник научных студенческих работ. Вып. 11. История. М.

Равдина Т.В., 1968. Типология и хронология лопастных височных колец // Славяне и Русь. М.

Розенфельдт Р.Л., 1963. Битяговские курганы // СА. № 4.

Русанова И.П., 1966. Курганы полян X–XII вв. // САИ. Вып. Е1-24.

Рыбаков Б.А., 1932. РадзІмІчи // Працы сэкцыІ..археолегіІ. Т. III. Менск.
Рыбаков Б.А., 1948. Ремесло // История культуры Древней Руси. Т. I. М.
Рыбаков Б.А., 1988. Язычество Древней Руси. М.
Рябинин Е.А., 1986. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л.
Сабурова М.А., 1974. Женский головной убор у славян (по материалам Вологодской экспедиции) // СА. № 2.
Сабурова М.А., 1975. О женских головных уборах с жесткой основой в памятниках домонгольской Руси // КСИА. Вып. 144.
Сабурова М.А., Седова М.В., 1984. Некрополь Суздаля // Культура и искусство средневекового города. М.
Седов В.В., 1994. Из этнической истории населения средней полосы Восточной Европы во второй половине I тысячелетия н.э. // СА. № 2.
Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.
Сизов В.И., 1895. О происхождении и характере курганных височных колец и преимущественно т.н. московского типа // АИЗ. Вып. 6.
Соловьева Г.Ф., 1978. Семилучевые височные кольца // Древняя Русь и славяне. М.
Тухтина Н.В., 1961. Отчет о работе Вологодской археологической экспедиции, 1960 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2180.
Шинаков Е.А., 1982. Население верхнего течения реки Псел в XI–XII вв. (по материалам Гочевского археологического комплекса) // Вестн. МГУ. № 2.
Ширинский С.С., 1958. Отчет о раскопках с охранными целями одного кургана III Таганьковской курганной группы // Архив ИА РАН. Р-1. № 1551.
Шмидт Е.А., 1957. Курганы XI–XIII вв. у д. Харлапово в Смоленском Поднепровье // МИСО. Вып. 2. Смоленск.
Щапова Ю.Л., 1960. Отчет о раскопках кургана у д. Пирогово Мытищинского р-на Московской обл. в 1959 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5727.
Musianowicz K., 1949. Kablaczki skroniowe – proba typologii i chronologii // Swiatowit. T. XX. Warszawa.

Республиканский центр
судебно-медицинской экспертизы
МЗ и МП РФ, Москва

Государственный исторический музей,
Москва

A.S. AGAPOV, T.G. SARACHEVA

ON THE WAYS OF WEARING OF TEMPLE RINGS

Summary

Temple rings are a specific detail of the Slavic women's costume. The question of their place in the structure of the women's costume of the studied epoch and the way of their wearing up to nowadays remains a subject for discussion. In the modern archaeological science there dominates the point of view according to which temple rings were worn either plaited into the hair or on a special leather strap or a strip of fabric. Some of the researchers made suppositions about wearing of the temple rings as ear-rings. In the written sources of ancient Russia also there is some information on the use of ear-rings in the X–XIII cc. To get the objective proof of wearing of ear-rings in the ancient Russian epoch we undertook a laboratory research of five fragments of "leather" with temple rings passed through them from the excavations of the ancient Russian barrows conducted at the medical-criminalystic department of the Laboratory of the Bureau of the Republican Center of judicial-medical expertise. As a result there were established the form and regional origin of these objects. They had a distinctly expressed anthropological origin and were the fragments of the mummyfield ear shells. Consequently, the fact of the wearing of temple rings in ears is proved. Thus, temple rings were worn in various ways, including the one where they were passed through ear shells actually serving as ear rings.

Н.Б. ЧЕРНЫХ, Н.Ф. СЕРГЕЕВА

ДЕНДРОХРОНОЛОГИЯ АРХИТЕКТУРНЫХ ПАМЯТНИКОВ НА СЕВЕРЕ РОССИИ

(бассейн Северной Двины и Онеги)

Дендрохронологический анализ дерева самых разнообразных архитектурных памятников, именуемых в зарубежных специальных работах «историческими постройками», способен участвовать в разрешении самого широкого круга проблем – от весьма специфических, связанных с циклом естественных наук (астрофизика, климатология, лесное дело и т.д.) до чисто исторических, где помимо хронологии отдельных построек или их комплексов могут рассматриваться вопросы, связанные со сторительным делом разных эпох – от восстановления его технических приемов до установления районов заготовки строительного дерева, путей его транспортировки и т.п. (Битвинскас Т.Т. и др., 1984; Колчин Б.А., Черных Н.Б, 1977; Сергеева Н.Ф. и др., 1987; Сергеева Н.Ф. и др., 1990; Урьева А.Ф., 1994; Becker B., 1983; Zetterberg P., 1988 и др.).

Равно и всестороннее исследование деревянных памятников архитектуры (включающее и реставрацию культовых построек) в северных областях Европейской России в последние годы уже не мыслится без применения методов дендрохронологии. С помощью последних намного легче и надежнее оказалось понимание самых различных сторон истории конкретных построек нашего Севера – от подтверждения или уточнения даты их строительства вплоть до восстановления полной картины их строительной истории на протяжении весьма длительных отрезков времени. Была выработана даже определенная программа подобных исследований. По этой программе в течение ряда последних лет в лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН проводились исследования строительной древесины русских архитектурных памятников XIV–XX вв., разбросанных на широких пространствах северных регионов России: от Белого моря на севере до бассейна Оки на юге, от берегов Финского залива на западе до среднего течения р. Волги на востоке[1].

К настоящему времени нам удалось изучить образцы дерева из каменных и деревянных построек общим числом 160; среди них представлены 106 культовых объектов (церквей, колоколен), 29 гражданских и 25 оборонительных сооружений. Особую группу в этом ряду составляют памятники деревянного зодчества, в подавляющем большинстве датированные XV–XX вв.

В настоящей статье публикуются результаты исследований по одному из разделов этой программы. Приводятся данные по изучению дерева памятников деревянной архитектуры XVI–XX вв. из сравнительно компактного географического района – бассейна рек Онеги и Северной Двины. Все они расположены в административных границах современных Онежского, Холмогорского, Приморского, Каргопольского и Красноборского районов Архангельской обл. (рис. 1, 2; таблица).

Выбор этих памятников не был случайным. Во-первых, для них имеется весьма представительная выборка – 185 образцов дерева из 27 построек. Во-вторых, этот материал, на наш взгляд, наиболее полно отвечает требованиям, предъявляемым при

[1] Большой вклад в разработку этой темы внесла А.Ф. Урьева, принимавшая в этих работах самое непосредственное участие; некоторые результаты ее работы мы используем в этой статье.

© Н.Б. Черных, Н.Ф. Сергеева, 1997 г.

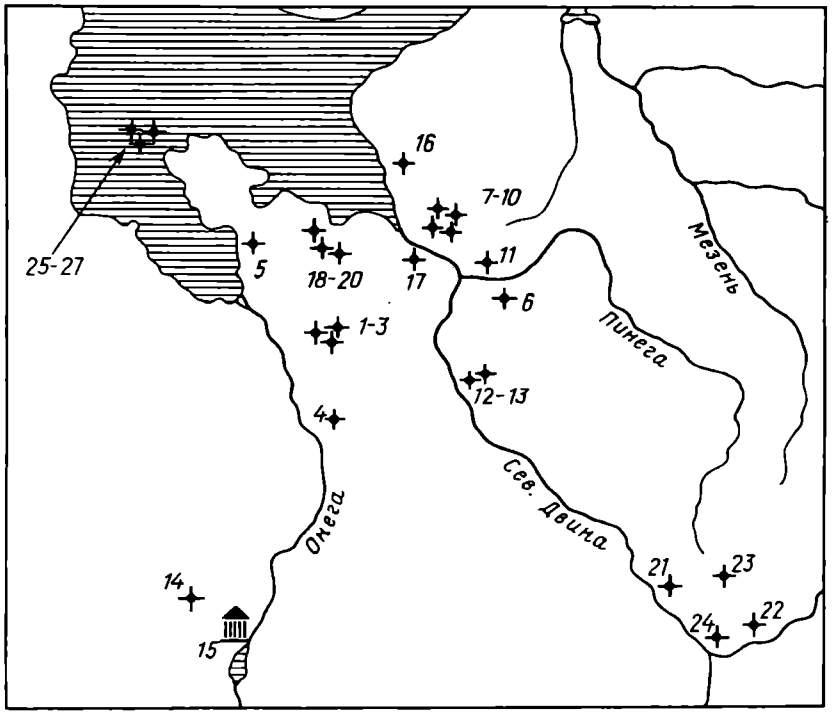


Рис. 1. Карта распространения исследованных памятников. Название и нумерацию памятников см. в таблице

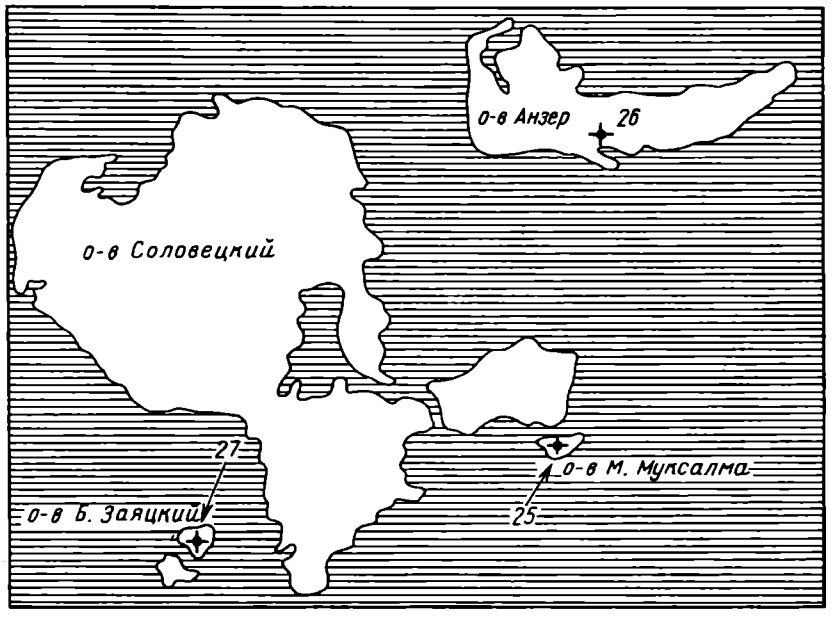


Рис. 2. Карта распространения исследованных памятников на Соловецких островах. Название и нумерацию памятников см. в таблице

дендрохронологическом анализе строительной древесины в отношении единства: а) времени жизни стволов, б) условий места произрастания и в) древесной породы (Schove D., 1954). Все изученные образцы принадлежат деревьям, происходящим из лесных массивов, расположенных в районах со схожими эколого-климатическими условиями – близ северной границы подзоны тайги. Изученные стволы представляют только сосну (pinus silvestris), и все они росли на протяжении достаточно широкого хронологического периода порядка пяти столетий (XV–XIX вв.). И наконец, в-третьих, все

Дендроматериалы исследованных памятников

№	Название памятника	Населенный пункт	Район	Кол-во образцов	Автор сборов
1	Церковь Тихвинской Божьей Матери	с. Верхний Мудьюг	Онежский	2	Ю.П. Мавренков
2	Церковь Входа в Иерусалим	с. Верхний Мудьюг	Онежский	2	Ю.П. Мавренков
3	Колокольня	с. Верхний Мудьюг	Онежский	2	Ю.П. Мавренков
4	Церковь Вознесенская	с. Пиала	Онежский	16	Н.Ф. Сергеева
5	Церковь Никольская	с. Нижмозеро	Онежский	3	Ю.П. Мавренков
6	Церковь Покрова Пресвятой Богородицы	с. Ракула	Холмогорский	5	Н.Ф. Сергеева
7	Церковь Василия Блаженного	с. Чучхерьма	Холмогорский	5	Н.Ф. Сергеева
8	Колокольня	с. Чучхерьма	Холмогорский	6	Н.Ф. Сергеева
9	Церковь Николая Чудотворца	с. Чучхерьма	Холмогорский	2	Н.Ф. Сергеева
10	Церковь Введения Пресвятой Богородицы во храм	с. Чучхерьма	Холмогорский	1	Н.Ф. Сергеева
11	Церковь Николая Чудотворца	с. Зачачье	Холмогорский	9	Н.Ф. Сергеева
12	Церковь Николая Чудотворца	д. Ратонаволок (Погост)	Холмогорский	6	Н.Ф. Сергеева
13	Церковь Петра и Павла	д. Ратонаволок (Погост)	Холмогорский	3	Н.Ф. Сергеева
14	Церковь Покровско-Власиевская	д. Лядины	Каргапольский	4	Н.Ф. Сергеева
15	Жилой дом	г. Каргополь	Каргопольский	9	Н.Н. Уткин
16	Церковь Преображения Господня	с. Ижма	Приморский	10	Н.Ф. Сергеева
17	Церковь Никольская	с. Лявля	Приморский	14	Н.Ф. Сергеева
18	Церковь Никольская	с. Нёнокса	Приморский	15	Н.Ф. Сергеева
19	Церковь Троицы	с. Нёнокса	Приморский	4	Н.Ф. Сергеева
20	Колокольня	с. Нёнокса	Приморский	10	Н.Ф. Сергеева
21	Колокольня	с. Погост (Цывозеро)	Красноборский	10	Н.Ф. Сергеева
22	Колокольня	д. Кулига Дракованова	Красноборский	13	Н.Ф. Сергеева
23	Церковь Георгия	с. Пермогорье	Красноборский	6	Н.Ф. Сергеева
24	Церковь Дмитрия Солунского	с. Верхняя Уфтюга	Красноборский	9	Н.Ф. Сергеева
25	Церковь Онуфрия	о-в Малая Муксалма	Соловецкие острова	7	Н.Ф. Сергеева
26	Церковь Воскресения	о-в Анзер	Соловецкие острова	6	Н.Ф. Сергеева
27	Церковь Святого Апостола Андрея Первозванного	о-в Большой Заяцкий	Соловецкие острова	6	Н.Ф. Сергеева

рассматриваемые памятники архитектуры связаны общими художественными традициями и историческими судьбами и характеризуют основные этапы развития русского деревянного зодчества с конца XVI по XIX в.

Количественный состав каждой из 27 коллекций дендроспилов неодинаков. Из таблицы видно, что наряду с представительными выборками образцов – от десяти и более

(а таковых имеется восемь) – столько же построек представлены малым количеством образцов дерева – от одного до трех. Чуть меньше половины всех коллекций содержат от четырех до девяти образцов. Качественный состав выборок дерева также весьма различен. Определяющим здесь является сохранность на образце наружных (заболонных) частей ствола и – главное – внешнего кольца, которое позволяет определить время рубки дерева с точностью до года.

В исследованных коллекциях представлены образцы двух категорий, согласно методам их отбора: 1) полные поперечные спилы или сколы и 2) керны (колонки, высверленные из стволов с помощью специального бура). На полных спилах с бревен наличие наружных колец устанавливается гораздо более надежно, нежели на кернах. На последних в процессе высверливания образца часто нарушается исходная структура ствола и соответственно чередование годичных слоев; причем хрупкие заболонные части бревен страдают в первую очередь. Образцы-спилы являются, безусловно, более надежными для дендроанализа.

Для всей рассматриваемой коллекции мы располагаем 82 спилами и 103 кернами, причем это соотношение меняется не только для отдельных памятников, но и для их территориальных групп. Так, для построек из северных районов Архангельской обл. (Онежского, Холмогорского и Приморского) соотношение спилов и кернов в исследуемых выборках составляет приблизительно 1 : 1; то же можно отметить и для немногочисленных построек из западного Каргопольского р-на. Иная картина наблюдается на востоке области, в памятниках Красноборского р-на, где это соотношение составляет уже 1 : 3. Еще хуже положение для памятников Соловецких островов: там на 2 спила приходится 17 кернов.

Вторым важным показателем качества изучаемой выборки является возрастное распределение строительного дерева. Именно многолетние кривые роста годичных колец наиболее перспективны при дендрохронологических исследованиях. Рассматриваемая с этих позиций древесина архангельских построек представляется высококачественной. Средний возраст бревен изученных построек составляет 154 года. Однако наблюдается некоторая разница в возрастном составе строительного леса из построек северных и южных районов Архангельской обл. Если для северных построек средний возраст древесины составляет около 173 лет, то на юге он ниже – около 135 лет.

И, наконец, третий показатель – приблизительный временной отрезок жизни изучаемых стволов. Этот период охватывает около пяти столетий, причем наиболее ранняя дата роста древесных стволов определяется началом XVI в. Самые древние бревна использованы еще в сооружениях конца XVI в., позднейшие – в постройках рубежа XIX–XX вв. Однако основная масса бревен могла быть срублена в период от середины XVII до середины XIX в.

С точки зрения архитектурно-художественных форм, все рассматриваемые постройки характеризуют общее направление в развитии деревянного культового зодчества Севера XVI–XIX вв. Из 27 изученных памятников – 26 культовые здания: 21 церковь и 5 колоколен.

Особый интерес представляют три архитектурных ансамбля, объединяющих по несколько построек. Назовем сначала комплекс Верхнемудьюжского погоста, расположенный на правом берегу р. Верхний Мудьюг, притоке р. Онеги в 7 км от нее. Ансамбль, сложившийся в XVIII–XIX вв., состоит из трех построек: ц. Тихвинской Божьей Матери, ц. Входа в Иерусалим и стоящей между ними колокольни. Другой ансамбль расположен в с. Чучхерьма на правом берегу р. Северной Двины, в нижнем ее течении, состоит из четырех сохранившихся построек. Две из них – ц. Василия Блаженного и колокольня – принадлежали известному здесь еще с XVI в. Ильинскому приходу. Две другие, стоящие в километре от них, – ц. Николая Чудотворца и ц. Введения Пресвятой Богородицы во храм – принадлежали Никольскому приходу. И, наконец, третий комплекс – Ненокский ансамбль XVII–XIX вв. расположен в с. Ненокса (близ г. Североморска), бывшей вотчине Кирилло-Белозерского, Соловец-

кого и Спасского монастырей. Комплекс состоит из двух церквей – Никольской и Троицкой, а также колокольни.

Единственной гражданской постройкой в нашей выборке является жилой дом в г. Каргополь (ул. Третьего Интернационала). Эта одноэтажная постройка являет собой образец городской каргопольской застройки XVII–XIX вв.

С точки зрения архитектурно-художественных форм, изученные культовые постройки представляют несколько традиционных для русского Севера типов. **Колоколен** всего пять. Три из них расположены в северных районах (Онежском, Холмогорском и Приморском) и входят в состав перечисленных выше архитектурных ансамблей. Две стоят в верховьях р. Северной Двины на территории с. Погост (Цывозеро) и д. Кулига Дракованова. Все постройки представляют собой отдельно стоящие колокольни традиционного типа «восьмерик на четверике», ставшего на Руси самым распространенным вплоть до конца XIX в. (Ополовников А.В., 1986). Три постройки имеют шатровые покрытия, одна – в с. Ненокса – куполообразное.

Церкви. Все храмы, а их 21, распределяются по трем типам: клетские, шатровые и ярусные. Клетские церкви, близкие гражданским постройкам, несмотря на достаточно широкое распространение, не занимали ведущего положения в культовом деревянном строительстве. При общих чертах сходства в трехчастном построении все четыре имеющиеся в нашей выборке церкви разнятся конструкцией кровли. Так, ц. Тихвинской Божьей Матери Верхнемудьюжского погоста имеет кубоватое покрытие, тогда как две церкви из с. Чучхерьма – Василия Блаженного и Введения Пресвятой Богородицы во храм – клинчатое. Уникальным памятником, не имеющим аналогий, является ц. Преображения Господня в с. Ижма (Приморский р-н), где четырехскатная кровля увенчана пятью главами.

Шатровых церквей всего 12. Схема «подклет-четверик – восьмерик – шатер» была излюбленной для высотного храма и пользовалась на Севере широким распространением (Забело С. и др., 1942, с. 213). Декоративность в этих церквях достигалась увеличением числа шатров до трех – пяти. Десять памятников этого типа располагаются в северных районах области: церкви Входа в Иерусалим Верхнемудьюжского погоста, Вознесенская в с. Пиала, Никольская в с. Нижмозеро, Покрова Пресвятой Богородицы в с. Ракула, Николая Чудотворца и Петра и Павла в д. Ратонаволок, Николая Чудотворца в с. Зачачье, Никольская и Троицы в с. Ненокса, Никольская в с. Лявля (последняя являет собой ранний тип таких памятников). Две церкви располагаются в южных районах: церкви Покровско-Власиевская в д. Лядины близ Каргополя и Дмитрия Солунского в с. Верхняя Уфтюга – поздний вариант этого типа памятников. Уникальным образцом считается Никольская церковь в с. Зачачье, где после пожара 1748 г. шатер был заменен граненым куполом.

Ярусные церкви. Этот тип храмов, также выросший из клетских построек, отличается от последних лишь строением верхних конструкций. Мы располагаем четырьмя памятниками этого типа: ц. Георгия в с. Пермогорье Красноборского района и три церкви на Соловецких островах – Онуфрия (о-в Малая Муксалма), Воскресения (о-в Анзер) и святого Апостола Андрея Первозванного (о-в Большой Заяцкий). Крайне скудная информация в отношении ц. Николая Чудотворца Никольского прихода в с. Чучхерьма лишает нас возможности связать ее с каким-либо из перечисленных типов.

Все вышеназванные памятники культовой архитектуры возведены в промежутке между 80-ми годами XVI и рубежом XIX–XX вв. При этом из 27 построек 20 относятся к периоду от середины XVII до рубежа XVIII–XIX вв.

Главной задачей нашего исследования явилось, прежде всего, установление точного времени рубки бревен. При этом в случае установления так называемых порубочных дат возможно определить время строительства исследуемых построек в точных календарных годах. При выявлении же так называемых непорубочных дат изучаемых образцов дерева возможна реконструкция времени сооружения только как terminus post quem, т.е. «времени, после которого» велось его строительство (Eckstein D. et al.,

1984, p. 24). На базе этих конкретных датировок становится реальным построение локальных и региональных абсолютных и относительных дендрохронологических шкал, а также установление степени близости в развитии погодичного прироста для исследованных бревен из построек всего изучаемого региона. И в конечном итоге ставилась цель извлечения всей возможной исторической информации, которую может дать дендроанализ строительного дерева. Решение каждой из этих задач зависит от вышеперечисленных характеристик материала[2].

При работе с древесиной архитектурных построек чаще всего используются два методических приема. Первый – привязка относительных дендрохронологических шкал к уже существующим абсолютным шкалам, известным как для изучаемого региона, так и для соседних с ним. Этот метод так называемого перекрестного датирования лежит в основе дендрохронологического анализа (Becker B., Giertz-Siebenlist V., 1970; Брукштус В.И., 1984; Урьева А.Ф., 1994 и др.). Другой метод состоит в привязке относительных или же так называемых плавающих дендрошкал к абсолютным, тем, что созданы на базе данных по годичным приростам «живого», т.е. современного, дерева (Шиятов С.Г., 1972).

В обоих случаях отправным пунктом синхронизации кривых роста годичных колец становится представление о хронологическом диапазоне, к которому относится данная постройка. Для архитектурных памятников – это знание конкретной реперной точки, которая соответствует времени возведения постройки; эта точка известна либо по письменным источникам (документам), либо из надписей, порой сохраняющихся на самом сооружении.

Как показывают работы специалистов-дендрохронологов, изучающих строительное дерево, при датировке им нередко приходится сталкиваться со значительными трудностями. Причина кроется, прежде всего, в качестве и достоверности как самих документов, так и сообщаемой ими информации. Например, данные письменных источников могут быть сильно искажены поздними копиями или же просто давать неверные ориентиры; могут характеризовать не строительство здания в целом, а лишь отдельных его частей, и тогда даты могут различаться очень значительно – от двух-трех до нескольких десятков лет[3]. Иногда сообщаемые даты указывают на время начала строительства, порой – на его окончание. Зачастую указывается время освящения храма, которое могло иметь место и до завершения всего здания в целом, как для ц. Входа в Иерусалим; этот ритуал мог иметь место через несколько лет после окончания всей стройки – Воскресенская ц. на о-ве Анзер, перестроенная в 1833 г., а освященная в 1835 г. (Скопин В.В., 1990, с. 182). Нередко сложности возникают из-за неоднократных изменений в названиях храмов: та же Воскресенская ц. называлась ранее Голгофской, а затем Распятской. Аналогичные проблемы возникали и при определении времени строительства ц. Введения Пресвятой Богородицы во храм (с. Чучхерьма): здесь произошло переименование этой церкви после строительства главного храма прихода.

---

[2] В рамках настоящей статьи нет необходимости рассматривать методические посылки дендроанализа строительной древесины. В общих чертах они одинаковы и для археологического, и для архитектурного дерева. Стоило бы только упомянуть об одном аспекте дендрохронологического датирования – поиске абсолютных реперов для вновь создаваемых дендрохронологических шкал и последовательностей годичных колец дерева архитектурных памятников.

[3] С аналогичными сложностями столкнулись и мы при исследовании приводимых здесь материалов: у девяти памятников разница в архивных датах составляет от одного года до трех лет. К примеру, для колокольни в д. Кулига Дракованова даты сооружения приводят И.Э. Грабарь (Грабарь И.Э., 1909, с. 448, 449), С. Забелло (Забелло С. и др., 1942) и А.В. Ополовников (Ополовников А.В., 1986, с. 111), но при этом различаются не только приводимые всеми авторами датировки, но встречается даже неопределенность в изложении хронологии. Для пяти памятников эти расхождения еще более существенны. Так, ц. Входа в Иерусалим Верхнемудьюжского погоста, согласно одним данным, строилась в 1753–1758 гг. (Описание памятников..., 1911; ИАК, 1911, вып. 41, с. 95); по сведениям архитектурного паспорта от октября 1946 г. в архиве Министерства культуры РФ, она была построена в 1762 г. Для колокольни в с. Погост (Цывозеро) эта разница составляет уже 27 лет (Грабарь И.Э., 1909, с. 446–457; Ополовников А.В., 1986, с. 114; Забелло С. и др., 1942, с. 74; Подъяпольский С.С., 1969, с. 74).

Перейдем теперь к изложению конкретных результатов дендрохронологического анализа исследованных памятников. Одним из наиболее существенных моментов этого исследования было выявление стволов с сохранившимися внешними кольцами. Определение последнего кольца как внешнего, т.е. предшествующего году рубки ствола, производится традиционно по признакам, характеризующим наружные кольца (Bannister B., 1962). Однако это возможно только для спилов с хорошо сохранившимися заболотными частями стволов; в тех же случаях, когда мы имеем керны, определение наружного кольца всегда остается проблематичным. Здесь перспективным оказывается способ статистической группировки дат последних годичных колец, сохранившихся в каждой выборке. При этом хронологическое распределение дат позволяет наметить группу, где можно предполагать наличие внешних колец и рассматривать, таким образом, эти даты как порубочные. В результате этих исследований у 156 образцов дерева были зафиксированы последние или же внешние сохранившиеся годичные слои.

При определении строительной даты рассматривается вся группа дат последних сохранившихся колец, полученных для выборки дерева конкретной постройки; время строительства сооружения, откуда происходит коллекция спилов, устанавливается по самой поздней из дат данной группы. В тех же случаях, когда нет уверенности в сохранности наружных колец, самая младшая из полученных дат определяет время, ранее которого данная постройка не могла существовать.

Для 23 построек удалось определить точные календарные даты строительства. Кроме того, для трех были установлены даты типа «terminus post quem»: ц. Георгия в с. Пермогорье, ц. Введения Пресвятой Богородицы во храм в с. Чучхерьма и ц. Воскресения на о-в Анзер. Одна церковь – Онуфрия на о-ве Малая Муксалма – не была датирована.

На рис. 3 приведена графическая схема, показывающая соотношение архивных и дендрохронологических дат для 25 построек (из общего числа сооружений (27) исключены не датированная нами ц. Онуфрия и дом в г. Каргополе, для которого точной архивной даты не существует).

На схеме можно видеть, что полное совпадение архивных и дендродат отмечено для девяти построек: год рубки дерева полностью соответствует году строительства. В 11 случаях различия в датах составляют от одного до трех лет, причем для 10 построек дендродата всегда предшествует архивной строительной дате, а в одном случае (колокольня Верхнемудьюжского погоста) дендродата оказалась на год младше архивной. Для пяти памятников разрыв в датах составляет более трех лет.

Если для первых двух вариантов установленные соотношения легко объяснимы, особенно при учете вероятной выдержки строительной древесины, то последний случай объясняется тем, что в последнюю группу попали все три церкви, время строительства которых определяется как «terminus post quem». Вначале укажем ц. Тихвинской Божьей Матери Верхнемудьюжского погоста (1). Оба изученных образца получены с бревен основного сруба, демонстрируют прекрасную сохранность древесины и срублены в 1860 г. Архивная же дата для этой постройки – 1865 г. – время ее освящения (Краткое историческое описание..., 1896, с. 61–63), и этот факт хорошо объясняет пятилетний разрыв в датах.

Другая церковь – Василия Блаженного (Васильевская) в с. Чучхерьма (7), для которой имеются две разновременные дендродаты. Архивное определение – 1824 г. (Краткое историческое описание..., 1896, с. 287, 288) – полностью подтверждается группой дат (1823 г.), полученных для бревен из алтарной части церкви. Резко отличная от этих дата – 1672 г., полученная для бревна из стены четверика, не подкреплена документальными архивными свидетельствами, хотя, по мнению М. Красовского, церковь в своем облике имеет черты более ранних храмов (Красовский М., 1916, с. 203). Эта единичная дата не позволяет делать каких-либо однозначных выводов. Однако наиболее вероятным кажется здесь вариант вторичного использования бревен из более ранней Георгиевской ц., построенной в 1676 г. и сгоревшей в 1823 г., т.е. за год до строительства на этом же месте Васильевской ц.

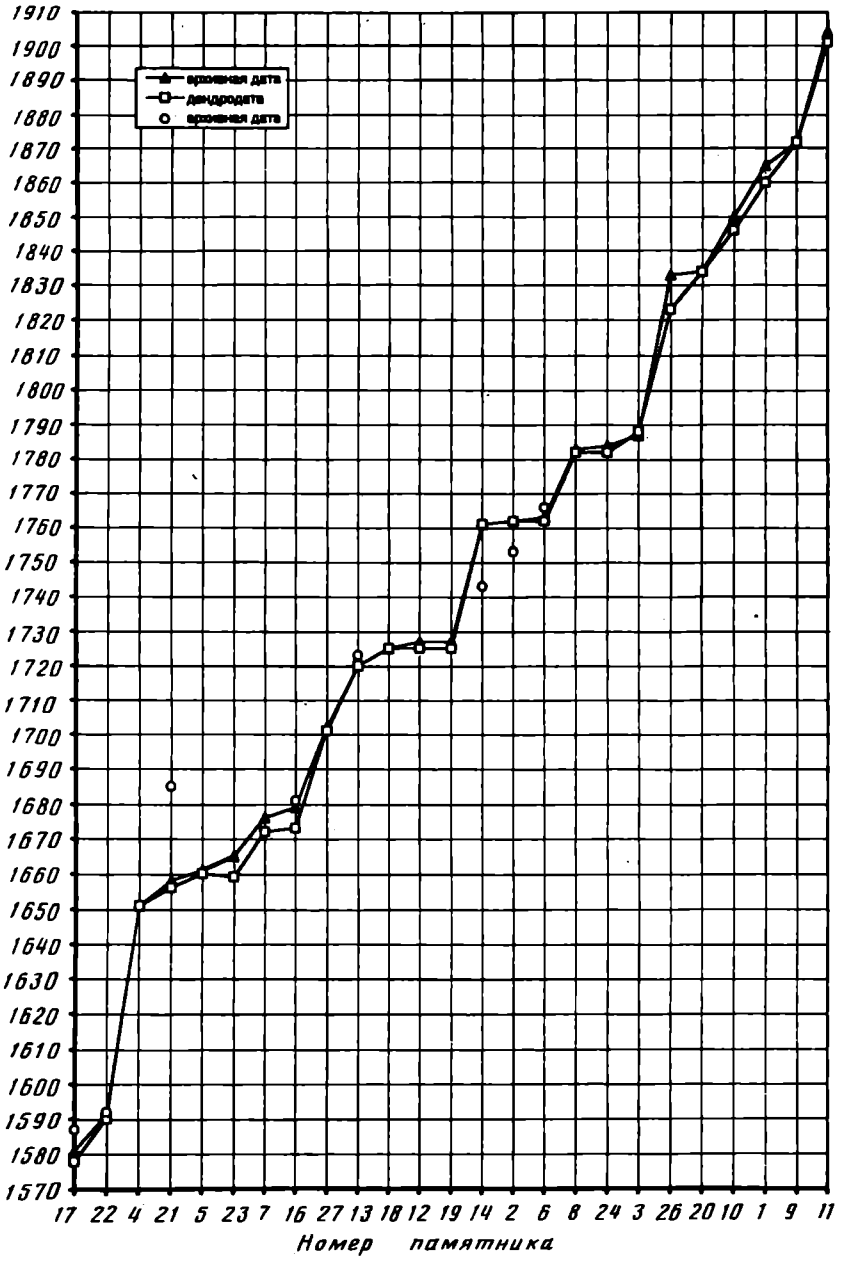


Рис. 3. Соотношение архивных и дендродат изученных памятников. Условные обозначения: квадрат – дендродата, треугольник – ранняя архивная дата, кружок – поздняя архивная дата; нумерацию памятников см. в таблице

Схема на рис. 3 иллюстрирует на конкретном материале возможности дендроанализа при решении нередко возникающих вопросов, например, когда требуется оценить правомерность датировок, имеющихся в письменных источниках, а также реальность каждой из них в случае разногласий. Так, датировка Входоиерусалимской ц. на базе письменных источников колеблется в пределах девяти лет – 1753, 1758, 1762 гг.; дендрохронологические же даты, полученные для двух бревен из стенок сруба-четверика, показали на 1762 г. С аналогичным случаем мы столкнулись и при датировке дерева из стенок восьмерика колокольни в с. Погост (Цывозеро). Письменные источники называют две даты – 1658 и 1685 гг., дендрохронологические же даты подтверждают раннюю из них.

Примеры такого рода можно умножить. Однако следует подчеркнуть, что подобные заключения будут более правомочны при следующих условиях: исследуемые об-

разцы дерева должны происходить из основного сруба постройки и на них должны быть зафиксированы внешние кольца, в противном случае неизбежны ошибки при датировке. К примеру, мы не в состоянии судить о точном времени возведения или перестройки ц. Покрова Пресвятой Богородицы в с. Ракула, построенной по письменным свидетельствам в 1766–1768 гг. (Краткое историческое описание..., 1896, с. 297, 298). Здесь сохранность внешних колец бревен из стен основного сруба сомнительна, и дата последнего из них – 1762 г. – не позволяет точно сопоставлять ее ни с одной из архивных. То же самое относится и к датировке колокольни в д. Кулига Дракованова, где сомнения в сохранности внешних колец дерева стенок восьмерика не позволяют предпочесть в конечном итоге какую-либо из противоречивых архивных дат.

Нередко приходится сталкиваться и с менее определенными указаниями письменных (архивных) документов, усложняющих задачу дендродатировки. Пример тому – жилой дом в г. Каргополе по ул. Третьего Интернационала, о времени строительства которого сведения были самыми противоречивыми. По устному сообщению архитектора Н.Н. Уткина, приславшего спилы этого дерева, постройка относится к концу XVIII в.; но, согласно архиву Министерства культуры РФ, постройка возведена близ середины XIX в. Дендрохронологический анализ позволил установить наличие здесь двух разновременных групп бревен. Одна, происходящая из нижних частей здания, датируется серединой 70-х годов XVIII в., другая – началом 50-х годов XIX в. Вопрос, однако, не может быть решен однозначно. Лишь только детальное обследование этой постройки с дополнительными сборами образцов позволит окончательно решить, была ли она выстроена в XVIII в. или же при возведении ее в середине XIX в. было использовано старое дерево.

Последний пример в некоторой степени характеризует и другое направление наших работ, нацеленное на извлечение той исторической информации, которая с задачами дендроанализа связана как бы косвенно, побочно. Речь идет о выделении строительных периодов в жизни построек или же их комплексов, для которых собраны вполне представительные выборки дерева. При работе с этими материалами уже на стадии синхронизации кривых роста годичных колец становится ясно, имеем ли мы дело с единообразной по своим дендрологическим характеристикам группой или же перед нами разновременные группы кривых роста годичных колец дерева. Последние, как правило, представляют собой совокупности древесных стволов, отличающиеся временем своей жизни до их рубки (так называемые дендролого-хронологические группы). В этом случае имеется реальная возможность решать задачи, как бы выходящие за рамки «чисто хронологического» порядка, получаемая при этом информация позволяет установить периоды ремонтов и перестроек в истории данной постройки.

Например, Вознесенская ц. в с. Пиала, по архивным данным, была перестроена в первой четверти XVIII в., когда к ней была пристроена трапезная с папертью (Краткое историческое описание..., 1896, с. 71; ИАК, 1911, вып. 41, с. 108). Действительно, три образца дерева из разных венцов стены притвора датируются 1725 г., подтверждая эту перестройку. В ц. Покрова Пресвятой Богородицы в с. Ракула, для которой подтверждена дата строительства в середине 70-х годов XVII в., обнаружено бревно из северной стены алтаря, срубленное почти через 100 лет. Датировка последнего образца подкрепляет некоторые сведения о ремонте церкви в 1874 г. (ИАК, 1911, вып. 41, с. 160). Для ц. Николая Чудотворца в д. Ратонаволок дата одного из четырех бревен, полученных из разных частей постройки, подтверждает архивную дату ее строительства в первой четверти XVIII в. (ИАК, 1911, вып. 41, с. 160), а два бревна из конструкций шатра указывают на дату ремонта церкви, производившегося почти 40 лет спустя. Изучая дерево ц. Преображения Господня в с. Ижма, удалось проследить в храме, построенном на рубеже 70-х и 80-х годов XVII в., следы перестройки его в 1717 г. (Покрышкин П.П., 1911, с. 113–116), когда одновременно с заменой трехглавого покрытия на пятиглавое, ремонтировалась и алтарная часть постройки (бревна с этой датой происходят только из стенок алтаря).

Однако имеются случаи, когда полученные даты не находят подтверждения в архивных материалах. Например, остается пока непонятной дата двух бревен из ц. Воскресения на о-ве Анзер (Соловецкие острова), относящихся к середине 70-х годов XVIII в. Здесь, конечно же, требуются дополнительные сведения об этом важном памятнике с его сложной строительной историей; очень желательны также дополнительные сборы образцов дерева.

Наиболее интересные, с нашей точки зрения, результаты дало изучение материалов трех построек Ненокского ансамбля. Впервые в практике наших работ с деревом из архитектурных памятников дендроанализу была подвергнута достаточно представительная выборка материала – 29 образцов из трех культовых построек, связанных на протяжении нескольких столетий не только единой территорией, но и общими историческими судьбами[4].

Никольская ц. Ненокского ансамбля являет собой широко распространенный тип шатровых храмов. Натурные исследования храма, предшествующие проекту его реставрации, вызвали необходимость уточнения хронологической принадлежности некоторых конструктивных элементов существующего здания (бревен кровли трапезной, наката потолка и наката черного пола), в строительной истории которого Е.Б. Заручевская выделяет три периода: 1762–1840, 1840–1884 и, наконец, 1884–1960 гг. (Заручевская Е.Б., 1989). У специалистов не вызывало сомнений, что дерево основного сруба Никольской ц. относится к периоду ее строительства в 60-е годы XVIII в., но некоторые конструктивные элементы восьмериковых бочек заставляли предполагать существование и более раннего строительного периода. Исследованная нами выборка дерева из Никольской ц. состоит из 15 образцов, где керны составляют всего 3. В коллекции представлены разные конструктивные элементы здания: трапезная – образцы бревен кровли и черного пола, дерево алтарной бочки, стен сруба-восьмерика и обшивки церкви.

Троицкая ц. представляет собой деревянный пятишатровый храм, имеющий в плане равноконечный крест, образованный четырьмя одинаковыми прирубами к центральному восьмерику. Дата строительства церкви 1727 или 1729 гг. Выборка дерева невелика – четыре образца, из которых два керна. Образцы взяты со стен восьмерика и кокошника алтаря.

Колокольня этого комплекса имеет характерный тип «восьмерик на четверике». Согласно церковным документам, она была выстроена в 1834 г. Выборка дерева состоит из 10 образцов. Все спилы получены только с бревен восьмерика. При обследовании колокольни было обнаружено, что некоторые бревна сруба имеют «зарубки», и это дало основания предполагать, что они попали сюда из какой-то ранее существовавшей постройки, возможно, колокольни.

Для более наглядной иллюстрации результатов, полученных при дендроанализе образцов из трех упомянутых построек, мы приводим графическую схему (рис. 4). На абсолютной хронологической шкале размещены гистограммы «порубочных» и «непорубочных» дат бревен трех ненокских построек (всего 29 дат).

Согласно данным дендроанализа, первые следы строительной деятельности в Ненокском приходе указывают на середину 70-х годов XVII в. и связаны они с Никольской ц. Два бревна из трапезной (накат потолка и стена) срублены в 1675 г., однако еще два бревна из наката черного пола – в 1683 г. Эти четыре бревна и составляют первую дендролого-хронологическую группу начального строительного этапа. Затем для Неноксы следует почти сорокалетний перерыв в рубке строительного дерева. Он завершается в середине 20-х годов XVIII в., когда после уничтожившего почти все постройки прихода пожара 1725 г. начинается их восстановление.

---

[4] Хотелось бы подчеркнуть, что результаты, которые удалось получить для этих памятников, оказались достижимы только благодаря совместным работам архитекторов, реставраторов и дендрохронологов (Сергеева Н.Ф. и др., 1990).

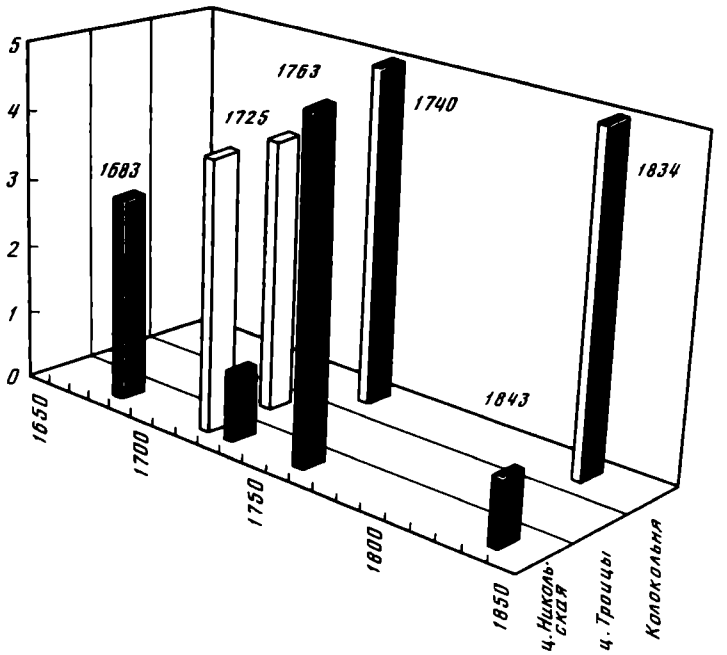


Рис. 4. Ненокский комплекс, абсолютная хронологическая последовательность полученных дендродатировок (заштрихованные фигуры гистограммы обозначают единую дендролого-хронологическую группу дерева из Никольской и Троицкой церквей)

Бревна, срубленные в это время (1725–1734 гг.), встречены в выборках дерева из Никольской и Троицкой церквей и составляют в этом ансамбле вторую дендролого-хронологическую группу. В Никольской ц. – это пять спилов, полученных с бревен восточной стены церкви и алтарной бочки. С последними связаны по своим дендрологическим показателям срубленные в то же время бревна для Троицкой ц. Отмеченное сходство наводит на мысль, что дерево, заготовленное для строительства Троицкой ц., частично использовалось и для восстановления после пожара Никольской ц. Причем ремонт ее продолжался несколько лет, поскольку дерево этого типа рубилось вплоть до середины 30-х годов, когда Троицкая ц. уже была выстроена. Любопытно, что дерево этой группы встречается только в конструкциях кровли Никольской ц., т.е. можно согласиться с существующим мнением, что в пожаре 1725 г. Никольская ц. сгорела не полностью и сильнее всего пострадала ее кровля.

Таким образом, второй строительный период, начавшийся, по нашим наблюдениям, с возведения Троицкой ц., завершается ремонтом Никольского храма. С этим периодом связана, скорее всего, и заготовка бревен, встреченных затем в восьмерике колокольни XIX в. (все бревна с зарубками имеют даты последних колец 1740 и 1742 гг.).

Третий строительный период комлекса Неноксы, или третья дендролого-хронологическая группа, нашел отражение только в дереве Никольской ц. Все отнесенные к ней бревна срублены в 1762–1763 гг. и встречены в разных частях постройки: кокошнике алтарной бочки, стене восьмерика, стене паперти. После 1763 г. наступает значительный перерыв в заготовке строительного дерева, и на схеме (рис. 4) видно, что в нашей выборке нет ни одного бревна, срубленного между 1763 и 1834 гг.

Наконец, четвертый, заключительный строительный период связан с 30-ми годами XIX в. В 1834 г. возводится колокольня, именно в этот год срублены бревна, встреченные как в стенах восьмерика, так и среди балок перекрытий и столбов звона. Затем через девять лет снова предпринимается ремонт Никольской ц.: единственное исследованное бревно этого времени (брус обшивки) срублено в 1843 г.

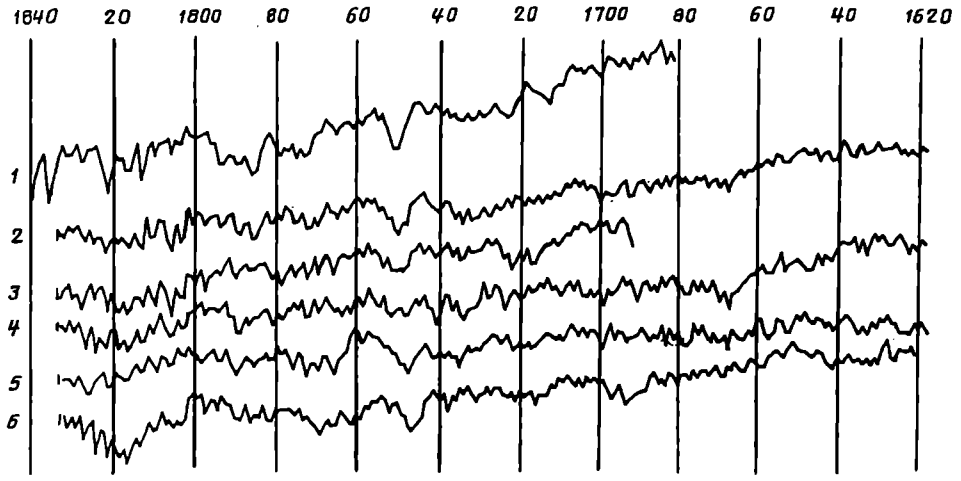


Рис. 5. График сопряженных кривых роста годичных колец дерева из Никольской ц. (№ 1) и колокольни (№ 2–6)

Рассмотрение дендрологических особенностей дерева ненокских построек позволяет утверждать значительную близость в тенденции развития погодичного прироста у бревен всех трех построек. Причем речь не только о бревнах, срубленных в одно и то же время и встреченных в Никольской и Троицкой церквях, но о всех стволах, использованных в постройках и заготовленных на протяжении довольно длительного отрезка времени – с .1675 по 1843 г. (рис. 5). По всей вероятности, источник, где заготавливалось дерево (лесная делянка или участок), снабжавший Ненокский приход строительным материалом, был одним и тем же; и функционировал он весьма длительный период времени – с конца XVII по середину XIX в.

Наблюдения над соотношением порубочных и строительных дат всех изученных построек позволяют высказывать некоторые соображения и о сроках выдержки строительной древесины. Вопрос этот решается неоднозначно разными исследователями. Ряд авторов полагает, что строительное дерево использовалось сразу же после повала и разделывалось на месте рубки, причем основанием для этого служат заключения о состоянии наружных поверхностей бревен, фиксация различных деформаций и т.п. (Hollstein E., 1978). Этой же точки зрения придерживался и Б.А. Колчин при абсолютной датировке новгородской дендрохронологической шкалы (Колчин Б.А., 1963). Однако существует и другая точка зрения: дерево обязательно «выдерживалось» в течение нескольких лет, а затем использовалось при строительстве (Горшин С.Н. и др., 1992).

Наши наблюдения для девяти случаев подтверждают первую точку зрения; на графической схеме (рис. 3) мы демонстрируем такое совпадение дендрохронологических и архивных дат. В прочих 16 случаях[5] дендрохронологические даты всегда предшествовали архивным. Однако это не может быть строгим доказательством той точки зрения, что древесина всегда выдерживалась перед возведением постройки. Иногда более раннюю дендродату можно объяснить отсутствием наружных колец на образцах; порой это связано с неопределенностью и противоречивым характером архивных сведений.

Перейдем теперь к проблеме создания абсолютных дендрохронологических локальных шкал. В данной работе мы, однако, предпочитаем вместо шкалы говорить лишь о «последовательностях годичных колец» (как бы более низкий ранг заключительной стадии дендрохронологических исследований). Данный выбор обусловлен малой количественной представительностью имеющихся у нас выборок материала; исключе-

[5] Кроме того, в двух случаях абсолютная дендродата либо не установлена (ц. Онуфрия), либо отсутствует точная архивная дата постройки (жилой дом в Каргополе).

ние, пожалуй, составляет лишь коллекция дерева из построек Ненокского ансамбля. Создание полноценных абсолютно датированных локальных дендрошкал возможно лишь на базе многочисленных материалов, там, где вполне реально и без существенных помех можно проследить все изменения в погодичном приросте дерева. Лучшими для подобных операций признаются кривые, полученные для образцов – спилов или кернов, взятых из центральных частей ствола. В этом отношении наиболее благоприятные возможности представлены сборами из построек, расположенных в северных и западных частях Архангельской обл. Худшими условиями отличаются коллекции из восточного района, а также с соловецких памятников (на вопросе о соотношении спилов и кернов в исследованных выборках дерева мы уже останавливались выше).

Удалось составить 25 последовательностей годичных колец, имеющих определенные календарные даты, и одну так называемую относительную последовательность для дерева ц. Онуфрия на о-ве Малая Муксалма. Один памятник – ц. Введения Пресвятой Богородицы во храм в с. Чучхерьма – представлен единичным образцом дерева. Хронологические диапазоны абсолютно датированных последовательностей представлены на рис. 6.

Северный район Архангельской обл. представлен памятниками нижнего течения рек Онеги и Северной Двины. Основой для последовательностей годичных колец дерева этого региона являются 115 кривых роста годичных колец образцов древесины из 18 построек. Эталонными комплексами для этого района могут считаться группы кривых роста дерева построек Верхнемудьюжского погоста и особенно Ненокского ансамбля. Наибольшую близость по своим дендрологическим характеристикам им демонстрируют синхронные кривые дерева Никольского и Петропавловского храмов из д. Ратонаволок, Воскресенской ц. из с. Ракула и Васильевской ц. в с. Чучхерьма. Некоторое своеобразие демонстрируют кривые дерева Никольской ц. в с. Зачачье, однако это можно объяснить, скорее всего, сокращением количества фоновых материалов. Временной диапазон этих дендрологических последовательностей ограничивается 30-ми годами XIV в. и рубежом XIX–XX вв. (рис. 6).

Западный район связан с верхним течением р. Онеги. Составлены две последовательности годичных колец, объединяющие 13 синхронизированных кривых роста дерева дома в г. Каргополе и Покровско-Власиевской ц. в д. Лядины. При перекрестном сопоставлении с кривыми роста дерева построек из северного района наибольшая близость обнаруживается с материалами Верхнемудьюжских построек, особенно Тихвинской ц. Некоторым своеобразием отличается дерево ц. в д. Лядины. На кривых роста деревьев отмечается характерный «рисунок» в отрезке 30–40-х годов XVII в., типичный для одной из групп дерева Преображенской ц. в Кижах. Однако для подкрепления этих наблюдений потребуются дополнительные исследования древесины карельских памятников. Временной диапазон имеющихся в настоящее время последовательностей годичных колец – рубеж XVI–XVII вв. – середина XIX в. (рис. 6).

Восточный район относится к верхнему течению р. Северной Двины. Последовательности годичных колец дерева из четырех памятников Красноборского р-на не обладают сколько-нибудь выраженным отличием в общей тенденции роста годичных колец. При перекрестном сопоставлении эти кривые обнаруживают очень четкие черты сходства с кривыми роста дерева памятников из северного района и особенно с кривыми дерева из Неноксы для отрезка с конца XVII по конец XVIII в. Однако для более раннего времени, которое отражается в кривых роста дерева из двух колоколен (д. Кулига Дракованова и с. Цывозеро), обнаруживаются общие черты сходства с материалами более южных районов, например с деревом, употреблявшимся при изготовлении связей в оборонительных башнях Нового города Кирилло-Белозерского монастыря или же для свай фундаментов стен Старого города (Черных Н.Б., 1982). Временной отрезок, к которому относятся последовательности годичных колец построек восточного района ограничен рубежом XIV–XV вв. – концом XVIII в. (рис. 6).

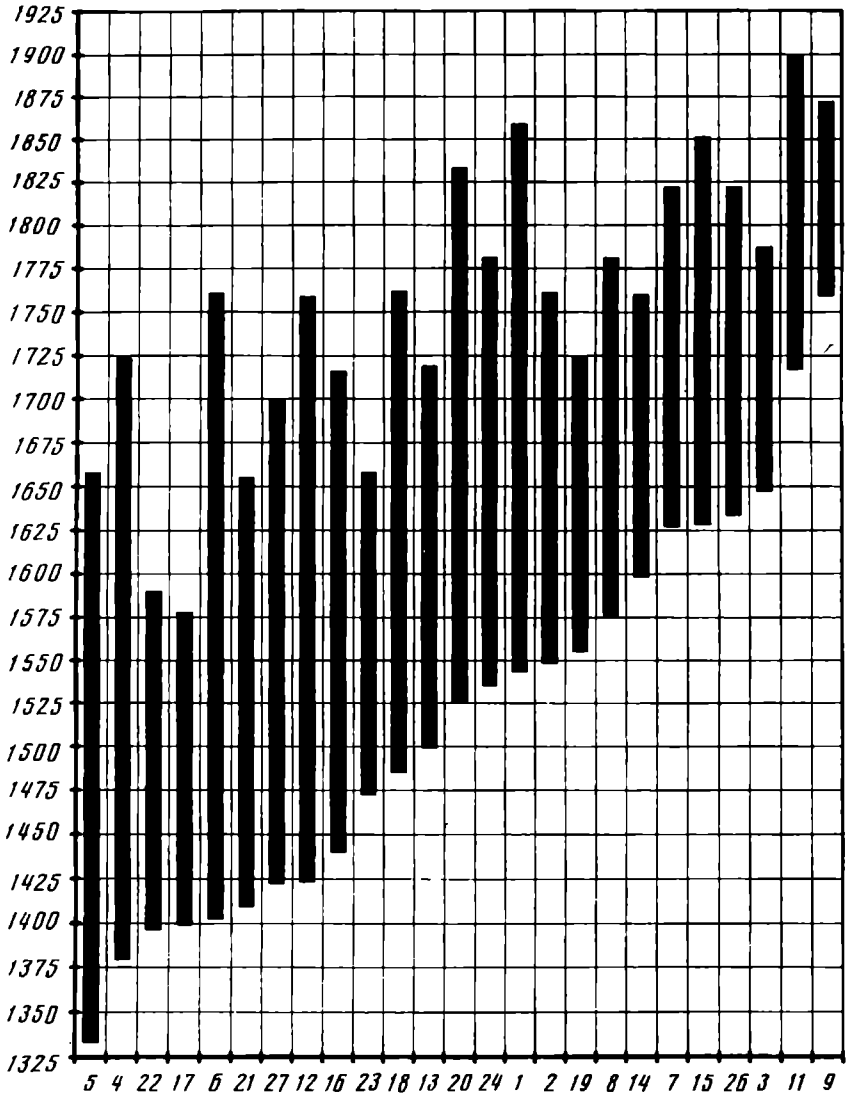


Рис. 6. Последовательности годичных колец исследованных памятников архитектуры. Название и нумерацию памятников см. в таблице

Отдельно упомянем о результатах изучения дерева церквей с островов Соловецкого архипелага (рис. 2). Они мало выразительны, и это объясняется в первую очередь качеством материала. Дополнительные сборы образцов древесины соловецких памятников могли бы помочь в решении вопроса об источнике дерева для строительства на островах Белого моря. В.В. Скопин указывает, что первоначально качественная строительная древесина поступала из местных лесов, однако к началу XVIII в. в связи с активным развитием солеварения этот источник стал истощаться и в дальнейшем дерево для строительства стало поступать с материка, в частности с карельского берега (Скопин В.В., 1990). Для тех материалов, которыми мы сейчас располагаем, а это практически дерево двух памятников – Воскресенской и Андреевской церквей, вполне реально проявляются четкие параллели в дереве из памятников северного района, прежде всего нижнего течения р. Онеги.

В заключение упомянем еще об одном перспективном направлении в дендрохронологии памятников российского Севера. Имеется в виду поиск источников строительной древесины для поморских жилищ, разбросанных на северных островах и, в частности, на островах архипелага Шпицберген (Cherhych N., 1988). Наши предварительные поиски в этом направлении пока что не дали ощутимых результатов. Однако

некоторые общие параллели в тенденциях развития погодичного прироста дерева из построек XVIII в., открытых в бухте Решерж и на о-ве Бреггер, достаточно четко прослеживаются и в древесине памятников Онежского и Приморского районов Архангельской обл. Вполне вероятно, что лес для этих построек был доставлен сюда из архангельских лесов. Для ответа на все нерешенные пока вопросы потребуются и дополнительные сборы материала, и построение средних региональных рядов для северных регионов России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Битвинскас Т.Т., Брукштус В.И., Жулкус В.В., 1984. Вопросы создания дендрохронологических шкал Западной Литвы // Временные и пространственные изменения климата и годичные кольца деревьев. Каунас.

Брукштус В.И., 1984. Дендрохронологические шкалы бассейна р. Нямунас // Дендрохронологические шкалы Советского Союза. Ч. III. Каунас.

Горшин С.Н., Максименко Н.А., Горшина Е.С., 1992. Защита памятников деревянного зодчества. М.

Грабарь И.Э., 1909. История русского искусства. Т. 1. СПб.

Забелло С., Иванов В., Максимов П., 1942. Русское деревянное зодчество. М.

Заручевская Е.Б., 1989. Комплексные научные исследования. Историческая записка // Отчет ТПО «Ландшафтная архитектура» (хранится в архиве ТПО «Ландшафтная архитектура»). Т. 2. Кн. 1. М.

ИАК, 1911. Вып. 41. СПб.

Колчин Б.А., 1963. Дендрохронология Новгорода // МИА. Вып. 117. М.

Колчин Б.А., Черных Н.Б., 1977. Дендрохронология Восточной Европы. М.

Красовский М., 1916. Курс истории русской архитектуры. Петроград.

Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии, 1896. Вып. III. Архангельск.

Описание памятников Архангельской губернии, 1911 // ИАК. Вып. 41. СПб.

Ополовников А.В., 1986. Русское деревянное зодчество. М.

Подъяпольский С.С., 1969. По Сухоне и Северной Двине. М.

Покрышкин П.П., 1911. Описание памятников русской архитектуры по губерниям // ИАК. Вып. 39. СПб.

Сергеева Н.Ф., Шургин И.Н., Черных Н.Б., Урьева А.Ф., 1987. Дендрохронологическое изучение дерева церкви Воскрешения Лазаря из бывшего Муромского монастыря // Культура и искусство в СССР. Реставрация памятников истории и культуры. Экспресс-информация. Вып. 7. М.

Сергеева Н.Ф., Шургин И.Н., Черных Н.Б., Урьева А.Ф., 1990. Дендрохронологическое изучение дерева из памятников культовой архитектуры // Консервация и реставрация недвижимых памятников истории и культуры. Экспресс-информация. Вып. 6. М.

Скопин В.В., 1990. На Соловецких островах. М.

Урьева А.Ф., 1994. Дендрохронологический анализ памятников архитектуры и оборонительных сооружений Новгорода и Новгородской области // Новгородские археологические чтения. Новгород.

Черных Н.Б., 1982. Дендрохронологическое изучение дерева из раскопок в Кирилло-Белозерском монастыре // Реставрация и исследование памятников культуры. Вып. 2. М.

Шиятов С.Г., 1972. Дендрохронология Мангазеи // Проблемы абсолютного датирования в археологии. М.

Bannister B., 1962. The Interpretation of Tree-ring Dates // American Antiquity. Vol 27. № 4.

Becker B., 1983. Dendrochronologie in der Hausforschung am Beispiel nordbayerschen Häuser // Jahrbuch für Hausforschung. № 33.

Becker B., Giertz-Siebenlist V., 1970. Eine über 1100-jährig mitteleuropäische Tannenchronologie // Flora. Bd. 159. № 3.

Chernych N., 1988. The problem of dendrochronology of Russian buildings of Spitsbergen // Fennoscandia archaeologica. V. Helsinki.

Eckstein D., Baillie M., Egger H., 1984. Handbook for archaeologist. // ESF. № 2. Strasbourg.
Hollstein E., 1978. Wood Technology and Dating of Oak: West German Chronologies for Oak and Beech // BAR. 51. London.
Schove D., 1954. Summer temperatures and tree-rings in North Scandinavia a.d. 1451–1950. // Geografiska Annaler. Bd. XXXVI. Stockholm.
Zetterberg P., 1988. Dendrochronological dating of the timber of the medieval stone church of Lempaala in Satakunta, Southern Finland // Fennoscandia archaeologica. Helsinki.

Институт археологии РАН, Москва
Центральные научно-реставрационные
проектные мастерские Министерства культуры РФ, Москва

N.B. CHERNYKH, N.F. SERGEEVA

DENDROCHRONOLOGY OF THE ARCHITECTURAL MONUMENTS IN THE NORTH OF RUSSIA

(Northern Dvina and Onega basins)

Summary

In the present article there are given the results of the dendrochronological analysis of the 185 samples of the construction wood from 27 architectural monuments of Arkhanghelsk Region, dated the XVI–XIX cc. (26 cult and one civil buildings). There are also discussed the questions of "non-chronological" use of the dendroanalysis data: establishing of the stages of the erecting, repairs and rebuildings of individual structures and their complexes, sources of receiving of construction wood and other.

К 850-летию города Москвы

А.Г. ВЕКСЛЕР

ГОСТИНЫЙ ДВОР И УНИКАЛЬНЫЕ КЛАДЫ XVII В.

(предварительная публикация)

С конца 1995 г. и в течение 1996 г. одним из основных объектов охранных работ Центра археологических исследований (ЦАИ) Управления государственного контроля охраны памятников г. Москвы является комплекс Старого Гостиного двора близ Красной площади[1] (рис. 1).

Работа большого масштаба по реконструкции и реставрации этого крупного архитектурного ансамбля проводится к 850-летию города[2].

Несмотря на то что комплекс расположен в историческом ядре Москвы, в центральной части древнего Китай-города (Великого посада), информация по археологии участка практически отсутствовала. Между тем в период раннего развития Москвы как города в первую очередь осваивались возвышенные части рельефа вдоль рек, к числу которых относятся надпойменные террасы р. Москвы. На территории третьей надпойменной террасы, Ходынской древнеаллювиальной (наиболее четко выраженной в рельефе), располагается Гостиный двор. Участок имеет наклон в юго-восточном направлении, к р. Москве. Современные отметки дневной поверхности в пределах изучаемой территории, по данным геоподосновы, – от 136,54 до 145,72 м.

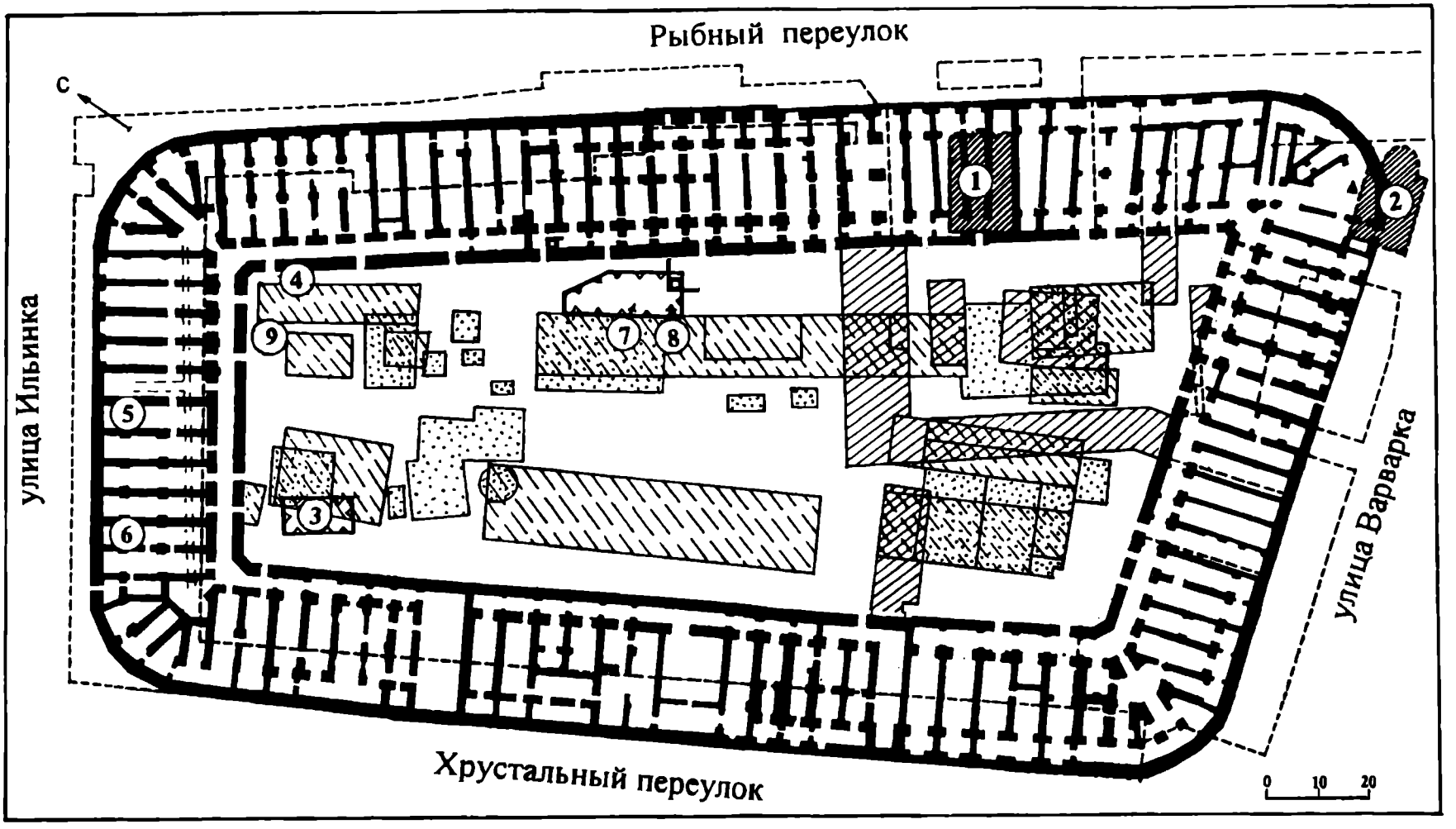
Считалось, что границы квартала, в котором размещается комплекс "Гостиный двор", сформировались в XV в. В 1434 г. в летописи впервые упомянута Варварская ул. (ПСРЛ, т. 30, с. 133), служившая в середине XV в. границей между "административными округами" Москвы. Под 1472 г. в летописях упомянута Дмитриевская (Ильинская) ул. (ПСРЛ, т. 12, с. 148), традиционно считающаяся самой молодой на Великом Посаде (Памятники архитектуры Москвы..., 1982, с. 423). После начала строительства новых кремлевских стен и известного указа Ивана III о сносе строений на расстоянии 109 саженей от Кремля окончательно определилось место торга. Это предопределило формирование трасс Рыбного и Хрустального переулков. В 1638 г. о

---

[1] Натурные работы проводились на основе историко-археологического опорного плана и Проекта организации археологических работ, предварительно выполненных в Архитектурном секторе ЦАИ. Непосредственное руководство экспресс-раскопками осуществляли: начальник отдела натурных работ Л.В. Кондрашов, а также главные специалисты Д.О. Осипов и Н.А. Морозова. В исследовании нумизматических находок участвовали В.В. Зайцев и д-р ист. наук А.С. Мельникова (ГИМ). Реставрация комплекса клада производится в ГОСНИИРе реставратором первой категории В.А. Понсовым, исследования которого по атрибуции находок клада использованы в публикации, и реставратором первой категории П.Н. Котельниковым. Коллективу ЦАИ, В.А. Понсову всем участникам самоотверженных поисков на рабочей площадке Старого Гостиного двора выражаю сердечную благодарность, пользуюсь случаем выразить искреннюю признательность акад. В.Л. Янину и д-ру ист. наук П.Г. Гайдукову за консультации по материалам сфрагистики.

[2] Здание является памятником архитектуры. Сооружено по проекту архитектора. Д. Кваренги архитекторами С. Кариным и М. Селеховым в 1791–1805 гг. Завершено архитектором О.И. Бове в 1830 г.

© А.Г. Векслер, 1997 г.


Рыбный переулок
С
улица Ильинка
улица Варварка
Хрустальный переулок
1
2
3
4
5
6
7
8
9
0 10 20
а
б
в
г
д

месте близ Гостиного двора сказано: "Там поставились арменя и греченя" (Забелин И.Е., 1891, ст. 11 521). Это можно соотнести с детописным сообщением 1390 г.: "Загореся посад за городом от Аврама, некоего ерменина" (Тихомиров М.Н., 1957, с. 172).

Первый достаточно известный объект на территории квартала Панский двор, служивший временным пристанищем и складом товаров для купцов из Литвы и Польши. Панский двор являлся разновидностью Гостиных дворов, представлявших собой комплекс торговых, складских и жилых помещений, создававшихся в городах для оптовой торговли иностранных или вообще приезжих купцов (гостей) (Козлова Н.Б., 1994, с. 60). О Гостиных дворах говорится в завещании (1504) Ивана III, запрещавшего удельным князьям держать иноземных купцов в своих дворах: "А ставятся гости с товары, Иноземци, и из Московские земли из их уделов на гостиных дворех, как было при мне" (История Москвы, 1952, с. 92). В летописном описании грандиозного пожара 1547 г. прямо говорится, что сгорели "дворы гостины" великого князя (ПСРЛ, т. 13, с. 1547).

После пожара 1594 г., когда полностью выгорел весь торг, за счет казны были выстроены новые каменные торговые ряды (ПСРЛ, т. 34, с. 196). Приблизительно в это же время, в период царствования Федора Иоанновича, за казенный счет были выстроены каменные здания "Купеческих палат" "на упокоение и снабжение торжниками" (История Москвы, 1952, с. 160).

В документах отмечено большое строительство на территории квартала в 1660–1665 гг., когда Гостиный двор расширился от Варварки в сторону Ильинки и стал именоваться "Новым", а участок застройки, существовавший до того, стал "Старым". Новый Гостиный двор стал одной из главных достопримечательностей Китай-города, способствовал превращению Ильинки в его главную парадную магистраль. Здание простояло до сооружения ныне существующего ансамбля. Вскоре после постройки в палатах над главными воротами разместился приказ Большой казны, на средства которого велось строительство.

Новый Гостиный двор имел форму неправильного четырехугольника, окруженного со всех сторон кирпичными стенами. Западная сторона была обращена к рядам (Хрустальный пер.), северная выходила на Ильинку, восточная – во Введенский (Рыбный) пер., южная граничила со Старым Гостиным двором. Во двор вели четверо ворот, двое главных были расположены рядом, на Введенской ул., ближе к Ильинке. Над этими воротами были устроены жилые палаты, увенчанные восьмиугольной башней с шатровой кровлей (Бакланова Н.А., 1952, с. 194). С двух сторон – на Ильинку и на Рыбный ряд – к стенам был приделан снаружи второй ряд лавок. На Ильинку выходила 31 лавка, в Рыбный ряд – 10 погребов, 10 лавок и 6 харчевен. Внутри двора были устроены 21 жилая палата и 2 колодца. Для стока дождевой воды с Нового Гостиного вдора на Старый двор и далее вниз по Москве-реке была сделана дубовая труба. В XVII–XVIII вв. постройки Гостиного двора многократно горели и затем возобновлялись на старом основании, которое все больше приходило в негодность.

В 1786 г. московский генерал-губернатор Я.В. Брюс доносил Екатерине II, что Гостиный двор "пришел в совершенную ветхость, угрожает разрушением и падением" (Гастев М.К., 1841, с. 1, 2). Вскоре после переговоров с московским купечеством старые постройки были разобраны и началось новое строительство.

В результате многовекового освоения территории происходило образование и накопление антропогенных отложений – горизонтов культурного слоя, стратиграфия

Рис. 1. Охранные археологические исследования Гостиного двора. Схема. Застройка: *а* – XVII–XVIII вв.; *б* – XIX в.; *в* – XX в. *г* – участки экспресс-работ; *д* – бревенчатые срубы. *1* – церковь Введения Богородицы во храм "Златоверхая" XVI в.; *2* – церковь Леонтия на Ростовском подворье XVI в.; *3* – денежно-вещевой клад XVII в.; *4* – серебряная рублевая гривна; *5* – обломок стеклянного браслета XII–XIII в.; *6* – наконечник копья XVII в.; *7* – развал печи из красных рельефных изразцов; *8* – вислая печать Новоторжского наместника; *9* – бипирамидальное шиферное пряслице

которого впервые прослежена в ходе археологических наблюдений и экспресс-раскопок, а также при прокладке инженерных сооружений, коммуникаций и геологических изысканий. Мощность культурного слоя в пределах изучаемой территории изменяется от 3,9 до 10,5 м. Максимальные мощности приурочены к юго-восточной части участка. Поверхность археологического материка совпадает с кровлей верхнечетвертичных отложений, представленных разнозернистыми песками с включением гравия и гальки, супесями пылеватыми с прослойкой песка, влажными и насыщенными водой.

В ходе исследований собраны обширные археологические коллекции, вскрыты основания разновременных каменных и деревянных построек, зафиксированы обломки белокаменных резных надгробий, костные останки[3]. При археологических работах внутри здания по стороне, выходящей на улицу Ильинку, прослежены углубленные в материк фундаменты из белого камня и бута, которые предшествовали существующему зданию и принадлежат основанию Нового Гостиного двора 1640-х годов.

В настоящей публикации вниманию читателя представляются некоторые находки, характеризующие ранний этап застройки территории, и выдающийся кладовый комплекс XVII в. Так, в нижнем горизонте культурного слоя обнаружены обломки гладкого стеклянного браслета и бипирамидальное шиферное пряслице в комплексе с керамикой типа серой (толстостенными сосудами с профилировкой, близкой горшкам курганного типа). Это позволяет датировать освоение территории периодом до ордынского нашествия 1237 г. К раннему хронологическому комплексу можно отнести также деталь поясного набора, металлический наконечник в виде двух склепанных пластин, украшенных растительным орнаментом, и медное украшение – подвеску каплевидной формы с ушком для подвешивания, украшенную имитацией скани. Подобные украшения встречаются в единичных экземплярах и определяются как деталь головного женского украшения (Колчин Б.А. и др., 1981, с. 45, рис. 2).

Ряд находок свинцовых западноевропейских пломб характеризует экономику средневековой Москвы. Полная атрибуция этих вещей позволит уточнить топографию ее Гостиных дворов.

Несомненный интерес для изучения связей Руси представляет находка свинцовой Новоторжской вислой печати, обнаруженная в западной зоне двора, в нижнем горизонте слоя на глубине 480 см (рис. 2, 3). Печати Новоторжских наместников составляют важный раздел новгородских булл. Известно 18 печатей, оттиснутых 12 парами матриц. Напомним, что широкую известность получила находка в Московском Кремле в 1834 г. медного сосуда с документами времени князя Дмитрия Донского (Бередников Я. И., 1845). Среди них была грамота о "выходе" жителя Торжка Евсевки (Евсевия), т.е. о его отъезде в Костромские владения Великого Московского князя.

Вислая печать конца XIV в. с Гостиного двора вновь упоминает город Торжок – крупный центр на торговом пути между Москвой и Новгородом Великим. Надпись на лицевой стороне в пять строк читается как "Печать новоторжского наместника". На обороте печати – изображение Св. Иоанна в полный рост со склоненной и наклоненной вправо головой в святительных ризах и надпись: IBAH. Диаметр печати 31 мм.

Среди Новгородских булл нет точного аналога московской находки, что отмечает еще одну матрицу в этой серии (Янин В.Л., 1970). Печать, уникальная для московской археологии, добавляет документальный штрих к концепции И.Е. Забелина о большом значении новгородской торговли для Моксвы (Забелин И.Е., 1905, с. 15). Все вышеописанные находки стратиграфически зафиксированы в черно-коричневой земле третьего культурного слоя Москвы[4].

Чрезвычайное значение для изучения экономики Москвы XVII в. имеет находка крупнейшего в археологии столицы и всего Московского государства клада во втором культурном слое города (рис. 4).

---

[3] К началу мая 1996 г. охранными исследованиями была охвачена площадь 1710 м^2.

[4] Здесь и далее деление на культурные слои дано по М.Г. Рабиновичу (Рабинович М.Г., 1971).

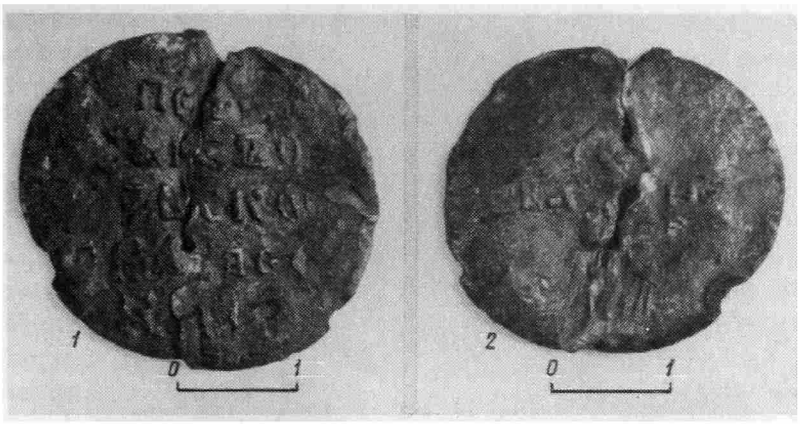


Рис. 2. Вислая свинцовая печать Новоторжского наместника. *1* – лицевая сторона; *2* – оборотная сторона

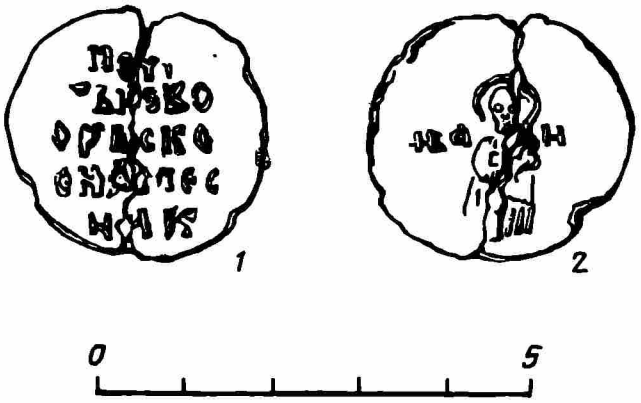


Рис. 3. Вислая свинцовая печать Новоторжского наместника. Прорисовка. *1* – лицевая сторона; *2* – оборотная сторона

Кладовый комплекс обнаружен в северной части Гостиного двора в траншее для сооружения подземного транспортного коллектора при археологической зачистке предматерикового горизонта. Ниже приводим в сокращении дневниковую запись начальника раскопа Д.О. Осипова.

"20.04. Зона наблюдений – траншея (южный профиль), сооружение 2.

При зачистке южного профиля траншеи, проходящей по периметру внутреннего двора, на расстоянии 7,80 м от западной стены здания, выходящей на Хрустальный пер., на гл. –296 см от условного ноля (141,60) был зафиксирован впущенный с отм. –270 см до гл. –510 см деревянный сруб (подклет (?)), заглубленный в грунт на 14 венцов, рубленый в лапу. Сруб выступал из стенки траншеи на 160 см и имел длину выступающей части сруба 470-510 см. Бревна диаметром 18–22 см подтесаны изнутри. Некоторые из них обернуты березовой корой. В срубе, заполненном темно-серой супесью с включением кирпичной крошки, известки, щепы и угля, на гл. –340–486 см были зафиксированы слабо обугленные бревна диаметром 18–25 см, частично засыпанные песком, лежащим поверх настила, сложенного из бруса и плах. Уровень настила –525 см. Край деревянного настила не доходил до северной стены сруба, оставляя земляную (материковую) площадку вдоль стены. Подобная конструкция подклета была прослежена при раскопках Манежной площади в 1993 г. (раскоп № 5).

Стратиграфия напластований участка.

Под слоем асфальта мощностью до 40 см зафиксирована булыжная мостовая, лежащая на песочной подсыпке, которую подстилают техногенные напластования, прослеженные до гл. – 270 см. Ниже техногенного слоя зафиксирована прослойка темно-серой супеси, с верхнего уровня которой и впущен в грунт деревянный подклет

Рис. 4. Гостиный двор. Комплекс 1. Клад, найденный в медном кувшине: серебряные сосуды, монеты русской и европейской чеканки

(сооружение № 2). Ниже уровня темно-серой супеси залегают прослойки темно-коричневой супеси с включением песка и щепы. Предматериковый горизонт, прослеженный с отм. –400–430 см, представлен слоем темно-коричневой супеси. На отм. –430 зафиксирован материк – мелкозернистый желтый песок.

При зачистке материковой поверхности на расстоянии 126 см от западной и 25 см от северной стены сруба на гл. –592 см в яме был обнаружен медный кувшин, накрытый медной миской. Кувшин был доверху заполнен серебряными сосудами и монетами русской и европейской чеканки. Ближе к восточной стенке сруба, на расстоянии 40 см от нее, на гл. – 609 см был обнаружен глиняный кувшин, также доверху заполненный сосудами и монетами. Между двумя этими сосудами, на расстоянии 198 см от восточный стенки сруба, на гл. –569–575 см в материковом грунте были обнаружены два медных орнаментированных блюда диаметром 38 см. Не вызывает сомнений, что все данные находки относятся к одному кладовому комплексу, зарытому в материковый грунт в подклете ниже уровня пола.

Кроме того, в нижнем горизонте сруба отмечены индивидуальные находки:

38. Замка оружейного железного деталь гл. – 447 см
53. Накладка серебряная в виде льва гл. – 440 см
54. Астрагал со свинцовой "начинкой" гл. – 430 см
55. Пуля свинцовая круглая диаметром 1 см гл. – 435 см.

Керамический комплекс нижнего горизонта сруба представлен обломками белоглиняной гладкой и красноглиняной гладкой керамики. Основная часть сосудов (горшки, миски, крышки) характерна для белоглиняной гладкой посуды XVII в.

Статистика керамики	
Белоглиняная гладкая	210 фрагментов
Белоглиняная грубая	19 фрагментов
Чернолощеная	28 фрагментов
Краснолощеная	13 фрагментов
Ангобированная расписная	4 фрагмента

Всего: 274 фрагмента".

Таким образом, специалистами ЦАИ при экспресс-раскопках ниже уровня пола

подклета в материковой яме был обнаружен, тщательно зафиксирован и полностью взят гигантский кладовый комплекс. При первичном подсчете, производившемся в Центре археологических исследований, в двух сосудах оказалось еще 16 серебряных сосудов, 95 429 русских монет-"чешуек" и 335 западноевропейских монет.

"Русская" часть клада более чем на 90% представлена "старой" монетой, чеканенной по трехрублевой стопе. Основную массу русских монет составляют копейки и деньги Ивана IV, Федора Ивановича, копейки Бориса Годунова. Гораздо менее многочисленны копейки Дмитрия Ивановича (Лжедмитрия I), Василия Шуйского и копейки второго Земского ополчения, чеканенные в Ярославле. В единичных экземплярах представлены великокняжеские Московские копейки Ивана III и Василия III. Позднейшие в кладе монеты Михаила Федоровича количественно составляют 1%. Причем это в основном ранние (более тяжелые, чеканенные по выдержанной четырехрублевой стопе) копейки до 1620 г. Состав копеек, таким образом, свидетельствует о том, что русские монеты в огромном комплексе не отражают состава местного денежного обращения на момент укрытия клада.

Отметим, что сводка кладов Москвы содержит сведения о 20 кладах времен Михаила Федоровича, обнаруженных при земляных работах в разное время. Крупнейший из них, найденный на Тверской площади в 1978 г., содержал 6530 монет (Векслер А.Г., Мельникова А.С., 1988).

По количеству монет клад Гостиного двора вообще является кладом-гигантом, крупнейшим из когда-либо найденных в Москве. Из известных до настоящего времени самый большой клад был найден в 1939 г. в проезде Спасской башни Кремля и насчитывал 34 769 копеек, позднейшие из которых датируются временем Федора Алексеевича. Указанный клад содержал также серебряные изделия, обломки серебра и три жемчужины (Панова Т.Д., 1996, с. 114, 115).

Значительная масса русских монет гигантского клада Гостиного двора, по всей видимости, предполагалась к передаче на Монетный двор, где старые деньги наряду с талерами и посудой должны были стать "сырьем" для чеканки новых, более легких монет.

Практика скупки у населения старых монет "с наддачею" установилась с самого начала правления Михаила Федоровича. На первых порах, когда Новгородская земля была оккупирована шведами, Смоленск – поляками, а торговля с Западом через Архангельск только налаживалась, старая монета стала важным источником поступления серебра на денежные дворы. Активная скупка монет трехрублевой стопы у населения привела к тому, что к началу 40-х годов XVII в. они почти полностью исчезают из обращения. В это время собрать имеющееся в кладе Гостиного двора количество старой монеты путем обычной "выбраковки" или "выборки" их из общей массы монет, проходивших через руки одного человека, уже было практически невозможно. Скорее всего, "владелец" клада целенаправленно скупал их (возможно, по заданию казны либо на правах откупа). Не исключено, что этот человек являлся "должностным лицом", производившим операции по скупке серебра от имени государства.

В "западноевропейской" части клада преобладают монеты Соединенных провинций Нидерландов, Германских земель и городов, отчеканенные из хорошего серебра "ефимочной пробы". Это также может свидетельствовать, что собранное серебро предназначалось для передачи на Денежный двор. В дальнейшем состав "западноевропейской" части клада, возможно, поможет установить путь этого серебра в Россию.

В западноевропейской денежной части клада товарного серебра представлен широкий спектр монетных дворов. Среди талеров уже атрибутированы монеты следующих государств, городов и церковных иерархов. I. Соединенные провинции Нидерландов: Голландия, Гельдерн, Зеландия, Фризия, Западная Фризия, Оверейссел. II. Германия: церковные владетели: Зальцбург (архиепископ), Минден (епископ); светские владетели: Бавария, Саксония, Брауншвейг-Вольфренбюттель; имперские города: Гамбург,

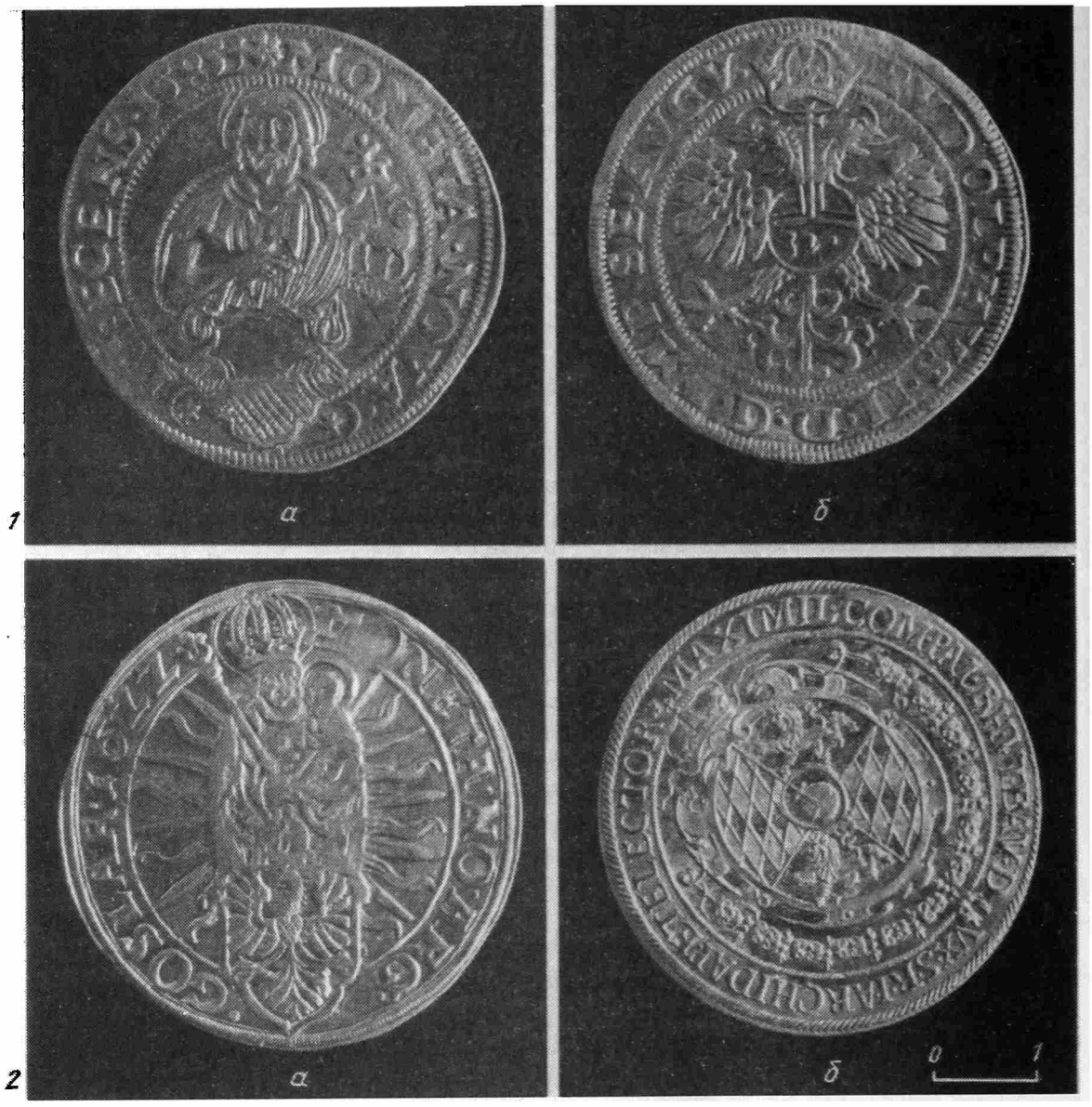


Рис. 5. Западноевропейские талеры из комплекса 1. *а* – аверс; *б* – реверс. *1* – Любек, талер 1585 г.; *2* – Бавария, Максимилиан I (1598–1651 гг.), талер 1622 г.

Гослар, Любек, Нюрнберг, Франкфурт, Девентер и Зволле (в северных Нидерландах). III. Австрийские владения Габсбургов: Монетный двор г. Вены, Тироль. IV. Богемия (королевство). V. Испанские Нидерланды: Брабант, Утрехт. VI. Дания. VII. Норвегия. VIII. Швеция. IX. Польша. X. Швейцария: Базель (город), Санкт-Галлен (город), Шаффгаузен (кантон) (рис. 5, 6).

Самые старые монеты имеют даты 1560-х годов. К сожалению, до реставрации многие изображения не позволяют достаточно точно прочесть дату, но по предварительной атрибуции самой младшей монетой клада является польский талер Владислава Сигизмундовича 1640 г.

Западноевропейские талеры, как широко известно, были основным сырьем для Московской монетной чеканки. Посещавший Москву в 1630-х и 1640-х годах голштинец А. Олеарий (Эльшлегер) отмечал: "Русские охотно принимают наши талеры, но тотчас отправляются с ними на Монетный двор" (Олеарий А., 1906, с. 159).

Огромное количество талеров в XVI–XVII вв. переливалось из европейского обращения в Россию, чтобы превращаться там в проволоку для выделки привычной

Рис. 6. Западноевропейские талеры из комплекса 1. *а* – аверс; *б* – реверс. *1* – Дания, Христиана IV (1588–1648 гг.), талер 1625 г.; *2* – Польша, Владислав IV (1632–1648 гг.), талер 1634 г.

"рыбьей чешуи" – копеек. Роль талера в России являлась товарно-сырьевой (Спасский И.Г., 1988, с. 8, 9).

В деревянном городе с постоянно опустошавшими его пожарами на протяжении всей многовековой истории существовал обычай доверять ценности земле, и нумизматы справедливо отмечают выпадение солидной части сокровищ – талеров в тайно захороненные клады. Примером крупной массы невостребованных талеров являются клады испано-американских реалов в Москве. В одном из них – Ипатьевском, сокрытом в 30-х годах XVII в. и, кстати, территориально близком к Гостиному двору, оказалось 3398 экз. монет общим весом 74 080 г. (Векслер А.Г., Мельникова А.С., 1988, с. 184, № 43, с. 139, 140). Лишь из этих "рьяльских ефимков" на Московском Монетном дворе могли бы начеканить около 150 тыс. копеек.

В кладе Гостиного двора вместе с монетами впервые в московской археологии отмечены великолепные по художественному исполнению серебряные сосуды.

В первой части клада в медном кувшине оказалось 10 серебряных сосудов с достаточно хорошей сохранностью металла. В силу того что предметы хранились в

Рис. 7. Чарка русской работы: чеканка по серебру, золочение, эмаль, XVII в.

закрытом сосуде, не произошло образования хлоридов серебра. Все предметы, однако, были покрыты сульфидными пленками различной толщины от темно-коричневого до черного цветов. Любопытно, что на некоторых предметах были видны границы уровня воды, периодически проникавшей в медный кувшин, в котором находился клад.

В состав этой части клада входят: чарка – небольшой сосуд для питья крепких напитков; шесть чар – сосудов для питья, низких, круглых, без поддонов с плоскими подковообразными ручками; две стопы (сосуды для питья в форме большого стакана цилиндрической формы с расширением в верхней части); четыре стакана, или небольшие стопы, на поддоне с рельефным орнаментальным пояском в центре.

Реставрация всех предметов в ГОСНИИРе проводилась по одной методике и заключалась в удалении сульфидных пленок, что позволило выявить следы позолоты, детали орнамента и клейма, скрытые до реставрации окислами.

Диаметр чар 12-12,5 см. Высота от 3,1 до 3,5 см. На чарке и 6 чарах отсутствуют какие-либо клейма. Их форма и характер растительного орнамента, несомненно, свидетельствуют об их русском происхождении.

Чарка является подлинным шедевром прикладного искусства (рис. 7). Сосуд имеет в центре приклеенный при помощи штырька слабо выпуклый кружок – "мишень" с надписью, растительным орнаментом и следами зеленой эмали. Надпись-афоризм гласит: "Человече желаешь славы земные за то не наследишь небесныя не злі смирися". Внешняя сторона покрыта гравированным орнаментом. По венцу (верхнему краю) проходит выгравированная с большим художественым мастерством надпись, с

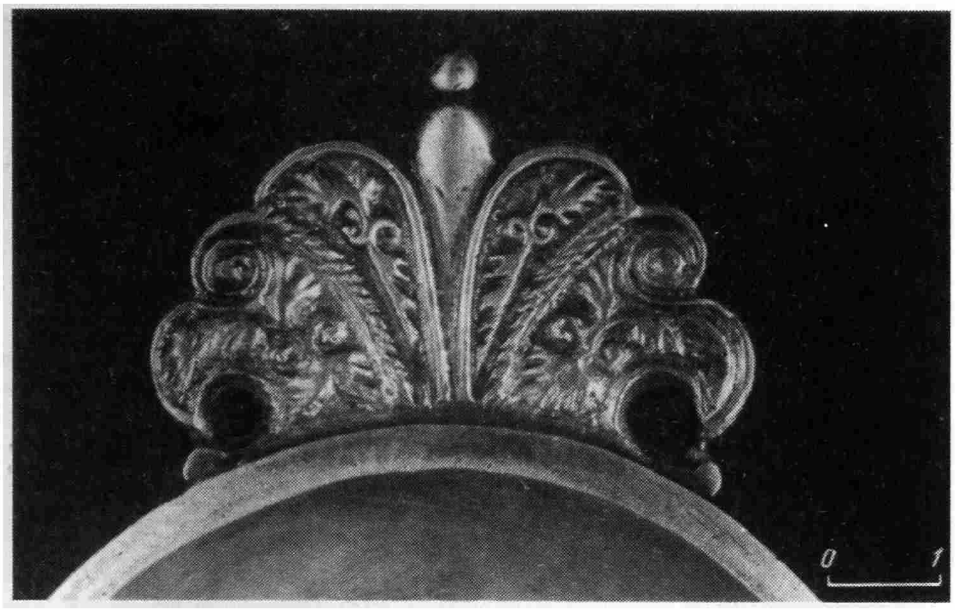


Рис. 8. Ручка чарки с изображением стилизованных птичьих головок. Чеканка по серебру: головы птиц позолочены. XVII в.

хорошо сохранившейся позолотой. Это сентенция, предупреждающая о вреде пьянства: "Чарка пить до дна на здравье а пить до дна не видать добра". Ручка чарки имеет в оформлении две стилизованные птичьи головки с клювами. Обе головки позолочены (рис. 8).

На трех из шести чар характер оформления ручек аналогичен чарке. Возможно, они происходят из одного набора посуды или изготовлены в одной мастерской. На дне двух этих чар приклеплены так же, как и в чарке, полусферы с растительным орнаментом. На одной из них сохранились остатки синей эмали. Четыре из шести чар имеют в центре чеканную гладкую полусферу со следами позолоты. Три чары имеют различное оформление ручек: а) плоский растительный орнамент; б) плетеный растительный орнамент, со сквозными отверстиями; в) изображение Самсона, разрывающего пасть льву (в сочетании с растительным орнаментом). Этот библейский сюжет, судя по образцам прикладного искусства, был популярен у серебряников Московской Руси (рис. 9). Подобное изображение имеется, например, на чарке работы известного мастера Иосифа Облезова в собрании Оружейной палаты Московского Кремля (Русское серебро..., 1984, с. 16).

Две чары имеют на оборотной стороне процарапанные довольно небрежно буквы "ИХФ" (начертание первой буквы схоже с буквой Н), что, по всей вероятности, является знаком владельца. Чара с эмалевой полусферой в центре имеет не очень ясные процарапанные значки с оборотной стороны ручки. Чара со сплошным растительным орнаментом рукояти имеет аналогичные знаки и буквы на дне в месте чеканной полусферы. Чара со сквозным растительным орнаментом-плетенкой не несет никаких знаков и букв. По краю имеются три трещины, появившиеся во время бытования вещи. Одна из трещин с внешней стороны несет следы пайки.

На всех предметах большое количество древних царапин, на чарах – небольшие вмятины. На дне стоп с внутренней стороны – царапины и мелкие точки, возникшие при чистке сосудов во время их бытования.

Теперь опишем стопы. Первая имеет высоту 14 см, диаметр верхний 10 см, диаметр дна 7,3 см. На дне стопы – процарапанная буква "К" и цифры 24 $^{3}/_{4}$. Какие-либо клейма отсутствуют. Буква процарапана четко по линейке. Пока трудно сказать, является ли она именником мастера или знаком альдермана, следившего за качеством продукции мастерской. В верхней части стопы – гравированный орнамент, состоящий из завитков и кружков, возможно, остатки позолоты (в настоящее время стопа еще не

Рис. 9. Ручка чарки с изображением Самсона, разрывающего пасть льву. Чеканка по серебру, позолота, XVII в.

отреставрирована). Форма стопы характерна для всего XVII в. Более точная ее датировка пока затруднена.

Вторая стопа – на поддоне, высота 15,4 см, диаметр верхний 9 см, диаметр поддона 8,2 см. До реставрации только в верхней части сосуда слегка просматривались следы позолоты. Вся поверхность была покрыта плотными сульфидными пленками, закрывавшими гравированный орнамент. Форма стопы характерна для конца XVI – первой половины XVII в.[5] (Bly J., 1994). Растительный орнамент и в верхней части стопы, и по центру сосуда, а также поддон вызолочены. На дне стопы четыре клейма: идущий лев (Англия), голова леопарда в короне (Лондон), именное клеймо мастера, несущее изображение птицы, напоминающее лебедя, и буква "R"; у ног птицы вторая буква сбита и не читается. Принадлежность клейма конкретному мастеру пока не установлена.

Буква "R" в щитке соответствует 1614 г. Годовые клейма второй половины XVI–XIX в. обозначались на английских серебряных изделиях буквами. Буквы алфавита имели различные начертания и различную форму щитка в разные годы. Подобной буквой "R" клеймились изделия и в 1732 г., но фигура идущего льва и голова леопарда были другого типа, что исключает столь позднюю датировку предмета.

Третья маленькая стопа (или стакан) высотой 10 см, верхний диаметр 8 см, диаметр поддона 5,5 см. Гравированный орнамент из листьев – по верху стопы. В центре – выпуклый ободок с растительным орнаментом. Поддон состоит из ряда трилистников и сканной проволоки. Орнамент и поддон позолочены. С внутренней стороны по краю – следы позолоты. На дне стопы – изображение ножа и буквы "D" и "K", что, скорее всего, является личным клеймом мастера (рис. 10). Пока рано говорить о месте изготовления этого предмета. Но в качестве аналогии можно привести практически идентичные сосуды, опубликованные в работе по словацкому серебру (Toranova E, 1983, прим. 2, каталог № 196, 197; датируя эти изделия концом XVI в., автор считает их образцами словацкой работы).

В составе второй части клада (в белоглиняном кувшине высотой 36 см при максимальном диаметре 36,6 см) следует упомянуть чару. По форме это уменьшенная копия ковшей XVI–XVII вв. Диаметр 10,5–11 см без ручки, высота 3,2 см. Чеканка,

[5] Близкая по форме стопа чеканной немецкой работы (около 1600 г.) из дореволюционного собрания гр. Е.В. Шуваловой опубликована: "Старые годы", апрель 1914 г., вклейка между страницами 53, 54.

Рис. 10. Клеймо на дне серебряного сосуда XVII в.

литье, гравировка. Круглый поддон с геометрическим орнаментом из ромбов припаян отдельно. В центре – литая фигурка лебедя на полусфере, с гравированным геометрическим орнаментом. В передней части чары – отдельно припаянный шарик с растительным орнаментом. Шарик и фигурка лебедя на полусфере позолочены. На рукояти – гравированное изображение птицы, стоящей на одной ноге, и два цветка: василек (?) и вьюн (?); с оборотной стороны ручки два клейма неясных очертаний. Вся поверхность чары обработана чеканным ложчатым орнаментом, характерным для XVI–XVII вв. Пор характеру работы этот сосуд возможно отнести к русским изделиям, хотя дальнейшее исследование клейм может внести изменения в эту атрибуцию.

Остальные предметы не реставрированы, что пока затрудняет их описание. Перечислим их.

Блюдо. Края с двух сторон согнуты, так как оно не проходило внутрь глиняного сосуда, в котором был найден клад. Диаметр 20,5 см. В центре блюда – чеканный медальон диаметром 10 см, внутри которого: в меньшем круге диаметром 4 см, – изображение сидящей в интерьере женщины с чашкой в руках, рядом с нею – двое детей, протягивающих к чашке руки. Позолота просматривается по краю блюда и на медальоне. С внешней стороны блюда в 0,5 см от края – два клейма: двуглавый орел с опущенными крыльями в круге и изображение бегущего животного (возможно, лошади) также в круге. Орел напоминает клейма Льежа XVI–XVII вв. Несколько отличный орел присутствует на клеймах Любека XVI–XVIII вв. Бегущая лошадь есть на клейме Штутгарта XVII в., а о более точном определении говорить пока преждевременно.

Чарка на поддоне, диаметр 11 см, диаметр поддона 5,7 см, высота 4,5 см. Плоская ручка в виде стилизованного трилистника. В центре – гравированное изображение геральдического щитка, на котором грубо процарапана буква "Т". С внешней стороны сосуд покрыт толстым слоем сульфидных пленок. Орнамент едва читается. Следов позолоты в настоящее время не видно. На дне – несколько клейм неясных очертаний.

На одном – изображение буквы "X" в щитке сложной формы. Клейма до окончательной расчистки не могут быть определены.

Стакан, или небольшая стопка на поддоне, высота 9,5 см, диаметр верхней части 5 см, диаметр поддона 6,3 см. В нижней части припаяна проволочка с насечкой, завязанная в узелок. На дне два клейма, одно из которых – городское клеймо Гамбурга, второе – гербовое с изображением цветка, и крупные буквы "W" и "H".

Восьмигранный стакан, высота 9,5 см, диаметр верхней части 8 см, нижней части – 5 см. В верхней части – гравированный растительный орнамент. В нижней части – отдельно припаянный накладной орнамент из трилистников. На дне – клеймо неясного очертания.

Стакан, или стопа на поддоне, высота 12 см, диаметр верхний 6,8 см, диаметр поддона 7,5 см. В месте соединения стакана с поддоном припаяна сканная проволока. В верхней части припаяно профилированное утолщение, возможно, с позолотой. На дне – два идентичных клейма в виде двойных лилий (головки симметрично расположены вверх и вниз). Поскольку лилии присутствуют в клеймах нескольких городов, пока не представляется возможной точная атрибуция.

Описанные серебряные сосуды, как высокохудожественные привозные работы западноевропейских мастеров, так и изделия "доброго мастерства" русских серебряников, чеканщиков, граверов, эмальеров, вне сомнения, являются прекрасными образцами прикладного искусства первой половины XVII в. Наряду с западноевропейскими и русскими монетами ("старыми деньгами") столовое серебро явно предназначалось для переплавки и последующей перечеканки в новые деньги. Судя по датам на монетах европейских государств, клад был укрыт не ранее начала 40-х годов XVII в. и, видимо, связан с внутренними экономическими, общественными, политическими потрясениями приближавшейся "бунташной" поры в Москве. Необычно крупный размер клада позволяет предположить принадлежность его казне большого торгового дома (одного из Гостиных дворов, одной из "купецких палат"?).

Изучение клада только начинается и, конечно, внесет немало нового в представления о Москве периода развития Всероссийского рынка, одним из главных центров которого был Гостиный двор Китай-города.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бакланова Н.А., 1952. Постройка нового гостиного двора в Москве в 1660–1665 гг. // академику Б.Д. Грекову ко дню 75-летия. М.

Бередников Я.И., 1845. Записка об открытых в Московском Кремле древностях, представленных Второму отделению Академии наук // Bulletin de la classe des sciences history ques, philoloques ef politiques de L'Academie imp des Sciences. Т. II. № 4, 5. SPb.

Векслер А.Г., Мельникова А.С., 1988. Московские клады. М.

Гастев М.К., 1841. Материалы для полной и сравнительной статистики Москвы. Т. I. М.

Забелин И.Е., 1891. Материалы для истории археологии и статистики г. Москвы. Т. 2. М.

Забелин И.Е., 1905. История г. Москвы. М.

История Москвы, 1952. Т. I. М.

Козлова Н.Б., 1994. Гостиные дворы // Отечественная история с древнейших времен до наших дней. Энциклопедия. Т. I. М.

Колчин Б.А., Хорошев А.С., Янин В.Л., 1981. Усадьба новгородского художника XII в. М.

Олеарий Адам, 1906. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. 1647. СПб.

Памятники архитектуры Москвы. Кремль. Китай-город, 1982. М.

Панова Т.Д., 1996. Клады Кремля. М.

ПСРЛ: Полное собрание русских летописей. Т. 12, 13, 30, 34.

Рабинович М.Г., 1971. Культурный слой центральных районов Москвы // Древности Московского Кремля. М.

Русское серебро XIV – начала XX века из фондов Государственных Музеев Московского Кремля, 1984. М.

Спасский И.Г., 1988. Русские ефимки. Исследование и каталог. Новосибирск.
Тихомиров М.Н., 1957. Средневековая Москва в XIV–XV вв. М.
Янин В.Л., 1970. Актовые печати древней Руси X–XV вв. Т. 2. Новгородские печати. М.
Bly J., 1994. Miller's silber & sheffield plate marks. Great Britain.
Toranova E., 1983. Goldschmiedenkunst in der Slowakei. Tatran.

Центр археологических исследований УГКОИП,
Москва

A.G. VEXLER

GOSTINY DVOR AND THE UNIQUE TREASURES OF THE XVII C.

(preliminary publication)

S u m m a r y

In the article there are presented the finds discovered during express-works of the Center for Archaeological Researches of Moscow in the end of 1995–1996 (Kitai-Gorod), between Ilyinka and Varvarka streets. The first stone buildings for the rows of stalls were built at this location already in the end of XVI c., then they were rebuilt several times and broadened in 1660, and in the end of the XVIII c. the now present complex was built. Archaeological finds in the area showed that it had been opened up already at the premongolian time. A special interest also represented the rare finol of a seal of Novy Torzhok's vice-gerent of the Great Novgorod with the portrayal of St. John (end of XVI c.). Absolutely unique is the complex of treasures that had been discovered under the floor of wooden frame of the beginning of the XVII c. Two large vessels, made of brass and clay, were filled up to the top with silver vessels (16 pieces), coins of European (335 pieces) and Russian (about 95 thousand pieces) coinage. The Russian coins, mostly of the 2nd half of the XVI c., coins of the beginning of the XVII c. (before 1620) constitute about 1%. Foreign coins – mostly talers of Holland and Germany, with dates from 1560s up to 1640s. Silver vessels – mainly of Russian design, are the samples of high decorative art, bear engraved inscriptions, gilded relief images, ornaments.

Л.А. БЕЛЯЕВ

ЛИЦЕНЦИАТ ПРИ ДВОРЕ ИОАННА ГРОЗНОГО

(надгробие Каспара фон Эльферфельдта на древнейшем кладбище иноземцев в Москве)

В 1989 г. в Москве, при земляных работах в районе Конной площади (между ул. Мытной и Шаболовкой) были обнаружены фрагменты белокаменных надгробий с остатками надписей на немецком языке. Таких плит здесь не находили с 1823 г., когда публикация камня с могилы Берндта фон Белля, комтура Голдинга, положила начало изучению средневековых некрополей иноземцев (Калайдович К.Ф., 1862, с. 175).

Особый интерес представляли обстоятельства находки[1]. Сами плиты были, несомненно, переотложены; тем не менее они явно остались на территории кладбища, о чем свидетельствовали фрагменты человеческих костей в перекопах, мелкие куски других надгробий, тонкого древнерусского кирпича XVI (?) в., раствора, строительного камня (о костях и черепах в земле под плитами упоминал также К.Ф. Калайдович). Вероятно, на кладбище существовали какие-то сооружения – часовни, кивории, склепы, фундаменты под надгробия, даже капеллы и т.п. В зачистках явственно виднелись края вертикальных ям – могил.

Одно из надгробий, с почти утраченной за исключением благопожелательного завершения надписью, было использовано трижды; в последний раз плита служила навесной декоративной деталью архитектурного сооружения и несла резной растительный орнамент русской работы (рис. 1) (Беляев Л.А., Векслер А.Г., 1996, рис. 8, а).

Определить название заброшенного кладбища помогло наиболее сохранившееся надгробие Каспара фон Эльферфельдта, от которого сохранилась примерно половина камня с началом надписи. По форме и первоначальной орнаментации это обычная белокаменная "доска", несомненно, изготовленная русским ремесленником около середины XVI в. и купленная у него заказчиком в готовом виде, но без надписи, о чем свидетельствуют элементы декора, стертые при нанесении букв. Размеры плиты: 75 см по изголовью, ~75 см в середине, толщина 16 см, максимальная сохранность длины 76 см (рис. 2).

Орнамент (внешняя рамка из мелких треугольников; два круга с заполнением внутри; дополнительная рамка из крупных треугольников, соединенных гипотенузами) нарезан в московской треугольчатой манере. Оба круга сглажены. На месте центрального выбито низким рельефом профильное изображение мужчины с бритым, сильно выступающим подбородком, в высокой конической отороченной шапке с лентами. "Портрет" заключен в подобие венка-медальона (рис. 3). Это схематическое подражание надгробному портрету является уникальным для Московской Руси. (По манере оно напоминает реалистически шаржированные рисунки иностранцев, встречающиеся в русском изобразительном фольклоре XVI–XVII вв., но вряд ли мастер стремился к такому эффекту.)

---

[1] Наблюдения на объекте (стадион завода "Красный пролетарий") проводились Московской археологической экспедицией Института археологии РАН. Искренне благодарю И.А. Бойцова и С.З. Чернова за возможность изучить сделанные находки. Надгробие передано в Музей истории г. Москвы.

© Л.А. Беляев, 1997 г.

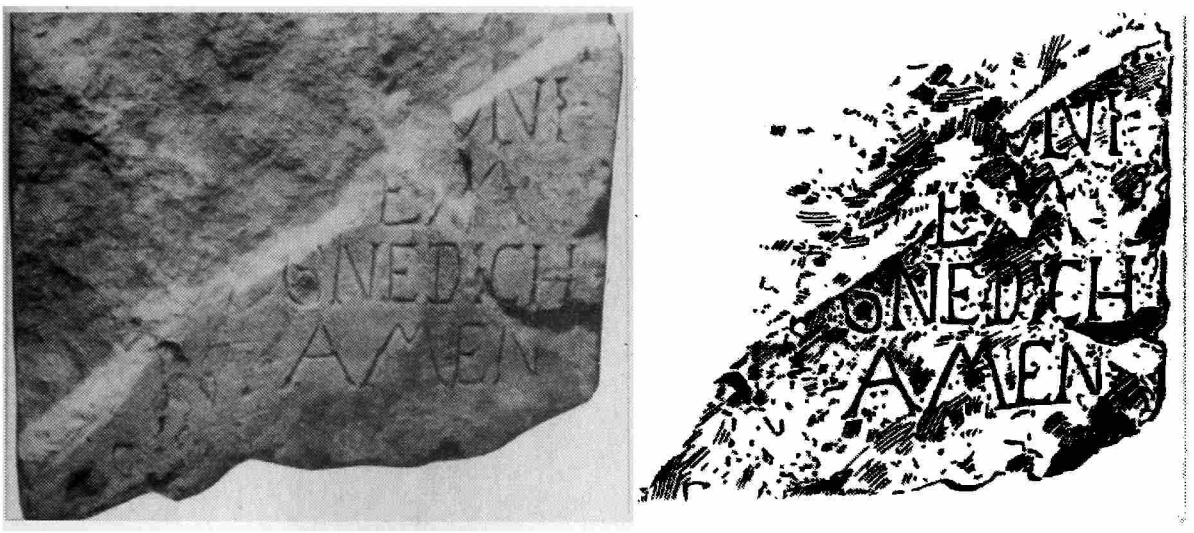


Рис. 1. Остатки немецкой надписи на обороте резной декоративной плиты. Фотография и прорись

Внутри рамки всю площадь заняла надпись, от которой уцелели пять строк полностью и часть очень короткой шестой, вероятно, еще не последней. Текст нанесен по тонкой линейной графье и перекрывает остатки верхнего круга. Высота строк 6,5 см, промежутков – 4,5 см. Канавки букв треугольные в сечении, слова нерезаны с большой тщательностью, хотя и не вполне уверенно.

Надпись близка латинской палеографии Москвы второй половины XVI в. Но есть важное отличие. Все известные до сих пор тексты выполнены шрифтом, восходящим к позднеримскому капитальному квадратному письму, получившему широкое распространение в Европе эпохи Ренессанса, весьма простому и ясному (Добиаш-Рождественская О.А., 1987, с. 58, 59, рис. 1). Надгробие же Эльферфельдта имеет шрифт, содержащий многочисленные элементы декоративного готического, – лигатуры (ch, ts), раздвоенные концы мачт и штрихов (t, l, f, h), ромбически-квадратные подставки и даже сокращения, никогда ранее в надгробиях Москвы не встречавшиеся.Интересны также прием выноса N над строкой, помещение O внутрь v, знаки переноса и разбивка на слова, подчеркнутая ромбическими точками, стремление выделить заглавные буквы.

Эта упрощенная "готика" наряду с "портретом" и подчеркнутой тщательностью исполнения свидетельствует о неординарных возможностях и, в еще большей мере, о претензиях заказчика. Сохранившаяся часть надписи читается легко:

CASPER. VON. ELVERFELT
DER. RECHTEN. LI-
CENTIATZ. GEWE-
SEN. LAND (D?G?) DROSTE.
THO PETERSHAGEN
...GE...

(Каспар, фон. Эльферфельдт, права, лиценциат, бывший. ланддрост. Питерсхагена...) (Дрост, landdrost – принятое в ряде земель название старосты – "oberster", или чиновника с судебными и управительскими полномочиями).

Особенности написания – "tho" вместо "zu", конечное "e" в слове "droste", возможно, выдают нижнерейнское или прибалтийское происхождение писавшего, но типичны и в целом для старонемецкого. В слове "лиценциат" окончание, вероятно, сокращено (tz-tus). Сложная лигатура, разделяющая слово Land | droste, может оказаться сокращением типа "Gemeinde" (ср.: Cappelli A., 1928, S. 68, 72, "commune" – предположение фрау Ингеборг Хенке. Восточноевропейский институт, Мюнхен).

Рис. 2. Надгробие Каспара фон Эльферфельдта. Фотография и прорись

Предпринятая попытка собрать материалы к биографии названного в эпитафии лица показала, что судьба его интересна как для истории контактов Руси и Европы XVI в., так и для истории средневековой топографии Москвы.

Эльферфельдт знаком русским историкам со времен Н.М. Карамзина, располагавшего одним из писем торгового агента, нюренбержца Фейта Зенга (Veit Seng) в Любеке, где со слов купца Германа Писпинга говорилось о высоком положении Эльферфельдта при дворе Ивана IV, самым благоприятным образом оценивалась его деятельность пропагандиста евангелического вероисповедания (Карамзин Н.М., 1843, с. 52, прим. 166).

Рис. 3. "Портрет" Каспара фон Эльферфельдта. Прорись

Сведения эти были умножены публикацией новых писем (Форстен Г.В., 1889, № 33, 38). К ним обращались почти все авторы, работавшие над темой "Россия и Запад в XVI веке" (Fechner A.W., 1876, S. 51; Цветаев Д., 1890, с. 541; Форстен Г.В., 1893 и др.). Впоследствии Эльферфельдту даже начали приписывать литературно-богословские сочинения, прямо помещая их в "библиотеку Ивана Грозного" (Зарубин Н.Н., 1982, № 96, с. 23, 24, 54). Однако прямых данных о его литературной деятельности нет. В советской историографии жизнь Эльферфельдта в России не привлекла должного внимания, несмотря на появление новых источников – мемуаров Штадена и других манускриптов (перевод рукописи Штадена издал в 1925 г. И.И. Полосин, немецкий текст – F.T. Epstein в 1964).

Каспар фон Эльферфельдт – один из многих, попавших в Московию в первые годы Ливонской войны. О предшествующем периоде его жизни сведения явно недостаточны. Принадлежал он к баронскому роду Эльферфельдтов или являлся членом одной из выделявшихся в то время бюргерских линий – неясно. Аандер-Хеден в капитальном труде приводит документы с упоминанием в середине XVI в. нескольких Каспаров фон Эльферфельдтов (причем некоторые из них даже имеют чин дроста), но ни один не может быть отождествлен с "московским" Каспаром из-за хронологических несоответствий. (Aander-Heden E., 1883–1890).

Там же есть сведения по менее родовитым семьям. Одна из них заняла в XVII–XIX вв. видное место среди литераторов и священнослужителей Курляндии, но доказано, что уже в XVI в. ее основатели не были связаны с родом баронов (Seeberg-Elverfeldt, R., 1965). В 1960-х гг. происхождение Каспара специально изучал Alfons Radatz в Киле. Результаты нам неизвестны.

Достоверно установлено, что в середине XVI в. Каспар обладал ученой степенью лиценциата права и действительно занимал должность ланддроста Питерсхагена, резиденции епископа Миндена. Он упомянут как дрост в "Schaumburger Akten des Munsters Staatsarchivs" от 21.07. и 07.10.1555 г. и 05.01.1556 г. (соответственно Caspar Eluerfelt, Caspar von Elberfelt, Elverfelt), причем названа и степень – "der Rechte Licentiat" (Epstein F.T., 1964, S. 177, Anm. 13). Возможно, образованием и близостью к церковным кругам объясняются последующая служба Эльферфельдта епископу Дерпта Герману Вейланду (по происхождению вестфальцу, как и Эльферфельдты) и само решение перебраться в Ливонию. Обычной целью таких переводов было

стремление быстро сделать карьеру и разбогатеть – Ливония издавна представлялась дворянству, чиновникам, клирикам Вестфалии наилучшим полем для этого (ранее среди баронов фон Эльферфельдт встречались рыцари Немецкого ордена).

В Ливонию лиценциат мог попасть только в преддверии войны или в самом ее начале. Впрочем, его пребывание здесь было довольно коротким и мало отразилось в документах. Ф. Зенг в письмах указывает на его членство в епископском совете. Возможно, о нем говорит магистр Ордена Фюрстенберг в письме от 14.06.1558, хотя инициал имени не совпадает (в публикации упомянут "высокоученый Н. Эльферфельдт", с рукописью мы не знакомы: "Juni 14. Feldlager. O.M. Willhelm Fursstenberg an Justus Claudius Syndikus zu Reval: ihm sei vom hochgelehrten N. Erberfelt berichtet..." (Bienemann F., 1876, № 926)).

Достоверно отмечено его присутствие уже после капитуляции Дерпта и пленения епископа Германа. Подпись Эльферфельдта появляется на очень интересном протоколе допроса немцев-перебежчиков в Вендене, датированном 25.07.1558 г. Документ составлен в присутствии "... hochgelartten vnnd Erentuesten hern Christoffern Siborgen zu Candou, Clauesen von Stridthorste zu Grobin, vogtten Ritterlichen Deutzschen Ordenss Johan von Buchorst, Wolter von Plettenbergk, Peter Jasper Eueruelden Licentiaten, Ewalt franken vnd Jurgen korff" (Notariats..., 1862, S. 331). Таким образом, мы узнаем второе имя Каспара – Петер – и вариант написания первого имени – Яспер.

Этот эпизод показывает Эльферфельдта в лагере тех, кто готовится продолжать вооруженную борьбу в противовес администрации Германа, склоненного к сепаратному миру. Однако кампания 1558 г. была безнадежно проиграна, ее участники должны были выбирать между пленом, бегством в Германию или попыткой отсидеться в крупных замках и городах. Горестный "ливонский мартиролог" Иоханна Реннера среди других потерь упоминает и обстоятельства пленения Эльферфельдта во время вылазки из Эрмса ("Armus"): "Tolsborg vorlorn [...] Van dem huse Armus toegen 18 ruiters und quemen an den fiendt, darvan hielden 6 den hinderholt. Der Deutschen worden vele erschlagen, darunder ein eddelman, genant Berlin. Ein licentiatus, genant Elverfelt, wort gefangen na der Moscouw gefuert. Dat wort ein bose mammelucke, wort des grothforsten rath und was der Dutschen boser fient, gaf dem grothforsten vele anschlege jegen Liflant. Hinrich Winters, der tolck, wort ock gefangen, mit pitschen jamerlich gegeisselt und moste sych darna sulvest hangen. Dye andern 6, so den hinderholt hadden, nemen dye flucht, do sye der ohren nedderlage vornemen (Ronner J., 1953, S. 38, 39).

Эта неудачная операция уже в середине августа прекратила участие лиценциата в войне и открыла новую главу его деятельности. Следующее сообщение об Эльферфельдте доходит через довольно значительный промежуток времени. В конце 1560 – начале 1561 г. он помогает попасть на службу к царю другому ливонцу из штата Германа, порядочно настрадавшемуся к этому моменту в плену и в Ливонии, и в России. Это был Крузе.

Как показывают его письма и "донесение", Крузе заранее рассчитывал на поддержку коллеги, о котором пишет с подчеркнутым уважением. Прося о помощи в письме к епископу Герману от 26.10.1560 г., уже находящийся в плену Крузе прямо называет его высокоуважаемым, высокоученым, благородным и честным господином лиценциатом, владетелем Эльферфельдта: "... bey dem durchleuchtigsten hochgebornen fursten vnd grossmechtigsten vnuberwintlicchsten keyser vnd herscherr aller Reussen, neben dem hoch achtbarn hochgelerthen edlen vnnd Ernuhestenn hern Licentiaten hern Eluerfeldt" (Quellen..., 1879, S. 128).

Расчеты на помощь оправдались, и позднее в "донесении" Крузе отметит, что к царю его в нужный момент ввел Каспар Эльферфельдт: "... da alsdan durch Casper Oberfeldt, Licentiaten, der in grossen gnaden beim Grossfursten, angezeigt..." (Elert Kruse, 1861, S. 39). Известно, что Крузе собирались использовать как специалиста по Ливонии в связи с наметившимся разделом сфер влияния с Данией, что и определяет момент – начало 1561 г.

В это время Эльферфельдт занимал уже прочное положение. Вероятно, он поступил на царскую службу одним из первых среди ливонских пленников, в конце 1558–1559 г., чем, в сочетании с ученой степенью, осведомленностью в "германском вопросе", возможными связями в Вестфалии, выгодной политической конъюнктурой, может быть объяснено его сравнительно высокое положение при дворе до второй половины 1560-х годов. В этом единогласны Ф. Зенг, И. Реннер, Э. Крузе и Г. Штаден.

Судя по имеющимся сведениям, Эльферфельдт становится кем-то вроде личного консультанта, эксперта по вопросам политики в Ливонии, религиозным и дипломатическим проблемам. Никаких сведений о его отношениях с другими ливонцами, в том числе с епископом, в этот период нет за исключением случая о Крузе. Трудно совместить информацию Зенга, сообщавшего, что Эльферфельдт действовал как горячий пропагандист германо-русского союза и протестантизма, и жесткую характеристику Реннера, честившего лиценциата как перебежчика, злейшего врага немцев и даже названного его вероотступником – "мамелюком".

Последнее, несомненно, можно понимать лишь в переносном смысле – лиценциат сохранил веру (иначе его не похоронили бы на немецком кладбище, да и Штаден не преминул бы упомянуть факт перехода в православие). Предположения старых авторов о тождестве Эльферфельдта с принявшим православием Каспаром из Виттенберга, переводчиком, не находят подтверждения (Цветаев Д., 1890, с. 541). Это вносило путаницу еще в довоенные работы (Braun F., 1925, S. 710, 711).

В письме из Любека к маркграфу Альберту Бранденбургскому от 20.12.1566 г., составленном на основе сведений побывавшего в Москве мюнстерского купца Германа Писпинга, особенно интересен более не встречающийся эпизод, в котором говорится об усилиях Эльферфельда обратить царя к протестантизму, и выражается надежда, что это произойдет. Царь "hette seinen Meister Politt der obersten Pitschoff umb 60000 Rubel gestrafft des er einen Theutschen umb des Glauben willen hett Gewalt gethan, und wer zu wervanthen des er Evangelium sollt annemen; dan disser C. Euerfelt und die andern hetten dem Grossfursten so vill vorgelesen und geschrieben, das alle Hoffung verhanden" (Карамзин Н.М., 1843, с. 52, прим. 166).

В таком высоком статусе застает Эльферфельдта Штаден, поступивший на службу к Грозному и прибывший в Москву не ранее середины 1564 г. Знакомя читателя с группой немецких наемников на русской службе, в опричнине, Штаден именует Эльферфельдта почти так же, как эпитафия: "Es waren unser allein 4 Deutsche bei dem grosfurschten in Aprisna zu hofe gewesen: zwene seind gewesen lefflendische edelleute, mit name Johann Taube, elart Krause und ich, Heinrich von Staden und Casper Elferfelt; ist geweswn in Deutschland troste zum Petershagen und ein doctor der rechten" (Epstein F.T., 1964, S. 177; пер.: Штаден Г., 1925, с. 131).

Штаден подчеркивает первоначальную близость с Эльферфельдтом, но затем между ними вспыхивает конфликт, описанию которого уделяется много места. Более высокий ранг лиценциата легко просматривается в той заносчивости, с которой он держится при тяжбах со Штаденом, в его положении опричника, которого Штадену только предстоит добиваться.

В этот период Эльферфельдт, возможно, преобретает некоторое влияние на внешнеполитические шаги Грозного, который в сложных условиях неожиданной эскалации конфликтов на почве Ливонии остро нуждался в информации, в контактах с возможными западноевропейскими союзниками, пытался закрепить их обычным путем династических браков. В письме Ф. Зенга читаем: "... er (царь. – *Л.Б.*) hertn Casparn Eberfaldt ein jnstruction vnnd beuelch gehebt hete, an den Herczogen zu Kleff das er mem Jungen Grossfursten, vmb ain Freulein von Kleff, sollt freyen oder werben, wir er aber zu seiner Freundtschafft gen Munster wer khomen, und Sy derhalben Rats gefragt, haben Sy jms nit zuegeben wellen, Das ers hanndlen sollt, dann Munster ist auch ain Hannsen Stat, das Sy sorgen, es mecht jnen schaden bringen..." (Форстен Г.В., 1889, № 38). За поручением (якобы данным Эльферфельдту) искать руки принцессы Клевского дома для сына

Ивана Ивановича видится не столько собственное решение царя, сколько, вероятно, информация, полученная от того же лиценциата. Для Клеве, включившего в 1520-х годах Юлих и Берг, середина века – эпоха расцвета. Отметим, что из этого герцогства был родом и епископ Герман. Следовало бы изучить самую возможность брака с царевичем с точки зрения истории дома Клеве.

На этот эпизод как-то мало обращалось внимания, а он достаточно интересен – и в плане выяснения взаимоотношений нижнерейнских государств с Россией, и как возможная нить для решения вопросов, связанных с родовыми и политическими контактами Каспара Эльферфельдта, и особенно для понимания тех путей, какими Иван IV и его правительство получали и усваивали информацию, формировали собственные, зачастую неадекватные (что показывает история царского сватовства в Англии) представления о политической жизни Европы.

По мере ухудшения военной и политической обстановки в Прибалтике и усложнения задач Грозный стал нуждаться, однако, не столько в ученых и прожектерах, сколько в практиках, в надежных эмиссарах, способных решительно проводить его политику в Ливонии, опираясь на собственный опыт, политические связи, а то и на военное искусство. Для такой роли тучный и чванный правовед (именно таким описывает его Штаден), вероятно, не подходил. Кроме того, не связанный владениями или длительной службой с Ливонией, Эльферфельдт придерживался курса на продолжение подчинения Прибалтики вооруженной рукой, в тот момент нереалистического.

Противоположная точка зрения была представлена, в частности, Гансом Таубе. Штаден, как и Зенг, говорит о проимперской позиции Эльферфельдта: "Caspar Elfferfelder und ich hetten unser herz gesetzet nach den Romischen Reich". В то же время Таубе и Крузе "Der zweien lifflendischen edelleute herz stund allezeit nach dem reich Polen" (Epstein F.T., 1964, S. 178; пер.: Штаден Г. 1925, с. 131). Понятно, что "Diese beide [Taube und Elverfeldt. – *Л.Б.*] waren auch feinde ursach: Johann Taube spricht zum grosfurschten, er wolte Liffland mit gute bekommen. Diese [Elverfeldt. – *Л.Б.*] spricht, es sei notmuglich; er musse es mit gewalt gewinen" (Epstein F.T., 1964, S. 181; перевод с иным толкованием: Штаден Г., 1925, с. 133). Отсюда, вероятно, резкие слова И. Реннера: "Ein boze mammelucke, wort des grothforsten vele anschlege jeden Liflant" (Renner J., 1953, S. 39).

Хотя "панегирики" Зенга датируются именно 1566–1568 гг., можно предполагать, что он, как ярый сторонник московской ориентации, выдает здесь желаемое за действительное. Штаден, рассказывая историю своих взаимоотношений с Эльферфельдтом, явственно намекает на охлаждение к нему Грозного. Его место, по-видимому, занял Таубе, ставший одним из инициаторов мирного подчинения Ливонии и превращения ее в вассальное государство. О его и своей вражде с Эльферфельдтом, о расхождениях в вопросах политики Штаден упоминает прямо. Этот решительный авантюрист гордо рассказывает о посрамлении Эльферфельдта (которого упорно именует "доктором права", вероятно, для придания большего блеска победе) в ходе запутанных и не совсем понятных по смыслу тяжб.

В конце концов Эльферфельдт оказывается в тюрьме, да еще под угрозой конфискации нажитого. Сомнительно, чтобы так могла обернуться для царского советника имущественная тяжба с сослуживцем, – вернее видеть здесь результат опалы. Особых причин для нее искать нет смысла, зная опричную ситуацию, но можно предполагать интриги новых советчиков, общее неблагополучие в Прибалтике, постепенное разочарование Грозного в служилых немцах вообще. Не исключено, что Эльферфельдт собирался покинуть Россию. (Это само по себе могло бы объяснить, как он оказался в заключении. Во всяком случае, все имущество, которое он, находясь в тюрьме, поручает вызволить тому же Штадену, оказывается в упакованном виде "спрятанным от огня" в Холмогорах.) Судя по Штадену, Эльферфельдт и раньше вынужден был искать его и Таубе поддержки в делах.

Не исключено, что опала пришла несколько позднее – около 1570 г., когда планы приобретения Лифляндии обсуждались особенно активно в связи с присутствием в

Москве герцога Магнуса, с чем и связан рассказ о вражде Таубе и Эльферфельдта у Штадена. Судьба лиценциата, однако, могла еще перемениться, тем более что поведение Таубе и Крузе, чрезвычайных представителей Грозного в Прибалтике, начало внушать ему обоснованные подозрения и заставило вспоминать об Эльферфельдте. Царь поспешил выручить его из тюрьмы уже охваченной чумой столицы, но гонец опоздал, и прежний советник скончался, вероятно, в 1571 г.: "Tu dee zeit der peste, als der grosfurschte sache dass herzog Magnus und Johan Tauw nichtes mit frevell ausrichten wolte, da sante der grosfurschte einen boiaren auf der post in die Moscaw, dass man Casper Elferfeldt an die orten, da keine peste were, fuhren solte lassen. Indem schikete Got die peste an ihn, dass er starp und wart in einem hof begraben (Epstein F.T., 1964, S. 182; Штаден Г., 1925, с. 134).

Судьба Эльферфельдта – очень типичный образец служилой карьеры иностранца в Москве XVI в. Поступление в службу (не обязательно добровольное), быстрое возвышение и накопление имущества (щедрое жалованье, торговые привилегии, эксплутация поместий, а также всякие нечистоплотные махинации, зачастую наивно раскрываемые в собственых мемуарах), затем – опала, и/или бегство за рубеж, иногда успешное. В последнем случае – возможность описать приключения (Штаден, Таубе, Крузе, Буссов и др.). Судьбой тех, кто, как Эльферфельдт, не сумел уехать, становилось почти полное забвение, русские источники сохраняли ничтожно мало сведений.

Информацией о смерти Эльферфельдта Штаден не обрывает рассказ, сообщая далее очень важные для истории Москвы детали. Торжествуя победу над противником со всеми его "докторскими штуками", Штаден описывает некоторые подробности погребения. Первоначально труп зарыли просто во дворе (двор Эльферфельдта, согласно мемуарам, находился недалеко от Судного двора). Но, оказывается, лиценциат заранее приготовил себе гробницу (вероятно, склеп) за городом, на кладбище, где хоронили всех неправославных христиан. Штаден попросил разрешения перезахоронить тело: "Da bate ich einen von den obersten boiaren in Aprisna, dass er mir den leichnam auszugraben erlauben wolte, darmit ich ihn mochte lassen in das grap, das er aus der erden aus zigelstein hatte auswendigk der stadt und alen umbligenden vorsteten, da alle begraben mauren lassen chrissten, deutsche und auslendische, begraben wurden"(Epstein F.T., 1964, S. 182; Штаден Г., 1925, с. 134).

Находка надгробия на некрополе иноземцев в данной ситуации позволяет предположить, что не только склеп, но и плита с текстом была нарезана заранее, по заказу и под надзором самого Эльферфельдта (что было принято в средневековье). Вероятно, этим объясняются особенности оформления, подробность сообщаемых сведений об умершем и отсутствие даты в начале текста. Хотя не сказано, перезахоронил ли его там Штаден, как собирался (разрешение было дано, но лишь после завершения эпидемии), вполне вероятно, что это произошло.

Редкая возможность сопоставить информацию двух источников, мемуарного и эпиграфического, дает нам в руки ключ к окончательному решению вопроса о местонахождении древнейшего некрополя иноземцев в Москве: он там, где Эльферфельдт соорудил себе кирпичный склеп и где впоследствии найдено его надгробие и плиты других иноземцев. Представляется своевременным указать здесь на удивительную точность сведений, приводимых Штаденом, во всем, что касается дел немецкой колонии. Эта достоверность, возможно, распространяется и на многие другие сведения, касающиеся непосредственно личности Штадена, в том числе на его пребывание в опричнине, неоднократно ставившееся под сомнение (ср.: Альшиц Д.Н., 1988, с. 159–177).

В средневековых описаниях иноземное кладбище обычно сопоставлялось топографически со слободой в Наливках. Тот же Штаден, рассказывая о судьбе "штатгальтера" Смоленска Довойны в московском плену, указывает место погребения праха его жены Петрониллы Радзивилл (позднее перенесенного в Польшу) немецкое кладбище "Наливки" за пределами города: "Der stadthaltee Dawuna wart in die stadt

Moscaw vorfuhret ins gefengknis; er wart aber nach ezlichen jahren gegen einen rüssischen Knesen usgebeutet und er liss sein gemahl aus der deutschen begrebnus ausser der stadt Muscaw, Maliffkiy, ausgraben und fuhrete sie mit sich ins land zu Polen" (Epstein F.T., 1964, S. 95, 96; Штаден Г., 1925, с. 117).

Именно там погребены рыцари, захваченные в плен при Эрмсе в 1560 г., казнь которых произвела столь сильное впечатление на современников: возглавлявший оборону замка ландмаршал Ордена Филипп фон Белль и его брат Бернт, фогт Боушенбурга Генрих фон Галлен, фогт Кандау Христоф Зиброк, комтур фон Дубелен (Гращенков А.В., 1989, с. 63, 64; Курбский А., 1986, с. 305–309; Форстен Г.В., 1884, с. 114). Возможно, их плиты еще обнаружатся, также как надгробие епископа дерптского Германа, умершего в Москве.

Вероятно, плиты с надписями на немецком, голландском, английском, итальянском языках и по-латыни, встречающиеся в фундаментах строений Данилова монастыря, расположенного несколько южнее кладбища Наливки, также происходят отсюда (Амфилохий, 1871; Дрбоглав Д.А., 1988; Беляев Л.А., 1994). Им будет посвящена отдельная статья.

К настоящему времени известно не менее 25 камней с кладбища Наливки с надписями, причем вырисовывается и социальный состав погребенных здесь. В основном это достаточно знатные или состоятельные уважаемые иноземцы: переводчики, купцы, военные, священнослужители, члены их семей.

Хронологически надгробия укладываются в пределы 1560 – 1590-х годов, что, вероятно, объясняется резко возросшим притоком иноземцев в Москву с началом Ливонской войны. Если отнестись с доверием к сообщению Герберштейна о том, что заселение Замоскворечья, и в первую очередь слободы Наливок, иноземными наемниками произошло в правление Василия III, то возникновение кладбища за пределами слободы не может датироваться ранее первой четверти XVI в., что хорошо согласуется с общей исторической ситуацией и ходом застройки города. Важно, что в одном из ранних изданий Герберштейн пишет о поселении в городе "Нали" не просто телохранителей (satellites), но имено иностранных (Герберштейн С., 1988, с. 132).

Видимо, о кладбище в Наливках идет речь у авторов конца XVI в., не называющих его конкретного адреса. Так, Поссевино упоминает, что "приезжие из Германии хоронят своих умерших на отведенном им кладбище", что подтверждается русскими источниками: "... и которые торговые и всякие люди папины и Венеты сюда въ государство приехав помрут и тех на Москве похоронять по римскому обычаю папы римского закону с теми вместе, которые Немцы ныне римского закону кладутца на Москве, в котором месте им место на то устроено" (Поссевино А., 1983, с. 26; Дела пап римских..., с. 182).

Здесь особенно важно прямое указание на отвод общего кладбища для всех неправославных христиан, где, вероятно, хоронили и поляков, плит которых пока не находили. Шлихтинг упоминает, что за телами убитых в присутствии Грозного польских пленных присылают телеги и отвозят их на кладбище, "где происходит погребение иностранцев" (Шлихтинг А., 1934, с. 45).

Вряд ли случайна редкость на кладбище надгробий XVII в. Видимо, судьба некрополя решилась в первое десятилетие, когда события Смуты в Москве привели к массовому отъезду иноземцев и к расселению оставшихся внутри городских стен, в Белом городе. Перенос поселений сперва за Яузу на Болвановку, затем в городские кварталы сделал неудобным перевозку покойников на заречное кладбище, и старое место погребений запустело.

Впоследствии произошли разрушение некрополя, разборка плит для вторичного использования, а затем и полное забвение. Этот этап можно приблизительно вычислить по датам возведения зданий, в фундаментах которых встречены надгробия. Плиты в Данилове монастыре заложены в основания стен и башен, сооруженных в третьей четверти XVII в., одна из них – в пороге подклета монастырского собора, датируемого около середины того же столетия. Еще одна плита лежит в фундаменте

церкви XVII в. у Калужских ворот. Передача камней с заброшенного или закрытого кладбища была обычной муниципальной практикой в XVIII в. Известны документы о передаче в Данилов монастырь для строительства камней с близлежащего старообрядческого кладбища (Указ..., 1734, л. 31). Старые плиты часто встречаются в нижних частях практически всех храмов города начиная с середины XVI столетия, а изредка и в более ранних памятниках.

Таким образом, к середине XVII в. можно говорить не только о прекращении захоронений на кладбище в Наливках, но и о постепенном его исчезновении. Оно не упоминается у авторов начала XVII в., даже у тех, кто описывает город и поселения иноземцев подробно; отсутствует на планах первой половины века, где показано несколько более позднее кладбище на Болвановке.

Приложение

Большинство документов, в которых упоминается Каспар фон Эльферфельдт, опубликованы только по-немецки. Привожу свой перевод некоторых текстов в хронологическом порядке (пояснения курсивом в скобках – мои).

1. "Итак, он (*Иван IV*) хорошо понимает наших людей, что доказал на примере захваченных в крепости Дерпт, которые составляли епископский совет и которых он увел в Москву, а именно четырех, которых использует при дворе; поименно: Каспар фон Элберфелд, который в большом и великом почете при нем, и во всех советах ежедневно участвует, и удостоен высокого ранга и чести; господин Адриан Кальб, также любим и в доверии у великого князя, хотя и уступает в чести предыдущему; далее – Эйлерт (которого называют также Ульрих) Краусс и Ханнс Тауб, которые также хорошо устроены, хотя и не таково их положение, как первых двух, коих он держит и использует как своих личных немецких советников" – Ф. Зенг. Новое донесение о Русском Проекте. Предложения и мысли. 1566 г. (Форстен Г.В., 1889, № 33, с. 92).

2. "Он (*Герман Писпинг*) говорит, что Каспар Еверфелдт в очень большом почете у великого князя и ежедневно привлекаем ко всем совещаниям; также Адриан Калб – хотя он и не столь успешен... Он (*Иван IV*) оштрафовал своего митрополита, или старшего епископа, на 60 тыс. рублей за то что тот некоего немца хотел заставить переменить веру; можно надеяться, что он (*Иван IV*) примет Евангелие: так много этот К. Еверфелдт и другие просили его устно и письменно, что есть все основания надеяться" – Ф. Зенг. Письмо к маркграфу Альберту из Любека от 20.12.1566.

3. "Герман Писпинг... ответил мне, что он (*великий князь*) распорядился и повелел господину Каспару Еберфельдту, чтобы он для молодого великого князя у герцогов Клевских сватал даму из их рода, девицу или вдову..." – Ф. Зенг. Письмо к Георгу Либенауэру из Любека 12.07.1567 (Форстен Г.В., 1889, № 38).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Альшиц Д.Н., 1988. Начало самодержавия в России. Л.

Амфилохий, архимандрит, 1871. Надгробные памятники иноверцев, найденные в 1870 г. в Московском Даниловом монастыре. М.

Беляев Л.А., 1994. Древние монастыри Москвы (конец XIII – начало XV в.) по данным археологии. М.

Беляев Л.А., Векслер А.Г., 1996. Археология средневековой Москвы // РА. № 3.

Герберштейн С., 1988. Записки о Московии. М.

Гращенков А.В., 1989. Надгробная плита ливонского рыцаря Бернта фон Белля // Государственные музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. М.

Дела пап римских 1580–1582 // Памятники дипломатических сношений с дрежавами иностраными. Т. 1. СПб, 1851.

Добиаш-Рождественская О.А., 1987. История письма в средние века. М.

Дрбоглав Д.А., 1988. Библиотека Ивана Грозного. Л.

Калайдович К.Ф., 1862. Письмо К.Ф. Калайдовича графу Н.П. Румянцеву // ЧОИДР. Т. III. Разд. 1.

Карамзин Н.М., 1843. История государства Российского. Т.9. СПб.
Курбский А., 1986. Андрей Курбский. История о великом князе Московском // Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XVI в. М.
Поссевино А., 1983. Исторические сочинения о России XVI века. Указ. 12.08.1734 г. "О собрании лежащих на... кладбище белых камней и об отдаче их в Данилов монастырь роспискою" // РГАДА. Ф. 1188. Оп. 1. Сд. хр. 6.Л. 31.
Форстен Г.В., 1884. Борьба из-за господства на Балтийском море в XV и XVI столетиях. СПб.
Форстен Г.В., 1889. Акты и письма к истории Балтийского вопроса в XVI и XVII столетиях. СПб.
Форстен Г.В., 1893. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях. Т. 1. СПб.
Цветаев Д., 1890. Протестантство и протестантизм в России до эпохи преобразований. М.
Шлихтинг А., 1934. Новое известие о России // Сказание Альберта Шлихтинга. Л.
Штаден Г., 1925. О Москве Ивана Грозного. М.
Aander-Heden E., 1883–1890. Geschicchte des Geschlechts der Freiherren von Elverfeldt. Bd. 1–3. Elberfeld.
Bienemann F., 1876. Briefe und Urkunden zur Geschichte Livlands in der Jahren 1558–1562. Bd. 4. Riga.
Braun F., 1925. Russland und die Deutschen // Germanica. Festschrift fur E. Sievers. Halle.
Cappelli A., 1928. Lexicon abbreviaturarum. Leipzig.
Elert Kruse, 1861. Elert Kruse's... Warhafftiger Gegenbericht. Riga.
Epstein F.T., 1964. Henrich von Staden: Aufzeichnungen uber den Moskauer Staat. Hamburg.
Fechner A.W., 1876. Chronik der Evangelischen Gemeinden in Moscau. Bd. 1–2. Moskau.
Notariats – Instrument uber die Aussage zwier Landes-Verrather... die Umtriebe des Bischofs zu Dorpat und des Lubischen mit den Russen betreffend, 1862 // Archiv fur die Geschichte Liv. – Esth. – und Curlands. Neue folge. Bd. 2. Reval. Quellen zur Geschichte des Untergangs livlandischer Selbstandigkeit, 1879. Bd. 6. Reval.
Rehner J., 1953. Livlandische Historien: 1556–1561. Lubeck.
Seeberg-Elverfeldt R., 1965. Die Herkunft der kurlandischen Familie Elberfeldt // Ostdeutsche Familienkunde. Bd. 4. H. 1. Neustadt a.d. Aich.

L.A. BELYAYEV

LICENCIAT AT THE COURT OF IOANN THE TERRIBLE

(Graveslab of Kaspar von Elferfeldt at the Most Ancient Cemetery of Foreigners in Moscow)

S u m m a r y

In 1989 in Moscow there were discovered again the fragments of white stone graveslab with the remains of inscriptions in German language. One of them is unique because it opens new circumstances of Livonic war, the Russian politics of XVI c., the history of the Russian capital. The monuments belonged to the burial of Kaspar von Elferfeldt, Licenciat of Law, Landdrost of Petershagen (Germany). Licenciat was captured at Erms (Livonia) in 1558 as a member of the Council of the Derpt bishop Hermann and transferred to Moscow. Here he was accepted at the court of Ioann the Terrile and until the middle of the 1560s he served in oprichnina being the close advisor to the tsar. After conflicts with other Livonians he got into disgrace and in 1571 died in prison during the epidemy of plague. There have been collected many sources in this article which tell about the life of Kaspar, the most well known are the memoirs of Henrich Shtaden. The graveslab of the Licenciat is unique in design. On the common gravestone of the Moscow style there have been drawn German inscription, paleographically close to decorative gothic style, and also the primitive image – the "portait" of Kaspar. The discovery of the stone allows to precisely define the place of the most ancient Moscow cemetery of foreigners.

Публикации

В.К. ПЯСЕЦКИЙ

НАЧАЛО РАСКОПОК ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ РОВНО (БАРМАКИ)

Ровенское позднепалеолитическое поселение находится на Волынской возвышенности. Открыто оно автором в результате целенаправленного обследования правого борта долины ручья, протекающего частично в пределах городской черты – правого притока р. Устье (бассейн р. Горыни).

Борт долины довольно высокий, плато возвышается над поймой больше чем на 40 м. Склоны покрыты лессом, который в некоторых местах смыт, и на поверхность выходит мел туронского яруса с желваками кремня. Овраги и балки не развиты, но на западной окраине с. Бармаки, восточнее г. Ровно, имеется крупная балка. На конце мыса, в правом борту балки, в месте, где она открывается в долину ручья, на вспаханной поверхности в 1981 г. автором были обнаружены кремневые отщепы и мелкие фоссилизированные обломки костей животных. Был заложен шурф, в котором под современной почвой, в лессовидном суглинке мощностью около 0,4 м, лежащем на мелу, было обнаружено три лопатки мамонта, обломки черепа этого животного, длинная кость, расщепленный кремень, в том числе некоторое количество орудий. Позже было установлено, что поселение занимает весь мыс.

Расположение позднепалеолитических поселений на мысах в устье балок довольно характерно, так что топография ровенского поселения не представляет исключения (рис. 1).

В 1982 г. сотрудником Ровенского областного краеведческого музея Е.Л. Лупенко при частичном участии автора на поселении была вскрыта площадь в 64 м^2 (раскоп № 1). Тогда же топографами Ровенской геологоразведочной экспедиции была проведена мензульная съемка территории поселения и его окрестностей (на рис. 1 приводится только часть заснятой территории). В 1990 г. автором было раскопано еще 40 м^2, а на краю мыса заложен раскоп № 2 площадью 16 м^2.

Культурный слой в раскопе № 1 залегает в неслоистом лессовидном суглинке палево-желтого цвета. Этот суглинок имеет в основном эоловый генезис и датируется причерноморским (осташковским) временем. Ниже, на мелу, лежит тонкослоистый желтоватого цвета лессовидный суглинок бугского (калининского) времени (рис. 2, разрезы). Расположение прослоев в поперечном по отношению к мысу направлении субгоризонтальное, а в направлении к концу мыса наклонное. Поверхность калининского суглинка явно эродирована в паудофское время, а прослойки горизонта подвернуты криотурбацией.

Кроме основного культурного слоя в раскопе 1990 г. непосредственно ниже современной почвы, в суглинке, выявлен слабо насыщенный верхний культурный горизонт, на характеристике которого пока останавливаться рано.

Культурный слой в раскопе № 1 1982 г. и частично в раскопе 1990 г. (квадраты НО-9) лежал непосредственно под современной почвой (рис. 2, разрез по линии IV–V). Мощность культурного слоя 0,3–0,4 м. К сожалению, мы не располагаем разрезами по

© В.К. Пясецкий, 1997 г.

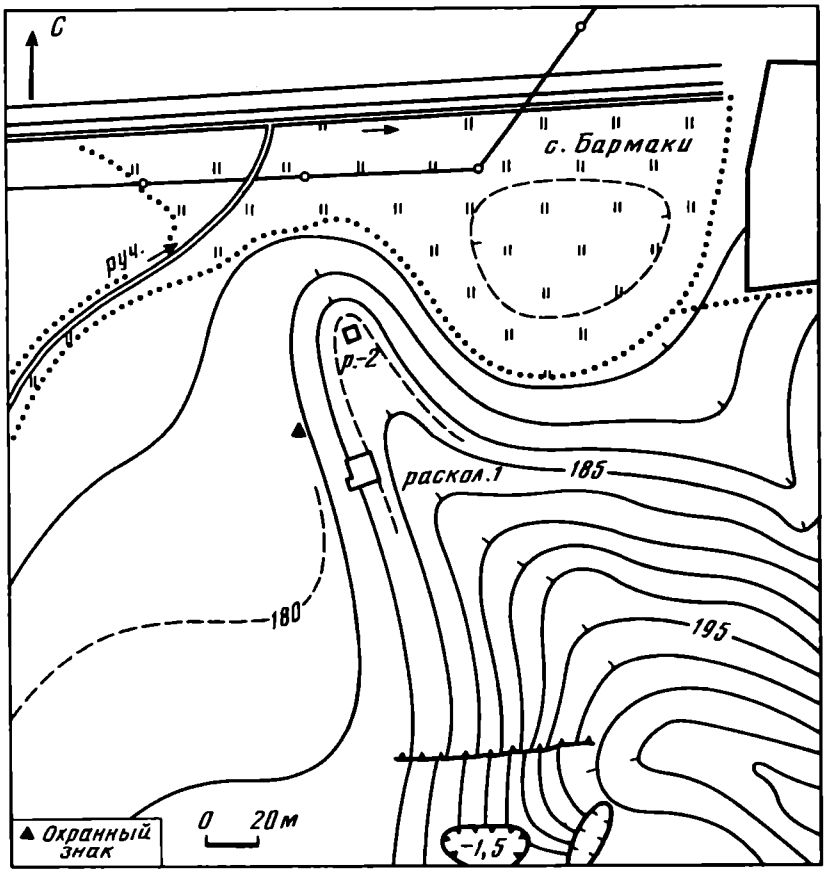


Рис. 1. План расположения позднепалеолитического поселения Ровно (Бармаки)

раскопу 1982 г., так как они не составлялись. Если культурный слой в раскопе 1982 г. унаследовал современный рельеф, понижаясь к подошве мыса, то в северо-восточной части раскопа 1990 г. наблюдается падение культурного слоя по направлению к концу мыса. По-видимому, во время существования культурного слоя конец мыса отделялся от остальной части поселения ложбинкой, о чем свидетельствует перепад гипсометрических отметок[1] подошвы культурного слоя в раскопах № 1 и 2, который составляет около 2 м, а может и более, если учесть тенденцию падения культурного слоя за пределы раскопа № 1. Ложбина затем была засыпана эоловой пылью.

Некоторые отщепы в раскопе 1990 г. залегали на разных глубинах над основным культурным слоем (рис. 2, разрез по линии IV–V). Так как суглинок имеет в основном эоловый генезис, то эти кремни вряд ли переотложены с более высоких точек мыса. Появление их можно объяснить неоднократным посещением территории поселения древними людьми.

В пределах раскопа № 1 выявлено несколько скоплений костей животных вместе с расщепленным кремнием и орудиями, а также с ископаемыми морскими раковинами моллюсков, которые в большинстве случаев имели искусственные отверстия. Культурный слой в этих скоплениях был окрашен красной охрой. Так выделяется скопление в квадратах Ж-К-13-15 и более крупное скопление в квадратах Н-С-9-15. В последнем скоплении было расчищено шесть (целых и в обломках) бивней, в основном молодых особей мамонтов, и еще два других бивня в стороне, три лопатки мамонтов, одна из которых имеет искусственное круглое отверстие. Найдены также обломки ребер мамонта, длинные кости, кости других животных. В квадрате 0-9 обнаружен

[1] Отметки в балтийской системе высот.

Таблица 1

Основные категории кремневых артефактов, желваков и обломков из раскопа № 1 поселения Ровно (Бармаки)

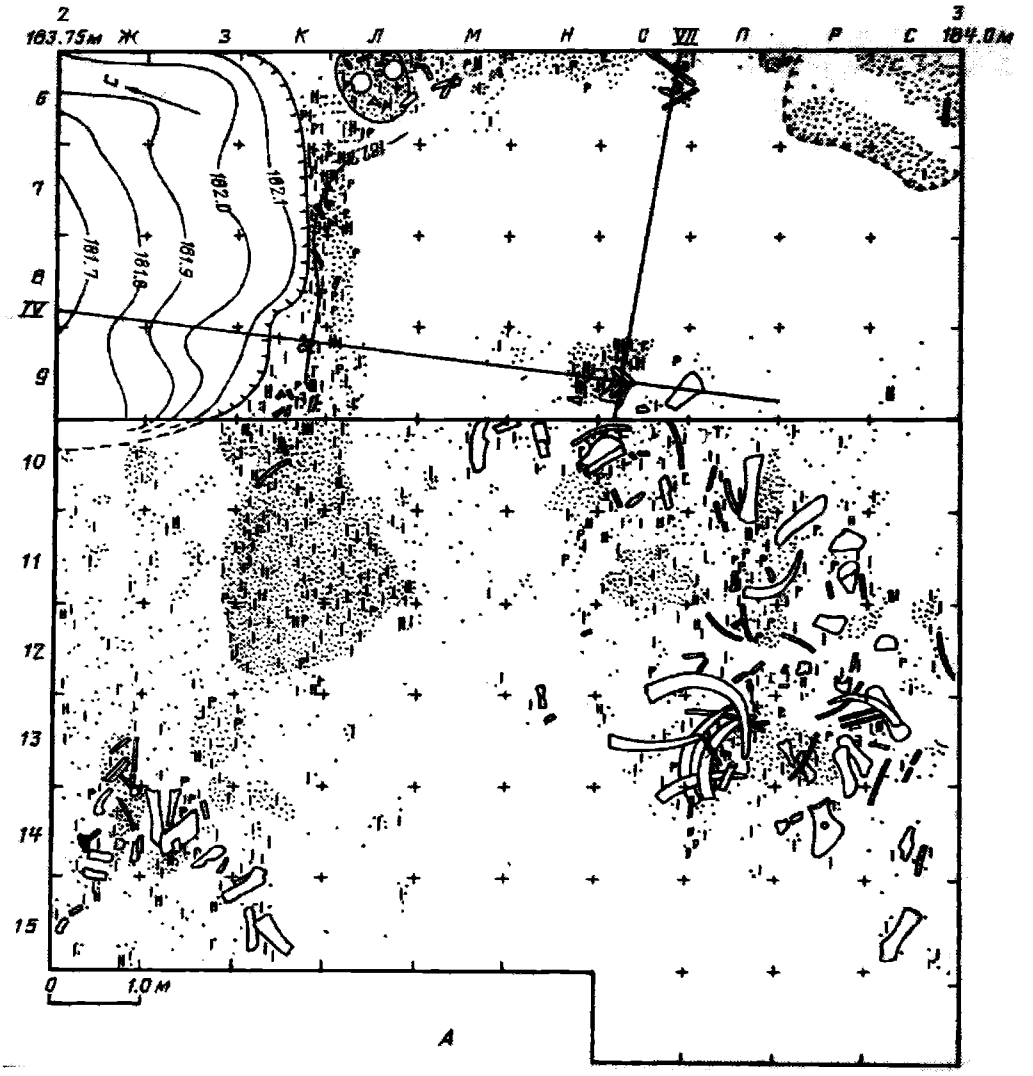
№ п.п.	Категории	Количество	% от общего количества предметов
1.	Желваки	44	0,3
2.	Обломки	207	1,2
3.	Нуклеусы	132	0,8
4.	Нуклевидные обломки	68	0,4
5.	Отщепы	4032	23,9
6.	Чешуйки	7223	43,0
7.	Пластины	2014	12,0
8.	Пластинки (ширина до 1,2 см)	1082	6,4
9.	Микропластинки (ширина до 0,7 см)	68	0,4
10.	Массивные продольные сколы нуклеусов	263	1,5
11.	Реберчатые краевые сколы	123	0,7
12.	Сколы оживления площадок	13	0,1
13.	Резцовые сколы	760	4,5
14.	Орудия с вторичной обработкой	804	4,8
Всего предметов		16 833	100

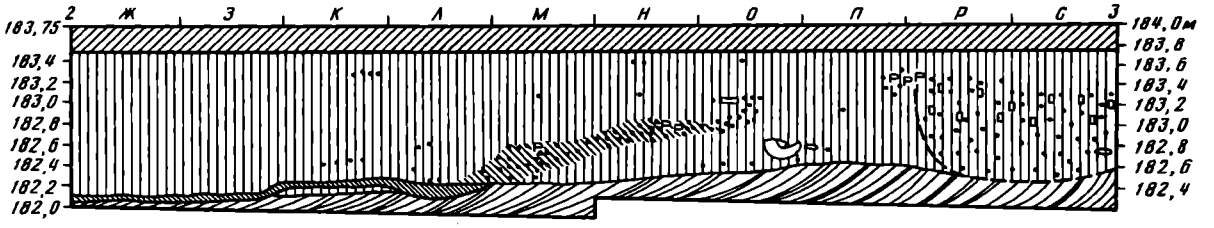
обломок крупной лопатки мамонта, который как бы прикрывал обрезанный конец бивня мамонта. Из этого же квадрата происходит алевролитовая плитка, которая использовалась как ретушер.

Скопление расщепленного кремня и орудий из него в квадратах К-Л-10-12 почти не содержало костей животных и не было окрашено охрой. К сожалению, неизвестна его мощность. Здесь найдено 66 различных кремневых орудий. Нуклеусов немного, мало и морских раковин. Это типичное место изготовления кремневых орудий. В квадратах М-С-6-7 расчищены краевые части каких-то скоплений находок, уходящих за пределы раскопа. Культурный слой здесь не окрашен, за исключением квадратов М-Н-6. Расщепленный кремень в квадрате Р-С-6 лежал, скорее всего, в яме (рис. 2, разрез по линии 2–3). В СВ стенке раскопа (линия квадратов С) частично расчищен череп (или его часть) молодой особи мамонта (разрез по линии 2–3).

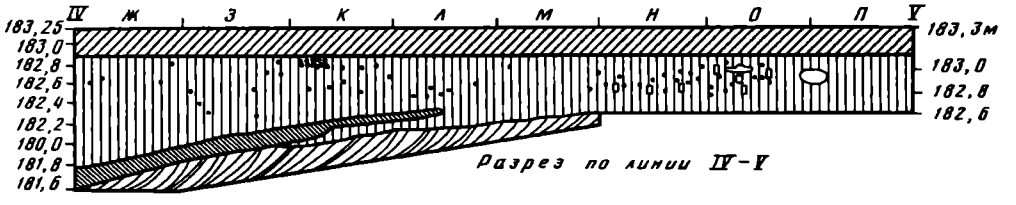
Особенно интересный объект выявлен в квадратах Ж-К-6-9. Это неглубокая яма с наклонным дном. Она раскопана лишь частично. Глубина ямы, судя по горизонталям (линия 2–IV), около 0,4 м. В раскопе 1982 г. яма не была выявлена, дно раскопа ее не достигло, так как на дне появился чистый лесс и не ожидалось падения культурного слоя в северо-западном направлении. Яма отделена от дна раскопа 1982 г. лессом мощностью до 0,2 м. Но нет причин считать, что яма относится к какому-то другому культурному слою. Об этом свидетельствует разрез по линии 2–3. Можно утверждать на основании выявленных фактов, что поселение существовало длительное время и что на его территории присутствуют как более ранние, так и более поздние объекты. С ямой связано скопление находок в квадратах К-Л-6-9. Это скопление тоже лежит ниже скопления в соседних квадратах раскопа 1982 г. В будущем нужно заново вскрыть и докопать часть квадратов раскопа 1982 г.

Культурный слой в яме и вблизи нее интенсивно окрашен красной охрой и имеет красновато-коричневый цвет. В яме и около нее найдено выше 10 тыс. кремневых артефактов – от 87 кремней вместе с орудиями в квартале 6-Ж до 1743 экз. в квадрате 7-К. Всего орудий 462 экз. В отдельных квадратах здесь находилось до 60 орудий из кремня. Кроме того, в яме найдено много костей животных. Все они разбиты и в большинстве случаев расколоты. Есть расколотые кости мамонта и более мелких животных, найдены челюсти песца или лисицы, очень маленький бивень молодого мамонтенка, много обломков ребер животных. Это в основном пищевые отбросы.

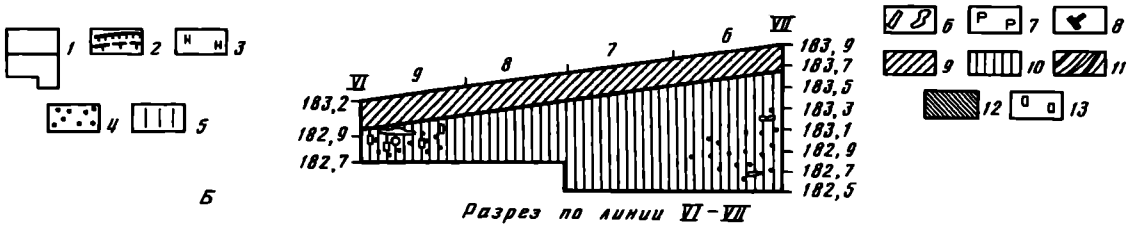




Разрез по линии 2–3



Разрез по линии IV–V



Разрез по линии VI–VII

Таблица 2

Кремневые орудия труда

№ п.п.	Категории	Количество	% от общего количества предметов
1.	Резцы	536	66,7
	боковые	250	
	срединные	97	
	угловые	89	
	двухконцевые	90	
	прочие	10	
2.	Скребки	58	7,2
3.	Скребки-резцы	8	7,2
4.	Острия со скошенным ретушью краем	96	11,9
5.	Срединные острия	16	2,0
6.	Пластины с симметричной выемкой на конце	7	0,9
7.	Пластины с пряморетушированным концом	3	0,4
8.	Пластины с краевой ретушью	21	2,6
9.	Микропластинки с притупленным краем	39	4,8
10.	Рубящие орудия	6	0,7
11.	Проколки	8	1,0
12.	Скребловидные орудия	3	0,4
13.	Отбойники	3	0,4
Всего орудий		804	100

Подавляющее большинство ископаемых раковин, найденных в раскопе, приурочено к яме и ее периферии – около 150 экз. Здесь часто попадались куски (иногда довольно крупные) красной, реже – желто-бурой охры и очень мелкие, выветрелые крупинки янтаря. Кремневые орудия в яме самые разнообразные. Только здесь встречены рубящие орудия. Найдено несколько обломков бивней мамонта со следами работы резцами. Интересен обрезанный с двух сторон цилиндрик из бивня мамонта. В яме обнаружен небольшой кусок базальта, встречены небольшие обломки песчаника и гнейса[2]. Яму мы рассматриваем как остатки жилища-мастерской, существовавшего в летнее время. Здесь выполнялись работы по обработке кремня, по изготовлению каких-то поделок из бивня мамонта и, возможно, кости и дерева, производились какие-то операции с камнем (песчаник, базальт, гнейс), янтарем, изготавливались бусы из ископаемых раковин.

В квадрате Л-6 расчищена небольшая ямка (рис. 2), где кроме всего прочего, найден кусочек янтаря.

На площади раскопа не обнаружено следов кострищ или очагов.

Кремневый инвентарь. Кремень, из которого изготавливались орудия, качественный, чаще черного, реже серого цвета. Он не патинирован. Голубоватая патина наблюдается в редких случаях. Кремневые желваки добывались из мела вблизи стоян-

[2] Изобразить на плане все находки из ямы технически невозможно, а изображение отдельных их категорий теряет смысл.

Рис. 2. Ровно (Бармаки). План раскола № 1 (*А*), разрезы части раскопа 1990 г. (*Б*). *1* – раскопы 1982 и 1990 г.; *2* – контуры ям, установленные и предполагаемые; *3* – нуклеусы; *4* – пластины, отщепы, чешуйки; *5* – кремневые орудия труда; *6* – кости животных; *7* – ископаемые морские раковины; *8* – молоток из рога северного оленя; *9* – современный почвенный слой; *10* – суглинок лессовидный неслоистый. Причерноморский (осташковский) горизонт; *11* – суглинок лессовидный, слоистый. Бугский (калининский) горизонт; *12* – окрашенный охрой культурный слой; *13* – крупинки красной охры

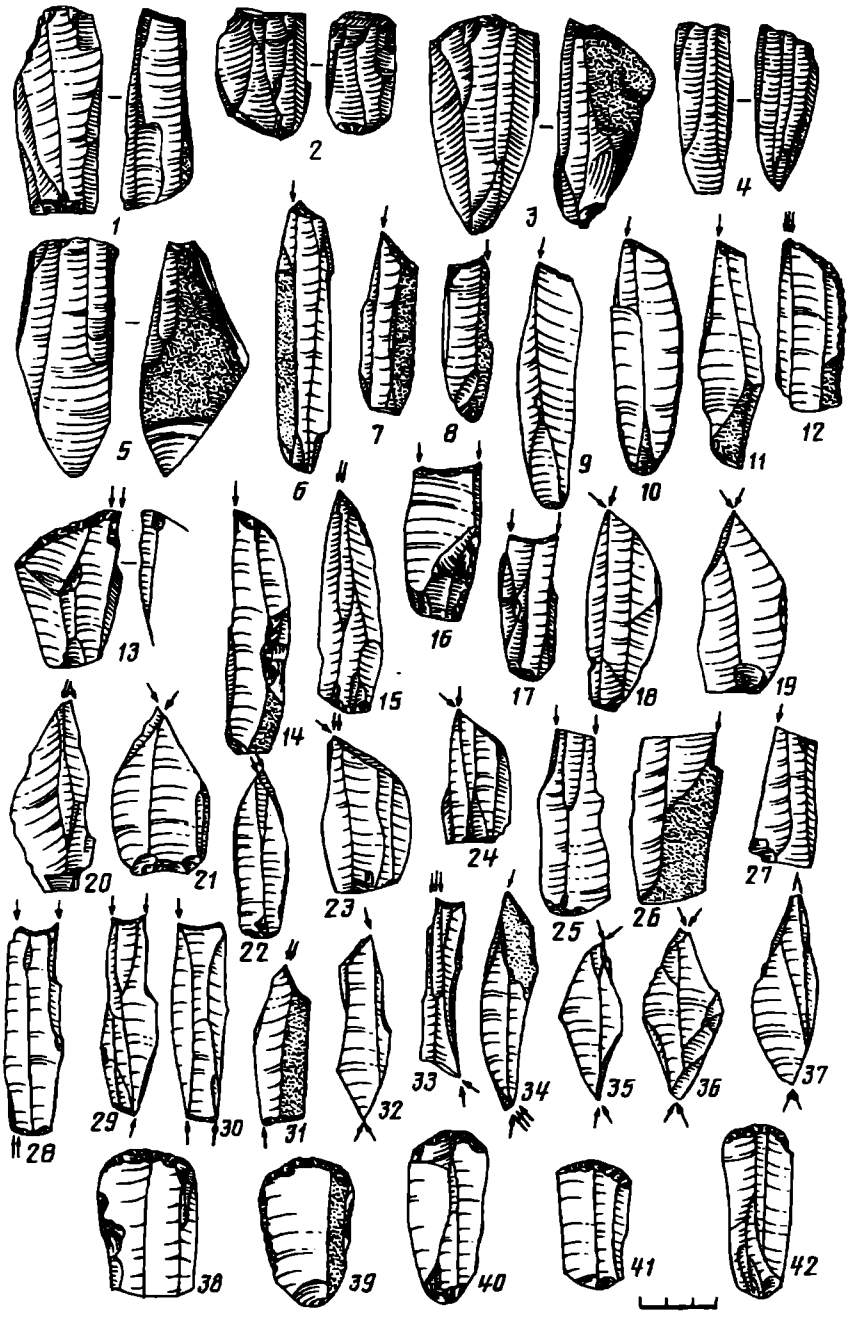


Рис. 3. Ровно (Бармаки). Нуклеусы, кремневые орудия труда из раскопа № 1

ки – по правому борту долины ручья и, возможно, на склонах правого борта балки. Обрабатывался он на поселении, о чем свидетельствует наличие опробованных несколькими ударами желваков (11 из них найдено в жилище и рядом с ним), нуклеусов и нуклевидных обломков.

Основные категории кремневых находок показаны в таблицах 1 и 2.

Нуклеусы – подпризматические, иногда косоплощадочные, с приостренным основанием (рис. 3, *1–5*). Имеется два сработанных уплощенных нуклеуса, подпирамидальный нуклеус. Площадки у подпризматических нуклеусов тоже нередко несколько скошены, часто подправлены дополнительными сколами. Двухплощадочных нуклеусов 42 экз. Есть небольшое количество аморфных (многоплощадочных) нуклеусов. Интересны три небольшие радиальные односторонние нуклевидные изделия мустьерских форм. Но они вряд ли использовались как нуклеусы, скорее всего – как

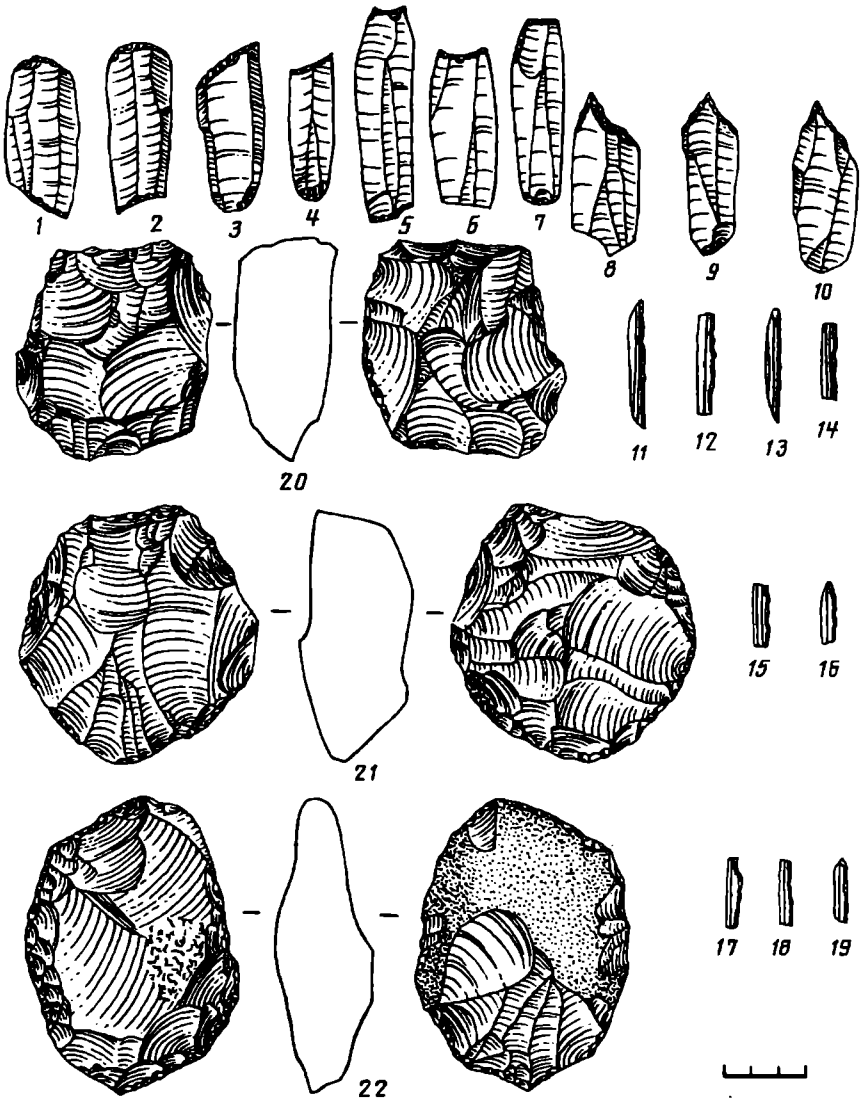


Рис. 4. Ровно (Бармаки). Кремневые орудия труда из раскопа № 1

клинья. Нуклеусы хорошего качества использовались до предела, сохранившаяся длина их обычно 6–8 см, иногда встречаются экземпляры до 10,5 см длиной.

Отщепы в основном являются отходами производства, хотя иногда из них изготавливались орудия. Чешуйки в коллекции преобладают. Имеются мельчайшие экземпляры. Нахождение их в пределах скоплений кремня указывает на хорошую сохранность культурного слоя. Пластины в основном правильной формы. Преобладают пластины (вместе с пластинками) длиной 4,5–8 см. Очень немногие превышают длину 12 см. Пластины имеют довольно прямой профиль, некоторые из них – следы использования в работе в виде выщербленности, затупленности. Довольно много более узких пластинок. Микропластинки имеют вид случайных снятий. Резцовых сколов больше самих резцов, что естественно.

Процент орудий относительно высок, если учесть наличие большого числа чешуек. Резцы решительно преобладают. Изготовлены они на пластинах, в редких случаях – на отщепах. Боковых резцов больше всего – 66,7% от суммы боковых, срединных и угловых. Преобладают косоретушные изделия: выемчато-косоретушные (рис. 3, *6–8*), прямо-косоретушные (рис. 3, *9–12*), слабо-выпукло-косоретушные (рис. 3, *13–15*). Небольшое количество двойных боковых резцов с выемчатым рабочим краем (рис. 3, *16*, *17*). Некоторые резцы имеют мелкую полукрутую ретушь боковых сторон, пред-

охраняющую руку от порезов (рис. 3, *12*). На одном резце встречен плоский резцовый скол (рис. 3, *13*). Намного меньше срединных резцов, у них иногда смещена ось отделения резцовых сколов (рис. 3, *18–24*). Имеется срединный резец с симметрично расположенной по отношению к длинной оси ретушированной выемкой на противоположном конце. На третьем месте по численности стоят угловые резцы на сломе пластины (рис. 3, *25–27*). Среди двухконцевых резцов также преобладают боковые рабочие элементы, причем боковые резцы комбинируются со срединными (рис. 3, *28–34*). Имеются двухконцевые срединные резцы (рис. 3, *35–37*). Есть небольшое количество нуклевидных резцов.

Скребки изготовлены на широких укороченных пластинах (рис. 3, *38–42*). Иногда они комбинируются с косоретушными остриями (рис. 4, *1*, *2*), редко с резцами.

Показательна группа косоретушированных острий (рис. 4, *3*, *4*). Эти режущие инструменты выполняли функцию резцов, а при затуплении режущего конца они легко превращались в типичные боковые резцы. Пластины с выемками на конце, симметричными по отношению к длинной оси орудия, служили заготовками для двойных выемчаторетушных резцов (рис. 4, *5*, *6*) (ср. с рис. 3, 16, *17*, *28–30*). Пластины с пряморетушированным концом (рис. 4, *7*) тоже служили заготовками боковых резцов. Их так же немного, как и резцов указанного типа. Острия и проколки типологически плохо различимы (рис. 3, *8–10*). Не исключено, что некоторые более крупные острия использовались как наконечники дротиков.

Небольшую группу представляют пластины с краевой ретушью.

Интересна немногочисленная пока группа рубящих орудий. Одно из них топоровидное (рис. 4, *20*), другое ничем не отличается от мустьерского нуклеуса. Оно имеет сильно забитую периферийную часть (рис. 4, *21*). Третье орудие тоже с хорошо выраженными следами работы. Изготовлено оно ядрищным приемом (рис. 4, *22*). Остальные рубящие орудия менее типичны. Поскольку эти орудия найдены в пределах жилища, то в данном случае они служили для разбивания и раскалывания костей животных, хотя могли использоваться и с иными целями.

И наконец – серия микропластинок с притупленным краем (рис. 4, *11–19*). Они найдены в разных местах раскопа, в жилище их обнаружено 19 экз. Некоторые из них имеют приостренный ретушью конец. Существуют различные мнения о назначении этих изделий, на которых останавливаться здесь не будем.

В целом для инвентаря характерно абсолютное преобладание среди орудий косоретушных боковых резцов на пластинах, меньшее количество срединных резцов, еще меньшее – угловых. Характерны косоретушные режущие острия, выполнявшие функцию резцов, и пластины с симметричной выемкой на конце. Характерен небольшой процент скребков на широких укороченных пластинах, наличие симметричных острий и проколок, рубящих орудий и микропластинок с притупленным краем. Другие особенности менее существенны.

Исходя из характеристики орудий труда из кремня, поселение Ровно (Бармаки) датируется раннемадленским временем.

Обработанные бивни мамонта, рог. В раскопе № 1 1982 г. найдено молоткообразное изделие из рога северного оленя. Такие находки обычны на позднепалеолитических памятниках. В раскопе 1990 г. обнаружен обрезанный на конус, а затем сломанный конец бивня мамонта. Другое изделие найдено в пределах жилища. Это обрезанный с двух сторон кусок бивня мамонта, имеющий длину около 8 см, со следами попытки выборки на одном конце внутренней части. На одном отщепленном куске бивня имеются довольно широкие и глубокие желобки, выбранные резцом. Более узкий желобок наблюдается на пластине из бивня. В шурфе 1981 г. обнаружена лопатка мамонта с многочисленными линейными следами истирания.

Некремневое минеральное сырье. В шурфе 1981 г. найдена разбитая наковаленка округлой в плане формы из мелкозернистого песчаника. Мелкие осколки песчаника обнаружены в пределах жилища. В раскопе 1990 г. найдена алевролитовая плитка,

Таблица 3

Фауна млекопитающих на поселении Ровно по материалам раскопа 1982 г.

Вид животного	Количество костей	Число особей
Мамонт	113	6
Северный олень	8	2
Волк	5	1
Лиса	7	2
Медведь	3	1
Заяц	14	6
Олень обыкновенный	22	3
Первобытная лошадь	5	1
Хищник неизученного вида	3	1

использовавшаяся как ретушер. Выходы протерозойских алевролитов известны в долине р. Горынь. Происхождение охры неизвестно. Представляется, что первоначально она была желто-бурой (собственно охристой). Красный цвет получали путем обжига на костре. Небольшой кусок выветрелового базальта происходит из долины р. Горынь, где у современного с. Деражно, на Полесье, известны выходы протерозойских базальтов – на расстоянии около 30 км по прямой от Бармаков. Кусочки гнейса происходят, скорее всего, из моренных ярусов палеогена с янтарем, два куска которого и мелкая россыпь выявлены в раскопе № 1 и один кусок – в раскопе № 2, известны в долине р. Горыни в Полесье около современого с. Бережница и ниже по течению. Расстояние до ровенского поселения по прямой составляет около 90 км.

Ископаемые морские раковины моллюсков. Всего на площади раскопа № 1 найдено около 200 ископаемых раковин, больше половины – в пределах жилища.

Подавляющее количество раковин относится к видам Nassa (Duplicata) corbiana Orb. (бывший род Buccinum) и Nassa supirabile Koles. Меньше встречено трохид – Gibbula sulcatopodolika Koles. Единичные экземпляры представлены створками Venerupis (Pelititapes) tricuspis Eichw. Раковины происходят из нижней части среднего сармата (миоцен), т.е. они местные. Определение раковин до рода и вида, а также определение их возраста проведены В.А. Присяжнюком (Институт геологических наук НАН Украины). Большинство раковин нассид имеют искусственные отверстия и использовались обитателями стоянки в составе ожерелий, возможно – браслетов, как отдельные подвески. У раковин трохид искусственные отверстия отмечены только в четырех случаях.

Фауна млекопитающих определена только по раскопу 1982 г. К.А. Тараниновым (кафедра зоологии Львовского медицинского института) (табл. 3). Всего найдено 208 костей, в том числе и бивней.

Сравним кремневые орудия ровенского поселения с орудиями расположенной примерно в 36 км, тоже в пределах Волынской возвышенности, стоянки Липа VI и с верхним культурным слоем Куличивки в Кременце (Подольская возвышенность). Обе стоянки раскапывались В.П. Савичем (Савич В.П., 1975, с. 32–36, 56–92). Культурные слои липы VI В.П. Савич датирует мадленским временем. Нижний, пятый, слой исследователь относит к раннемадленскому времени. Резцы этого слоя преобладают количественно над скребками. Всего их 35% от всех орудий. Больше всего угловых резцов, далее следуют срединные. Боковых всего 4 экз. Срединные резцы здесь главным образом на отщепах. Скребков 25%, что намного больше, чем в Росно. Больше скребков на отщепах. Имеются архаичные скребки высокой формы, округлых очертаний. Наблюдаются и другие отличия.

В четвертом слое Липы VI найдено всего четыре орудия.

В третьем слое резцы составляют 58,6%, но среди них больше всего срединных и угловых. Скребков 3,9%, они плохого качества. Найдено лишь две пластинки с притупленным краем.

Более поздние слои Липы VI здесь не рассматриваются, укажем лишь, что в слое два «а» имеется серия пластинок с притупленным краем, но это не показатель ни времени, ни культурной особенности.

В Липе VI отсутствуют ископаемые раковины и янтарь, что, конечно, не так существенно, как разница в наборе кремневых орудий. Орудия обеих стоянок не позволяют говорить о генетической связи Липы VI и ровенского поселения, хотя какие-то нижние слои Липы VI и культурный слой Ровно могли существовать одновременно.

В верхнем культурном слое стоянки Куличивка скребки преобладают количественно над резцами. Среди резцов, как и в Липе VI, больше всего угловых. Сказанного достаточно, чтобы видеть большую разницу между составом орудий верхнего слоя Куличивки и поселения в г. Ровно.

Нижний культурный слой Куличивки В.П. Савичем относится к ранней поре позднего палеолита.

Памятники Среднего и Верхнего Поднестровья нами не рассматриваются, но памятники мадленской поры Среднеднепровского бассейна представляют значительный интерес. И это прежде всего поселение Мезин (Шовкопляс И.Г., 1965). Как и в Бармаках, орудия в Мезине изготавливались из мелового качественного кремня. Нуклеусов в Мезине 0,5% от всех кремневых изделий, в Бармаках – 0,8%. Нуклеусы Мезина несколько отличаются от нуклеусов Бармаков. У большинства нуклеусов Мезина нижний конец сужен или конически заострен. Много таких нуклеусов и в Бармаках, но в Бармаках все же преобладают подпризматические нуклеусы. В отличие от Бармаков, в Мезине редко наблюдается подправка ударных площадок. Нуклеусы Мезина имеют несколько меньшую среднюю длину, чем в Бармаках, соответственно 3–6 и 6–8 см. Тут и там они сработаны, так как на обоих поселениях значительная часть орудий изготовлена на довольно крупных пластинах. Пластины Бармаков и Мезина имеют примерно одинаковую длину. Так, в Мезине пластины длиной больше 8 см столь же обычны, как мелкие и средние. Иногда длина их 9–10 см и более. Такие же размеры на обоих поселениях имеют многие орудия. И.Г. Шовкопляс отмечает, что наличие крупных пластин и орудий из них является характерным и для других раннемадленских стоянок Среднеднепровского бассейна – Кирилловская, Елисеевичи, Юдиново, Чулатово 1 (Шовкопляс И.Г., 1965).

Количество орудий из кремня в Мезине 3,9%, в Ровно – 4,8%, причем в Ровно в дальнейшем оно будет уточняться. Заготовками орудий на обоих поселениях в подавляющих случаях были пластины. Резцы на поселениях наиболее многочисленны – в Мезине их 59,2% от всех орудий, в Бармаках – 66,7%. Тут и там самые многочисленные боковые резцы: Мезин – 70,6% от общего количества резцов, Бармаки – 57,4%.

На обоих поселениях преобладают косоретушные боковые резцы, иногда имеющие мелкую боковую ретушь. В Мезине имеются боковые резцы, конец которых срезан более-менее прямо. В Бармаках такие резцы есть среди двухконцевых, а кроме того, встречены немногочисленные заготовки таких резцов. На этих поселениях немного боковых резцов с симметрично выемчатым верхним концом. В Ровно, кроме того, есть заготовки подобных резцов. К боковым резцам И.Г. Шовкопляс относит некоторые явно срединные типы со смещенной осью скалывания, тем самым несколько завышая процент боковых резцов. На обоих поселениях найдены двойные резцы и двухконцевые, среди которых преобладают боковые рабочие элементы, хотя есть срединные и угловые. Некоторые боковые резцы комбинируются со скребками, с режущими остриями.

Срединных резцов в Мезине меньше, чем в Бармаках – соответственно 9 и 22,2%, но напомним, что процент срединных резцов в Мезине, по нашему мнению, несколько занижен. Срединные резцы на этих поселениях сочетаются с боковыми резцами, в Мезине – со скребками. Наименьшая группа резцов на поселениях – угловые: Мезин – 7,6% от всех резцов, Бармаки – около 20,4%. Эти резцы бывают двойными или комбинируются тут и там с боковыми резцами.

Скребков в Мезине 14,6%, в Бармаках 7,2%. В Мезине они иногда изготавливались на пластинчатых отщепах, но чаще, как и в Ровно, на укороченных пластинах. В Мезине довольно много концевых скребков с прямым лезвием, тогда как в Бармаках найдено немного таких экземпляров, которые, как можно думать, являются заготовками боковых резцов. В Мезине найдены концевые скобели на пластинах. Найдены подобные изделия и в Бармаках, но мы считаем, что они служили заготовками боковых двойных выемчатых резцов. В Бармаках, на первый взгляд, нет скребков с косо расположенным лезвием. Эти инструменты И.Г. Шовкопляс называет боковыми скребками. Представляется, что некоторые из этих изделий служили заготовками боковых резцов, о чем пишет И.Г. Шовкопляс, тогда их можно отыскать и в Ровно среди некоторых косоретушных острий. Двойные скребки на поселениях очень редки. В Бармаках не обнаружены пластины с выемками на краях, которых в Мезине найдено 62 экз.

Режущие острия со скошенным ретушью краем типичны как для Мезина, где они составляют 9,4% от всех орудий, так и для ровенского поселения (11,9%). Эти орудия И.Г. Шовкопляс считает специфическими для стоянок мадленского времени Среднеднепровского бассейна.

Проколок в Ровно найдено мало. Они срединного типа, тогда как в Мезине немало проколок на углах пластин и отщепов.

Сближает материалы поселений наличие пластинок с притупленным ретушью краем, но такие пластинки известны на многих поселениях, как более ранних, так и на более поздних. Наконец, в Ровно и в Мезине имеются кремневые рубящие орудия.

Симметричные острия Бармаков похожи на некоторые пластины с боковой ретушью и с приостренным концом из Мезина.

Поселение Бармаки, возможно, несколько более позднее, чем Мезин, так как в Бармаках не найдены пластины с подтеской, известные в очень небольшом количестве в Мезине.

Таким образом, прослеживается значительное сходство кремневого инвентаря поселений Ровно (Бармаки) и Мезина, а иногда и почти полное тождество в наборе орудий, причем процентные соотношения в дальнейшем будут уточнены при раскопках Бармаков. Наблюдаются и некоторые различия (в проколках, в Ровно нет пластинок с боковыми выемками). Но известно, что нет двух даже однокультурных поселений с одинаковым набором орудий.

Интерес представляют и раковины морских моллюсков, встреченные только на этих двух поселениях в таких больших количествах. Но в Мезине не найден янтарь.

Какими бы ни были произведения искусства из бивней мамонта в Ровно, уже сейчас можно говорить, что Мезин и Ровно (Бармаки) относятся к одной Среднеднепровской культурной области, в которую И.Г. Шовкопляс включает близкие к Мезину по времени стоянки Супонево, Елисеевичи, Юдиново, Чулатово 1, Юревичи (верхний слой). Но среди них наиболее ранним поселением И.Г. Шовкопляс считает Мезин.

Поселение Ровно (Бармаки) находится территориально довольно далеко от основных однокультурных стоянок и поселений Среднеднепровского бассейна. Поэтому не исключено, что имело место переселение какой-то группы людей на запад, на Волынскую возвышенность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Савич В.П., 1975. Пізньопалеолітичне населения Південно-Західної Волині. Київ.
Шовкопляс И.Г., 1965. Мезинская стоянка. Киев.

Ровенская геологоразведочная
экспедиция, ГГП «Севукргеология»

V.K. PYASETSKY

FIRST EXCAVATIONS OF THE LATE PALAEOLITHIC SITE ROVNO (BARMAKI)

Summary

The settlement was discovered by the author in 1981. During 1982 and 1990 about 120 sq. m has been excavated there by two cuttings. Animal bones, mammoth ivory, flint implements as well as minerals – sandstone, basalt, gneiss, ochre and amber were found during excavations. Among them unfinished implements from mammuth ivory, shells of the fossilized sea molluscs with artificial holes (part of neckless) were discovered also. For flint industry the tools of rather large dimentions and domination of burins are very characterized. Burins are represented by the tools of backed and oblique retouched truncation, the burins of straight and angle dihedrial types are in small percentage. Sometimes it is double ended tools. Scrapers were found in small quantity and made from large truncated blades. Obliquly truncated points and symmetrically end-notched blades (blanks for burins) are widespreaded. This complex added by awls, cutting tools and bucked bladelets. The flint complex shows a close similarity to the famous site Mezin. It should be concluded the same culture unity of the sites Rovno and Mezin.

В.А. БОРЗУНОВ

ГОРОДИЩЕ АЛТЕН-ТАУ И ПРОБЛЕМА РЕКОНСТРУКЦИИ АНАНЬИНСКИХ ФОРТИФИКАЦИЙ

Прошло более 135 лет со дня раскопок П.В. Алабиным и И.В. Шишкиным Ананьинского могильника (1858 г.) и столетие со времени выхода в свет работы А.А. Спицына, посвященной анализу культуры, впоследствии получившей название ананьинской – одной из первых, открытых российскими археологами (1893 г.) (Алабин П.В., 1860; Збруева А.В., 1952, с. 9; 1954, с. 98; Спицын А.А., 1893). Между тем ряд основных характеристик этой культуры, включая общий облик укрепленных поселений и их фортификаций, до сих пор остается дискуссионным.

В конце 70-х – начале 80-х годов в противоположность общепринятому представлению о характере и значении ананьинских оборонительных систем (Генинг В.Ф., 1959, с. 176; Збруева А.В., 1952, с. 23; 1954, с. 106) В.А. Ивановым было высказано оригинальное, хотя и крайне спорное суждение о слабой укрепленности ананьинских городищ и об отсутствии у них оборонительных стен (Иванов В.А., 1982, с. 35–37). В качестве основного аргумента им были приведены результаты исследований пяти фортификаций раннего железного века в низовьях р. Белой (Иванов В.А., 1978, с. 167–173). Однако методика их раскопок, с точки зрения современной науки, вряд ли может быть призвана удовлетворительной, а относительная локальность работ и тогда не позволяла перенести полученные данные на всю ананьинскую культурно-историческую общность. Валы и рвы бельских поселений исследовались В.А. Ивановым устаревшим и малоинформативным методом закладки узких (1,5–2 м) поперечных траншей, т.е. способом, пригодным, пожалуй, только для самой общей и не всегда верной характеристики памятника. При этом вскрывалось не более 8% общей протяженности вала и 2% периметра городища. Края мысов и террас, как правило, не изучались. В дальнейшем список раскопанных ананьинских фортификаций был расширен за счет привлечения материалов других исследователей. Вместе с тем и в этом случае были использованы только данные, полученные путем закладки разведочных траншей, что не изменило общего представления В.А. Иванова об ананьинских укреплениях (Иванов В.А., 1984, с. 41–52). Отсутствие – по версии этого исследователя – на ананьинских городищах защитных систем казалось нам еще более удивительным явлением при учете того, что у ближайших соседей ананьинских племен и населения более удаленных от Приуралья территорий (культуры скифской периферии, городецкая, дьяковская, гамаюнская, иткульская, гороховская, воробьевская, баитовская, саргатская и др.) фортификации были довольно многочисленны и разнообразны.

Раскопки оборонительных линий городищ, проведенные относительно большими площадями в различных районах ананьинской общности, позволили выявить в валах остатки частоколов и бревенчатых стен, т.е. сооружений, вполне пригодных для защиты населения лесного поселка от враждебного окружения в условиях постоянных межобщинных и межплеменных столкновений (городища Богородское, Буйское, Гремячий Ключ, Черепашье и др. – исследования В.Е. Стоянова, Л.И. Ашихминой, В.Н. Маркова). Кроме того, самим В.А. Ивановым были зафиксированы следы

© В.А. Борзунов, 1997 г.

частокола во внешнем валу Трикольского городища на р. Белой (Иванов В.А., 1978, с. 51, рис. 14, 7). Остатками многорядной бревенчатой либо частокольной защитной конструкции позднеананьинского или раннепьяноборского времени, а не просто следами бревен, положенных в основание вала (Иванов В.А., 1978, с. 173, рис. 4,2), являются, по нашему мнению, три неглубокие и узкие параллельные канавки, открытые тем же археологом под кольцевой насыпью городища Петер-Тау (Юлдашевское) в низовьях Белой. О достаточно высоком уровне фортификационного строительства и постоянном совершенствовании оборонительных систем свидетельствуют материалы одного из основных ананьинских памятников Среднего Прикамья – городища Алтен-Тау. Здесь вскрыта почти половина протяженности (65 м) оборонительного вала и серия участков вдоль края террасы, что составляет треть периметра всего поселения. На сегодняшний день – это наиболее полно и детально исследованная ананьинская оборонительная линия.

Общая характеристика памятника. Городище Алтен-Тау (Алтентау, Алтын-Тау – дословно "Золотая Гора") находится в 35 км к юго-западу от центра г. Перми и 300 м к востоку – юго-востоку от южной окраины д. Баш-Култаево. Оно занимает холм высотой 3 м, расположенный на мысовидном выступе правой коренной террасы р. Нижней Мулянки (левый приток Камы). Общая высота террасы в этом месте 50 м. С северной и восточной сторон поселение ограничено полукольцевым валом, идущим по краю холма, с южной – продолжением того же вала и оврагом, с западной – краем террасы. Длина вала около 160 м. Площадь памятника 4800 м^2. Вал в ряде мест прорезан могилами заброшенного мусульманского кладбища. С восточной стороны к городищу почти вплотную примыкают проселочная дорога и поле (рис. 1).

Памятник был известен археологам еще с конца XIX в. (Вечтомов А.Д., 1967, с. 133). Повторно он был обследован в 1951 г. В.Ф. Генингом в связи с охранными работами в зоне Камской (Воткинской) ГЭС. Тогда же был снят первый топографический план городища (рис. 1,*а*). В 1958 г. Е.Н. Черных заложил в западной части поселения у края террасы два смежных раскопа (I, II) и от них – поперек городищенской площадки и вала – траншею шириной 2 м (III). Всего было исследовано 282 м^2 площади культурного слоя. На поселении были вскрыты остатки разновременных очагов, связанных с жилыми площадками или наземными жилищами. Границы построек установить не удалось. Вал, по мнению исследователя, насыпался дважды. Об этом свидетельствовали различие напластований, планиграфии и параметров насыпей, а также тонкая глинистая прослойка между ними. Последняя прослеживалась под почвенным слоем на всей площади поселения. Фундаментом раннего вала Е.Н. Черных считал два ряда неошкуренных бревен, положенных рядом со рвом и ориентированных параллельно ему. Перестройка обороны объяснялась обветшанием ранней фортификации. Детальный статистико-типологический и технологический анализ керамики, распределение ее по глубинам позволили исследователю проследить постепенную трансформацию ананьинской посуды в гляденовскую. В процессе раскопок собран богатый вещевой и остеологический материал (Черных Е.Н., 1959). Последний был проанализирован В.И. Цалкиным (Цалкин В.И., 1962, с. 7, 77, 78, приложение № 10; Черных Е.Н., 1959, с. 162). Впоследствии эти данные вошли в сводки Е.Г. Андреевой и А.Г. Петренко (Андреева Е.Г., Петренко А.Г., 1976, с. 141–146; Петренко А.Г., 1984, с. 14, 123–129). В 1959 г. раскопки Алтен-Тау продолжил В.Ф. Генинг, но полные результаты его работ не были опубликованы.

Два десятилетия спустя колхозники д. Баш-Култаево бульдозером углубили и расширили старый раскоп для устройства силосной ямы. Вмешательство свердловских археологов, обследовавших трассу нефтепровода Сургут – Полоцк, предотвратило разрушение памятника. В 1980–1982 гг. Пермским отрядом экспедиции Уральского университета под руководством автора статьи на городище были проведены новые исследования. Основными задачами их являлись изучение фортификаций, уточнение конструкции жилищ и периодизации памятника. Для этого раскопами V–VII (737 м^2) были вскрыты южная половина вала – от траншей Е.Н. Черныха до юго-западного

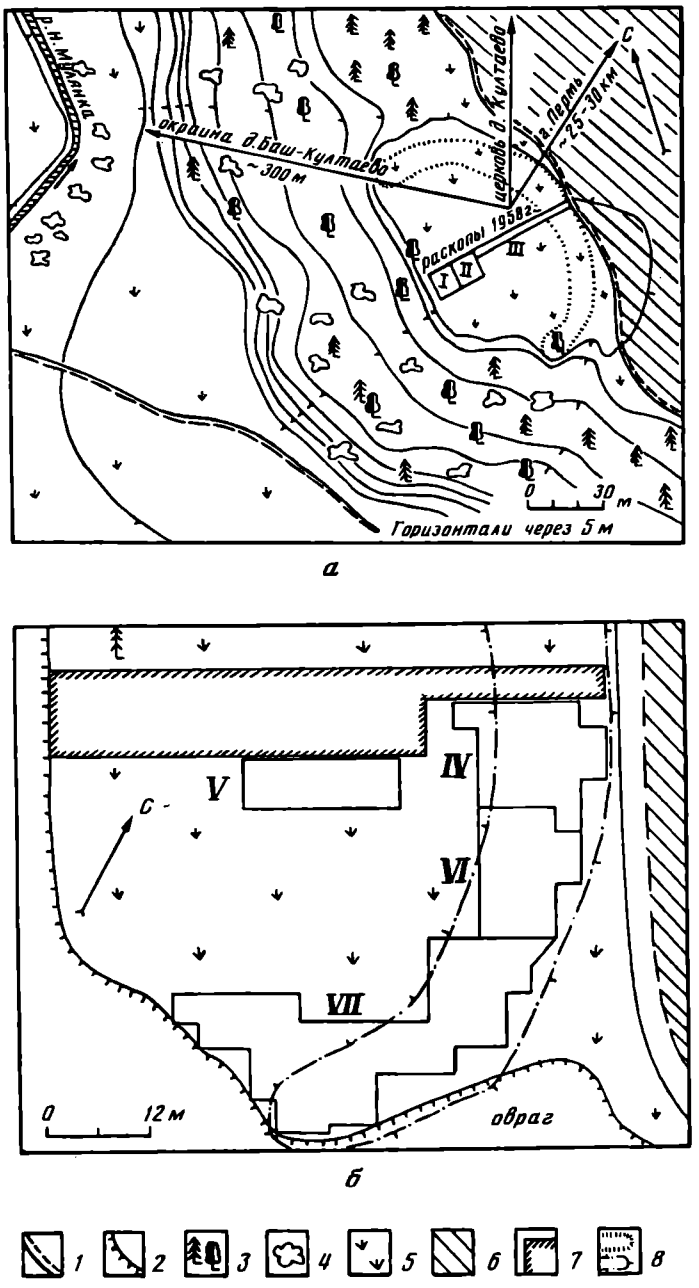


Рис. 1. Городище Алтен-Тау. Планы памятника и раскопов: *а* – топографический план памятника (в основе – план Неприной 1951 г.); *б* – план расположения раскопов IV–VII (1980–1982 гг.). *1* – проселочная дорога; *2* – современный край террасы; *3* – деревья, лес; *4* – кусты; *5* – луг; *6* – пашня; *7* – силосная траншея на месте раскопов Е.Н. Черныха и В.Ф. Генинга; *8* – вал

угла городища – и серия участков у края террасы. Небольшим раскопом IV (108 м^2), заложенным у южного края силосной ямы, исследован центр поселения (рис. 1,*б*). Раскопки памятника проводились по общепринятой методике, скорректированной автором в ходе работ на городищах лесного Зауралья и Западной Сибири. Вскрытие велось участками 3×3 м, условными горизонтами по 5–10 см, первоначально параллельно поверхности, затем – по выявленным слоям с последующей зачисткой на каждом вскрытом уровне. Нижний слой плотной погребенной почвы разбирался ножами. Глубины находок и границ объектов на планах фиксировались от уровня поверхности и от условного "нуля" – высшей точки городища (между уч. И-3/14) (рис. 2).

Проведенные полевые исследования, в первую очередь участков вала, уточнили стратиграфию памятника, выявили новые культурные горизонты, а главное – коли-

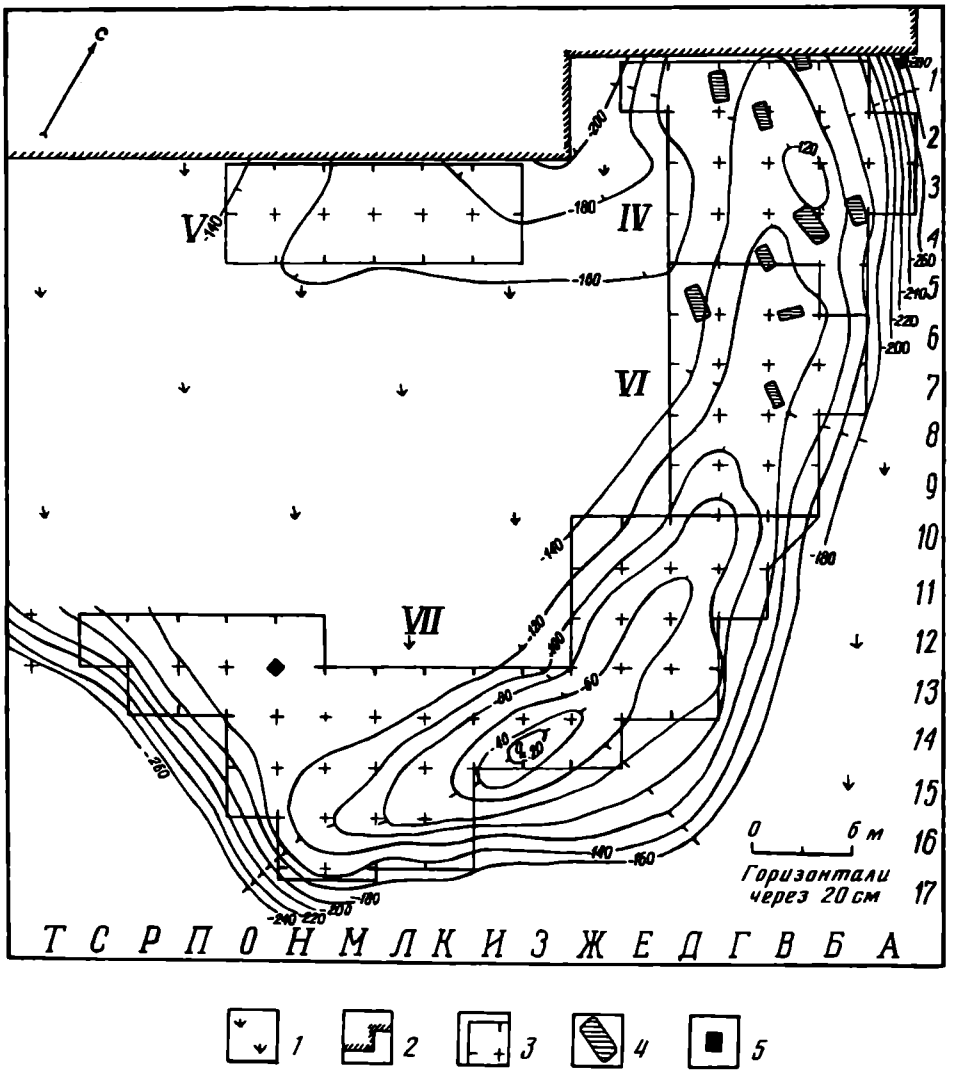


Рис. 2. Городище Алтен-Тау. Топографический план южной части памятника (съемка автора). *1* – луг; *2* – край силосной траншеи; *3* – границы раскопов и участков; *4* – могильная яма мусульманского кладбища; *5* – старый шурф

чество, типы и причины перестроек оборонительных систем. Качественно новой информации о жилищах получить не удалось.

Наиболее сложной – по типу "слоеного пирога" – являлась система культурных напластований на участках вала (рис. 3). Верхний горизонт, состоящий из покрытого дерном черного подзола (мощностью от 5 до 20 см) с обломками ананьинско-гляденовских сосудов[1], вероятно, был связан с периодом неукрепленного поселения. Между подзолом и остатками фортификаций раннего железного века (а не между нижним и верхним валами, как отмечал Е.Н. Черных) залегала стерильная прослойка буро-бордового суглинка (до 35 см). В отдельных местах на вершине позднего вала она выклинивалась. Ниже следовали три (а не два, как считалось ранее) горизонта разрушенных позднеананьинских оборонительных систем (90–120 см)[2]. При этом два верхних горизонта (ранний и поздний валы) представлены четырьмя – шестью слоями и прослойками, отмечающими этапы сооружения, функционирования и разрушения

[1] Подробный анализ ананьинских материалов городища Алтен-Тау из раскопок автора будет представлен в очередном номере данного журнала.

[2] К этому заключению автор пришел только во время работ 1981 г. на раскопе VI; правильность его была подтверждена исследованиями 1982 г. на раскопе VII.

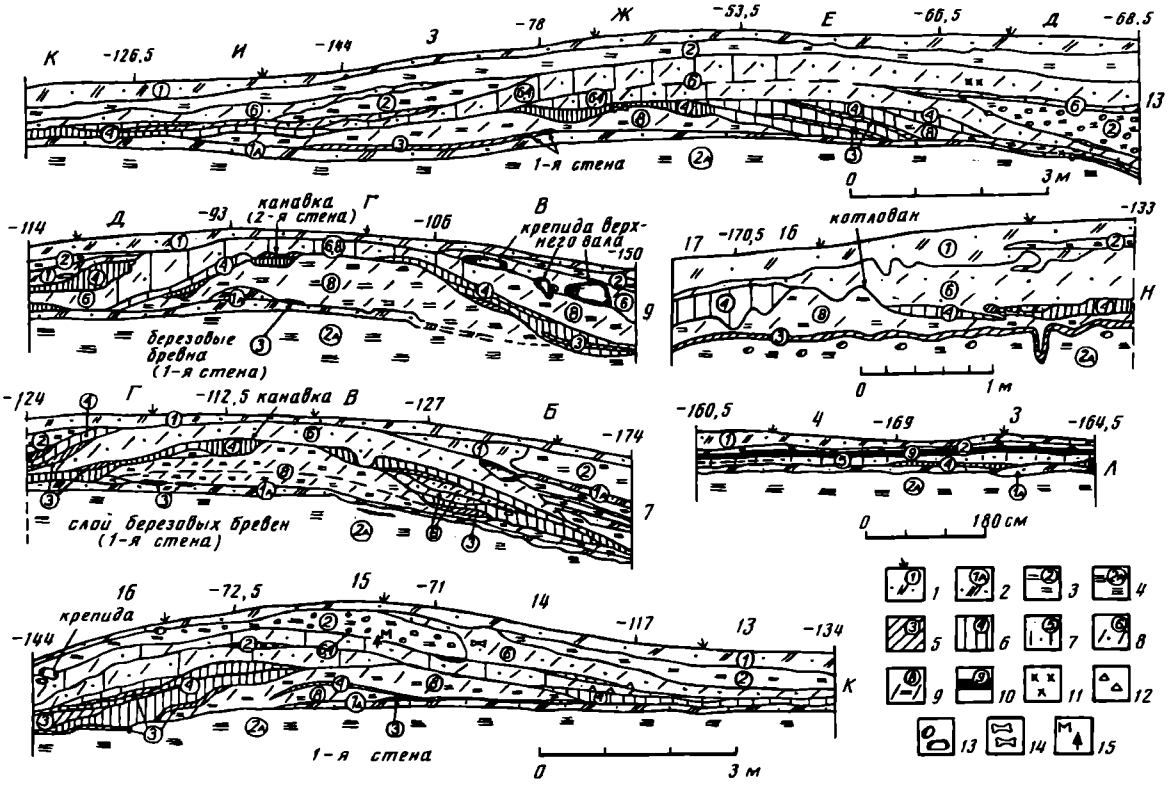


Рис. 3. Городище Алтен-Тау. Разрезы слоев вала и поселенческой площадки. *1* – черный подзол; *2* – плотный нижний темно-серый суглинок (погребенная почва); *3* – красно-бурый суглинок; *4* – материковая буро-бордовая глина; *5* – черный углистый суглинок; *6* – красный, оранжевый и розовый прокаленный суглинок; *7* – светло-серый прокаленный суглинок; *8* – светло-коричневый и светло-серый суглинок (горизонт позднего вала – третьей оборонительной системы); *9* – буро-бордовый суглинок (горизонт нижнего вала – второй оборонительной системы); *10* – темно-серый суглинок с кусочками обожженной глины; *11* – угли; *12* – керамика; *13* – камни; *14* – кости животных; *15* – медный (бронзовый) наконечник стрелы

фортификаций. В них была сосредоточена основная масса археологических материалов, собранных на памятнике. Нижний горизонт представлял собой остатки обугленных бревен ранней, также ананьинской, оборонительной стены, первоначально принятой за настил из бревен. Под остатками оборонительных сооружений выявлен слой погребенной почвы – плотного темно-серого суглинка мощностью до 15 см – с редкими мезолитическими микролитами. Его подстилала материковая красная глина, из которой сложена терраса. Общая мощность культурных напластований на валу достигала 110–200 см, количество слоев и прослоек на разных участках колебалось от 7 до 11.

Стратиграфия поселенческой площадки более проста (рис. 3). Под черным подзолом (15–30 см) залегала ранее упомянутая стерильная прослойка красно-бурого суглинка (3–35 см). Она перекрывала слой суглинка иной цветности (3–20 см): в центре поселения – темно-серого с кусочками обожженной глины, на южной периферии – прокаленного светло-коричневого или серого, синхронного периоду поздней фортификации. Ниже следовал слой светло-серого (местами белого или розоватого) суглинка (4–15 см), соответствовавший периоду второй фортификации с ранним (нижним) валом. В основании залегали погребенная почва – плотный темно-серый суглинок (10–15 см) – и материковая глина. Общая мощность культурных слоев на поселении составляла от 40 до 80 см.

Остатки мезолитической стоянки открыты у юго-восточного и южного краев холма. Высота его в эпоху камня была небольшая (1,5–2 м), поверхность относительно ровная и горизонтальная. Немногочисленные изделия из камня и отходы камнеобрабатывающего производства эпохи мезолита (20 экз.) залегали у поверх-

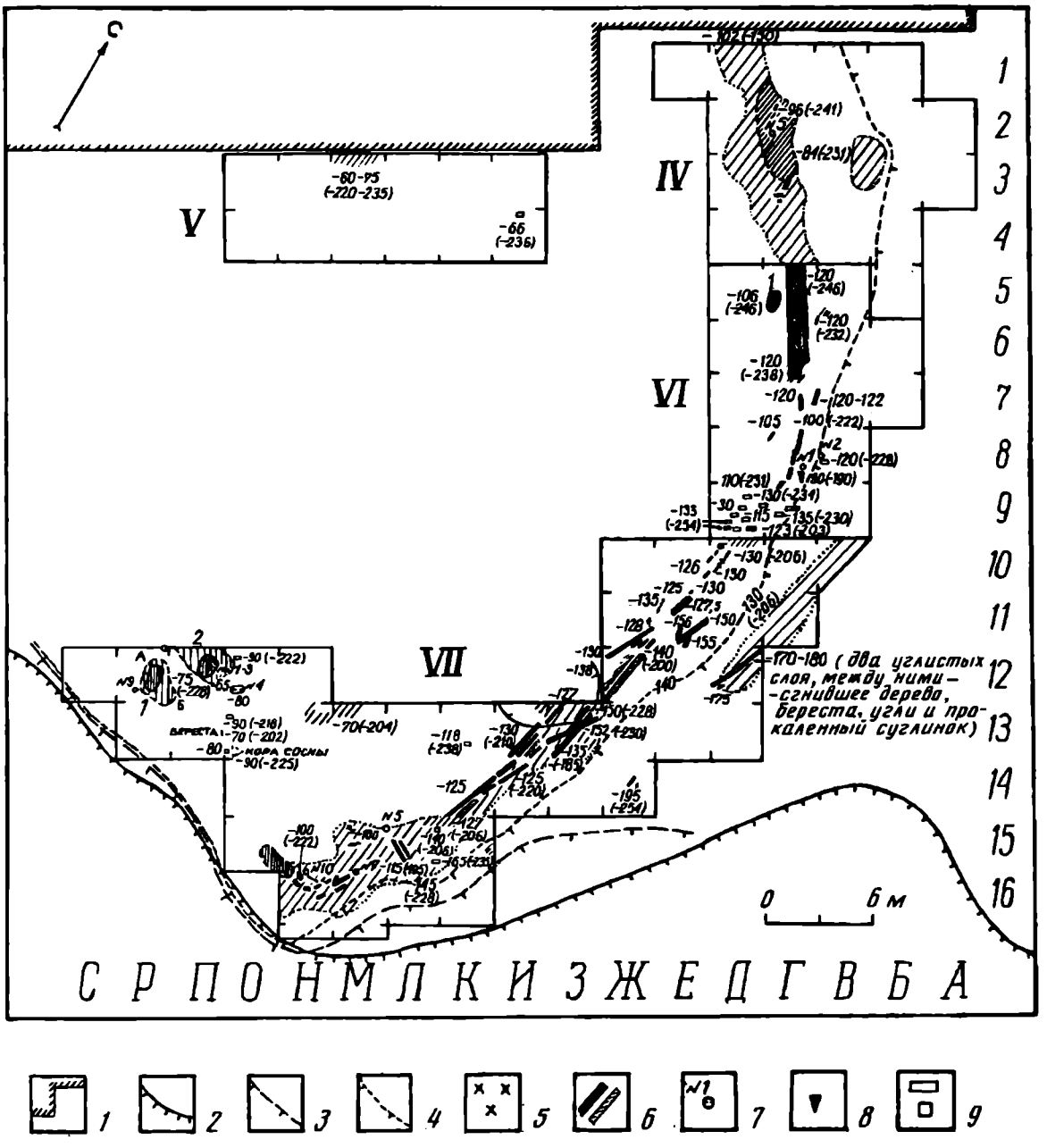


Рис. 4. Городище Алтен-Тау. Раскопы IV–VII. Горизонты мезолитической стоянки и первой (ранней) ананьинской оборонительной системы. *1* – край силосной траншеи; *2* – современный край террасы; *3* – древний край террасы; *4* – край древнего холма; *5* – угли; *6* – остатки обугленных бревен первой (ранней) оборонительной стены; *7* – ямка от столба; *8* – нуклеус; *9* – каменные пластинки и отщепы. *Примечание*: глубины на рис. 2–8 указаны в сантиметрах от современной поверхности, в скобках (на планах) – в сантиметрах от условного "нуля"

ности и в средней части слоя погребенной почвы, на глубине[3] 66–135 (–190–238) см. Две пластинки и один отщеп найдены в переотложенном состоянии – в заполнении вала, на глубине 30–60 (–151–160) см (уч. Г/8, Д/9). Более половины находок (14 экз.) концентрировалось на уч. В–Г/8, Г–Д/9, приблизительно в 16 м к северу от древнего края оврага. Одна пластинка найдена близ центра холма (уч. И/4), остальные предметы – в 3–10 м от оконечности мысовидного выступа террасы (уч. О/12–13, Л/15,

[3] Здесь и далее в тексте глубины даны от современной поверхности, в скобках – от условного "нуля".

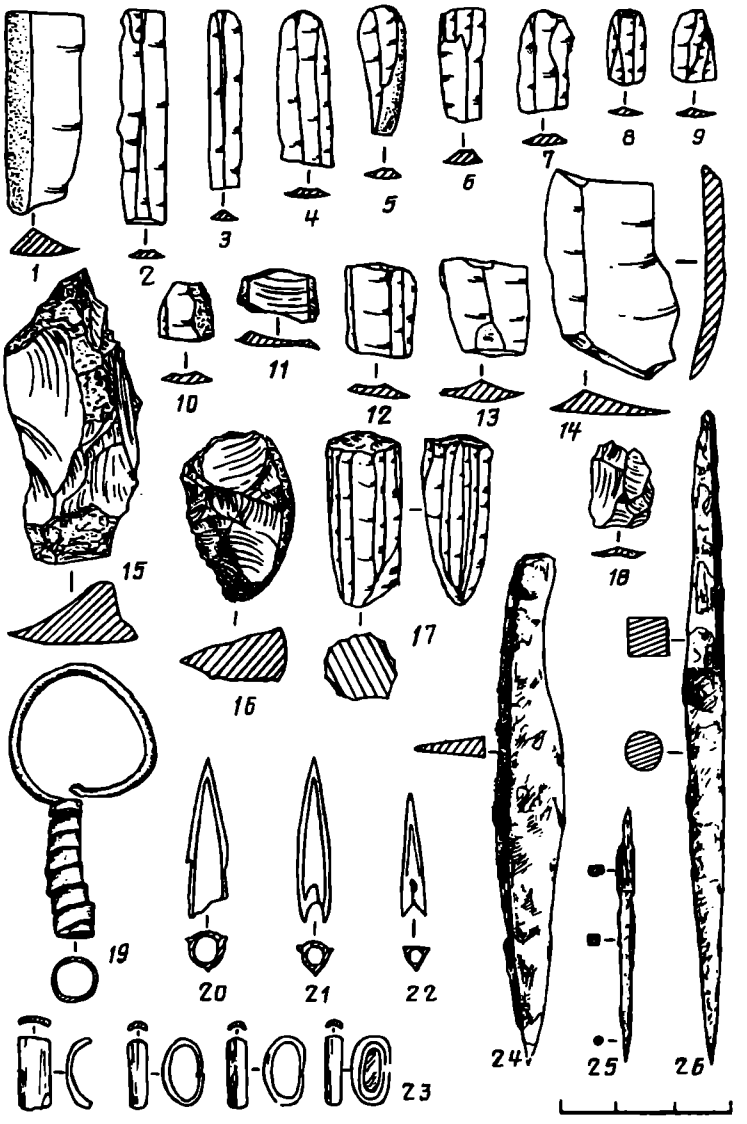


Рис. 5. Городище Алтен-Тау. Мезолитические изделия из камня (*1–18*), ананьинские изделия из бронзы (*19–23*) и железа (*24–26*)

К/13) (рис. 4). На уч. О/12 на одном уровне с кремневым отщепом открыты остатки овального в плане углубления (60×40×7 см), возможно, очажка. Оно выкопано в слое плотной материковой глины и заполнено темным углистым суглинком. Не исключена связь этого объекта со стоянкой.

Каменный инвентарь представлен нуклеусом (рис. 5,*17*), сечениями пластин (2 экз.; рис. 5,*2, 6*), обломками пластин (2 экз.; рис. 5,*11, 13*), проксимальными и дистальными частями пластин (12 экз.; рис. 5, *3–5, 7–10, 12, 14*), а также крупными и мелкими отщепами, в том числе сколом с площадки нуклеуса (рис. 5, *18*)[4]. Основная часть комплекса отличается микролитичностью и преобладанием пластин над отщепами (16:6). Нуклеус конический, размерами 28×12×11 мм; на поверхности его фиксируется 10 боковых граней шириной 1,5–8 мм и 2 мелких скола. Пластинки варьируются от длинных узких до коротких узких и широких. Размеры их: 9–35×6–21×1–3,5 мм, в среднем 21,2×10,7×2 мм. Соотношение ширины и длины пластин – от 0,2 до 1,56, в среднем 0,48. Изделия и отходы происходят как минимум от 10 желваков. Сырьем для

[4] Автор выражает благодарность Л.Л. Косинской, А.Ф. Мельничуку, А.А. Погодину и Ю.Б. Серикову за определение каменного инвентаря стоянки и консультации.

производства орудий служили черный полупрозрачный кремень (рис. 5, *2, 17*), сургучная яшма (рис. 5,*12*), полихромная – коричневая и серо-зеленая – яшмовидная порода (рис. 5,*13*), черный, серый, серо-зеленый и коричневый с желтой желвачной коркой кремень (рис. 5, *9–11, 14–16, 18*), серо-зеленая и темно-серая кремнистая порода (рис. 5, *1, 3–8*). Концентрация большей части находок на относительно небольшом пространстве, наличие нуклеуса и отщепов указывают на возможность изготовления орудий на холме, возможно, в пределах какого-то легкого каркасного сооружения (уч. В–Д/8–9). Малое же количество отщепов и других отходов камнеобработки, залегание их отдельно от готовых изделий свидетельствует о том, что большая часть пластин находилась в переотложенном состоянии и была изготовлена где-то на стороне, вне мест их находок. В целом большинство орудий и сколов представляет собой отбросы, негодные для дальнейшего использования по прямому назначению. О точной датировке памятника при таком ограниченном и ущербном составе комплекса каменных артефактов говорить не приходится. Тем не менее, по оценке А.Ф. Мельничука, данный состав орудий имеет определенные черты сходства с изделиями открытой О.Н. Бадером стоянки Нижнее Адищево (Нижнеадищевской) (Бадер О.Н., 1966), которую одни исследователи относят ныне ко второй (поздней) хронологической стадии мезолитических памятников Приуралья (Мельничук А.Ф., 1989, с. 248), другие, наоборот, – к ранней (Старков В.Ф., 1989, с. 125–127).

Горизонт первой (ранней) ананьинской фортификации прослеживался по остаткам обугленных бревен, расчищенным на поверхности древней погребенной почвы, и по редким очажным пятнам, резко выделявшимся по цветности на фоне окружавшего их темно-серого суглинка (рис. 4). Глубина залегания бревен 100–130 (–185–246) см, глубина фиксации поверхности очагов 65–75 (–222–228) см. К этому же времени относятся материалы, найденные в нижней насыпи вала, в том числе на склонах холма. Несколько мелких косточек волка[5], извлеченных из-под бревен на уч. Г/6 (рис. 4; 6,*а*), интерпретируются неоднозначно. Эти находки могли быть следами небольшой охотничьей стоянки, существовавшей на холме незадолго до возведения первой оборонительной системы, либо частью остеологических остатков раннего городища, попавших под бревна после сожжения первой стены. Фактов залегания ананьинских орудий труда, керамики и других предметов под слоем обугленных бревен не отмечено, поэтому второй вариант нам представляется более предпочтительным. Связь же данных костей с мезолитической эпохой исключена по многим причинам: отсутствию условий для их консервации на открытых мезолитических стоянках, поздним обликом костей, их сходством с ананьинскими и т.д.

Сплющенные под давлением грунта обугленные бревна и их остатки – различной мощности и насыщенности углистые слои шириной 12–40 см, длиной от 0,3 до 6,3 м – залегали в основном в пределах широкой (0,5–3 м) углистой полосы, повторявшей с некоторыми отклонениями верхнюю границу холма. Основная масса бревен была сориентирована продольно этой полосе. Некоторые из них располагались двумя-тремя параллельными рядами (уч. И–К/14, Г/5–7). Другие обломки перекрывали друг друга и находились под углом к центральной оси углистой полосы. У оконечности мысовидного выступа (уч. О–Н/15–16) полоса и обломки бревен поворачивали под углом 90° и шли параллельно склону террасы (рис. 4; 6,*а*). Рядом с бревнами в нескольких местах в пределах полосы (уч. Г/2, Г–В/8, Н–М/15–16) на глубине 78–97 (–190–214) см расчищено восемь столбовых ямок диаметром 8–20 см, глубиной 12–35 см. Они выкопаны в плотном темносером суглинке и заполнены углистым слоем (рис. 4; 6,*б*). Несколько обломков обугленных бревен обнаружено на склонах холма (уч. Д/12, Ж/14).

---

[5] Определение костных остатков из раскопок 1959, 1980–1982 гг. выполнено кандидатом биологических наук П.А. Косинцевым.

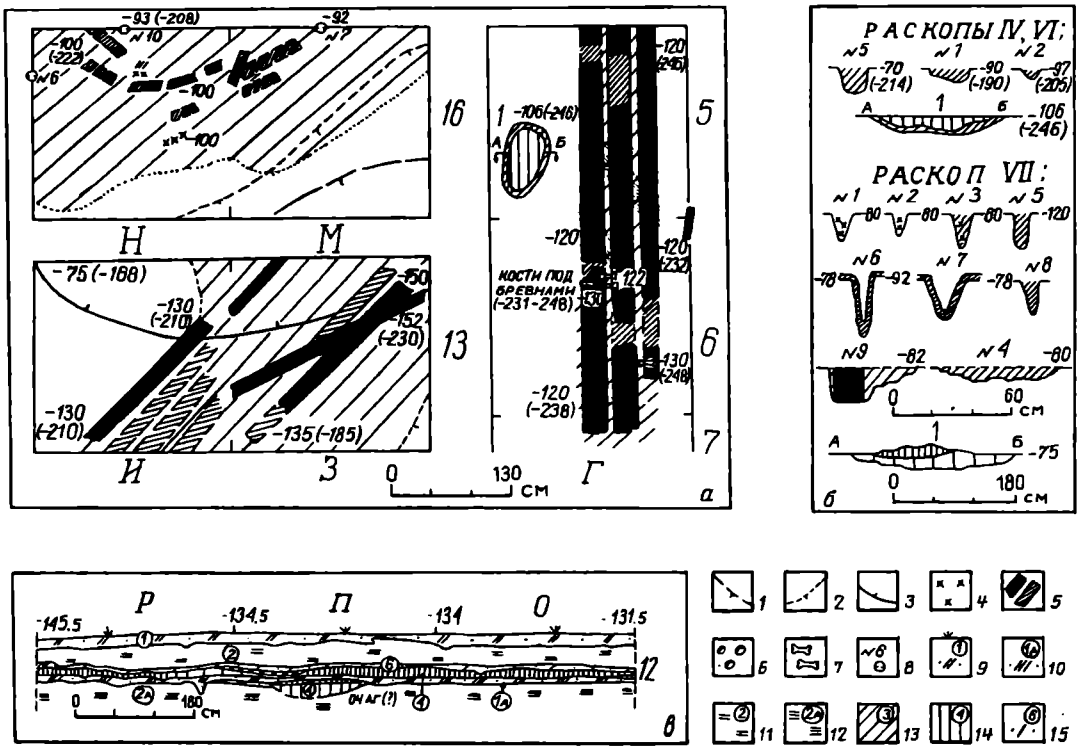


Рис. 6. Городище Алтен-Тау. Остатки бревен первой ананьинской оборонительной стены (*а*), разрезы столбовых ямок и очагов горизонта первой фортификации (*б*), профиль северной стенки уч. О–Р/12 (*в*). *1* – древний край террасы; *2* – край древнего холма; *3* – край впадины; *4* – угли; *5* – остатки обугленных бревен первой оборонительной стены; *6* – камни; *7* – кости волка; *8* – ямка от столба; *9* – черный подзол; *10* – плотный нижний темно-серый суглинок (погребенная почва); *11* – красно-бурый суглинок; *12* – материковая буро-бордовая глина; *13* – черный углистый суглинок; *14* – красный, оранжевый и розовый прокаленный суглинок; *15* – светло-коричневый и светло-серый суглинок

Выявленные остатки являются, на наш взгляд, частью основания и нижних венцов оборонительной стены, сложенной по принципу заплота: из бревен, уложенных в один ряд друг на друга, укрепленных вертикально вкопанными столбами. Судя по найденной здесь же бересте, стена в основании была сложена из березовых бревен. Вместе с тем это не исключает того, что для возведения ее верхней части могла использоваться сосна, более распространенная в этой местности. Кусочки сосновой коры обнаружены на поверхности погребенной почвы на глубине 80 (–215) см у края террасы, чуть поодаль от стены (уч. О/13) (рис. 4). Слабо заметные валки-присыпки шириной 60–100, высотой 12–17 см, открытые с внутренней стороны ряда обугленных бревен, указывают на то, что нижний ряд бревен был укреплен обваловкой из погребенной почвы и материковой глины (рис. 3). От северной границы уч. Д/1 стена на протяжении не менее 11 м была построена на удалении 4,5–5 м от края холма и была сориентирована по оси северо-запад – юго-восток. Далее она поворачивала на юго-юго-восток и такое же расстояние шла до уч. Г/8. Между уч. Г/8 и Н/16, на отрезке длиной около 36 м, стена была возведена в 2,5–3 м от края холма и была сориентирована по оси северо-северо-восток – юго-юго-запад. В крайней южной точке городища (уч. Н/16) она поворачивала под углом 90° на запад-северо-запад и ограждала край террасы.

В пользу того, что это была ранняя оборонительная стена, а не настил, крепида или иная конструкция, связанная с нижним (ранним) валом, свидетельствуют следующие факты. Первое, что бросается в глаза, – несовпадение центральных осевых линий полосы обугленных бревен и верхней площадки вала, на которой была построена вторая оборонительная стена (ср. рис. 4 и 7). Линия бревен на большинстве участков проходила западнее центральной оси нижнего вала и лишь на уч. Г/8–9 –

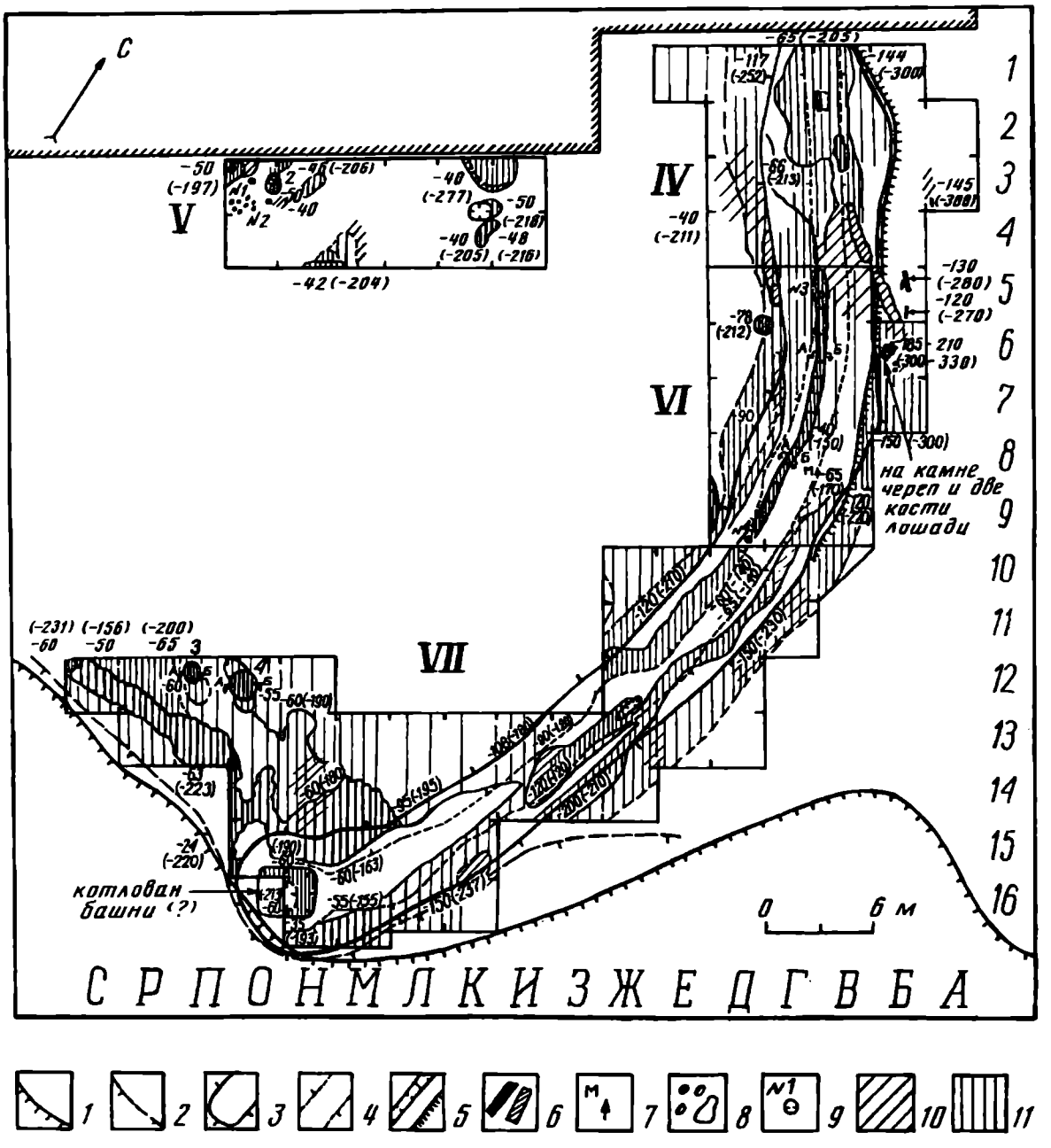


Рис. 7. Городище Алтен-Тау. Раскопы IV–VII. Горизонт второй ананьинской оборонительной системы. *1* – современный край террасы; *2* – древний край террасы; *3* – граница основания нижнего вала; *4* – граница верхней части нижнего вала; *5* – канавка в основании оборонительной стены и эскарпированный край древнего холма; *6* – остатки обугленных бревен; *7* – медный (бронзовый) наконечник стрелы; *8* – камни; *9* – ямка от столба; *10* – черный углистый суглинок; *11* – красный, оранжевый и розовый прокаленный суглинок

восточнее. В двух точках – между уч. Г/9 и Д/9, Г/7 и Г/8 – обе линии вообще пересекались. Безусловно, это были разные оборонительные системы. Упомянутые бревна не являлись и настилом, уложенным под нижнюю насыпь: сооружение его, тем более на относительно ровной и плоской поверхности холма и на некотором удалении от края последнего, вообще лишено смысла. Расположенный над бревнами вал без помощи настила прекрасно нивелировал всевозможные неровности древней террасы и являлся искусственным фундаментом для возведения более поздней стены. Далее. Отсутствие бревен (и вообще остатков дерева) в заполнении нижнего вала свидетельствует о том, что обугленные бревна не являлись ни остатками оборонительной

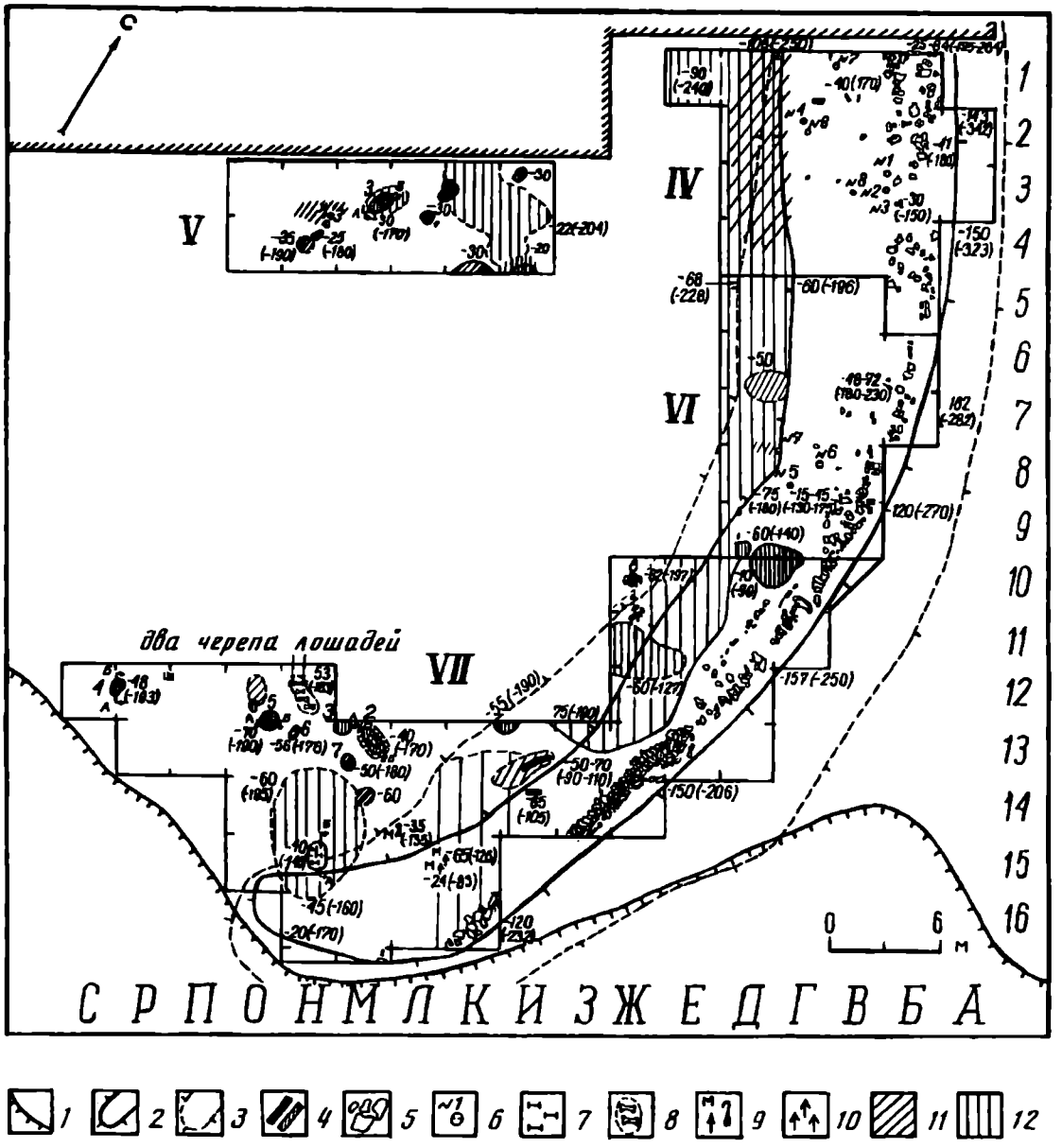


Рис. 8. Городище Алтен-Тау. Раскопы IV–VII. Горизонты третьей (поздней) ананьинской оборонительной системы и раннегляденовского селища. *1* – современный край террасы; *2* – первоначальные границы основания верхнего вала; *3* – границы расплывшегося верхнего вала; *4* – остатки обугленных бревен; *5* – камни крепиды верхнего вала; *6* – ямка от столба; *7* – скопление обожженных костей животных; *8* – скопление "сырых" костей животных; *9* – медные (бронзовые) наконечники стрелы и височная подвеска; *10* – скопление костяных наконечников стрел; *11* – черный углистый суглинок; *12* – красный, оранжевый и розовый прокаленный суглинок

стены, связанной с нижним валом, ни следами тарасов, городней, перекладных или иных бревенчатых конструкций, укреплявших вал. Наконец, эти бревна не были крепидой внутреннего ската нижнего вала, так как часть обугленных обломков и углистых полос отмечена под центром насыпи и даже близ ее напольной стороны (рис. 3), о чем упоминалось ранее. Укрепления требовал, скорее всего, не внутренний, а внешний склон вала, расположенный на склоне холма. Это предопределило сооружение специальной каменной крепиды, но уже в более позднее время (рис. 8).

Относительно конструкции ранней оборонительной стены можно высказать следующие предположения. Однорядный вариант нам кажется наиболее вероятным потому, что о любой двурядной системе говорить не приходится. Вдоль напольного

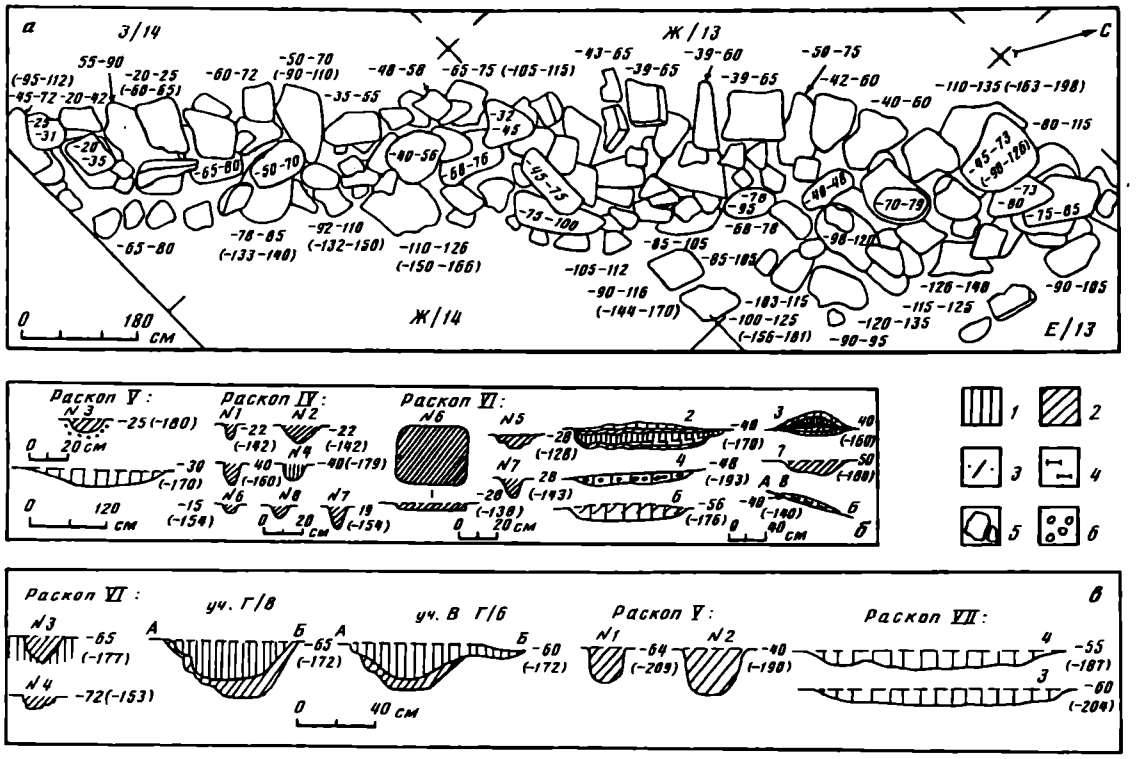


Рис. 9. Городище Алтен-Тау. Участок каменной крепиды верхнего вала (*а*), разрезы ямок от столбов и кострищ горизонта третьей (поздней) ананьинской оборонительной системы (*б*), разрезы ямок от столбов, кострищ и канавки в основании оборонительной стены горизонта второй ананьинской оборонительной системы (*в*). *1* – красный, оранжевый и розовый прокаленный суглинок; *2* – черный углистый суглинок; *3* – светло-коричневый и светло-серый суглинок; *4* – скопление обожженных костей животных; *5* – камни крепиды вала; *6* – галечник

края холма остатки бревен в момент раскопок лежали параллельными рядами и вплотную друг к другу. Скорее всего, это могло быть только следствием развала однорядной стены. Более хаотично, но без намека на двурядность, остатки бревен залегали у края холма, обращенного к оврагу, и около небольшой западины на городищенской площадке (уч. И–3/12–13).

По данным стратиграфии к периоду раннего городища могли относиться расположенные близ оборонительной стены очаги 1, 2 на уч. О–Р/12 и очаг 1 на уч. Г/5 (рис. 4; 9,*в*). Первые представляли собой обычные линзовидные в разрезе наземные кострища с наиболее прокаленной овальной в плане центральной частью размером 0,75×0,9×1,32 м. Вокруг такого пятна и под ним прослеживался менее интенсивный прокал размером около 2,4–3×2–3 м, мощностью 25–30 см. Рядом с первым очагом расчищены остатки ямки, заполненной углистым суглинком (№ 9). В ней сохранилось основание обугленного бревна диаметром 16 см. Три мелкие ямки от столбов (№ 1–3) отмечены под очагом 2. По всей видимости, расположенные по соседству кострища и столбы являлись частью какого-то жилого строения. Очажок на уч. Г/5 оборудован в неглубокой ямке с корытообразным дном (1×0,65×0,1 мм), выкопанной от поверхности погребенной почвы. Стенки и дно углубления были выстланы тонким углистым слоем, верхняя часть заполнена ярко-бордовым прокаленным суглинком. Возможно, какие-то кострища были и в глубине террасы, в том числе в пределах раскопа V, но выделить их среди более поздних (рис. 7) автору не удалось.

Вторая ананьинская фортификация была построена на месте сожженной ранней стены. Она состояла из двух основных элементов – вала и оборонительной стены, а также двух дополнительных – эскарпированного склона (возможно, ровика) и сооружения у южной оконечности городища (рис. 3; 7). Вал был насыпан вдоль края

древнего холма. В плане он полукольцевой. У кромки террасы вал не прослеживался. Насыпь (нижняя в современном валу) сложена пестроцветом – буро-бордовым суглинком, образовавшимся в результате смешения ранних культурных слоев с площадки поселения раннего городища и материковой глины, взятой с напольной стороны. Преобладание глины указывает на то, что вал насыпался преимущественно с внешней стороны. В ходе строительных работ здесь был снят верхний почвенный слой и подрезан (эскарпирован) склон холма. В результате этого на отдельных участках с напольной стороны вала образовалась неширокая и мелкая (0,5–0,6×0,1 мм) канавка, похожая на ровик. Внешний край ее практически не прослеживался. По своему виду и назначению она резко отличается от подлинных оборонительных рвов (широких и глубоких поперечных траншей в основании мысов) большинства ананьинских городищ. Вал в разрезе сегментовидный, в некоторых местах – подтрапециевидный, каковым он, вероятно, являлся в древности. Наиболее мощным он был с западной, напольной, стороны городища и практически снивелированным с южной, обращенной к оврагу. Ширина основания расплывшейся насыпи варьировалась в пределах 6–6,5 м, в древности была порядка 4–4,8 м. Вершина вала – первоначально относительно плоская, ныне слегка выпуклая – располагалась по обе стороны от центральной оси вала. Ширина ее на разных участках была неодинакова – от 1,5 до 3 м. Высота расплывшейся насыпи 0,4–0,95 м, предполагаемая первоначальная высота – около 1 – 1,5 м.

Безусловно, такая обваловка не была серьезным препятствием для противника. Главным элементом фортификации была возведенная на валу стена. Остатками ее являются перекрывавшие нижнюю насыпь полосы прокаленного ярко-оранжевого суглинка, смытые с насыпи углистые и прокаленные слои, а также отчетливо фиксировавшаяся на повороте вала корытообразная канавка шириной 25–60 см, глубиной 20–30 см (раскоп VI) (рис. 3; 7; 9,*в*). Последняя была выкопана на верхней площадке вала, ближе к внутреннему краю, и повторяла линию насыпи. Перед стеной оставалась ровная площадка шириной около 1,5–2,5 м. Нижняя часть канавки была заполнена углистым слоем, верхняя – красноватым прокаленным суглинком. Последний слой сливался с обширным горизонтом прокала, перекрывавшим древний вал и фиксировавшим момент разрушения второй фортификации. Канавка являлась своеобразным котлованом, в котором покоились бревна основания стены. Место для углубления было выбрано, по-видимому, неслучайно: во-первых, здесь сходились два относительно прямых отрезка стены, во-вторых, данный участок насыпи больше, чем остальные, мог подвергаться эррозии. Остатки бересты в нижней части канавки (уч. В/5) и близ нее (уч. В/6) свидетельствуют о том, что данная оборонительная стена, как и предыдущая, была сложена в основании из неошкуренных березовых бревен. Возможно, от кольев, крепивших стену, остались две заполненные темным углистым суглинком ямки (№ 3 и 4) диаметром 20 и 15 см, глубиной 15 и 6 см. По всей видимости, стена защищала поселение не только с напольной стороны, а окружала все городище. Вдоль края террасы она была построена прямо на древней поверхности, в 2–3 м от обрыва, где сохранилась полоса прокала шириной 1,5–4, мощностью до 0,11 м (уч. П–С/12, О–Р/13, Н–О/14).

У южной оконечности вала, в точке предполагаемой стыковки стен, возведенных вдоль краев холма и террасы, открыты остатки сооружения, входившего в систему обороны: башни или наблюдательной вышки. Данное место на поселение было наиболее удобным для обзора обширной долины реки, а также откосов террасы и оврага. Остатки постройки представлены подквадратным котлованом (3×2,7 м) глубиной 0,25 м, заполненным в нижней части прокаленным суглинком и локальной углистой прослойкой, в верхней – нижними наслоениями вала (рис. 3; 7). Реконструкция объекта довольно условна: наличие котлована предполагает квадратный в плане "сруб", присыпанный в основании суглинком вала. Пока это единственная подобная постройка в ананьинской оборонной архитектуре.

Из прочих объектов периоду второй фортификации соответствовали два кострища,

открытые близ оборонительной стены на уч. О, П/12, а также несколько очажных прокалов и ямок от столбов в центре поселенческой площадки (раскоп V) (рис. 7; 9,*в*).

Третья (поздняя) ананьинская оборонительная система возведена поверх остатков предыдущей. Причиной перестройки, скорее всего, являлось не естественное обветшание второй стены, оползание вала и заполнение ровика отбросами, а намеренное разрушение второй фортификации в результате военного нападения. В пользу этого свидетельствуют остатки сожженной стены, наслоения прокаленного суглинка поверх нижней насыпи, косвенно – наличие в верхней насыпи вала вещей, годных к дальнейшему использованию или утилизации, в том числе орудий труда и культовых предметов. Хронологический разрыв между второй и третьей фортификациями не мог быть значительным. Позднее городище, вероятно, было основано ближайшими потомками строителей второй оборонительной системы. Оба периода объединяет сходная керамика, состав орудийного комплекса и других вещей, а также небольшой диапазон существования на этом месте всех ананьинских поселков.

Третья фортификация состояла в основном их тех же элементов, что и предыдущая (вал, бревенчатая стена), но была более мощной, а ее центральная ось была смещена на 0,5–1,5 м в напольную сторону (ср. рис. 3, 7, 8). Поздний вал расплывшийся, шириной 6–8,5 м, сложен светло-коричневым, местами светло-серым суглинком мощностью 0,36–0,4 м. С более ранними слоями и с учетом крутизны холма он, по-видимому, прежде достигал высоты 1,5–2 м. С внешней стороны насыпь была укреплена от размывания каменной кладкой шириной от 1 до 3 м. Камни крепиды варьировались от мелких плиточек и галек (10×6×6 см) до крупных речных валунов и известняковых плит (80×60×40 см), а их вес часто достигал 50–100 кг. В пределах раскопов IV и VI камни были уложены на насыпи наподобие панциря, т.е. в один слой, под углом 30–45°. На раскопе VII они лежали тремя – шестью горизонтами, частично перекрывая друг друга и образуя своеобразные наклонные стенки (рис. 3; 8; 9,*а*). Валуны, очевидно, доставлялись из долины реки, плиты – со склона террасы. Ближайшие выходы известняка отмечены в 200 м к юго-востоку от городища – в обрыве коренного берега реки. В траншее 1958 г. камней не было найдено. Возможно, здесь находился вход на городище.

Ярко выраженных остатков поздних оборонительных стен не выявлено, но предполагается, что стены существовали. Именно с ними связаны горизонт ярко-красного прокала, углистые и зольные полосы, залегавшие на внутреннем склоне позднего вала и на прилегающей площадке, а кроме того – небольшие обломки обугленного дерева и столбовые ямки в валу на уч. Б/2, 3, В/1, 3, Г/2, 6, И/13, 14. Значительная ширина верхней насыпи не исключает наличия с напольной стороны городища в этот период оборонительной стены двурядной конструкции.

Вероятно, с моментом начала строительства третьей оборонительной линии можно соотнести сооружение ритуального комплекса, открытого на уч. Б/6 под внешней полой позднего вала. Он представлял собой череп и три крупные кости лошади (бедренную и две лучевые), уложенные на плоскую каменную плитку размером 70×50 см (строительная жертва?). Кости и череп были сориентированы продольно валу, в направлении, близком к меридиональному, при этом череп был обращен лицевой частью на север (рис. 7).

Кроме многочисленных (более десятка) слабоуглубленных очагов-кострищ, выявленных на поселенческой площадке, к периоду позднего городища относятся остатки производственно-бытового объекта с жилой площадкой и косторезной "мастерской", а также еще один культовый комплекс (рис. 8). Первый объект находился близ вала, на уч. Ж/10–11. В него входили небольшой чашевидный очажок (80×60×5 см), заполненный обугленными костями животных, и расположенные неподалеку четыре обломка известняка, сходные с камнями крепиды вала. Рядом с ними обнаружено большое количество костей животных, обломков посуды и до десятка костяных наконечников стрел, в том числе два незаконченных. Под очажком найдена антропоморфная фигурка из глины. Второй объект открыт к северу от очагов 3, 5, 6, на уч. Н/12. Он

имел вид овального в плане скопления костей (95 шт.) от трех особей лошади. Размеры скопления: 225×90–105 см, ориентировка – по оси юго-восток – северо-запад. У его северо-западной границы, на одной линии (восток-северо-восток – запад-юго-запад) лежали два лошадиных черепа, обращенных мордами друг к другу. В слое между костями найдены два костяных наконечника стрел, а под одним из черепов лошади – череп мелкого грызуна.

Наиболее ранние жертвенные комплексы с черепами животных, в том числе лошадей, в Уральском регионе появляются на памятниках скотоводческих обществ петровско-синташтинского хронологического пласта – около XVII–XVI вв. до н.э. (Генинг В.Ф. и др., 1992, с. 234–237). Судя по материалам степных могильников (Генинг В.Ф., Борзунов В.А., 1975, с. 54, 55, 64, 65; Зданович Г.Б., 1988, с. 67, 73, 82, 135, 143), ритуальные обряды с использованием черепов домашних животных проводились на протяжении всей андроновской эпохи. В Среднем Прикамье в начале железного века подобные культовые комплексы получают наибольшее распространение на костищах гляденовской культуры. Вместе с тем первые признаки новой для лесной зоны обрядности прослеживаются уже в конце ананьинской эпохи (Гремячанское поселение-святилище, Зуево-Ключевское и другие городища) (Варов А.И., 1993; Вечтомов А.Д., 1967, с. 144–146; Генинг В.Ф., 1988, с. 170, 171; Мельничук А.Ф., Оборин В.А., 1989, с. 76; Поляков Ю.А., 1967, с. 205–208). К этому же или переходному ананьинско-гляденовскому времени относятся объекты с жертвоприношениями животных на городище Алтен-Тау: два исследованные автором, один открытый В.Ф. Генингом (1959 г.) (Генинг В.Ф., 1988, с. 172).

Горизонт предполагаемого раннегляденовского селища. Третья фортификация и синхронный ей поселок также были разрушены, но оборонительные сооружения более не восстанавливались. Наступил период относительного запустения. Поверх пепелища отложился пласт красно-бурого суглинка (по Е.Н. Черныху – красной глины) мощностью от 10 до 35 см. Происхождение его неясно. Е.Н. Черных преполагал искусственную подсыпку площадки городища глиной (Черных Е.Н., 1959, с. 155, 159), хотя и неточно определил время формирования этого слоя. Между тем искусственная насыпка такого большого количества глины на значительной площади (около 450–500 кубометров на 4500 м^2), тем более материала, превращавшегося после каждого дождя в липкую грязь, нам представляется маловероятной. Очевидно, были какие-то иные, возможно, естественные причины образования этого слоя. Последний отделил горизонт позднего селища, представленный черным подзолом, от ранних наслоений.

К позднему поселению на бывшей городищенской площадке относятся остатки небольшого (68×50 см) овального зольника и пятно прокаленного суглинка диаметром 1,5 м (уч. Н, И/14). На поверхности разрушенного вала отмечено еще два поздних объекта: кострище (3×2,4 м), выстланное по дну углистой прослойкой, и очаг (1,5×1 м), заполненный пеплом, золой и мелкими пережженными костями животных (уч. Г–Д/9–10, Н/15) (рис. 8; 9,*б*). Помимо керамики и остеологических остатков в подзоле найдены два круглых пряслица из стенок сосудов (в том числе одно – с грубо оббитыми краями) и заготовка костяного наконечника стрелы. Малочисленность объектов и находок на селище свидетельствует об его кратковременности.

Слои раннего железного века городища Алтен-Тау по трем бронзовым наконечникам стрел и височной подвеске в виде знака вопроса из раскопок 1980–1982 гг. (рис. 5, *19–22*) можно датировать концом V–III/II вв. до н.э., что в основном совпадает с предложенной ранее датой (Черных Е.Н., 1959, с. 162, 163).

Возвращаясь к проблеме реконструкции ананьинских фортификаций, необходимо привести несколько дополнительных аргументов в пользу строительства оборонительных стен вокруг городищ. Валы как самостоятельные фортификационные системы (т.е. лишенные оборонительных стен) в эпоху первобытности неизвестны. Такие сооружения появляются достаточно поздно – вслед за распространением огнестрельного оружия в Европе. Одной из первых их разновидностей являются голландские фоссебреи XVI в. (Энгельс Ф., 1959, с. 337). Относительно невысокие валы

ананьинских городищ – слабая преграда для конного отряда. В этой ситуации колоссальные трудозатраты на их возведение (кстати, рассчитанные В.А. Ивановым) (Иванов В.А., 1982, с. 37, 38; 1984, с. 78, 79) оказываются бессмысленными. Сам исследователь не объясняет цель этого "сизифова труда", отмечая лишь "... использование городищ в качестве укрытий для небоеспособного населения и имущества, в то время как воины, собранные со всей округи, сохраняли мобильность и встречали противника в поле" (Иванов В.А., 1984, с. 79). Между тем применение данной тактики ведения военных действий совсем не исключает наличия более сложной системы укрепления ананьинских поселков, чем это представляется В.А. Иванову. Кроме того, как отмечалось ранее, очень сомнительно, что ананьинское население не знало и не строило защитных стен на валах, когда такие сооружения были обычны у всех племен начала железного века лесной полосы и лесостепи Евразии от Балтики до Енисея.

Валы на ананьинских городищах, безусловно, были дополнены деревянными стенами, и не обязательно частокольными, которые постоянно пытается найти В.А. Иванов. Частоколы в лесной зоне Восточной Европы, Урала и Западной Сибири вообще редки, хотя появляются здесь уже в конце неолита (Амня I, возможно, Полуденка I, Чумайтло I, Новомултанское) (Бадер О.Н., 1948; Гусенцова Т.М., 1985, с. 9; Морозов В.М., Стефанов В.И., 1993). У населения европейских культур – дьяковской и городецкой – кроме тынов по периметру укрепления встречались стены из двух рядов плетня, пространство между которыми было заполнено песком и камнями, а также строились своеобразные конструкции, объединявшие жилые помещения и фортификации – так называемые "жилые стены" (Смирнов А.П., Трубникова Н.В., 1965; Смирнов К.А., 1974; 1994). У угорского и угро-самодийского населения Зауралья и Западной Сибири были распространены главным образом однорядные и двурядные (с перерубами и без таковых) бревенчатые стены горизонтальной кладки (Борзунов В.А., 1993, с. 34–41; 1994; Борзунов В.А., Новиченков Н.Н., 1988). Валы в этом случае являлись составной частью оборонительных систем: они увеличивали общую высоту фортификации, служили фундаментами для возведения стен, предохраняя их от размывания, увеличивали крутизну склона и т.д. Кроме того, то, что мы воспринимаем ныне как археологический вал, являлось также первоначально подсыпкой основания оборонительной стены, а в отдельных случаях – остатками забутовки двурядных стен.

В таком качестве выступали и ананьинские насыпи. Для большей прочности они укреплялись наружными каменными и деревянными крепидами, изредка в насыпь добавляли с этой же целью галечник. Наличие же глиняных "нашлепок" на поверхности вала либо специальное прокаливание насыпи для ее прочности (Иванов В.А., 1978, с. 175; 1982, с. 36; 1984, с. 52) представляются нам вещами надуманными. На сцементированном путем прокаливания валу довольно сложно установить основание стены, а обжигать вал в то время, когда стена уже построена, нецелесообразно из-за повышенной пожароопасности. Полосы прокаленной глины на поверхности и склонах насыпей являются следствием разрушения (сожжения) деревянных частей оборонительных линий в ходе постоянных междоусобиц ананьинских общин и набегов кочевых племен в эту "героическую" эпоху. Резкая "военизация" всей жизни в начале железного века, по сравнению с более мирной обстановкой конца эпохи бронзы, достаточно ярко отражена в материальной и духовной культуре лесостепных и лесных обществ Урала и не требует специальных доказательств.

Склоны террас и мысов, даже самые крутые (около 45°), также не являлись серьезным препятствием для противника, особенно во время ночных нападений. Они должны были быть защищены стенами, пусть более простых конструкций, чем с напольной стороны. Во всех случаях – и это глубокое убеждение автора – линия фортификаций у городищ была замкнутой. Незамкнутые системы легко обходятся противником с тыла.

Мы не будем приводить остальные характеристики системы обороны ананьинских поселков: они хорошо известны (Борзунов В.А., Новиченков Н.Н., 1988, с. 90–94, 99–

107; Збруева А.В., 1952, с. 7–28; 1954, с. 103–106; Иванов В.А., 1984, с. 41–52; Халиков А.Х., 1977, с. 8–18). Цель работы была иная. Росчерком пера талантливого ученого, применившего несовершенную методику полевого исследования, достаточно прогрессивное и жизнеспособное население ананьинских культурно-исторической общности было лишено практически всех своих военно-инженерных сооружений. Мы лишь восстановили историческую справедливость.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алабин П.В., 1860. Ананьинский могильник // Вестник Географического общества. № 6.

Андреева Е.Г., Петренко А.Г., 1976. Древние млекопитающие по археозоологическим материалам Среднего Поволжья и Верхнего Прикамья // Из археологии Волго-Камья. Казань.

Бадер О.Н., 1948. Археологические исследования на Урале в 1946 г. // КСИИМК. Вып. 16.

Бадер О.Н., 1966. Мезолит лесного Приуралья и некоторые общие вопросы изучения мезолита // МИА. № 126.

Борзунов В.А., 1993. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков (Гамаюнская культура). Екатеринбург.

Борзунов В.А., 1994. Укрепление поселения конца каменного – начала железного веков Западной Сибири // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. I. Поселения и жилища. Кн. 1. Томск.

Борзунов В.А., Новиченков Н.Н., 1988. Ранние укрепленные поселения финно-угров Урала // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск.

Варов А.И., 1993. Археозоологические аспекты изучения костищ // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Екатеринбург.

Вечтомов А.Д., 1967. Периодизация и локальные группы памятников ананьинской культуры Среднего Прикамья // УЗПГУ. № 148.

Генинг В.Ф., 1959. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа // Труды Казанского филиала АН СССР. Вып. 2.

Генинг В.Ф., 1988. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры. М.

Генинг В.Ф., Борзунов В.А., 1975. Методика статистической характеристики и сравнительного анализа погребального обряда // ВАУ. Вып. 13.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В., 1992. Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Ч. 1. Челябинск.

Гусенцова Т.М., 1985. Некоторые аспекты изучения поселений эпохи мезолита и неолита в бассейне р. Вятки // Новые источники по древней истории Приуралья. Устинов.

Збруева А.В., 1952. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. № 30.

Збруева А.В., 1954. Население берегов Камы в далеком прошлом // По следам древних культур (От Волги до Тихого океана). М.

Зданович Г.Б., 1988. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (периодизация и хронология). Свердловск.

Иванов В.А., 1978. Оборонительные сооружения городищ эпохи раннего железа на северо-западе Башкирии // СА. № 1.

Иванов В.А., 1982. У подножия Рифейских гор. Уфа.

Иванов В.А., 1984. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху железа. М.

Мельничук А.Ф., 1989. Материалы мезолитического Огурдинского поселения // СА. № 4.

Мельничук А.Ф., Оборин В.А., 1989. Новые исследования Гремячанского поселения-святилища // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар.

Морозов В.М., Стефанов В.И., 1993. Амня I – древнейшее городище Северной Евразии? // ВАУ. Вып. 21.

Петренко А.Г., 1984. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М.

Поляков Ю.А., 1967. Итоги изучения памятников гляденовской культуры в Прикамье // УЗПГУ. № 148.

Смирнов А.П., Трубникова Н.В., 1965. Городецкая культура // САИ. Вып. Д1–14.

Смирнов К.А., 1974. Дьяковская культура // Дьяковская культура. М.

Смирнов К.А., 1994. Проблема периодизации памятников городецкой и дьяковской культур // РА. № 4.
Спицын А.А., 1893. Бронзовая культура Вятского края и костеносные городища // Материалы по археологии восточных губерний России. № 1.
Старков В.Ф., 1989. Мезолит Среднего Приуралья // Археология СССР. Мезолит СССР. М.
Халиков А.Х., 1977. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.). М.
Цалкин В.И., 1962. К истории животноводства и охоты в Восточной Европе // МИА. № 107.
Черных Е.Н., 1959. Городище Алтен-Тау // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. Вып. 1. М.
Энгельс Ф., 1959. Фортификация // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 14. М.

Уральский государственный университет,
Екатеринбург

V.A. BORZUNOV

FORTIFIED SETTLEMENT OF ALTEN-TAU AND THE PROBLEM OF RECONSTRUCTION OF ANANYINO FORTIFICATIONS

Summary

At the fortified settlement of Alten-Tau near Perm' there were found in 1980–1982 by the author of the article the traces of the three sequentially replacing each other Ananyino fortified settlements and, possibly, of the early Glyadenovo site which was built after their destruction. Settlements were situated on the high (50 m) cape-like prominence of the main terrace of the river Low Mulyanka and were dated the end of the V-III/II cc. B.C. At all three fortified settlements the defensive walls were surrounding possible the whole perimeter of the village. The early village was protected by a one-row wall made of horizontally laid on each other dirch logs, fortified by the vertical poles digged into the ground. After it had been burnt the same wall was erected on the rampart, situated in a semi-circle at the outer side of the fortified settlement. Western slope of the ancient hill at the bottom of the rampart was cut (scarped). It is not excluded that here used to be a small shallow ditch. At the southern end of the rampart there is discovered a square pit of the structure which was a part of the defense system (possibly, a tower or a watch-tower). Late, the third fortification consisted of a two-row (?) timbered wall, built on the more powerful than the first defence rampart. From the outer side the rampart was strengthened by the laying of cobbles and claystone plates. Under the layer of fortified settlements there were discovered the remains of the mezolithic site of the VII-VI millennia B.C.

Н.В. ПОЛОСЬМАК, Л.П. КУНДО, В.В. МАЛАХОВ, А.А. ВЛАСОВ,
И.Л. КРАЕВСКАЯ, И.А. ОВСЯННИКОВА, Г.С. ЛИТВАК, Л.М. ПЛЯСОВА,
Л.П. СОЛОВЬЕВА, А.Н. ШМАКОВ, Ю.Г. ЩЕРБАКОВ, Н.В. РОСЛЯКОВА

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЕЩЕСТВЕННОГО СОСТАВА НАХОДОК ИЗ "ЗАМЕРЗШИХ" МОГИЛ ГОРНОГО АЛТАЯ

(Ак-Алаха 3. Пазырыкская культура)

В течение последних пяти лет при исследовании "замерзших" могил Пазырыкской культуры (VI–II вв. до н.э.) на плато Укок (Горный Алтай) в заполненных древним льдом погребальных камерах были обнаружены уникальные вещи из органических материалов (в обычных условиях недолговечные) и мумии людей – женщины (в 1993 г.) и мужчины (в 1995 г.). Эти находки и явились объектами нашего исследования в первую очередь, так как, попав после 2,5 тыс. лет пребывания в мерзлоте в иную среду, многие из них начали быстро разрушаться.

Не тронутое грабителями и почти не тронутое временем захоронение молодой знатной женщины, исследованное в 1993 г. на Укоке, стало событием в истории изучения пазырыкской культуры (Полосьмак Н.В., 1994; 1995, № 11). Сохранность многих вещей, впервые обнаруженных в погребении, была уникальной. Главной задачей стало сохранить весь полученный материал, для чего требовалось изучить природу находок с помощью современных физико-химических методов. Применение таких методов необходимо также для выяснения древних технологий, источников сырья, а также условий консервации и реставрации найденных предметов. Вместе с тем данные о химическом составе и структуре веществ, из которых были изготовлены отдельные артефакты, позволяют выйти на такую важную для археологии тему, как семантика.

Объекты и методы исследования. Первыми объектами исследования были: головной убор-парик молодой знатной женщины, похороненной в кург. 1 могильника Ак-Алаха 3 (плато Укок, Горный Алтай), фрагмент ее кожи с татуировкой, золотые украшения и золотая фольга из этого и других погребений Южного Алтая. Для изучения состава и структуры находок были использованы перечисленные ниже методы.

Методы химического анализа. Элементный анализ твердых образцов проводили на спектрометрах "Спрут-001" (третичные спектры флуоресценции, полупроводниковый детектор) и VRA-20 (рентгенофлуоресцентный сканирующий спектрометр). "Спрут-001" позволял анализировать образцы малого размера, определять большее число элементов и с большей чувствительностью, но с меньшей селективностью, чем VRA-20. Рентгеноспектральный микрозондовый анализ проводили на спектрометре МАР-3 и автоматическом рентгеноспектральном микроанализаторе КОМЕБАКС Микро.

Условия анализа. "Спрут-001". Рентгеновская трубка с Ag-анодом, параметры возбуждения 40 kV, 140 mkA; вторичные излучатели Mo, Cu, Sn. Излучатели готовили закреплением 5 мг образца золотой фольги в лунке из лавсановой пленки толщиной 6 мкм, диаметр лунки 6 мм, глубина 3 мм. В лунке фольгу закрепляли 10%-ным спиртовым раствором клея БФ-2. В этих условиях неравномерность облучения образ-

Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект 95-17534а).

© Н.В. Полосьмак, Л.П. Кундо, В.В. Малахов, А.А. Власов, И.Л. Краевская, И.А. Овсянникова, Г.С. Литвак, Л.М. Плясова, Л.П. Соловьева, А.Н. Шмаков, Ю.Г. Щербаков, Н.В. Рослякова, 1997 г.

цов не превышала 0,5%. Определяемые элементы: от Ca до U. Пределы обнаружения элементов: 0,0001–0,001%.

VRA-20. Рентгеновская трубка с W-анодом, параметры возбуждения 40 kV, 40 mA; вакуум. Кристалл-анализатор LIF (2d = 0,4028 нм); дефекторы: сцинтилляционный счетчик (элементы от Fe до Te по *K* серии и от Hf до U по *L* серии) и проточный (элементы до Fe и РЗЭ). Пределы обнаружения элементов: 0,001–0,01%.

MAP-3. Образцы золотой фольги и фрагменты кожи с татуировкой закрепляли в медных обоймах с помощью эпоксидной смолы; для улучшения проводимости на поверхность напыляли углерод. Диаметр электронного зонда, возбуждавшего рентгеновское излучение образцов, составлял 1–2 мкм, ускоряющее напряжение 20 kV, ток зонда ≃ 20 нА. Характеристическое рентгеновское излучение образцов анализировалось на двух спектрометрах с набором кристаллов LiF, PET, RAP. При сканировании образцов электронным зондом изучали распределение интенсивностей линий L_αAu, L_αAg и K_α линий элементов Cu, Ca, K, Si, Fe, Co, Cr. В режиме электронного микроскопа были получены снимки участков образцов кожи в лучах K_αK.

Для удаления поверхностных инородных примесей пробы золотой фольги промывали горячим раствором HCl (1:1), затем дистиллированной водой, спиртом и сушили. Для количественного определения Au, Cu, Fe, Cr, Al навески проб золотой фольги (100 мг) растворяли в "царской водке" (10 мл) при кипячении в течение 1 ч. Полученные растворы упаривали до влажных солей. Упаривание повторяли трижды с 5 мл концентрированной HCl для удаления окислов азота. К сухим остаткам приливали по 10 мл HCl (1:1) и отфильтровывали осадок в мерные колбы емкостью 50 мл. Осадки на фильтрах промывали горячей дистиллированной водой. К полученным растворам добавляли по 5 мл концентрированной HCl и доводили объемы в мерных колбах до меток дистиллированной водой. В полученных растворах определяли Au, Cu, Fe, Cr, Al и контролировали наличие Ag атомно-эмиссионным методом с индуктивно связанной плазмой (АЭС ИСП) на приборе типа "PST". Используемые аналитические линии, нм: Au – 242,8; Cu – 324,7; Fe – 238,2; Cr – 267,7; Al – 308,2; Ag – 238,0. Рабочая мощность генератора 1,1 квт, частота генератора 40,68 мгц. Суммарный расход аргона 10 л/мин.

Для количественного определения Ag осадки на фильтрах растворяли в 25 мл концентрированного аммиака, переносили полученные растворы в мерные колбы емкостью 50 мл и доводили объемы в колбах до меток дистиллированной водой. В полученных растворах определяли Ag атомно-абсорбционным методом (спектрофотометр "AAS").

Рентгенографический анализ. Съемку дифрактограмм проводили на дифрактометре URD-63 с графитовым монохроматором на отраженном пучке. Использовали CuK_β-излучение, λ = 1,3922 Å (пробы золотой фольги) и CuK_α-излучение, λ = 1,54 Å (пробы головного убора). Дифракционные картины получали методом сканирования, с шагом τ = 0,02° и временем накопления 5 с в точке. Расчет межплоскостных расстояний и параметров решетки проводили по стандартным вычислительным программам, идентификацию фазового состава – по картотеке JCPDS. Образцы фольги исследовали непосредственно, а пробу вещества головного убора предварительно измельчили в агатовой ступке и запрессовали в кювету.

Термический анализ. Термический анализ образцов проб головного убора-парика мумии проводили на приборе DERIVATOGRAPH-C (Венгрия) со скоростью нагрева 10 град/мин., в атмосфере воздуха, в платиновых тиглях; навеска образца 10 мг.

Головной убор-парик (рис. 1–3). Головной убор был обнаружен впервые за время изучения памятников пазырыкской культуры. После извлечения из древнего льда он стал быстро разрушаться. Необходимо было определить состав вещества, составляющего основу этой уникальной находки, и получить рекомендации для ее хранения.

Основой этого достаточно сложного женского украшения (рис. 1–3) был войлок, скорее всего, облегающая голову войлочная шапочка с отверстием на макушке, в ко-

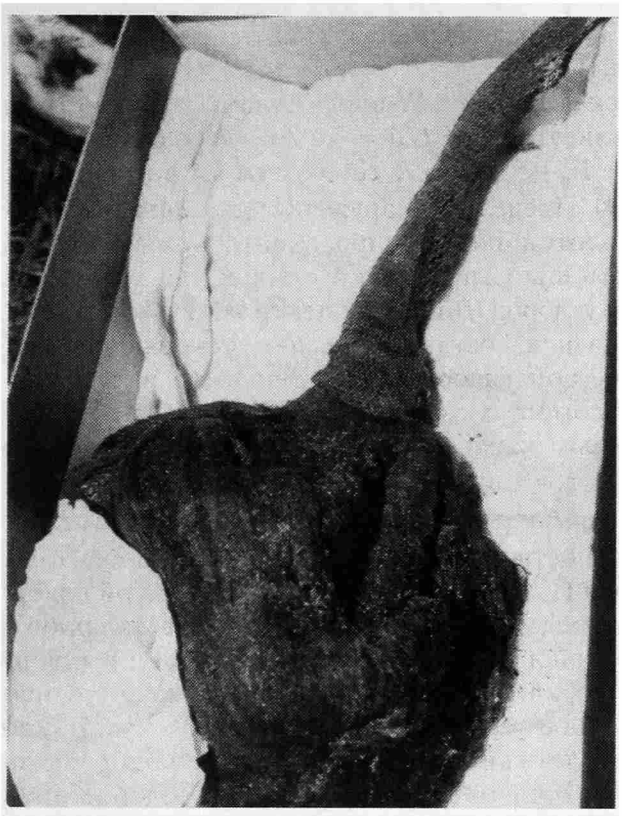


Рис. 1. Вид головного убора-парика женщины из кург. 1 могильника Ак-Алаха 3 сразу же после извлечения его из погребения

торое была продернута прядь волос, обернутая войлоком и сверху туго перевитая шерстяным шнурком. Таким образом, эта прядь стояла вертикально. К войлочной основе были пришиты волосы, оформленные, как на современных париках, и разделенные на прямой прибор. Волосы располагались в два слоя, между которыми помещалась пластичная черно-серая масса, придающая форму прическе.

Визуальный осмотр показывает, что формообразующая черная масса – неоднородна. В пластичной массе выделяются твердые черные пылевидные частицы; в месте разрушения поверхностного слоя головного убора заметны локальные включения из неправильных кусочков вещества белого цвета, размером примерно 1 мм. Видны также мельчайшие частички древесины. Вся эта масса имеет резкий специфический запах, который не проходит со временем. Попытка исследовать состав запаха пока не привела к положительному результату.

Для выяснения химической природы формообразующей основы головного убора был проведен элементарный, рентгенографический и термографический анализ.

Количественный элементный химический анализ пробы основы головного убора показал, что до 80% его массы составляет вещество органической природы. Соотношение углерода и водорода в этом веществе очень близко к таковому в древесине. Можно предположить, что в состав формообразующей основы головного убора входят продукты неполного сгорания или пиролиза древесины.

Результаты полуколичественного элементного анализа свидетельствуют о присутствии в составе основы головного убора больших количеств кальция, железа и кремния. В небольших количествах присутствуют медь, цинк, стронций, марганец, хром, алюминий, фосфор, калий, хлор и, возможно, мышьяк. Эти элементы образуют состав неорганической части формообразующей основы и, скорее всего, входят в состав вещества типа глины, на что указывают приводимые ниже данные рентгенофазового анализа. Но следует также иметь в виду, что все эти элементы, за исключением

Рис. 2

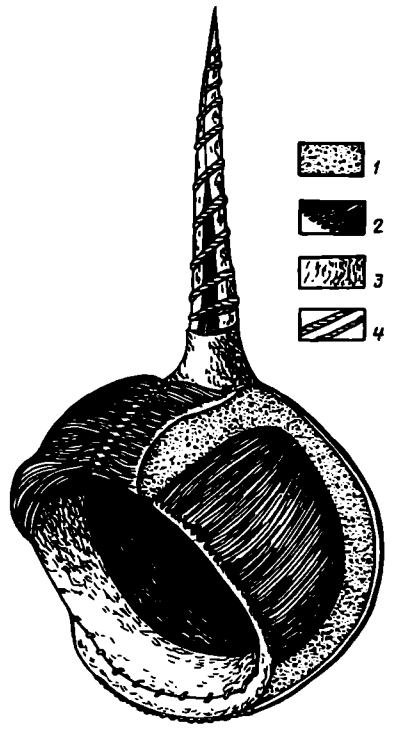


Рис. 3

Рис. 2. Реконструкция головного убора

Рис. 3. Схема изготовления головного убора. *1* – формообразующее вещество; *2* – волосы; *3* – войлок; *4* – веревка (шерсть)

хлора и титана, содержатся в кроветворных органах млекопитающих (Некрасов Б.В., 1973, с. 244, 300, 326 и др.).

Существенный интерес представляют данные рентгенофазового и термографического анализа вещества формообразующей основы головного убора.

Рентгенофазовый анализ этого вещества был проведен трижды, начиная с 1994 г., с периодичностью около 6 месяцев. Соответствующие рентгенограммы представлены на рис. 4*а–с*. Можно видеть, что после извлечения из захоронения вещество головного убора начало протерпевать изменения. На рис. 4*а* видно присутствие одной (или более) кристаллической фазы и галло от аморфной фазы. На рис. 4*б*, *в*, по сравнению с предыдущим, исчезла линия *с*, $d = 5{,}67$ Å, четкость дифракционной картины в области углов 2θ от 20 до 27° несколько ухудшилась. Наконец, на рис. 4*с* наблюдается практически рентгеноаморфная картина. Сопоставление с данными элементного анализа позволяет отнести галло на рентгенограммах к соединениям органической природы, которые, вероятно, не подверглись изменению при хранении головного убора. Можно также полагать, что в уборе присутствуют соединения неорганической природы, которые разлагаются на воздухе при комнатной температуре. Полностью идентифицировать дифракционную картину пока не удалось. Но судя по величине основных межплоскостных расстояний на рентгенограммах и учитывая данные элементного анализа, можно утверждать, что в головном уборе присутствует глинистое вещество типа монтмориллонита. Процесс разложения этого вещества заключается, скорее всего, в потере воды в результате разложения соответствующих кристаллогидратов. Поэтому хранить головной убор следует в условиях повышенной влажности и при низких температурах.

Термический анализ образцов проб головного убора проводили в окислительной атмосфере – на воздухе, в тиглях без крышки. Согласно полученным данным можно выделить две области термических превращений. Первая область (интервал темпе-

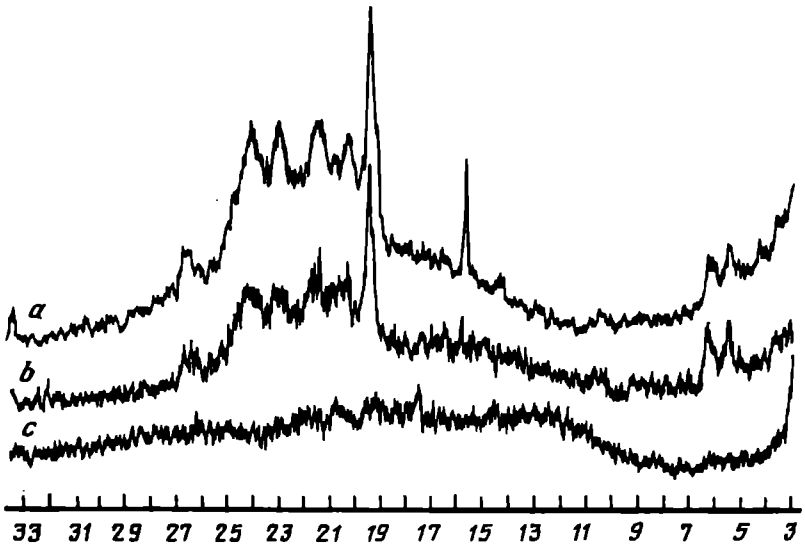


Рис. 4. Рентгенограммы формообразующей основы головного убора: а – исходная; в, с – последующие, полученные с периодичностью в 6 месяцев

ратур от комнатной до 180°С) относится к процессам удаления адсорбированной воды. Затем идет вторая область экзотермических превращений, связанных с горением. Процессы горения характеризуются сложным экзотермическим пиком. Можно выделить два максимума: при 320–330°С и при 416–423°С. Если сравнить термограммы головного убора с термограммами углеродных материалов (активированного березового угля, графита, каменного угля), а также человеческих волос, можно сделать вывод, что положение и характер термических эффектов вещества головного убора наиболее близки к таковым для каменного угля, причем из месторождений Тувы. Вещество головного убора следует охарактеризовать, если использовать соответствующую терминологию, как находящееся на ранней стадии метаморфизма.

Результаты исследования вещества головного убора-парика позволяют высказать ряд предположений о его устройстве и предназначении.

В состав вещества формообразующей массы в большом количестве входят обугленные остатки растительного происхождения. Их применение, надо полагать, было не случайно и, вероятно, глубоко символично.

Почитание огня было повсеместно распространено у скотоводческих народов Евразии еще со времен индоиранской общности. Уже в Авесте (Ясна, 62, 3–70; Видевдат, 18–29) говорится, что домашний очаг и зола священны и каждое утро со специальными церемониями золу необходимо выносить в особое место (Кузьмина Е.Е., 1994, с. 98).

Зольные алтари (эсхары) с глубокой древности существовали в Греции, выполняя функции алтарей при хромах (Молева Н.В., Семичева Е.А., 1995, с. 50). Известны скифские зольники, имеющие сакральный характер. Так, на Каменском городище, в небольшом, явно необитаемом домике (по мнению Б.Н. Гракова, общинном домике большой семьи) находилась куча чистого пепла (Граков Б.Н., 1971, с. 82). Одна из важнейших ипостасей главной скифской богини Табити – богиня огня (Раевский Д.С., 1977, с. 87–91 и др.). Но в отличие от скифской и многих других синхронных скотоводческих культур Южной и Западной Сибири, Казахстана, Приуралья, и Зауралья, почитание огня не нашло никакого проявления в погребальном обряде пазырыкской культуры. Зола очага как одна из составных частей женского головного убора (наиболее значащей части костюма) может являться одним из ярких свидетельств почитания пазырыкцами огня и того, что его хозяйкой, как и во многих традиционных культурах, была женщина.

Из этнографических материалов сибирских народов известно, что с очагом связывалось благополучие семьи. Огонь очага был помощником, предсказывающим будущее, непосредственно влияющим на людей, предохраняющим от болезней. У нганасан связь между миром живых и миром мертвых проходила через очаг (Симченко Ю.Б., 1972, с. 11–20). Нередко в алтайских сказаниях шаманка уходит в нижний мир через очаг (Сагалаев А.М., 1992, с. 90). У сибирских народов каждая семья имела свой огонь, принадлежащий женщине. Нганасаны всегда возили с собой огонь своего чума, у хантов запрещалось выносить огонь из дома. Домашнее жертвоприношение огню составляло особую обязанность женщины; его подкармливали кусочками жира или рыбы, мяса, кропили молоком или кумысом и т.д. Огонь принимал подарки – у хантов, например, миниатюрные женские платья красного цвета (Кулемзин В.М., 1984, с. 57). Возможно даже, что у нганасан или их отдаленных предков очаг чума был местом захоронения (сожжения?) какой-то категории умерших (Грачева Г.М., 1977, с. 64). У кетов записан рассказ-поучение, где в качестве искупительной жертвы огню приносится жизнь человека. Так, например, старик должен был "накормить" огонь печенью сына, чтобы пламя очага снова вспыхнуло в его жилище (Алексеенко Е.А., 1977, с. 50, 51). Близко к нему селькупское предание об "огненной бабушке", в котором повествуется о том, как для возвращения в чум оскорбленной Хозяйки огня женщине пришлось отдать ей сына (бросить в огонь) – "кровью сердца сына своего огонь зажгла ты" (Прокофьева Е.Д., 1977, с. 78, 79).

Зола или уголь, взятые из родного очага, помогали людям в различных ситуациях, являясь своеобразными оберегами даже в ином мире. Нганасаны носили золу домашнего очага на шее в качестве амулета в специальном мешочке "сими" (что значит "зола", "уголь"), полагая, что мешочек с углем родного очага поможет в случае пурги найти дорогу к дому: "как ребенок стремится вернуться к своей матери, так и уголек из очага стремится к нему вернуться". Тот же принцип лежал в основе обычая надевать умершему "сими". Считалось, что уголек поведет к чуму умерших предков, у которых в подземном мире горит тот же огонь (Грачева Г.Н., 1977, с. 222). У хантов на Агане в гроб умершему клали несколько угольков из домашнего очага, чтобы душа была рядом и не стала жертвой злых духов (Кулемзин В.М., 1984, с. 136).

Уже небольшое количество приведенных примеров, число которых можно увеличить, показывает совершенно особое отношение к содержимому очага, сложившееся в древних и традиционных культурах, и универсальность представлений, связанных с золой.

Возвращаясь к нашим пазырыкским реалиям, отметим, что обугленные остатки в головном уборе-парике могли присутствовать как знак женщины – хозяйки очага, хранительницы семейного огня и потому были обнаружены в погребениях всех пазырыкских женщин, рядовых и знатных, в виде черного насыщенного пятна под черепом (Кубарев В.Д., 1991, с. 37). Этот факт давно зафиксирован, но до сих пор не находил должного объяснения.

Другое предположение, дополняющее первое, может быть высказано в связи с тем, что в составе головного убора присутствует большое количество элементов, содержащихся в кроветворных органах человека. Вспомним, что женщина, похороненная в кург. 1 могильника Ак-Алаха 3, была мумифицирована. Как свидетельствуют патологоанатомы, у нее были удалены все внутренние органы и хрящи ребер. Куда могли деваться внутренние органы бальзамируемых пазырыкцев? Напомним, как бережно с ними обращались в Египте: специально обрабатывали и укладывали в сосуды – канопы, которых было четыре – для печени, легких, желудка и кишок (не трогали только сердце покойного). В пазырыкских погребениях не было обнаружено ничего подобного. Можно предположить, что внутренние органы умерших могли сжигаться на специальном огне, а продукты этого горения являются составной частью той массы, из которой формировался головной убор – парик. Об этом, кажется, может свидетельствовать химический состав этой массы.

Может быть сделано и другое предположение: как уже отмечалось, в тради-

Рис. 5. Изображения (татуировка) на левой руке женщины из кург. 1 могильника Ак-Алаха 3

ционных культурах огонь домашнего очага постоянно "кормили", и не только чистыми дровами и благовониями, но и той пищей, которую ели сами. Огню делались подношения. У пазырыкцев, как у всех скотоводов, в числе других продуктов это могли быть мясо, кровь и жир обычных и жертвенных животных. Отсюда и особенности химического состава вещества головного убора, если согласиться с нашей точкой зрения о том, что оно происходит из очага или жертвенного костра.

Древнейшие универсальные представления о крови как о жизненной силе могут объяснить возможное присутствие ее в составе "сакральной массы" головного убора. Кровь могла использоваться и как клеющее средство. Такое ее качество было известно. Например, кровь служила у австралийцев для прикрепления к коже украшений из перьев (Леви-Брюль Л., 1994, с. 526).

Присутствие заметных количеств кальция указывает на возможность применения в качестве склеивающего вещества костного клея. Забегая вперед, заметим, что при анализе золотой фольги отмечалось присутствие кальция только на поверхности фольги, когда-то соприкасавшейся с клеем, которым фольга наклеивалась на деревянные украшения. Возможно, что для пропитки углистой массы головного убора использовался тот же клей, что и при изготовлении золоченых деревянных украшений. К сожалению, остатков клея на головном уборе обнаружить не удалось. Это вполне объяснимо, если использовался водорастворимый костный клей.

Фрагмент кожи мумии с татуировкой. Впервые мумифицированное тело мужчины с покрытыми татуировкой руками, плечами, ногами и грудью было обнаружено в 1948 г. С.И. Руденко во Втором Пазырыкском кургане (Руденко С.И., 1953, с. 136–142). Тело было препарировано, и части кожи с рисунками хранятся в Эрмитаже. У найденной в 1993 г. мумии женщины татуировка покрывала руки от плеч до кистей и некоторые фаланги пальцев. Мумия сохранена полностью в том виде, в котором она была найдена. Татуировка представляет собой выполненные с большим мастерством изображения реальных и фантастических зверей, хорошо известных пазырыкскому искусству (рис. 5). Уникальный образец древней татуировки был впервые изучен с помощью современных физико-химических методов.

По данным рентгенофлуоресцентного анализа неорганические компоненты фрагмента кожи содержат кальций, в меньшем количестве железо и калий. На уровне следов обнаружены молибден, рубидий, хром, а также ртуть и хлор. Присутствие ртути обнаружено уверенно, этот результат получен при анализе кожи как на спектрометре "Спрут", так и VRA-20. Возможно, что этот факт – признак использования соединений ртути при лечении или же для бальзамирования. Другая возможная причина – сорбция ртути из воды, затопившей захоронение, маловероятна, поскольку ртуть не обнаружена в других объектах, прежде всего в головном уборе.

Скорее всего, присутствие ртути на коже мумии женщины может быть связано с процессом обработки тела с целью сохранения. Давно и хорошо известны антисептические свойства ртути и ее соединений. Препараты ртути до сих пор применяются в медицине как дезинфицирующие средства, например, сулема. Кроме того, соединения ртути взаимодействуют с белками тканей, образуя альбуминаты (Краткая медицинская энциклопедия, 1990, с. 26). Именно эти свойства ртутных препаратов использовались при бальзамировании тел. После удаления внутренних органов при

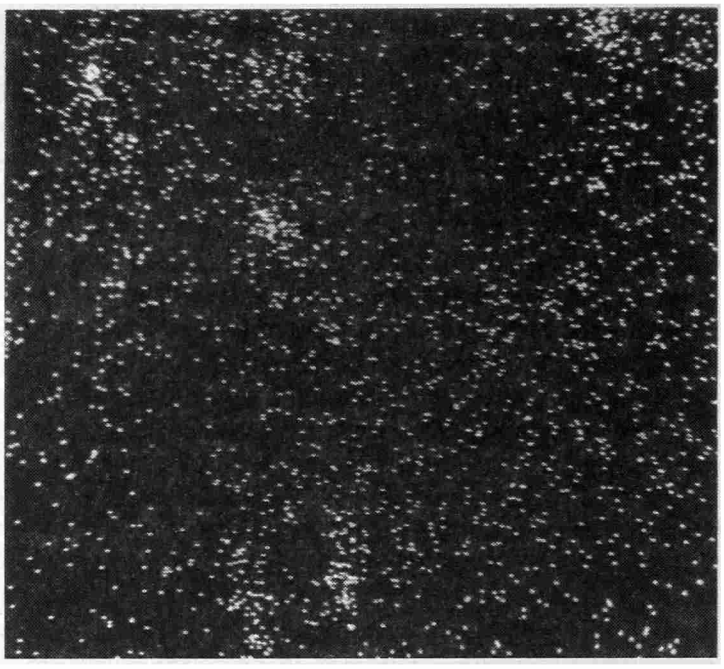


Рис. 6. Фотография участка татуировки в лучах K_α калия. Сгущение светлых точек указывает на наличие калия (увеличение ×600)

мумифицировании пазырыкцы набивали освободившиеся полости шерстью и травой. Этим они как бы восстанавливали объемы тела, хотя и делали это не всегда. Так, у мумии мужчины из рядового кург. 3 могильника Верх-Кальджин 2 (раскопки Молодина В.И., 1994 г., Укок) вскрытая и очищенная полость живота так и не была ничем заполнена. Таким образом, сохранность тела пазырыкцев могла осуществляться не только из-за того, что оно освобождалось от внутренностей, которые даже не заменялись особым набором трав, обладающих некоторыми антисептическими свойствами, как это было, судя по описанию Геродота, у скифов (подробнее об этом у Каменецкого И.С., 1995, с. 68–76), но и за счет обработки поверхностей тела умерших ртутными соединениями.

Интересные данные получены при исследовании фрагмента кожи мумии методом рентгеноспектрального микрозондового анализа. При сканировании на коже проявились точечные области с поперечником около 20 мкм, в которых обнаружено высокое содержание калия. Интенсивность аналитической линии K_αK составляет 12–20% от интенсивности той же линии в чистом KCl, а спектр калия в составе образца идентичен со спектром калия в KCl в области K_αK и K_βK. Эти точечные области расположены регулярно, рядами, с промежутками в 120–150 мкм. Были получены снимки участков кожи в лучах K_αK, на которых видны области с высокой концентрацией калия (рис. 6). В точечных областях обнаружено также присутствие железа, алюминия и кремния, но приблизительно в 15–30 раз меньших концентрациях. Причем алюминия встречается только в точечных областях, а железо и кремний и в промежутках между ними (рис. 7). Вместе с тем вся кожа как бы "пропитана" кальцием, причем его распределение по поверхности является неравномерным и бессистемным. В отличие от ртути кальций, а также железо и кремний, скорее всего, попали на кожу из замерзшей воды.

Очевидно, что обнаруженные точечные области – это следствие нанесения на кожу татуировки. Присутствие же калия укзывает на то, что использовавшаяся для татуировки краска, скорее всего, растительного происхождения. В состав этой краски могли входить черные обуглившиеся остатки и зола от сжигания растений, которая

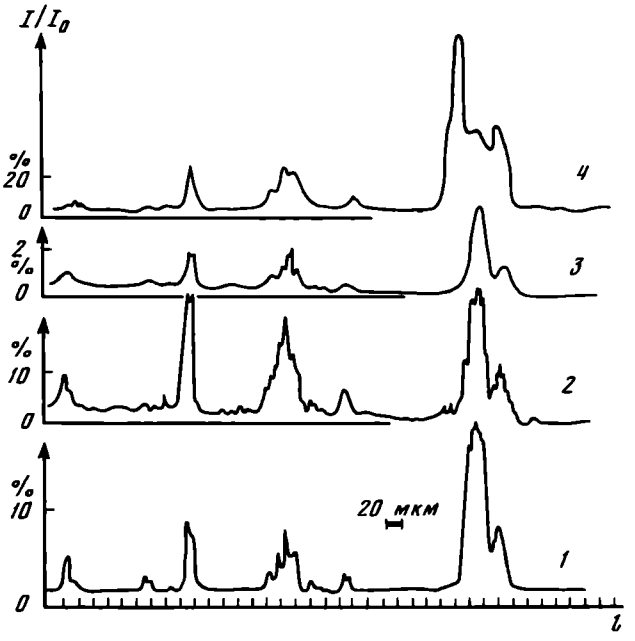


Рис. 7. Профиль интенсивности линий K_α калия (*1*), алюминия (*2*), железа (*3*) и кремния (*4*) при сканировании электронным зондом участка кожи с татуировкой

всегда характеризуется высоким содержанием калия. О красителях, с помощью которых наносилась столь древняя татуировка, как пазырыкская, не осталось никаких письменных свидетельств. Зато есть много данных о способах нанесения татуировки и используемых при этом красителях в традиционных культурах многих народов мира. Так, азиатские эскимосы смазывали кончик иглы массой, "состоящей из графита, смешанного с мочой, или втыкали ее в смешанный с вортанью жженый мох, употреблявшийся в качестве светильни в жирниках. Наколотые узоры принимали синеватый оттенок" (Кочешков Н.В., 1989, с. 34). О другом способе эскимосской татуировки – "прошивании" пишет С.И. Руденко: узор выполняется продергиванием иглой с ниткой, намазанной сажей от жирника или от сожженного мха и трав (Руденко С.И., 1949, с. 149). Айны втирали в ранки, сделанные кончиком ножа, обожженную толченую березовую кору. Важно, что в угле коры березы содержатся вещества, способствующие прекращению кровотечения. Уголь при татуировке смешивали с соком терна, ольхи, шиповника, полыни, мокричника (Арутюнов С.А., Щебеньков А.Г., 1992, с. 194).

При нанесении татуировки в сибирском и дальневосточном регионах в еще обозримом этнографическом прошлом, как видно из приведенных примеров, основным красителем была сажа, уголь, смешанные с жиром, мочой или соком растений. Возможно, того же происхождения был краситель, использовавшийся пазырыкцами.

Данные микрозондового анализа фрагмента кожи с татуировкой позволяют высказать и несколько иное предположение относительно состава и происхождения красителя. В его состав, кроме остатков от сожжения растений, могла входить и глина, содержащая кремний, алюминий, а также железо, придающее глине темно-коричневый цвет.

Золотые изделия. На первом этапе был проведен полуколичественный обзорный элементный анализ 28 образцов золотой фольги. Установлено, что в этих образцах содержание составляет: золота – 60–70%, серебра – до 30%, меди – до 4% и железа – до 0,1%. В пределах от 0,01 до 0,0001% обнаружено присутствие примесей других элементов (Ni, Co, Cr, Mn, Zr, Pb, Zn, Te, Mo, As, Y и др.).

9 из 28 образцов фольги были проанализированы количественно (табл. 1). В табл. 1

Таблица 1

Содержание основных элементов в образцах золотой фольги, мас. %

№ образца	Au	Ag	Cu	Fe	Al	Cr
2	69,80	27,30	1,79	0,086	0,072	0,078
3	70,40	26,40	2,07	0,122	0,072	0,082
4	68,30	28,30	2,33	0,088	0,085	0,082
5	68,70	28,00	2,15	0,130	0,069	0,081
6	67,60	29,10	2,24	0,076	0,042	0,087
7	68,30	28,40	2,18	0,072	0,240	0,086
8	74,70	22,00	2,21	0,072	0,225	0,083
9	75,20	21,50	2,21	0,285	0,154	0,092
10	61,80	33,10	4,07	0,098	0,057	0,057

образцы № 2–7 найдены в Ак-Алаха, образцы № 8–10 – в Кутургунтасе (№ 9 – позолота с налобной бляхи коня; № 10 – позолота с погребального костюма).

По содержанию основных элементов – золота, серебра и меди – образцы золотой фольги (табл. 1) можно разделить на три группы: *а* – образцы № 2 ÷ 7; *б* – образцы № 8 и 9; *в* – образец № 10.

Образцы группы *а* были найдены в захоронении Ак-Алаха. Среднее содержание макроэлементов в этих образцах составляет, %: золото – 68,85 ± 2,10; серебро – 27,92 ± 1,89; медь – 2,13 ± 0,37. Различия между содержанием этих элементов в образцах группы *а* ниже экспериментальной ошибки их определения при анализе. Образцы этой группы настолько близки по своему химическому составу, что можно утверждать, что материал для них был взят из одного источника, а также предположить, что все они изготовлены одним мастером.

Образцы из захоронения в Кутургунтасе заметно отличаются по своему составу от образцов Ак-Алаха. Эти образцы представлены двумя группами *б* и *в*. Можно предположить, что образцы группы *б* изготовлены одним мастером из одного материала (в одно время?). Образец группы *в* № 10 заметно отличается по составу от всех остальных образцов и характеризуется повышенным содержанием серебра (33,1%) и меди (4,07%).

В целом по результатам количественного анализа можно заключить, что все образцы характеризуются достаточно большим содержанием серебра: от 21,5% – в образце № 9 до 33,1% – в образце № 10.

Для выяснения характера распределения примесных элементов в золотой матрице фольгу исследовали методами рентгеноспектрального микрозондового анализа и рентгеноструктурного анализа. По данным рентгеноспектрального микрозондового анализа серебро и медь распределены в золотой матрице равномерно и в постоянном соотношении, что является обязательным признаком гомогенности систем, в частности – твердых растворов. В то же время содержащиеся в фольге примеси железа, алюминия, кремния, хрома, кобальта распределены неравномерно в виде отдельных вкраплений, вероятно в виде микрофаз. Интенсивность линий K_α алюминия и железа от некоторых участков фольги изменяется симбатно, что служит признаком присутствия соединения этих двух элементов в виде минеральных вкраплений.

Кроме того, полуколичественный анализ образцов, приведенных в табл. 1, был выполнен дважды: с "чистой" поверхности и с поверхности со следами клея. На поверхности со следами клея в образцах № 4–7, 9 и 10 обнаружены следы кальция, чего нет на чистых поверхностях. С поверхности образцов № 6, 7 и 10 удалось собрать и проанализировать следы клея (без золотой основы), в которых было установлено присутствие больших количеств кальция. Можно высказать предположение, что кальций был занесен на поверхность фольги с клеем. Это мог быть,

Таблица 2

Данные d_{hkl} и результаты измерения параметров решетки образцов золотой фольги (нумерация образцов в соответствии с табл. 1)

	JCPDS–PDF № 4–784	A	2	5	7	8	9	10
hkl	*d*, Å	d_{exp}, Å						
111	2,355	2,355	2,343	2,344	2,344	2,339	2,343	2,337
200	2,039	2,039	2,030	2,028	2,030	2,026	2,029	2,025
220	1,442	1,442	1,436	1,435	1,435	1,432	1,434	1,431
311	1,230	1,2295	1,2245	1,2234	1,2238	1,2214	1,2232	1,2208
222	1,1774	1,1775	1,1724	1,1717	1,1716	1,1686	1,1715	1,1682
400	1,0196	1,0199	–	–	–	–	–	–
331	0,9358	0,9352	0,9312	0,9312	0,9314	0,9281	0,9311	0,9283
a, Å	4,0786	4,0781(5)	4,0601(5)	4,0585(3)	4,0594(3)	4,0475(9)	4,0580(4)	4,0470(5)

например, костный клей, который получают при вываривании костей. Такой клей обычно содержит примеси соединений кальция в отличие от клеев растительного происхождения. Косвенным подтверждением использования костного клея может быть также характерное красно-коричневое окрашивание поверхности металла, длительное время соприкасавшейся с клеем.

В результате рентгеноструктурного анализа также установлено, что все образцы фольги представляют собой структуры на основе золота. В табл. 2 приведены межплоскостные расстояния d_{hkl} и рассчитанные по ним параметры решетки для исследуемых образцов. При сопоставлении данных d_{hkl} и I_{hkl} со справочными данными найдено, что все дифракционные линии принадлежат одной фазе с кубической гранецентрированной элементарной ячейкой и параметрами решетки около 4,07 Å. Уточнение параметров решетки для каждого образца (точность определения параметра решетки α при этом составляла 0,0003–0,0005 Å) показало их отличие от значения α_{Au} = 4,0786 Å для чистого золота, т.е. все образцы представляют собою твердые растворы.

Выделяются изделия из золота очень высокой пробы (95,9%–96,5%), которые были обнаружены в более древнем (раннескифском VIII–VII вв. до н.э.) захоронении на Укоке (курган Ак-Алаха 2). Это нахвостники из толстых пластин, кованые и не очень ровно и аккуратно разрезанные острым ножом. Ясно видно, что для изготовления нахвостников было использовано какое-то другое цельное изделие даже со следами орнамента. Возможно, это была привозная вещь. Дифрактограмма такого образца свидетельствует о наличии в нем золота высокой пробы (табл. 2, образец А).

Выделенные по материалам погребений (VIII–III вв. до н.э.) на плато Укок три типа золота (высоко-, средне- и низкопробное) по своему составу адекватны природным разновидностям золота, встречающимся в коренных и россыпных месторождениях многих районов. На Алтае и прилегающих территориях Монголии, Китая и Казахстана наиболее известны из них два типа – средне- и низкопробное. Поскольку состав образцов фольги близок к составу золото-серебряных руд региона, можно отдать предпочтение версии о том, что фольга была изготовлена из этих руд, а не искусственно приготовленных сплавов золота.

Присутствие "золотого блеска" почти во всех пазырыкских погребениях от богатых до бедных – одна из особенностей культуры. Находки золота в могилах не являются чем-то неожиданным в таком богатом этим металлом регионе, как Алтай. Все известные к сегодняшнему дню могильники пазырыкской культуры расположены в непосредственной близости от золоторудных и золото-серебряных месторождений.

Удивительно то, что при видимом изобилии этого металла в могилах, даже не тронутых грабителями и принадлежащих пазырыкской знати, мы не находили ничего кроме тонкой золотой фольги или тонкой проволоки – сережек. Причем, как показывают результаты проведенного анализа, золото было низкопробным.

В настоящее время археологическое золото Горного Алтая все еще является загадкой. Огромное количество образцов золотой фольги из пазырыкских могил Горного Алтая, а также золотые изделия из более древних, как и поздних погребений, требуют более пристального исследования. Целесообразно, в частности, провести идентификацию "археологического" золота с составом известных на территории Алтая и близких районов его природных месторождений (Щербаков Ю.Г., 1965, с. 5–38; 1974). Можно надеяться, что дальнейшие исследования позволят представить более полно характер развития ювелирного искусства на Алтае в древности и в средневековье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеенко Е.А., 1977. Культы кетов // Сб. МАЭ. Вып. XXXIII. Л.

Арутюнов С.А., Щебеньков А.Г., 1992. Древнейший народ Японии. Судьбы племени айнов // Сер. "Рассказы о странах Востока". М.

Граков Б.Н., 1971. Скифы. М.

Грачева Г.Н., 1977. Традиционные культы нганасан // Сб. МАЭ. Вып. XXXIII. Л.

Каменецкий И.С., 1995. О бальзамировании умерших царей у скифов // Историко-археологический альманах. Армавир; Москва.

Кочешков Н.В., 1989. Этнические традиции в декоративном искусстве народов Крайнего Северо-Востока СССР (XVIII–XX вв.). Л.

Краткая медицинская энциклопедия, 1990. Т. 3. М.

Кубарев В.Д., 1991. Курганы Юстыда. Новосибирск.

Кузьмина Е.Е., 1994. Откуда пришли индоарии? М.

Кулемзин В.М., 1984. Человек и природа в верованиях хантов. Томск.

Леви-Брюль Л., 1994. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.

Молева Н.В., Семичева Е.А., 1995. Материальные свидетельства культурных взаимодействий в Китейском святилище // Чужая вещь в культуре. Мат. науч. конф. С.-Пб.

Некрасов Б.В., 1973. Основы общей химии. М.

Полосьмак Н.В., 1994. Погребение знатной пазырыкской женщины на плато Укок // Altaica. № 4. Новосибирск.

Полосьмак Н.В., 1995. Феномен алтайских мумий // Природа. № 11.

Прокофьева Е.Д., 1977. Некоторые религиозные культы тазовских селькупов // Сб. МАЭ. Вып. XXXIII. Л.

Раевский Д.С., 1977. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М.

Руденко С.И., 1949. Татуировка азиатских эскимосов // СЭ. № 1.

Руденко С.И., 1953. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.

Сагалаев А.М., 1992. Алтай в зеркале мифа. Новосибирск.

Симченко Ю.Б., 1972. Люди высоких широт. М.

Щербаков Ю.Г., 1965. Генетические черты золоторудных месторождений в Горном Алтае. Геология и геохимия рудных месторождений Сибири. Новосибирск.

Щербаков Ю.Г., 1974. Геохимия золоторудных месторождений в Кузнецком Алатау и Горном Алтае. Новосибирск.

Институт археологии и этнографии
СО РАН, Новосибирск

Государственный научный центр
Российской федерации
"Институт катализа им. Г.К. Борескова"

Институт геологии и геофизики СО РАН, Новосибирск

N.V. POLOSMAK, L.P. KUNDO, V.V. MALAKHOV, A.A. VLASOV,
I.L. KRAYEVSKAYA, I.A. OVSYANNIKOVA, G.S. LITVAK, L.M. PLYASOVA,
L.P. SOLOVIEVA, A.N. SHMAKOV, Yu.G. SHCHERBAKOV, N.V. ROSLYAKOVA

SUBSTANCE CONSTITUTION ANALYSIS OF FINDS FROM THE "FROZEN" GRAVES OF GORNY ALTAI (AK-ALAKHA 3, THE PAZYRYK CULTURE)

Summary

This paper presents the first results of physico-chemical analysis of the unique archaeological finds discovered during the last five years in the "frozen" graves of the Ukok Plateau. Formative substance of the head-gear (wig) of the noble womman, fragments of her tattooed skin, gold adornments and foil were studied through the methods of chemical, roentgen-structural, roentgen-phase and thermal analysis. Data on the chemical composition and the structure of the formative substance are suggestive of the purpose and semantics of the head-gear. Some recommendations for conservation of this unique object were obtained. Presence of mercury in the woma's skin may be considered as a direct evidence of the usage of mercury compounds for preservation of the body. Element composition of the dye used for tattoo was identified. Analysis of the gold items and foil strongly indicates that they were made fo native gold melt with silver and, likely, copper. It was ascertained that the gold foil was attached to the items of different kinds with bone glue. Presently only the first steps have been made and the first results of collaboration between archaeologists and chemists have been obtained. Good prospects of this collaborative research are evident.

С.Ю. САПРЫКИН

О ЗНАЧЕНИИ НЕКОТОРЫХ КЛЕЙМ НА ЧЕРЕПИЦЕ ИЗ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Клеймо римской военной колонии в Синопе

Среди случайных находок из керамического сброса на городище Херсонеса Таврического нами был обнаружен фрагмент черепицы – солена с клеймом, в котором отчетливо читались греческие буквы. Клеймо 13×2 см оттиснуто продолговатым штампом и имеет высоту букв чуть ниже рамки клейма. Оттиск штампа нанесен на внешнюю поверхность керамиды, которая, судя по общему для керамических изделий Синопы признаку – светло-коричневой с чуть розоватым оттенком глине с включением большого количества черного пироксена, была привезена в Херсонес из этого южнопонтийского центра. Легенда клейма содержит такой текст: Κ · ΟΥΘΑΤ · ΙΟΥΛΙΑ. Для шрифта характерны слабое апицирование, широкие омикрон и тета, чуть уменьшенные усики каппы (рис. 1).

Публикуемое клеймо существенно отличается от известных керамических клейм Синопы с именами и обозначением должностей магистратов и фабрикантов, хронологические рамки которых укладываются в пределах 376–183 гг. до н.э. (Федосеев Н.Ф., 1993, с. 14; 1994, с. 188–190). Ни по форме, ни по содержанию наше клеймо не имеет ничего общего с синопскими магистратскими и немагистратскими клеймами классической и эллинистической эпох. Наоборот, оно стоит ближе к так называемым легионным или фабрикантским клеймам с латинскими легендами на кирпичах и черепице первых веков нашей эры. За это говорит использование сокращений, интерпункции и продолговатая форма штампа. Единственное отличие – греческий, а не латинский шрифт в легенде. Это обстоятельство позволяет высказать предположение, что клеймо должно датироваться временем, предшествующим появлению римских легионных клейм, и соответственно периодом, который наступил после полного прекращения клеймения в Синопе в начале II в. до н.э. Следовательно, появление клейм, подобных нашему, ограничивается II в. до н.э. – I в. н.э. Клеймо может быть прочитано следующим образом: Κ(ολωνία) Ουϑατ(οέσσα) Ἰουλία.

Как видно из легенды, мы имеем дело с крайне редким вариантом клейм Синопы, содержащих название выведенной в этот греческий полис в 46 г. до н.э. Гаем Юлием Цезарем колонии италиков – Colonia Iulia Felix (Plin. NH. VI. 2; Plin. Ep., X.91. Strabo XII.3.11). За основу для восстановления в клейме названия римской колонии, к тому же частично в сокращении, можно взять медные монеты Синопы, чеканившиеся с момента возникновения колонии или чуть позднее и вплоть до правления римского императора Галлиена (253–268 гг. н.э.). Все эти монеты имеют латинскую легенду всегда в виде сокращенного названия города C · I · F = C(olonia) I(ulia) F(elix). На некоторых монетах начальные буквы названия отделены друг от друга интерпункцией, что, кстати, частично свойственно и нашему клейму. В ряде случаев встречается более полное название CIF или CFIS = C(olonia) I(ulia) F(elix) Si(nope), впервые засвидетельствованное в сокращенной форме на монете 27 г. до н.э. Однако, начиная с императора Марка Аврелия, древнее название полиса дается уже в полной форме – CIF SINOPE (Waddington W. et al., 1925, p. 208–210, № 73a–76; 76a–81; 114–168b). Если отталкиваться от этого, то публикуемое клеймо, в котором отсутствует перво-

© С.Ю. Сапрыкин, 1997 г.

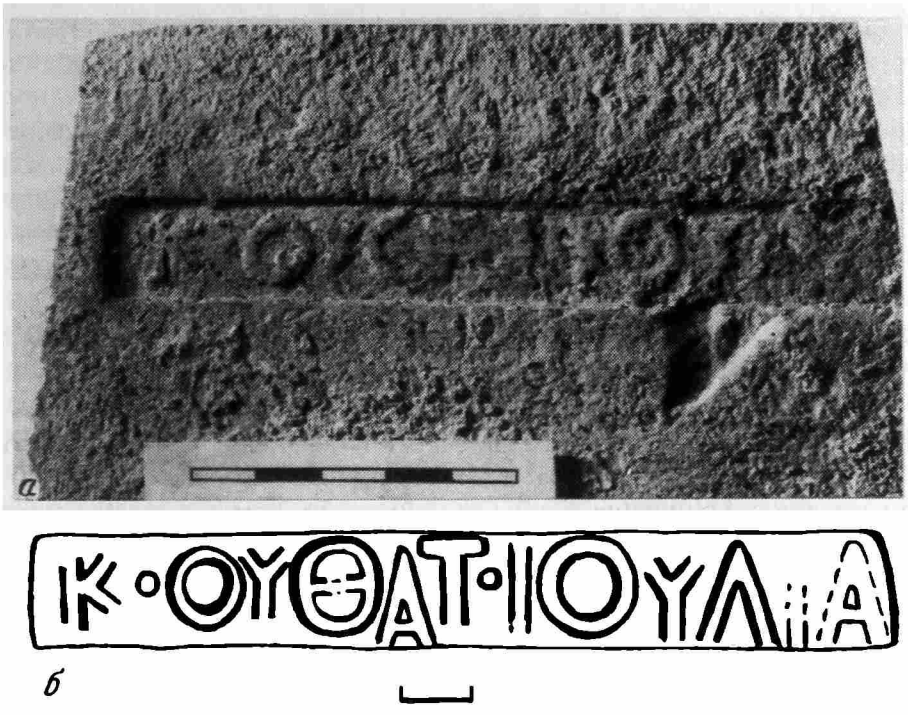


Рис. 1, *а, б* – черепичное клеймо Колонии Юлии Феликс – Синопы

начальное название города, можно сопоставить с монетами Синопы времени Г. Юлия Цезаря, Марка Антония, Августа и Агриппы, а также с монетами, чеканившимися в период времени от Калигулы до Антонина Пия, поскольку на них оно также отсутствует. Тогда хронологический диапазон для датировки черепицы и клейма получается весьма широким.

Однако в клейме имеется указание, которое дает более точную датировку. На тех же монетах Синопы римского времени эпитет колонии – Felix (греч. οὐθατόειζ, -εσσα, -εν), что значит буквально "счастливая, благодатная, плодородная", поставлен, как правило, на третью позицию после обозначения колонии и имени ее основателя. Такая практика написания монетной легенды началась с самого первого выпуска римской колониальной меди Синопы = Колонии Юлии, может быть, еще при Цезаре, ее основателе. Продолжалась она и после его смерти в 44 г. до н.э., поскольку засвидетельствована на первой серии меди с легендой DIVO IVLIO и портретом Марка Антония (Waddington W. et al., 1925, p. 201, 208, № 73a, 74[1]). На следующей по времени серии, датированной по местной эре 35 г. до н.э., несмотря на плохую сохранность, авторы каталога монет собрания В. Ваддингтона восстанавливают название [C...I] · F · I, что, впрочем, не исключает и варианта [C] · F · I, т.е. C(olonia) F(elix) I(ulia) (Waddington W. et al., 1925, p. 201*, № 75, pl. XXVI, *29*). Зато на последующих сериях, включая и датированные 27 г. до н.э., название города имеет написание C · F · I · SI = C(olonia) F(elix) I(ulia) Si(nope) (Waddington W. et al., 1925, f. 1, p. 201, № 75a–76a; Kornemann, 1900, S. 531). Причем на другой монете 27 г. до н.э. с портретом Августа и Агриппы название города стоит уже в другом порядке: C · I · C · F · C, как и на монете с портретом Августа на аверсе и Цезаря на реверсе (Waddington W. et al., 1925, f. 1, p. 202*, № 79, 80). Затем вплоть до полного прекращения чекана в III в. н.э. расположение слов в названии стало традиционным: C · I · F.

Таким образом, чередование слов в названии колонии в том виде, в каком оно фигурирует в публикуемом клейме, бытовало согласно монетным легендам только в течение узкого отрезка времени – с 35 г. до н.э. по 27 г. до н.э., т.е. укладывается в период правления на Востоке Марка Антония. Именно в эти годы эпитет колонии – Felix фигурирует после обозначения колонии и предшествует родовому имени ее основателя. Следовательно, у нас имеются веские причины датировать черепичное клеймо

периодом времени между 46 г. до н.э., когда была создана колония италиков, и 27 г. до н.э., когда уже при Августе в обиход вошел другой вариант сокращенной номинации, перешедший вскоре в устоявшуюся формулу C · I · F.

Обращает на себя внимание отсутствие в клейме дополнительных сведений, кроме полного названия города, данного ему Цезарем при выведении туда римской колонии. Это делает вполне вероятным предположение, что черепица изготовлена в эргастерии, принадлежащем властям самой колонии, а не частному фабриканту – керамарху, подобно тому, как это было в Синопе двумя-тремя столетиями ранее, когда там наблюдался расцвет астиномного клеймения. Многочисленные астиномы должны были следить за качеством выпускаемой продукции согласно стандартам, принятым властями полиса, поскольку во множестве гончарных мастерских, принадлежавших частным лицам и нарушения могли быть частыми. Что до нашего клейма, то ко времени основания римско-италийской колонии в городе, вероятно, сократилось количество частных эргастериев, особенно в течение II в. до н.э., когда прекратилось магистратское клеймение и резко уменьшился объем синопского экспорта в амфорной таре (Федосеев Н.Ф., 1994, с. 188; Цехмистренко В.И., 1963, с. 11). Те же мастерские, которые продолжали выпускать посуду и черепицу, могли теперь непосредственно подчиняться властям города. Это позволяло несколько смягчить магистратский контроль за выпуском продукции керамических мастеров. Возможно и то, что глинище, снабжавшее мастерскую, где сделана наша черепица, находилось на землях, принадлежавших общине граждан колонии или только ее римской половине.

Возможно и иное объяснение. Согласно уставу основанной Цезарем в Испании Colonia Iulia Genetiva, близкой по статусу и государственно-административному устройству Колонии Юлии в Синопе, первые магистраты и декурионы не избирались, а назначались Цезарем, считавшимся основателем и верховным правителем колонии (Машкин Н.А., 1949, с. 94; Bögli H., 1966; Mommsen T., 1913, S. 25). Как римская колония Синопа пользовалась италийским правом – Jus Italica, что давало ей ряд существенных привилегий. В их основе лежало право организации политического и государственного управления по примеру римско-италийских городов, но чаще самого Рима. В Синопе во главе управления стояли два эфора (дуовира), которые по своему статусу и функциям соответствовали двум римским консулам. Им принадлежала вся исполнительная власть в городе. Прямыми помощниками дуовиров были эдилы, подобно тому как в Риме они являлись помощниками консулов. Синопские эдилы по положению приравнивались к городским астиномам, т.е. они выполняли те же самые функции по надзору и контролю за производством и экспортом продукции в керамической таре, что и их предшественники в греческом полисе. Отсюда следует, что, поскольку клеймо с названием колонии уже само по себе служило гарантией и знаком качества произведенной продукции, то этот знак как бы являлся подтверждением того, что исполнительная власть колонии в лице эдилов давала гарантию ее добротности. Не исключено, что эдилы-астиномы сами следили за экспортом производимых товаров и их производством в принадлежащих государству мастерских, что давало прибыль в казну города. Вот почему клеймо с названием колонии являлось свидетельством государственного контроля за выпускаемой продукцией и служило гарантом на право ее вывоза. Следовательно, качественное изменение процесса клеймения в Синопе в римское время по сравнению с предшествующим периодом было результатом коренного изменения в государственном устройстве этого города после выведения туда римской колонии (Максимова М.И., 1956, с. 357–368; Bögli H., 1966, p. 5 ff.)

По свидетельству Страбона (Strabo, XII, 3, 11) римским колонистам Цезаря принадлежала в Синопе часть городских кварталов и земельных участков на окрестных территориях. Это дало возможность исследователям говорить о "двойных общинах" в таких греческих городах, как Синопа и Гераклея Понтийская, и об интеграции римских институтов власти в конституцию таких полисов, как Амис (Magie D., 1950, p. 1267; Mitchell S., 1993, p. 37). В Синопе и других городах римских восточных провинций греческий язык считался официальным наряду с латинским, что подтверждает-

ся многочисленными надписями (Максимова М.И., 1956, с. 366–370; Robinson D., 1905, p. 294–333). Это объясняет греческое написание легенды клейма. Нельзя исключать и предположение, что мастерская, изготовившая черепицу, находилась на территории города, принадлежавшей греческой части его населения. Городские власти могли использовать греческую легенду для клеймения продукции еще и потому, что она предназначалась на экспорт в другие города Северного Причерноморья, где греческий язык преобладал.

Таким образом, рассматриваемое клеймо может принадлежать римской колонии Юлии в Синопе и датироваться третьей четвертью I в. до н.э. Это был период наивысшей активности Марка Антония на Востоке, политика которого способствовала сохранению за Синопой статуса римской колонии и независимости от пафлагонского правителя Дейотара Филадельфа, что подтверждается монетами города и публикуемым черепичным клеймом. Несмотря на большие налоги, которыми Антоний обложил восточные провинции и города Малой Азии, Синопа, как показывает наше клеймо, сумела восстановить прежние торговые связи со странами Причерноморья. Это служит подтверждением оживления ее хозяйственной деятельности, очевидно, не без поощрения со стороны римских властей. Наряду с поступлением амфорной светлоглиняной тары, из Синопы в Северное Причерноморье вывозились и партии черепицы (Максимова М.И., 1956, с. 335, 336; Зеест И.Б., 1951, с. 106 сл.)[1].

Новый тип клейма V Македонского легиона

В 1961 г. В.В. Борисова опубликовала черепичное клеймо с негативным изображением, которое происходит из Херсонеса Таврического. В клейме (инв. ХМ № 24/36480) отчетливо читаются латинские буквы OPVSPV..., уходящие в облом. При соединении оттиска штампа с другим фрагментом этого клейма появилась возможность различить остатки еще двух букв, которые В.В. Борисова прочитать не смогла. Опираясь на аналогичного типа херсонесское клеймо OPVSNOV = opus nov(um), В.В. Борисова высказала мнение, что такие клейма ставили на черепицу, предназначавшуюся для новых построек (Борисова В.В., 1961, с. 41–43, рис. 1*а*, 4). В.М. Зубарь не согласился с такой интерпретацией и высказал убеждение что клейма opus P... и opus Nov, скорее всего, обозначают имя мастера – изготовителя черепицы (Зубарь В.М., Антонова И.А., 1991, с. 82, 83).

Клеймо, о котором идет речь, в полной форме выглядит следующим образом: OPVSPVLM, причем из-за скола в нижней части букв P и V возможна их лигатура, и тогда легенда клейма будет иметь такой вид: OPVSPRVLM (рис. 2). Предположение о том, что клеймо могло заключить в себе сокращение имени мастера-изготовителя, вызывает ряд возражений. Нет никаких сомнений, что черепица с этими клеймами изготовлена при вексилляции римских войск в Херсонесе, на что указывает латинский язык и обнаружение подобных клейм вместе с легионной черепицей. Если бы изготовители этой черепицы были мастерами внелегионных мастерских, то они должны были бы подчиняться контролю со стороны полисных властей и, подчиняясь общему правилу, ставить собственное имя в штамп клейма, исключительно написанное по-гречески. Очень сомнительно, чтобы римляне – владельцы мастерских – изготавливали черепицу для нужд римского гарнизона вне сферы деятельности его командования, в распоряжении которого были к тому же собственные гончарные печи для производства кирпичей и черепицы. В таком случае согласно общепринятой практике клеймения легионной продукции имена мастеров или командиров помещались либо в отдельном

---

[1] Синопа, очевидно, была центром производства узкогорлых светлоглиняных амфор, в изобилии ввозившихся в Северное Причерноморье с конца I в. до н.э. (Шелов Д.Б., 1978, с. 20). Ранние типы светлоглиняных амфор с двуствольными ручками, как и одноствольными, второй половины I в. до н.э. – I в. н.э. относят к Гераклее Понтийской и Синопе, после того, как туда были выведены римские колонии; к этому времени их ввоз в Северное Причерноморье заметно увеличился (Внуков С.Ю., 1988, с. 15 сл.).

Рис. 2. Латинское клеймо препозита V Македонского легиона. Херсонес Таврический. Начало IV в. н.э.

клейме, но обязательно в сопровождении легионного штампа, либо в одном штампе с обозначением соответствующего легиона (Иванов Р., 1981, с. 42–46; IDR, 1977, p. 255, № 280, fig. 207c; Tudor D., 1966, p. 593–595). Если черепица изготавливалась не в легионной, а в частной мастерской, то мастер или владелец имел право ставить собственное клеймо на изготовленную продукцию (Морфова Зл., 1963, с. 28, 29, № 5–10). На территории Римской империи подобные клейма обычно латинские, хотя впрочем нам неизвестно, ставили ли их мастера или владельцы мастерских, а не какие-либо римские чиновники. В пользу последнего предположения говорят многочисленные tria nomina на римских кирпичах и черепице (Морфова Зл., 1963, с. 28, 29; IDR, 1977, p. 252, № 280, fig. 203). Такая практика в принципе возможна и в Херсонесе Таврическом, однако она там все же маловероятна. Ведь город не входил в состав римской провинции, имел свои органы управления, а значит и контроль со стороны своих чиновников за местными изготовителями керамической продукции, что обязывало будь то чиновник или мастер (владелец) помещать свое имя согласно правилу клеймения, только в греческой огласовке. Это хорошо подтверждается вышеприведенным клеймом Синопы, в котором римское название города написано на официальном греческом языке. Если допустить, что черепица с латинскими "нелегионными" клеймами попросту ввозилась в Херсонес, то против этого говорит повсеместное отсутствие подобных клейм на территории Римской империи, в особенности в нижнедунайских провинциях, с которыми Херсонес был непосредственно связан.

Для правильной расшифровки и интерпретации клейма обратимся к клеймам на черепице со штампом V Македонского легиона, которые в большом количестве найдены в различных местах нижнедунайских провинций Римской империи. Наше внимание привлекли черепичные клейма из кастеллей и легионных стоянок в провинции Dacia Ripensis: PRELVM, PRLVMOES, PRVMVTO, PRLVMVTO, PRLVMVAL, PROES, PRRIPVAR (Морфова Зл., 1963, с. 30–32; Ivanov R., 1994, p. 9; Morfova Z., 1959, p. 642; Sarnowski T., 1985, p. 116–124). Эти клейма относятся к префектам или препозитам V Македонского легиона, вексилляции которого размещались в Эскусе, Вариане или Варинии, Валериане и Утусе (Морфова Зл., 1963, с. 29, Ivanov R., 1994, p. 8; Morfova Z., 1959, p. 642–644, Sarnowski T., 1885, p. 118–122). На это указывают сокращения названий лагерных стоянок легиона после обозначения его названия и номера. Перечисленные клейма восстанавливаются следующим образом: PRELVM-pr(a)e(fectus) l(egionis) V M(acedonicae); PRLVMOES-pr(aefectus) l(egionis) V M(acedonicae) Oes(co); PRVMVTO-pr(aefectus) (legionis) V M(acedonicae) Uto; PRLVMVTO-pr(aefectus) l(egionis) V M(acedonicae) Uto; PRLVMVAL-pr(aefectus) l(egionis) V M(acedonicae) Val(erianae); PROES-pr(aefectus) (legionis V Macedonicae) Oes(co); PRVAR-pr(aefectus) Var(inianae); PRRIPVAR-pr(aefectus) ri p(ae) Var(inia) vel Var(inianae) (Морфова Зл., 1963, с. 29; Bollini M., 1980, p. 102, 103; Ivanov R., 1994, p. 8, 9; Sarnowski T., 1985, p. 118–122). Аббревиатуры PR, PRE могут обозначать и название должности препозита вексилляции легиона, стоявшей в том или ином центре провинции. Последнее подтверждается легионным клеймом из Харакса, в котором упоминается центурион I Италийского легиона, препозит вексилляций Нижней Мезии (PRAEP · VEX · MOES · INF) (Беляев С.А., 1968, с. 132; Блаватский В.Д., 1951, с. 254; Зубарь В.М., Антонова И.А.,

1991, с. 81, 82). Иными словами, производство черепицы в том или ином кастелле находилось под постоянным контролем командования легиона или его вексилляции. С учетом сказанного предлагаем следующее восстановление клейма из Херсонеса: opus pr(aefecti) V l(egionis) M(acedonicae). При таком чтении кажется весьма необычной легенда клейма: номер легиона предшествует его названию. Нам известны случаи, когда порядковый номер легиона ставился в клеймах после его названия, например, в клейме V Македонского легиона с хоры Херсонеса /LEMNCV/ (Сапрыкин С.Ю., 1981, с. 58)[2] и в позднеримском клейме I Италийского легиона из Нове (LITAIFICOR) (Sarnowski T., 1985, p. 107). Но чтобы номер легиона предшествовал его полному названию, такого факта нигде в керамической эпиграфике не засвидетельствовано. Вот почему мы больше склоняемся к восстановлению клейма в таком виде: opus pr(aepositi) v(exillationis) l(egionis V) M(acedonicae). В этом контексте слово opus может обозначать "занятие, деятельность, функцию" или "постройку, сооружение", отражая либо контроль за производством черепицы в Херсонесе со стороны римского гарнизона, либо принадлежность здания префекту или скорее препозиту V Македонского легиона.

Рассматриваемое клеймо существенно отличается от клейм V Македонского легиона, известных по находкам в Тире, Херсонесе, городах Нижней Мезии и датируемых II в. н.э. (Авдеев А.Г., 1993, с. 120, 121; Зубарь В.М., 1994, с. 50; Сапрыкин С.Ю., 1981, с. 58–61; Сон Н.А., 1993, с. 33; Doruţiu-Boila E., 1972, p. 54). Вышеперечисленные клейма из Дакии Ripensis датируются позднеримской эпохой – временем правления Констанция I, Константина и Констанция II, т.е. концом III – началом IV в. н.э. Е. Риттерлинг (Ritterling E., 1925, p. 1572–1581) и Зл. Морфова (Morfova Z., 1959, p. 642) сходятся во мнении, что подобные клейма стали появляться после 271 г. н.э., когда легион вернулся из Дакии в нижнедунайский лимес (см. также Ivanov R., 1994, p. 9). Д. Бенеа (Benea D., 1978, p. 238–240) датирует клейма временем правления Диоклетиана и Константина, а А. Петрэ (Petre A., 1974, p. 38) концом III–IV в. н.э. (см. также Sarnowski T., 1985, S. 119). Поскольку клеймо из Херсонеса близко по типу названным клеймам из Дакии и Нижней Мезии, то мы вправе датировать его началом IV в. н.э.

Вексилляция V Македонского легиона находилась в Херсонесе в первой половине – середине II в. н.э. При Марке Аврелии, когда легион был передислоцирован в Дакию, в Тире и Таврике его сменили отряды I Италийского и XI Клавдиева легионов (Зубарь В.М., 1994, с. 56, 57; Сон Н.А., 1993, с. 33–35; Sarnowski T., 1988, с. 142–144). Тем более интересно установить, когда и при каких обстоятельствах отряд V Македонского легиона смог вернуться в Херсонес Таврический в начале IV в. н.э.

В "Житиях святых епископов херсонесских" сохранилось свидетельство о том, что император Константин направил в 325 г. н.э. в Херсонес отряд римских войск во главе с Феоной (Кутайсов В.А., 1986, с. 141; Латышев В.В., 1906, с. 41; 1907, с. 111). Существует, правда, мнение, что "Жития" не могут быть надежным источником сведений о событиях IV в. н.э. в Херсонесе, так как написаны не ранее VII в. и дошли до нас в списках X в. (Зубарь В.М., 1994, с. 130). Все же, даже несмотря на то, что факт присылки в Херсонес епископов из Иерусалима может быть вымышленным, некоторые сведения "Житий", касающиеся жизни и описания окрестностей Херсонеса, являются достоверными (Латышев В.В., 1906, с. 50–53). Это, в частности, может относиться и к возможности пребывания римских войск в начале IV в. н.э. в самом Херсонесе и его окрестностях, что признается многими исследователями (Диатроптов П.Д., 1986, с. 134; Якобсон А.Л., 1959, с. 18). Ведь и у Константина Багрянородного говорится о римских баллистариях в Херсонесе, которым платили жалованье сами императоры (Const. Porphyr. De ad., 53.251). Очевидно, как и в случае с рассказами Констан-

---

[2] Проф. К. Вахтель (Берлин) обратил впрочем мое внимание на возможность восстановления в этом клейме легенды как le(gio V) M(acedo)n(i)c(ae) V(arinia) vel V(arinianae).

тина Багрянородного о Херсонесе, в основу "Житий" легли местные херсонесские предания и хроники, восходившие ко времени описанных событий (см. Латышев В.В., 1906, с. 13–18). Так что несмотря на скепсис некоторых исследователей, думается, нельзя отвергать факт пребывания римских отрядов в Херсонесе в конце III – начале IV в. н.э. Тем более, что это подтверждают и другие свидетельства, в том числе и эпиграфические (Зубарь В.М., 1994, с. 130–132)[3]. Если в Херсонесе Таврическом действительно находился отряд римских войск, то согласно рассматриваемому клейму он мог прибыть из придунайских провинций. В состав этого отряда могли входить солдаты или офицеры V Македонского легиона, стоявшего в конце III – начале IV в. н.э. в провинции Dacia Ripensis.

Однако более вероятно, на наш взгляд, предположение, что офицеры этого легиона попали в Херсонес из Дакии в результате реорганизации римской армии при Диоклетиане. В результате этой реформы гарнизон города составлялся по типу легиона баллистариев, набиравшегося в основном из местных жителей, но находившегося под командованием римских офицеров – протекторов, которые специально откомандировывались императорами для исполнения командирских функций в такого рода подразделениях. О присутствии таких офицеров-протекторов в Херсонесе говорит одна латинская надпись конца III – начала IV в. н.э. (Зубарь В.М., 1994, с. 138; Ростовцев М.И., 1907, с. 13). Возможно, что необычный для римского гарнизона Херсонеса, как, впрочем, и для Нижнего Дуная, тип клейма (со словом opus) может служить подтверждением указанного мнения. Если это было так, то префект или препозит (а может быть, протектор?) из состава V Македонского легиона мог быть послан в Херсонес на рубеже III–IV вв. н.э. специально для осуществления командирских функций в херсонесском гарнизоне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авдеев А.Г., 1993. О времени пребывания подразделений V Македонского легиона в Херсонесе // ВДИ. № 2.

Беляев С.А., 1968. К пониманию CIL VIII. 619 // ВДИ. № 4.

Блаватский В.Д., 1951. Харакс // МИА. № 19.

Борисова В.В., 1961. Черепица с клеймами римских легионов // СХМ. Вып. 2.

Внуков С.Ю., 1988. Светлоглиняные амфоры I в. до н.э. – I в. н.э. как источник по экономической истории Северного Причерноморья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Диатроптов П.Д., 1986. Распространение христианства в Херсонесе Таврическом в IV–VI вв. // Античная гражданская община. М.

Зеест И.Б., 1951. Новые данные о торговых связях Боспора с Южным Причерноморьем // ВДИ. № 2.

Зубарь В.М., 1994. Херсонес Таврический и Римская империя. Киев.

Зубарь В.М., Антонова И.А., 1991. Об интерпретации и датировке клейм с аббревиатурой VEMI из Херсонеса // ВДИ. № 2.

Иванов Р., 1981. Тегули и тухли с печати на I Италийский и XI Клавдиев легион от Улпия Ескус // Археология. Кн. 3.

Константин Багрянородный, 1989. Об управлении империей. М.

Кутайсов В.А., 1986. Новые находки легионных клейм в Херсонесе // Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры. Киев.

Латышев В.В., 1906. Жития святых епископов херсонесских. Исследование и тексты. СПб.

Латышев В.В., 1907. Страдания св. священномучеников и епископов Херсонских // ИАК. Вып. 23.

Максимова М.И., 1956. Античные города Юго-Восточного Причерноморья в античную эпоху. М.; Л.

Машкин Н.А., 1949. Принципат Августа. М.; Л.

[3] В.М. Зубарь пересмотрел устоявшееся мнение о том, что при Диоклетиане и Константине римский гарнизон Херсонеса состоял из солдат нижнедунайских легионов, хотя и оставляет этот вопрос открытым.

Морфова Зл., 1963. Римски тухли и керамиди с печати от Северна България // Археология. Т. V. Кн. 1.

Плиний Младший, 1950. Письма. М.

Ростовцев М.И., 1907. Новые латинские надписи из Херсонеса // ИАК. Вып. 23.

Сапрыкин С.Ю., 1981. Черепица с клеймами римского легиона из усадьбы хоры Херсонеса // КСИА. Вып. 168.

Сон Н.А., 1993. Тира римского времени. Киев.

Страбон, 1964. География в 17 кн. Пер. Г.А. Стратановского. М.

Федосеев Н.Ф., 1993. Синопские керамические клейма как источник по политической и экономической истории Понта: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Федосеев Н.Ф., 1994. Хронология синопских магистратских клейм // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тезисы межд. конф., посв. 95-летию со дня рождения Б.Н. Гракова. Ч. II. Запорожье.

Цехмистренко В.И., 1963. Клейма как источник для изучения керамического производства в Синопе в IV–II вв. до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Шелов Д.Б., 1978. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА. Вып. 156.

Якобсон А.Л., 1959. Раннесредневековый Херсонес // МИА. № 63.

Benea D., 1978. Die V. Makedonische Legion auf den nördliche Donaulimes im 3–4 Jahrhundert // Acta Muzei Napocensis. Vol. 15.

Bögli H., 1966. Studien zu den Koloniegrundungen Caesars. Murten.

Bollini M., 1980. Bolli laterizi di Ratiaria // Ratiariensia. Vol. I. Bologna.

Doruţiu-Boilă E., 1972. Teritoriul militar al legiunii V Macedonica la Dunărea de Jos // SCIV. Vol. 23. Nr. 1.

Ivanov R., 1994. Ziegel- und Dachziegelstempel mit Bezeichnung der Legion und der Garnison am Unteren Donaulimes (Bulgarien) // Limes. A cura di Giancarlo Susini. Bologna.

IDR: Inscriptiile Daciei Romane, 1977. Vol. 3. Dacia Superior. I. Bucuresti.

Kornemann, 1900. Coloniae // RE. Bd. IV. I. Hbd. 7.

Magie D., 1950. Roman Rule in Asia Minor. Vol. 2. Princeton.

Mitchell S., 1993. Anatolia. Vol. 1. Oxford.

Mammsen T., 1913. Lex Colonia Julia Genetiva // Gesammelte Schriften. Bd. I. Berlin.

Morfova Z., 1959. Briques et tuile á estampilles d´ Oescus // Latomus. T. XIX.

Petre A., 1974. Organizarea limesului Dunarean in Provincia Moesia // Rivista muzeelor i monumentelor. Vol. 43. № 1.

Pliny, 1966. Natural History. With an English Translation in 10 vol. London.

Ritterling E., 1925. Legio // RE. Bd XII.

Robinson D., 1905. Greek and Latin Inscriptions from Sinope and Environs // AJA. Vol. 9. № 3.

Sarnowski T., 1985. Die legio I Italica und der untere Donauabschnitt der Notitia Dignitatum // Germania. Bd. 63. № 1.

Sarnowski T., 1988. Wojsko Rzymskie w Mezji Dolnej i na Pólnocnym wybrzeżu morza Czarnego. Warszawa.

Tudor D., 1966. Comunicari epigrafice IV // SCIV. Vol. 17. № 3.

Waddington W., Babelon E., Reinach T., 1925. Recueil general des monnaies grecques dAsie Mineure. Vol. I. Ed. 2. F. 1. Paris.

Институт всеобщей истории РАН,
Москва

S.Y. SAPRYKIN

ON THE MEANING OF SOME STAMPS ON THE TILE FROM THE NORTHERN BLACK SEA COAST REGION

Summary

Two tile stamps are examined in the article, which were found in Tauric Chersonesus: the first one belongs to Sinope which had been renamed by Julius Caesar in the 46th B.C. into the "Colony Julia Phelix" in connection with the withdrawal towards there of the Roman colony of Italics. The legend of the stamp is transcribed in Greek manner and is certified for the first time in the Northern Black Sea Coast region, and in the tile epigraphics in particular. The stamp finds a row of parallels among the coin legends of Sinope of the Roman time and according to the situation of words can be dated by the 3rd quarter of the I c. B.C.; the second stamp is Latin and has been well known long ago in epigraphics. It was interpreted as a stamp of the master – manufacturer of the tile. Yet a row of parallels among legion stamps of the V Macedonian legion from the Low Danube provinces allows to suppose that the Hersones stamp also belongs to this legion, to be more exact – to the preposite, prefect or the protector of the detachment that found itself in Chersonesus Taurica in the beginning of the IV c. A.D.

А.А. МАЛЫШЕВ, Л.С. РОЗАНОВА, Н.Н. ТЕРЕХОВА

НАСТУПАТЕЛЬНОЕ ВООРУЖЕНИЕ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ (I–III вв. н.э.) ЦЕМДОЛИНСКОГО МОГИЛЬНИКА*

Военное искусство боспорян творчески сочетало достижения народов Средиземноморья с приемами, заимствованными у местных обитателей южно-русских степей (Блаватский В.Д., 1954, с. 159). Бурные политические события в Северном Причерноморье в I в. до н.э. (Strabo, XI, 5, 8; XIII, 4; Appian. Mithr., 121; Dion Cass. XLII, 48, 4), в которых активное участие приняло обитавшее на границах Боспора население, привели к значительным изменениям в боспорской армии. Круг введенных в научный оборот источников, позволяющий нам судить об особенностях комплектования, структуре, экипировке войска боспорян в римское время, – довольно многочисленные археологические данные, изобразительные материалы (терракоты, надгробные рельефы, фрески боспорских склепов и некоторые изображения на монетах Боспора) (Стасов В., 1875; Ростовцев М.И., 1913, с. 334–345; Блаватский В.Д., 1954 и др.) – свидетельствует о распространении на Боспоре "сарматского" комплекса вооружений.

Не все аспекты организации военного дела боспорян изучены достаточно глубоко. Наболее обстоятельно разработаны вопросы, связанные с элитными боспорскими отрядами катафрактариев, созданными по образу и подобию сарматской конницы (Блаватский В.Д., 1954, с. 113–121, 142–145; Хазанов А.М., 1968; Десятчиков Ю.М., 1972; Горончаровский В.А., Никоноров В.П., 1987). Гораздо меньше известно о пеших формированиях боспорской армии, о локальных особенностях организации вооруженных сил и обороны в целом на европейском и азиатском Боспоре.

Предлагаемая статья посвящена изучению комплекса различных видов наступательного вооружения, обнаруженного в 1991 г. в результате раскопок Цемдолинского могильника – некрополя I–III вв. н.э. в окрестностях г. Новороссийска, на территории, некогда входившей в состав Боспорского государства (Гайдукевич В.Ф., 1949, с. 61)[1]. Элементы погребального обряда основной массы захоронений позволяют связать их с меотской культурой Прикубанья (Малышев А.А., 1995, с. 152–155). Предметы вооружения обнаружены в 19 захоронениях (21% от всех исследованных комплексов)[2]. Редкая для находок из железа на Боспоре хорошая сохранность (Алексеева Е.М. и др., 1994, с. 157) позволила подвергнуть значительную часть

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект РГНФ, 1995, № 95-06-17642).

[1] Новороссийской экспедицией ИА РАН было изучено 78 погребений: 6 из них с верховыми лошадями, а также 10 объектов – захоронения только верховых лошадей.

[2] В Закубанье, в рядовых Чернышевском и Штурбиновском могильниках процент вооруженных равен 13–15%, в Курганинском кургане-кладбище – 24% (Кожухов С.П., 1994, с. 17). На Азиатском Боспоре: на Горгиппийском некрополе римского времени – 1–5%; на некрополе Фанагории I–IV в., как любезно сообщил Н.И. Сударев, – 4,5%. На его юго-восточной окраине: Раевский некрополь IV–I вв. до н.э. – 29%, Широкобалкинский (I–III вв. н.э.) – 11%.

© А.А. Малышев, Л.С. Розанова, Н.Н. Терехова, 1997 г.

Таблица 1

Результаты металлографических исследований

№ анализов	№ погребений	Структурные составляющие	Содержание углерода, %	Микротвердость кг/мм^2	Включения нитридов железа
		Мечи			
7283	5	феррит+ перлит, феррит	0,1	181 151	
7314	50	мартенсит, троостит, сорбит, феррит+ перлит, феррит		724, 824 383 350 236 100, 116, 160	+
7315	56	феррит+ перлит, феррит	0,1–0,3	160, 236 128, 135, 160	+
7313	68	сорбит, феррит		254, 274, 297 116, 143, 181	
7279	объект 8	феррит+ перлит, феррит	0,1–0,4	193, 206 128, 105	+
7278	объект 8	феррит + перлит, феррит	0,1–0,5	143–206 122, 128	+
7316	34	мартенсит, мартенсит+ троостит, феррит		572 350, 322 135, 143, 151	+
7317	46	феррит, феррит+ перлит		100, 116, 206	
7304	случ. нах.	феррит		170, 181, 193	
7282	объект 6	феррит, феррит+ перлит, мартенсит	0,3–0,4	151, 160 181, 206 322, 350	+
7303	1(?)	феррит+ перлит, перлит, цементит, сорбит	0,3–0,4–0,8	236, 254 274, 297 350, 383	
8096	9	феррит+ перлит	0,1–0,2	193	
7280	30	сорбитообразный перлит, мартенсит		297, 322 420, 572	
7281	объект 6	феррит+ перлит, феррит	0,1–0,2, 0,2–0,3	151, 181 193 135	
8095	25	мартенсит		420, 464	

Таблица 1 (продолжение)

№ анализов	№ погребений	Структурные составляющие	Содержание углерода, %	Микротвердость кг/мм^2	Включения нитридов железа
		Топоры			
8097	25	мартенсит, троостит, феррит+ перлит		642 322 151,170, 181	
8098	44	мартенсит, феррит+ перлит		572, 724 143, 181 206	
		Наконечники копий			
7307	5	феррит, феррит+ перлит	0,1–0,2 0,4–0,6	122, 143, 151 170, 193, 221 274	+
7305	14	феррит+ перлит	0,1–0,3 0,4–0,6	160, 170, 193 206, 236	
7310	15	феррит, феррит+ перлит, сорбит	0,1–0,2 0,6–0,8	143, 151 170, 181 297, 350	
7311	30	феррит, феррит+ перлит	0,1–0,3	128, 181 193	+
7318	случ. нах.	феррит, феррит+ перлит	0,1–0,2	122, 135 181, 151	+
7308	56	феррит, феррит+ перлит	0,1–0,2	105, 122, 128 143, 151	+
		Наконечники дротиков			
7309	56	феррит, феррит+ перлит	0,2–0,6	151 181, 193, 221	+
7306	57	феррит, феррит+ перлит, сорбит	0,1–0,4	128 193, 236 276	+
7312	77	феррит		135, 151	+
		Удила			
7319	случ. нах. при вскрытии п. 77	сорбит		322, 350	
		Псалии			
7319а	"	феррит+ перлит	0,1–0,3	135, 170, 221, 236	

Таблица 2

Характеристика мечей из Цемдолинского могильника

№ п.п.	№ погр.	№ анализа	Местоположение	Пол/возраст	Общая длина, см	Длина рукояти, см	Ширина клинка у основания рукояти, см	Форма сечения клинка	Дата комплекса
				Мечи I.1.1.1					
1	5	7283	справа возле головы	муж.	79,5	14	4	ромбич.	втор. пол. I – нач. II вв.
2	50	7314	справа вдоль туловища	муж. 20–29 л.	89	14	3,5	ромбич.	"
3	56	7315	"	муж. ок. 29 л.	91	13,5	4,2	ромбич.	"
4	68	7313	"	муж. 40–49 л.	94	15	3,5	ромбич.	"
5	об. 6	7282	возле брюха лошади		61	15	?	ромбич.	I в.н.э.
6	об. 8		на краю мог. ямы		93,5	16	4	ромбич.	втор. пол. I – нач. II вв.
7	"		"		9,15	15,5	3	ромбич.	"
				Мечи I.1.1.2					
8	34	7316	слева вдоль туловища	жен. 20–29 л.	91	10,5	5,5	линзов.	II–III вв.
9	46	7317	справа вдоль туловища	муж. 20–39 л.	94	15,5	4,7	линзов.	"
10	–	7304	–		51 сохр.	8	4,5	линзов.	"
				Мечи I.1.2					
11	1(?)	7303	–		78	12	4,5	линзов.	I в.н.э.?
				Мечи I.2.1					
12	25	8095	слева вдоль туловища	муж. ок. 40 л.	40	16	4,4	линзов.	I в.н.э.
				Мечи I.2.2					
13	9	8096	справа возле бедра	муж. 20–29 л.	51	13	?	линзов.	нач. I в.н.э.
14	30	7280	справа возле туловища	муж.?	38	?	3,5	линзов.	I в.н.э.
15	об. 6	7281	–		46	9	3,7	линзов.	I – нач. II вв.

Таблица 3

Характеристика наконечников копий и дротиков из Цемдолинского могильника

№ п.п.	№ погр.	№ анализа	Местоположение	Пол/возраст	Общая длина, см	Длина пера, см	Диаметр втулки, см	Ширина пера, см	Форма сечения пера	Дата комплекса
					Копья II.1					
1	5	7307	под левым бедром	муж.	32	24,5	2	3,5	линзов.	I в.н.э.
2	14	7305	справа возле головы	муж. 20–29 л.	33	21	2,1	3,1	линзов.	втор. пол. I в.н.э.
3	15	7310	в ногах	муж. 20–29 л.	34	24	2,2	3	линзов.	втор пол. I–II в.
4	случ. нах.	7318	–		35	24	2,3	?	линзов.	?
					Копья II.2					
5	30	7311	справа возле бедра	муж. ?	38	17	2,6	5	линзов.	I в.н.э.
6	56	7308	справа в ногах	муж. ок. 29 л.	27	27	2,3	4,3	линзов.	"
					Дротики III.1					
7	56	7309	справа в ногах	муж. ок. 29 л.	17,4	6,6	1,6	?		I в.н.э.
					Дротики III.2					
8	57	7306	в заполнении	муж.?	24,5	14	2,2	?	линзов.	III–IV вв. н.э.
9	77	7312	справа в ногах	жен. 20–39 л.	20,5	10,5	2,1	4	линзов.	I в.н.э.

оружия металлографическому исследованию[3] с целью реконструкции технологии изготовления и оценки рабочих качеств предметов вооружения (табл. 1).

Коллекция включает оружие ближнего боя (мечи – 15 экз., топоры – 2 экз.) и дальнего боя (наконечники копий и дротиков – 10 экз., наконечники стрел – 26 экз.). Данные о каждом предмете приведены в табл. 2–4. При описании материала мы использовали следующую систему соподчинения: римская цифра – категория, первая арабская – тип, вторая арабская – вид, третья – разновидность.

I. Мечи. Нельзя сказать, что со времени выхода в свет исследования Н.И. Сокольского, посвященного боспорским мечам (Сокольский Н.И., 1954), в изучении клинкового оружия боспорян был достигнут значительный прогресс. По подсчетам

[3] Образцы для исследования отбирались из различных участков клинка, а также с рукояти, что позволяет дать обоснованную технологическую реконструкцию. Металлографические исследования проведены в Лаборатории естественно-научных методов ИА РАН. Микроскопический анализ осуществлен на микроскопе МИМ-7. Измерение микротвердости – на микротвердомере ПМТ-3 при нагрузке 100 г.

Таблица 4

Характеристика топоров из Цемдолинского могильника

№ п.п.	№ погр.	№ анализа	Местоположение	Пол/возраст	Общая длина	Ширина лезвия	Размеры отверстия втулки	Дата погр.
1	25	8097	слева возле головы	муж. ок. 40 л.	13	6,3	2,1 × 2,4	I в.
2	44?	8098	?	муж. 20–29 л.	12	3 сохр.	2,1 × 1,8	?

Н.И. Сокольского, наибольшая часть клинкового оружия римского времени происходила из погребений I–II вв. н.э. на европейском Боспоре (Сокольский Н.И., 1954, с. 149, 182–189). О ситуации на азиатском Боспоре, граничащем с прикубанским регионом, знаменитым своими обширными материалами по вооружению "сарматского" типа (Блаватский В.Д., 1954, с. 116–119; Горончаровский В.А., Никоноров В.П., 1987, с. 209), нам известно гораздо меньше.

За основу классификации мечей из Цемдолины взяты общепринятые принципы учета особенностей оформления рукояти (Кирпичников А.Н., 1966а, с. 19).

I.1. Мечи без навершия.

I.1.1. Длинные всаднические мечи без навершия и перекрестия. Любопытно, что не во всех погребениях Цемдолинского некрополя, содержащих длинные мечи, была найдена верховая лошадь.

I.1.1.1. В Цемдолине обнаружено семь мечей длиной в среднем 90 см с узким (3 см) клинком и длинной (15 см) рукоятью-штырем (рис. 1, *1–5*, *9*, *11*; табл. 2, *1–4*, *6–7*). Лишь один меч (рис. 1, *11*; табл. 2, *5*) оказался почти на треть короче остальных образцов. Мечи зафиксированы справа от тела погребенного. На некоторых клинках и рукоятях прослежены отпечатки дерева (остатки обкладок рукоятей и ножен).

Конструктивной особенностью большинства клинков является то, что полотно их было сварено внахлест из нескольких полос металла (железа или малоуглеродистой стали) для получения необходимой длины. Рабочие качества клинка улучшались за счет дополнительных операций – различных приемов цементации (науглероживания), иногда с последующей закалкой. Цементации могли подвергаться либо только конец клинка длиной до 20 см, например меч из погр. 50 (рис. 1, *4*, табл. 1, ан. 7314), либо поверхность всего клинка – меч из погр. 68 (рис. 1, *5*, табл. 1, ан. 7313). В первом случае заключительной операцией была твердая закалка (в воде), во втором – мягкая (кровь, жир, моча).

Два меча (рис. 1, *9*, *11*) имели следы ритуальной порчи; были согнуты и свернуты во время совершения погребального обряда, для чего, как показали исследования, они подвергались вторичному нагреванию. Особый интерес представляет меч из объекта 6 (рис. 1, *11*, табл. 1, ан. 7282), изготовленный в совершенно иной технологической схеме: на основу клинка, откованного из единого куска металла (сырцовая сталь), были наварены лезвия из высокоуглеродистой стали с последующей закалкой в воде. В результате было получено высококачественное оружие с твердыми лезвиями и вязкой основой.

В целом форма этих мечей соответствует типу 2 по А.М. Хазанову (I–II вв. н.э.)[4] (Хазанов А.М., 1971, с. 17, 21, табл. XI, *2*). Есть мнение, что в Прикубанье мечи этой

[4] Переход основания клинка в рукоять у цемдолинских мечей в четырех случаях был под тупым углом, в трех случаях – под близким к прямому, поэтому этот признак не может являться датирующим (Хазанов А.М., 1971, с. 17, 20; ср.: Скрипкин А.С., 1990, с. 132).

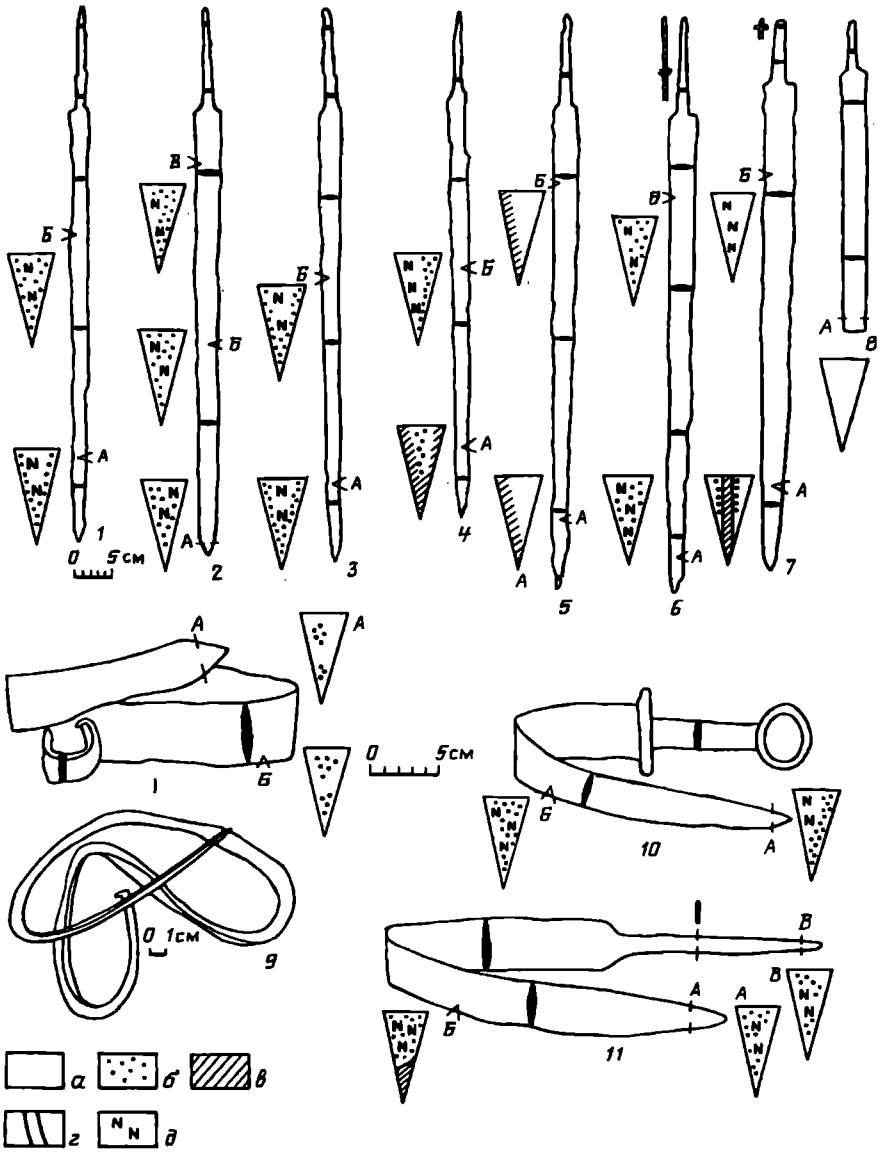


Рис. 1. Мечи: *1* – объект 8 (ан. 7278); *2* – п. 56 (ан. 7315); *3* – объект 8 (7279); *4* – п. 50 (ан. 7314); *5* – п. 68 (ан. 7313); *6* – п. 46 (ан. 7317); *7* – п. 34 (ан. 7316); *8* – случайная находка (ан. 7304); *9* – п. 5 (ан. 7283); 10 – объект 6 (ан. 7281); *11* – объект 6 (ан. 7282): *а* – железо; *б* – сталь; *в* – термообработанная сталь; *г* – сварка; *д* – включения нитридов

разновидности появляются еще в I в. до н.э. (Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., 1989, с. 81). Для Закубанья бытование этой формы датировано I – серединой III в. н.э. (Ко́жухов С.П., 1994, с. 8, тип. 3). В могильниках Абхазии они известны и в позднеримское время (Воронов Ю.Н., Шенкао Н.К., 1982, с. 128–130 (второй тип), рис. 4, *9*, *10*). Комплексы Цемдолинского могильника датируют эти мечи второй половиной I – началом II в. н.э.

I.1.1.2. В могильнике обнаружено три длинных (92 см) меча с широким (4,9 см) клинком и короткой (11 см) широкой рукоятью, имеющей заклепку крепления (рис. 1, *6–8*; табл. 2, *8–10*). Форма рукояти и штиф свидетельствуют о конструктивных особенностях ее оформления. Местоположение мечей относительно погребенного неустойчиво (табл. 2, *8*, *9*).

Клинок, как и в первом случае (I.1.1.1), был сварен внахлест из нескольких полос металла. С технологической точки зрения выделяется меч из погр. 34 (рис. 1, *7*, табл. 1, ан. 7316). Основная часть полотна клинка была изготовлена из мягкого железа.

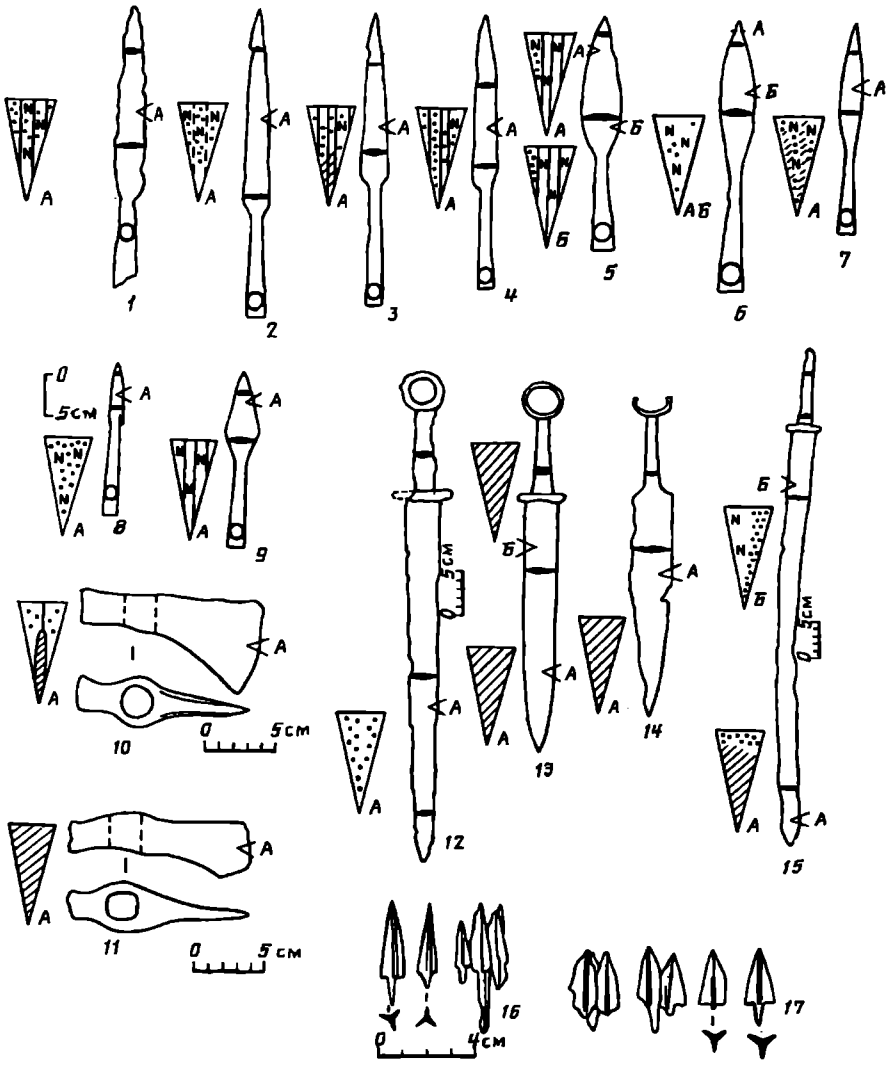


Рис. 2. Наконечники копий: *1* – п. 5 (ан. 7307); *2* – случайная находка (ан. 7318); *3* – п. 15 (ан. 7310); *4* – п. 14 (ан. 7305); *5* – п. 56 (ан. 7308); *6* – п. 30 (ан. 7311). Наконечники дротиков: *7* – п. 57 (ан. 7306); *8* – п. 56 (ан. 7309); *9* – п. 77 (ан. 7312). Топоры: *10* – п. 25 (ан. 8097); *11* – п. 44 (ан. 8098). Мечи: *12* – п. 9 (ан. 8096); *13* – п. 30 (ан. 7280); *14* – п. 25 (ан. 8095); *15* – п. 1(?) (ан. 7303). Наконечники стрел: *16* – п. 9; *17* – п. 77. Условные обозначения см. рис. 1

Конец же клинка – острие (приблизительно 1/4 часть полотна) оказался трехслойным, т.е. сварен из трех полос по принципу трехслойного пакета: в центре, с выходом на режущие края лезвия, – твердая сталь; по краям – мягкое железо. В заключение эта часть клинка была закалена в резкой закалочной среде. Этот экземпляр демонстрирует не только конструктивную сварку полотна для увеличения длины, но и технологическую, обеспечивающую высокие рабочие качества меча. Особое внимание мастера, как видим, было уделено именно концу клинка.

Клинок еще одного экземпляра мечей этого типа оказался обломанным. Оставшаяся часть полотна, как и в первом случае, была изготовлена из мягкого железа (рис. 1, *8*, табл. 1, ан. 7304). Не исключено, что утраченный конец клинка был выполнен в той же технологической схеме. Третий экземпляр (рис. 1, *6*, табл. 1, ан. 7317) изготовлен из неравномерно науглероженной стали.

Несмотря на то что в хорошо датируемом комплексе обнаружен только один меч (табл. 2, *9*), датировка этой разновидности второй половиной II–III в. н.э. благодаря многочисленым аналогиям в Сарматии (III–IV вв.) (Хазанов А.М., 1971, с. 17, 20, 21,

тип. 3), в Прикубанье (II – первая половина III в. до н.э.) (Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., 1989, с. 81; Кожухов С.П., 1994, с. 6) не вызывает сомнения.

I.1.2. В могильнике обнаружен один меч (длина 78 см) с брусковидным перекрытием без навершия (рис. 2, *15*; табл. 2, *11*). На рукояти и клинке прослежены отпечатки дерева (деревянная рукоять и ножны).

Технология производства меча может быть реконструирована на основании металлографических данных (табл. 1, ан. 7303) следующим образом. Клинок и рукоять были откованы из железной заготовки, затем клинок был подвергнут односторонней поверхностной цементации, а его острие (1/4 часть длины полотна) – дополнительно сквозной цементации с последующей местной закалкой. Структура заэвтектоидной стали свидетельствует о том, что в ходе химико-термического процесса использовался специальный активатор, способствовавший интенсивному науглероживанию.

Меч, происходящий, по всей видимости, из полуразрушенного погр. 1, датирован по аналогии с находками из Сарматии (Хазанов А.М., 1971, с. 17, 19, 20, тип. 1; Скрипкин А.С., 1990, с. 128, тип. 6), Прикубанья (Лимберио Н.Ю., Марченко И.И., 1989, с. 81; Кожухов С.П., 1994, с. 7) I – началом II в. н.э. Отметим, что на Боспоре они засвидетельствованы и в комплексах III–IV вв. н.э. (Сокольский Н.И., 1954, табл. VII–IX, *1*).

I.2. Мечи-кинжалы с навершием в погребениях Цемдолинского некрополя обнаружены, за исключением типа (I.2.1), справа от погребенного (табл. 2, *12–14*).

I.2.1. Меч (длина 40 см) с серповидным навершием (рис. 2, *14*; табл. 2, *12*) без перекрестия. Его отличает также значительная ширина клинка у основания (4,4 см). Как показало металлографическое исследование, клинок был откован целиком из качественной высокоуглеродистой стали и закален в резкой закалочной среде (табл. 1, ан. 8095).

Короткие мечи и кинжалы подобной формы были распространены среди оседлого населения Центрального Предкавказья в I в. до н.э. – I в. н.э. (Абрамова М.П., 1993, с. 69, 70). В Прикубанье эти мечи известны в сарматских погребениях конца III в. до н.э. – рубежа н.э. (Смирнов К.Ф., 1980, рис. 3; Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., 1989, с. 81). Комплекс, в котором обнаружен цемдолинский меч (погр. 25), датируется второй половиной I в. н.э.

I.2.2. Три коротких (0,45 м) меча из Цемдолины имели брусковидное перекрестие и кольцевое навершие (рис. 1, *10*; 2, *12, 13*; табл. 2, *13–15*). Клинки этих мечей оказались цельностальными (сырцовая сталь) (табл. 1, ан. 7280, 7281, 8096). Один из них (рис. 2, *13*; табл. 1, ан. 7280) был подвергнут термообработке (мягкой закалке) и холодному обжатию.

Подобно многочисленным аналогиям в комплексах Северного Причерноморья, где этот тип становится господствующим начиная с рубежа н.э. (Хазанов А.М., 1971, с. 11, табл. II–VI; Скрипкин А.С., 1990, с. 120–125, тип. 3; Сокольский Н.И., 1954, с. 149–152, рис. 5; Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., 1989, с. 81; Гущина И.И., Засецкая И.П., 1989, с. 100, табл. V, *41*), цемдолинские мечи также датированы в пределах I в. н.э.

II. Наконечники копий. По мнению А.М. Хазанова, распространению копий среди сарматов в сусловскую эпоху в немалой степени способствовали контакты с Северным Кавказом, прежде всего с Прикубаньем (Хазанов А.М., 1971, с. 45; Кожухов С.П., 1994, с. 8, 15). Близость морфологии и пропорций (длины пера и втулки) наконечников копий из погребальных комплексов Абхазии и Прикубанья отмечается уже для VI–I вв. до н.э. (Воронов Ю.Н., 1975, с. 220, сноска 16). Длина втулки цемдолинских наконечников, подобно копьям сарматского времени Северного Кавказа, составляет примерно треть от общей их длины (Хазанов А.М., 1971, с. 48; Абрамова М.П., 1993, с. 73, тип. 1). Можно полагать, что наконечники копий Цемдолины типичны для Северо-Западного Кавказа римского времени в целом.

II.1. Наконечники длиной в среднем 33 см, с узким пером остролистной формы, имеющим максимальное расширение в нижней трети и уплощенно-линзовидную форму сечения (рис. 2, *1–4*; табл. 3, *1–4*), оказались самыми многочисленными в материалах могильника. Они были обнаружены в мужских погребениях без верховой лошади. Металлографический анализ показал, что при их изготовлении использовался прием пакетования – сварки в блок полос неравномерно науглероженной стали (табл. 1, ан. 7307, 7305, 7310, 7318). Копье из погр. 15 (рис. 1, *3*), видимо, подвергалось термообработке (табл. 1, ан. 7310).

Наконечники копий подобной формы появляются на Северном Кавказе в эпоху бронзы (Галанина Л.К., 1989, с. 82, 83, рис. 13, *1*), бытуя в Центральном Предкавказье в основном до рубежа н.э. (Абрамова М.П., 1993, с. 146), в Прикубанье – до II в. н.э. (Кожухов С.П., 1994, с. 9. III отдел, 3 тип), а в Абхазии даже до раннесредневекового времени (Воронов Ю.Н., Шенкао Н.К., 1982, с. 124, рис. 2, *21, 22*). Наконечники из Цемдолины датированы в пределах I–II вв.

II.2. Два наконечника с широким пером, имеющим максимальное расширение посередине и уплощенно-линзовидную форму сечения, обнаружены во всаднических захоронениях (рис. 2, *5, 6*; табл. 3, *5–6*). Один из них (рис. 2, *6*; табл. 1, ан. 7311) оказался изготовленным из малоуглеродистой мягкой стали, другой (рис. 2, *5*; табл. 1, ан. 7310) – из нескольких, сваренных в блок полос железа и малоуглеродистой стали.

В Закубанье и Абхазии подобные наконечники бытуют начиная со скифской эпохи до II в. н.э. (Кожухов С.П., 1994, с. 9, отдел I, тип. 1; Воронов Ю.Н., 1975, рис. 3). Комплексы погребений Цемдолинского могильника датируют эту форму I – началом (?) II в.

III. Наконечники дротиков. Метательное оружие, меньшее по размерам и весу, но близкое, как правило, по формам наконечникам копий (Кирпичников А.Н., 1966 б, с. 23) (ср.: III.2). Известны формы, характерные только для этой разновидности оружия дистанционного боя (III.1).

III.1. Наконечник с треугольным жаловидным острием обнаружен во всадническом погребении (рис. 2, *8*; табл. 3, *7*). Как показало металлографическое исследование, дротик изготовлен из неравномерно науглероженной стали (табл. 1, ан. 7309).

Подобные наконечники в погребальных комплексах Скифии известны в конце VI – начале V в. до н.э. (Мелюкова А.И., 1964, с. 44, 45, табл. 14, *12–16*). В Закубанье и в Абхазии они бытуют с конца IV в. до н.э. по I в. н.э., получая особенное распространение в III–I вв. до н.э. (Эрлих В.Р., 1992, с. 8; Кожухов С.П., 1994, с. 10, отдел I, тип 1; Воронов Ю.Н., 1975, рис. 3, *19*). Цемдолинский дротик может быть датирован второй половиной I – началом II в. н.э.

III.2. Два длинных наконечника с жалом ланцетовидной или листовидной формы происходят из погр. 77 (рис. 2, *9*; табл. 3, *9*) и погр. 57 (рис. 2, *7*; табл. 3, *8*). Ранний (вторая половина I – начала II в.) наконечник дротика с широкой, листовидной формой пера (рис. 2, *9*) был изготовлен из пакетного металла (табл. 1, ан. 7312). Перо дротика, обнаруженного в заполнении погр. 57 (дата – не ранее III в.), было изготовлено целиком из сырцовой, неравномерно науглероженной стальной заготовки и в заключение подвергнуто мягкой термообработке (рис. 2, *7*; табл. 1, ан. 7306).

Дротики, повторяющие форму наконечников копий, широко распространены в меотских погребениях, а также в могильниках Абхазии с III–II вв. до н.э. (Кожухов С.П., 1994, с. 10; Воронов Ю.Н., 1975, рис. 3, *6, 7, 8*).

IV. Наконечники стрел. Два набора (19 и 7 экз.) однотипных черешковых трехлопастных наконечников стрел обнаружены во всаднических погребениях, имеющих редкую для могильника восточную ориентировку и датированных первой половиной I в. (рис. 2, *16, 17*). Несколько различаются форма головки и длина черешка.

По наблюдениям А.М. Хазанова, этот тип стрел (IV) господствует в среднесарматский период (I в. до н.э. – I в. н.э.), в особенности в I в. до н.э. (Хазанов А.М., 1971, с. 37, 38, табл. IX, *22*). Известен он и на Северном Кавказе (в Центральном Предкавказье с I в. н.э. (Абрамова М.П., 1993, с. 75), в Закубанье – с I в. до н.э. (Кожухов С.П., 1994, с. 10), а в сарматских колчанных наборах Прикубанья с конца II в. до н.э. (Ждановский А.М., 1988, с. 62, рис. 3, *5*). Оба колчанных набора из Цемдолины датируются в пределах первой половины I в. н.э. Отсутствие стрел в более поздних комплексах Цемдолинского могильника отражает известную для Закубанья тенденцию к сокращению находок стрел в воинских погребениях (Кожухов С.П., 1994, с. 11). Плохая сохранность металла стрел, к сожалению, не позволила провести металлографическое исследование.

V. Топоры. В погребениях могильника (погр. 25, 44) найдено два топора с прямой или слегка изогнутой спинкой, коротким обухом-бойком (секира-молоток) (рис. 2, *10, 11*; табл. 4). Как показало металлографическое изучение лезвий, технологическая схема изготовления топоров в обоих случаях предусматривала выход на рабочую часть стали, подвергнутой термообработке. Однако если топор из погр. 44 (рис. 2, *11*; табл. 1, ан. 8098) выполнен в простой схеме – откован целиком из неравномерного науглероженной сырцовой стали, то экземпляр погр. 25 (рис. 2, *10*, табл. 1, ан. 8097), с технологической точки зрения, для рассматриваемого времени является уникальным. Он был изготовлен, как явствует из металлографических данных, в технологической схеме вварки стального лезвия в основу из мягкой стали. Подобная технология получает распространение в железообработке Восточной Европы лишь в эпоху средневековья.

Известно, что в отличие от скифов и племен лесостепи, топоры и секиры почти не применялись сарматами как боевое оружие (Мелюкова А.И., 1964, с. 65–68; Хазанов А.М., 1971, с. 51). Более того, форма секиры-молотка, по мнению В.А. Ильинской, была заимствована скифами у горцев Северного Кавказа, носителей кобанской и колхидской культур (Іллінська В.А., 1961, с. 51). В сарматское время число находок топоров в Центральном Предкавказье и Прикубанье резко сокращается (Абрамова М.П., 1993, с. 81; Кожухов С.П., 1994, с. 11).

Несколько иная ситуация складывается в причерноморском регионе. Традиционно многочисленны находки боевых топоров в погребальных памятниках Абхазии (Воронов Ю.Н., 1975, с. 221, 222, рис. 4; Воронов Ю.Н., Шенкао Н.К., 1982, с. 127, 128, рис. 3, *13–15*). Топоры с коротким обухом-бойком появляются в погребальных комплексах расположенного неподалеку от Цемесской долины некрополя Раевского городища (III–I вв. до н.э.) (Эрлих В.Р., 1992, с. 10). Известны топоры и в погребения некрополя в Широкой Балке, синхронного с Цемдолинским (3 экз.).

Анализ взаимовстречаемости предметов вооружения (рис. 3) выявил различия в экипировке конных и пеших воинов. У первых в состав вооружения входили длинные мечи, реже – мечи-кинжалы с кольцевым навершием или легкие копья-дротики, стрелы. Всадники располагали мощным защитным вооружением – кольчугой, что, как правило (Черненко Е.В. и др., 1986, с. 352), указывает на принадлежность погребения к высокому социальному рангу. Отсутствие у всадников Цемесской долины наконечников "штурмовых" копий – знаменитого оружия катафрактариев (ср. погребения "Золотого кладбища": Гущина И.И., Засецкая И.П., 1994, табл. 7, *77*; 29, *278*, 56, *557*), возможно, связано с некоторым своеобразием их боевой тактики.

Отметим находки оружия в женских захоронениях (табл. 2, *8*; 3, *9*). Эти погребения отличают также некоторые элементы погребального обряда: меч в погр. 34 обнаружен слева от тела (табл. 1, *7*); погр. 77 имело нехарактерную для могильника восточную ориентировку, причем при погребенной было только оружие дистанционного боя (дротик и стрелы).

Пешие воины были вооружены длинными массивными копьями с остролистным пером (**II.1**), реже топорами и кинжалами (Хазанов А.М., 1971, с. 48) (рис. 4). Судя по

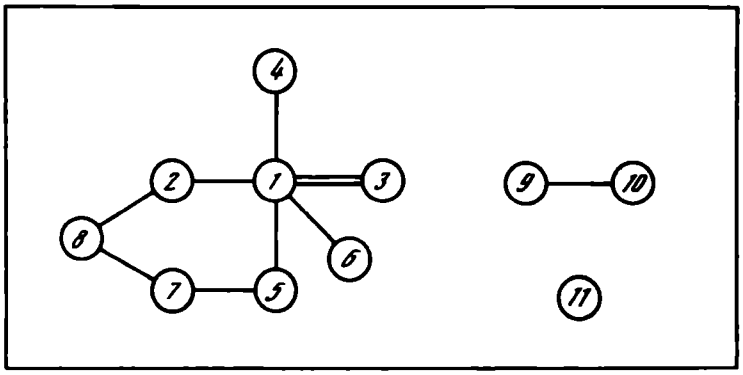


Рис. 3. Взаимовстречаемость предметов вооружения в комплексах Цемдолинского могильника. Линии, связывающие объекты, указывают на присутствие этих типов оружия в одном и том же захоронении. *1* – меч (I. 1.1.1) (7 экз.); *2* – копье (II.2) (2 экз.); *3* – кольчуга (3 экз.); *4* – дротик (III.1) (1 экз.); *5* – дротик (III.2) (2 экз.); *6* – копье (II.1) (4 экз.); *7* – стрелы (26 экз.); *8* – меч (I.2.2) (3 экз.); *9* – меч (I.2.1) (1 экз.); *10* – топор (2 экз.); *11* – меч (II.1.1.2) (3 экз.)

изображениям на фресках Стасовского склепа (Стасов В., 1875, рис. *e, f*), датируемых первой половиной II в. н.э. или даже началом II в. (Горончаровский В.А., 1993, с. 81), копьями с подобными наконечниками были вооружены воины-пехотинцы боспорской армии.

Особый интерес, естественно, вызывают длинные мечи Цемдолины. Возвращаясь к результатам металлографического анализа длинных мечей, отметим, что они были изготовлены в разных технологических традициях. Если для узколезвийных (**I.1.1.1**) характерно использование различных видов цементации готового изделия (рис. 1, *1, 3–5*), иногда с последующей термической обработкой (рис. 1, *4, 5*; табл. 1, ан. 7313, 7314), то для широколезвийных (**I.1.1.2**) засвидетельствованы более сложные приемы – технологическая сварка (пакет). Специальное упрочивание конца клинка наблюдается на обеих разновидностях удлиненных мечей. Это позволяет заключить, что они использовались не только как рубящее, но и как колющее оружие.

По наблюдениям Н.И. Сокольского, начиная с I в. до н.э. и особенно в I–II в. н.э. боспорские мечи дают поразительное единообразие, получают распространение два заимствованных у обитателей причерноморских степей типа: короткий меч-кинжал с кольцевым навершием и длинный меч, чаще всего без перекрестия, с навершием в виде большой пуговицы из полудрагоценных камней, стекла и других материалов (Сокольский Н.И., 1954, с. 147).

В пограничном с азиатским Боспором Закубанье уже в IV в. до н.э. появляется тенденция к удлинению клинка и к возрастанию удельного веса мечей, обнаруженных во всаднических погребениях (Эрлих В.Р., 1992, с. 7, 17). С другой стороны, отсутствие перекрестий на мечах "синдо-меотского" типа, творцом которого являлось не только население Прикубанья (Смирнов К.Ф., 1980, с. 41), вообще характерно для северокавказского клинкового оружия (Абрамова М.П., 1994, с. 11). Ряд исследователей даже связывает происхождение мечей без навершия и перекрестия с Прикубаньем (Лимберс Н.Ю., Марченко И.И., 1989, с. 81, 82; Кожухов С.П., 1994, с. 7, 8, отдел III).

Отсутствие в погребениях могильника мечей с боковыми вырезами у основания клинка, появление которых на Северном Кавказе было датировано II – первой половиной III в. н.э., косвенно свидетельствует о прекращении функционировании могильника в начале III в. н.э. (Хазанов А.М., 1971, с. 17, тип. 5; Абрамова М.П., 1993, с. 162, рис. 65, *15–17*). Нет длинных мечей и в наиболее ранних, начала I в. н.э., погребениях с верховыми лошадьми (погр. 9 и 77).

В целом в коллекции наибольшей полнотой отличаются материалы, датированные второй половиной I – первой половины II в. н.э. (табл. 2–4; 75% всех комплексов с

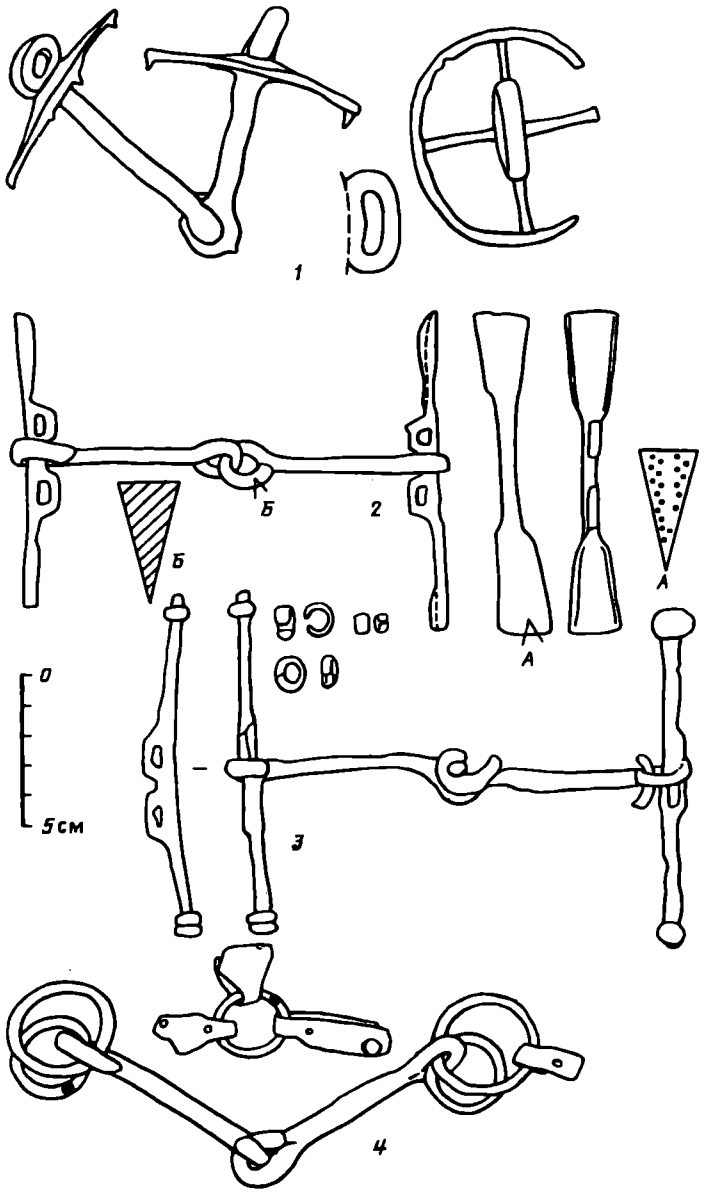


Рис. 4. Удила из погребений Цемдолинского могильника: *1* – с колесовидными псалиями; *2* – с лопастевидными псалиями (ан. 7319); *3* – с палочковидными псалиями; *4* – с кольчатыми псалиями. Условные обозначения см. рис. 1

оружием). Учитывая, что исследованные изделия относятся к достаточно узкому хронологичесому отрезку и при этом выполнены в различных технологических традициях, можно полагать, что наступательное оружие Цемдолинского могильника являлось продукцией различных производственных центров[5].

Так, широкое использование сырцовой стали, разнообразных приемов цементации готового изделия, отсутствие приемов технологической сварки – все это связывает длинные мечи с узким клинком, бóльшую часть наконечников копий и дротиков – с местными северокавказскими традициями, уходящими своими корнями в скифское

[5] Отметим при этом, что по характеру используемого сырьевого материала изделия существенно не различаются. Так, в структуре металла подавляющего большинства изделий присутствуют включения нитридов железа, микротвердость ферритных зерен низкая (см. табл. 1). Такой металл вообще характерен для северокавказского региона. В частности, такими же признаками характеризуется металл кобанских изделий, а также изделий из меотских памятников (Терехова Н.Н., 1989; 1990).

время (Терехова Н.Н., 1983; 1989; 1990). Это обстоятельство находит подтверждение в металлографических анализах удил из погр. 77 (рис. 4, *2*, табл. 1, ан. 7319). Грызла удил были откованы из качественной стали и подвергнуты мягкой закалке. Подобная технологическая схема была характерной особенностью производства удил на Северном Кавказе еще в скифскую эпоху (Терехова Н.Н., 1983; 1989; 1990). Псалии (табл. 1, ан. 7319а) откованы из неравномерно науглероженной стали.

Несвойственный для синхронных боспорских некрополей большой удельный вес погребений с оружием, равно как состав обнаруженного наступательного оружия; преобладание клинкового оружия в сравнении с наконечниками копий, малочисленность находок наконечников стрел[6], разнообразие и многочисленность обнаруженных здесь уздечных наборов[7] указывают на связь памятника с культурным контекстом Западного Предкавказья.

Изделия, при изготовлении которых предусматривалась технологическая сварка (трехслойный пакет, наварка, вварка), характерны для продукции мастеров, связанных с античным культурным миром, наследовавшим в железообработке кельтские традиции (Pleiner R., 1962).

В сферу производства сарматских изделий хорошо вписываются мечи с брусковидным перекрестием и кольцевидным навершием.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова М.П., 1993. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.) // Археология эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья. Вып. 2. М.

Абрамова М.П., 1994. Некоторые особенности материальной культуры сарматов Центрального Предкавказья // Проблемы истории и культуры сарматов. Тез. докл. междунар. конф. 13–16 сентября 1994 г. Волгоград.

Алексеева Е.М., Розанова Л.С., Терехова Н.Н., 1994. Горгиппия: продукция железоделательного и железообрабатывающего ремесла // РА. № 3.

Блаватский В.Д., 1954. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М.

Воронов Ю.Н., 1975. Вооружение древнеабхазских племен в VI–I вв. до н.э. // Скифский мир. Киев.

Воронов Ю.Н., Шенкао Н.К., 1982. Вооружение воинов Абхазии IV–VII вв. н.э. // Древности эпохи Великого переселения народов V–VII веков. М.

Гайдукевич В.Ф., 1949. Боспорское царство. М.; Л.

Галанина Л.К., 1989. Новые погребальные комплексы раннемеотского времени из Келермесского грунтового могильника // Меоты – предки адыгов. Майкоп.

Горончаровский В.А., 1993. Катафрактарии в истории военного дела Боспора // Скифы. Сарматы. Славяне. Русь. Петербургский археологический вестник. № 6. СПб.

Горончаровский В.А., Никоноров В.П., 1987. Илуратский катафрактарий (К стории античной тяжелой кавалерии) // ВДИ. № 1.

Гущина И.И., Засецкая И.П., 1989. Погребения зубовско-воздвиженской группы из раскопок Н.И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н.э. – II в. н.э.) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Тр. ГИМ. Вып. 70. М.

Гущина И.И., Засецкая И.П., 1994. "Золотое кладбище" римской эпохи в Прикубанье // Российская археологическая библиотека. № 1. СПб.

Десятчиков Ю.М., 1972. Катафрактарий на надгробье Афения // СА. № 4.

---

[6] Изменение в составе наступательного оружия в погребальных комплексах Раевского и Цемдолинского грунтовых некрополей, вытеснение оружия дистанционного боя клинковым (ср.: из 28 комплексов с оружием из Раевки в 27 были найдены наконечники копий и дротиков) в целом отражают изменения, происходящие на синхронных погребальных памятниках Закубанья в I в. н.э. (Кожухов С.П., 1994, с. 20).

[7] На могильнике засвидетельствованы удила с псалиями различных форм: колесовидные (14 экз.); петельчатые с лопастевидными завершениями (1 экз.); петельчатые, украшенные бронзовыми колечками (1 экз.); в виде двух колец; палочковидные с кольцевидными завершениями (1 экз.) (рис. 3).

Ждановский А.М., 1988. Классификация наконечников стрел из курганных погребений Среднего Прикубанья сарматского времени // Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа. Краснодар.

Іллінська В.А., 1961. Скіфські сокири // Арехологія. Т. XII.

Кирпичников А.Н., 1966а. Древнерусское оружие. Выпуск первый. Мечи и сабли // САИ. Вып. Е1–36. М.

Кирпичников А.Н., 1966б. Древнерусское оружие. Выпуск второй. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. // САИ. Вып. Е1–36. М.

Кожухов С.П., 1994. Вооружение и конское снаряжение у племен Закубанья меото-сарматского времени (III в. до н.э. – III в. н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., 1989. Хронология мечей из сарматских памятников Прикубанья // I Кубанская археологическая конф. Краснодар.

Малышев А.А., 1995. К вопросу о причерноморской локальной группе меотской культуры // Боспорский сборник. № 6.

Мелюкова А.И., 1964. Вооружение скифов // САИ. Вып. Д1–4. М.

Ростовцев М.И., 1913. Античная декоративная живопись на юге России. Т. II.

Скрипкин А.С., 1990. Азиатская Сарматия. Саратов.

Смирнов К.Ф., 1980. О мечах синдо-меотского типа // КСИА. Вып. 162.

Сокольский Н.И., 1954. Боспорские мечи // МИА. № 33.

Стасов В., 1875. Катакомба с фресками, найденная в 1872 году близ Керчи // ОАК за 1872 г. СПб.

Терехова Н.Н., 1983. Кузнечная техника у племен кобанской культуры Северного Кавказа в раннескифский период // СА. № 3.

Терехова Н.Н., 1989. Характеристика техники кузнечного производства железных изделий из Келермесских курганов и Келермесского грунтового могильника в Гиагинском районе // Меоты – предки адыгов. Майкоп.

Терехова Н.Н., 1990. Технологическая характеристика железных изделий из курганного могильника скифского времени у селения Нартан (Кабардино-Балкария) // СА. № 4.

Черненко Е.В., Бессонова С.С., Болтрик Ю.В., Полин С.П., Скорый С.А., Бокий Н.М., Гребенников Ю.С., 1986. Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья. Киев.

Хазанов А.М., 1968. Катафрактарии и их роль в истории военного искусства // ВДИ. № 1.

Хазанов А.М., 1971. Очерки военного дела сарматов. М.

Эрлих В.Р., 1992. Вооружение и конское снаряжение в культуре населения Закубанья в скифское время: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Pleiner R., 1962. Stare evropske kavarstvi. Praha.

Институт археологии РАН,
Москва

A.A. MALYSHEV, L.S. ROZANOVA, N.N. TEREKHOVA

OFFENSIVE ARMAMENT FROM THE BURIALS OF THE I–III cc. A.D. OF THE TSEMDOLINA CEMETERY

Summary

The object of the research was the complex of armaments found in the burials of the I–III cc. A.D. of Tsemdolina grave, situated in one of the border areas of he Asiatic Bosporus. Mounted warriors, the major shock unit of the military formation, dislocating in the 2nd half of the I – 1st half of the II cc. A.D. were armed with long swords and light throwing spears. Also there is notable a group of infantrymen with spears which had pretty massive points. The typological as well as technological analysis of the offensive armament from Tsemdolina revealed its closeness with the cultural context of the West Caucasus foothills region. The most part of the Tsemdolina armament made in the North Caucasus blacksmith traditions, considerably less, obviously, – in the classical ones which inherited Celtic skills. Swords with ring-shaped finials and bar-like crossing well join into the sphere of Sarmatian articles.

Критика и библиография

НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА ОБ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ В КРЫМУ

(античность, ранний железный век, средневековье)

В данный обзор включены сборники статей и монографий, изданные в 1991–1995 гг. за пределами России и потому, вероятно, недостаточно хорошо известные читателям "Российской археологии".

Выглядит парадоксально, но, несмотря на все экономические трудности, в Крыму за последнее время археологических изданий опубликовано больше, чем за все предшествующие послевоенные годы. В большинстве книг, о которых пойдет речь, помещены статьи как по археологии, так и по истории Крыма. Первые занимают обычно около 3/4 объема изданий, и именно они, естественно, являются предметом нашего рассмотрения.

Симферопольский университет и Крымское отделение Института востоковедения НАН Украины предприняли издание "Материалов по археологии, истории и этнографии Таврии" (Материалы.., 1990; 1991; 1993). Пока вышло три тома общим объемом более 90 печатных листов. В первом из них содержатся две большие работы. Применив корреляционный метод, А.И. Айбабин детально исследовал хронологию крымских могильников второй половины III–VII в. Уточнение датировок многих комплексов позволило автору реконструировать этническую историю Крыма позднеримского и раннесредневекового времени. А.Г. Герцен опубликовал результаты многолетних работ в крупнейшей крепости средневековой Таврики на горе Мангуп. Он рассматривает многочисленные оборонительные сооружения, сохранившиеся на этом памятнике, как элементы единого крепостного ансамбля, создававшегося на протяжении почти 1000 лет начиная с VI в. Подробно освещается яркое событие в истории крепости – осада и взятие ее турками в 1475 г. В небольшой статье И.Н. Храпунова гибель многих позднескифских поселений на рубеже I–II вв. гипотетически объясняется крупным передвижением сарматских племен.

Во втором томе И.Н. Храпунов опубликовал материалы III в. до н.э. – II в. н.э. из раскопок Булганакского позднескифского городища. На поселении обнаружены также салтово-маяцкая керамика и несколько половецких погребений. Г.М. Николаенко исследовала систему наделов на п-ове Срединный вблизи Херсонеса. В.Н. Зинько предпринял попытку этнической и социальной стратификации сельского населения Европейского Боспора. В сборнике помещены две статьи о "пещерных городах". А.И. Айбабин, публикуя находки из могильника, воссоздает основные этапы истории Эски-Кермена. Возникновение поселения датируется концом VI в. н.э. Окончательно оно было разрушено во время набега орды Едигея в конце XIV в. Ю.М. Могаричев выделяет группу ранних пещерных сооружений Чуфут-Кале.

О.М. Приходнюк, А.М. Шовкопляс, С.Я. Ольговская и Т.И. Струина предприняли полную публикацию Мартыновского клада, сопровождаемую всесторонним анализом находок (включая рентгеноспектральный). Клад найден еще в 1907 г. и с тех пор неоднократно обсуждался специалистами. По мнению авторов публикации, он принадлежал антам, оставившим пеньковскую культуру.

А.В. Сазанов опубликовал амфорный комплекс первой четверти VI в. из Херсонеса, Е.А. Айбабина – кашинную керамику из Каффы.

В третьем томе выделяется работа И.П. Засецкой. В ней впервые в полном объеме введены в научный оборот памятники, во многих отношениях эталонные для юга России, – боспорные склепы второй половины IV – первой половины V в. н.э. Статья содежит каталог и фотоиллюстрации всех вещей, найденных в склепах. Дополняет информацию о

© И.Н. Храпунов, 1997 г.

боспорских склепах сообщение Р.С. Минасяна о технике изготовления некоторых серебряных и бронзовых художественных изделий.

Загородный крестообразный храм в Херсонесе стал предметом обсуждения многих археологов со времени его первых исследований в 1902 г. Результаты дополнительных раскопок, предпринятых в начале 1950-х годов, позволили во многом пересмотреть устоявшиеся взгляды на этот памятник. Очень подробная статья О.И. Домбровского, руководившего обследованием Загородного храма, опубликована в третьем томе "Материалов...". В.А. Кутайсов информирует о раскопках Керкинитиды в 1989 г. И.Н. Храпунов и С.А. Мульд предложили периодизацию и реконструкцию оборонительных сооружений Булганакского городища. Е.А. Батюшин в окрестностях Феодосии исследовал своеобразный склеп конца I–II в. н.э. А.В. Сазанов классифицировал поздние типы узкогорлых светлоглиняных амфор. Внимательное изучение профильных частей позволило ему разделить амфоры "F" (по Д.Б. Шелову) на два типа и датировать их в пределах конца III – первой половины V в. н.э. Среди амфор "E" также выделены два типа, датирующиеся в целом концом IV – второй четвертью VI в. н.э. Эти сосуды, по-видимому, стали исходными для большого класса средневековых светлоглиняных амфор. Очень много нового материала собрано в двух статьях А.И. Айбабина. Одна из них – о погребениях кочевнической знати IV – VI вв., другая – о могильниках VIII–X вв. Е.А. Айбабина опубликовала находки из могильника конца VII–IX вв. Узень-Баш, Л.В. Седикова – комплекс столовой посуды первой половины IX в. из Херсонеса.

Болгарский исследователь Р. Рашев, используя лингвистические и археологические данные, обратился к проблеме формирования населения I Болгарского царства. Он полагает, что значительное участие в этногенезе проболгар приняли ираноязычные племена. Н.Г. Новиченкова, публикуя серию серебряных и бронзовых статуэток, найденных на перевале Гурзуфское Седло, интерпретировала эти находки как приношения в святилище, наиболее активно функционировавшее в I в. до н.э. – I в. н.э.

Некоторые исторические по содержанию статьи основаны главным образом на археологических находках. Таковы работы В.Н. Даниленко о взаимоотношениях Херсонеса с окрестными таврами. В.Г. Зинько о сельском населении Боспора и Херсонеса.

Опубликованы два памятника сфрагистики: В.С. Шандровской – печать Иоанна Контостефана Комнина, найденная в Партените, Н.А. Алексеенко – печать римского папы Александра IV из Балаклавы.

Только что вышел из печати IV том "Материалов...". Он посвящен памяти А.К. Амброза и подготовлен его друзьями, учениками и коллегами, а также молодыми археологами из Крыма, Москвы, Санкт-Петербурга, Абхазии и Парижа. Том открывает большая аналитическая работа А.К. Амброза "Юго-Западный Крым. Могильники IV–VII вв.", написанная для неизданного крымского тома "Археологии СССР". Тематика статей С.А. Плетневой, А.И. Айбабина, Ю.Н. Воронова, В.С. Флерова, И.П. Засецкой, З.А. Львовой, И.Н. Храпунова, М. Казанского, К. Цукермана, Э.А. Хайрединовой и других по археологии и истории Боспора, Херсона, Юго-Западного Крыма, Абхазии и Подунавья в позднеримский и раннесредневековый периоды, а также Хазарского каганата входила в сферу научных интересов А.К. Амброза.

В сентябре 1994 г. в Алуште состоялась конференция, в которой приняли участие ученые из России, Украины, Болгарии, Польши, Германии, Франции (Византия и народы..., 1994). Здесь нет возможности сказать обо всех 50 прочитанных докладах. Отметим только, что почти все сообщения были основаны на источниках позднеримского и раннесредневекового времени, отражающих политическое и культурное воздействие Византии на северные, по отношению к территории империи, народы. С.А. Плетнева (Москва) в пленарном докладе ("Саркел и "шелковый путь") интерпретировала остатки архитектурных сооружений, открытых при раскопках Саркела. По ее мнению, значительная их часть представляет собой остатки караван-сараев, цитадель предназначалась для проживания хазарского гарнизона. Крепость находилась в узловом пункте одного из северных ответвлений "шелкового пути".

В другом пленарном докладе ("Византия и аланы") В.А. Кузнецов (Владикавказ) предложил для обсуждения опыт периодизации алано-византийских отношений, установившихся на рубеже V–VI вв. н.э. и поддерживавшихся (в конфессиональной сфере) до конца XIV в.

Представительная группа участников прибыла на конференцию из Франции. М. Казанский (Париж), анализируя найденные в Крыму вещи восточногерманского происхождения, полагает, что значительная их часть была принесена в результате миграции

отдельных групп дунайских варваров. К. Цукерман (Париж), основываясь на неиспользованном ранее источнике, где упоминается "Готия" на азиатском берегу Боспора, реконструирует переселение в VII в. какой-то воинской дружины. К. Пиле (Канн) выделяет группу восточноевропейских элементов в некрополях Нормандии. Ж. Лемьер-Пиле (Канн) исследовала денежное обращение Западной Галлии V–VI вв. М. Бонифе и Д. Фуа (Марсель), используя в качестве эталонного материал из раскопок в Марсельском порту, предложили типо-хронологию керамики и стекла V – начала VIII в. из средиземноморской Франции. Д. Пиери (Марсель) обобщил современные представления об импорте восточносредиземноморских амфор V–VII вв. в Галлию. Ж.-П. Содини и А. Бортоли-Казанская (Париж) исследовали керамические светильники III–VII вв. н.э., найденные на Северном берегу Черного моря.

Крымские памятники привлекли внимание и немецких археологов. К. Эгер (Мюнхен) обнаружил в музее Гамбурга пряжки типа "Сиракузы" из Крыма, что дало ему повод изучить ареал подобных изделий. К. фон Лох (Мюнхен) проанализировал пространственную структуру и хронологию крымского раннесредневекового могильника Скалистое.

М. Мачинска (Лодзь, Польша) обратилась к давно интересующим исследователей черняховским погребениям, ориентированным на запад и сопровождаемым очень бедным инвентарем. Она осторожно высказалась в пользу гипотезы о распространении христианства в среде племен – носителей черняховской культуры.

Три книги издал Крымский филиал Института археологии НАН Украины. Одна из них (Археологические исследования.., 1994) составлена по тому же принципу, что и "Археологические открытия", издававшиеся ранее в Москве, и содержит информацию о результатах раскопок всех экспедиций, работавших в Крыму. Это издание предполагается сделать ежегодным.

Т.Н. Высотская монографически подвела итоги своих многолетних раскопок позднескифского Усть-Альминского городища и примыкающего к нему могильника (Высотская Т.Н., 1994). В разделе о городище охарактеризованы архитектурные сооружения и хозяйственная жизнь поселения. Описаны погребальные сооружения и основные типы инвентаря I в. до н.э. – III в. н.э. из 149 могил некрополя.

Сборник статей (Северо-Западный Крым.., 1994) отражает некоторые итоги исследований, проводившихся в последние годы сотрудниками Крымского филиала Института археологии НАН Украины. Он открывается биографической статьей, написанной к 75-летию Э.И. Соломоник. П.Д. Подгородецкий реконструирует в динамике природные условия Северо-Западного Крыма в античную эпоху. Г.М. Николаенко и Л.В. Марченко исследуют антропогенные воздействия на природу ближайших окрестностей Херсонеса Таврического. В.А. Кутайсов и В.Б. Уженцев опубликовали результаты раскопок одного из важнейших фортификационных узлов Калос-Лимена – его восточных ворот с башней и прилегающими участками стен. Хорошая сохранность архитектурных остатков позволила выполнить довольно убедительную графическую реконструкцию, а находки из культурного слоя – датировать время существования сооружения (со всеми перестройками) в пределах III–II вв. до н.э. С.Б. Ланцов раскопал поселение Ново-Федоровка, расположенное на берегу Сакского озера. Весьма многочисленные находки, в том числе 100 амфорных клейм, позволяют отнести время возникновения поселения к концу V в. до н.э., а его гибель – приблизительно к 170 г. до н.э. По мнению автора раскопок, вначале оно существовало, как один из пунктов хоры Керкинитиды, а с 40–30-х годов IV в. до н.э. было включено в состав Херсонесского государства.

В двух статьях речь идет о памятниках керамической эпиграфики. О.А. Махнева сделала общий обзор 863 клейм, обнаруженных в Керкинитиде. М.И. Золотарев изучил херсонесские клейма, найденные в Ольвии. Динамика их поступления позволяет отнести начало херсонесско-ольвийских торговых связей к последней четверти IV в. до н.э., а наибольшее развитие – к первой четверти III в. до н.э. Затем фиксируется постепенное затухание контактов и, наконец, их прекращение приблизительно в 70-е гг. II в. до н.э.

Э.И. Соломоник опубликовал херсонесские грузила с надписями. О.И. Домбровский детально исследовал известную херсонесскую мозаику с изображением двух девушек. Он датирует памятник IV в. до н.э. и полагает, что на полу жилого дома (а не бани, как считалось ранее) изображена Афродита в двух ипостасях – Урании и Пандемос.

Заключительный в этом сборнике блок статей посвящен позднескифской археологии. Т.Н. Высотская изучила влияние древнегреческой культуры на позднескифскую. Ю.И. Зайцев и А.Е. Пуздровский свели воедино материалы эпохи диофантовых войн, обнаруженные в разные годы и на разных участках столицы позднескифского государства. В.Б. Уженцев

опубликовал позднескифские землянки из Калос Лимена, А.В. Ачкинази и А.Е. Пуздровский – плиту с сарматскими знаками из Неаполя скифского, В.Л. Мыц – наскальные рисунки из грота в горе Бурун-Кая.

Активную издательскую деятельность развернул Бахчисарайский историко-культурный заповедник, никогда ранее не отличавшийся на этом поприще. Опубликовано три сборника, еще один находится в печати. Первый из них (Проблемы истории "пещерных городов".., 1992) посвящен памяти Е.В. Веймарна и в основном состоит из статей о "пещерных городах" Крыма. Он открывается большой работой Ю.М. Могаричева. В ней собраны сведения обо всех крупнейших пещерных комплексах, предложен новый метод датирования искусственных пещерных сооружений по следам орудий камнетесов, сделаны исторические выводы. В двух статьях А.В. Белого (первая в соавторстве с В.В. Назаровым) опубликованы результаты раскопок усадьбы, расположенной на городище Кыз-Кермен, и небольшой церкви в его окрестностях. Посмертно напечатан текст доклада, прочитанного Е.В. Веймарном на I международном симпозиуме по охране и реставрации пещерных комплексов. Ю.С. Воронин и В.Н. Даниленко исследовали обстоятельства возникновения пещерных монастырей. А.Г. Герцен и Ю.М. Могаричев, используя результаты новейших раскопок, вернулись к давно дискутируемому вопросу о дате появления крепости на плато Чуфут-Кале. По их мнению, укрепление было построено в конце VI – первой половине VII в. в связи с расселением алан – федератов Византии. Е.И. Лазаренко составила таблицы, в которых привела сведения о коллекциях из раскопок "пещерных городов", хранящихся в Бахчисарайском музее. У с. Красный Мак И.И. Лобода раскопал очень интересный могильник со склепами IV–V вв. н.э. Статья И.Н. Храпунова знакомит с результатами исследования кургана, содержавшего уникальное кеми-обинское погребение, а также другие захоронения эпохи бронзы и средневековых кочевников.

В другом бахчисарайском сборнике (История и археология.., 1993) И.Н. Храпунов рассуждает об этнической принадлежности кизил-кобинской культуры. По его мнению, культура принадлежала историческим таврам, а отличия между горными и предгорными памятниками объясняются разными хозяйственно-культурными типами населения гор и предгорий. А.Н. Щеглов детально исследовал межевую систему Маячного п-ова (он же "старый" Херсонес Страбона). Следует отметить, что к началу нынешнего века система древнегреческого землеустройства на Маячном п-ове сохранилась как нигде в средиземноморско-причерноморском регионе. Сейчас от нее остались ничтожные следы. А.Н. Щеглов опубликовал все старые планы, найденные им в архивах, использовал данные аэрофотосъемки и своих собственных разведок. В результате ему удалось реконструировать межевую систему херсонеситов со всей возможной на сегодняшний день полнотой. А.В. Сазанов классифицировал амфоры, краснолаковую и простую гончарную керамику из раскопок Баклы. На основании изучения этих материалов он датировал время гибели цитадели поселения 80-и годами VI в. н.э. А.В. Белый опубликовал результаты раскопок еще одной усадьбы на Кыз-Кермене. Болгарский археолог Г. Атанасов обобщил свои исследования искусственных пещерных сооружений в северо-восточной Болгарии. Тему пещерных памятников продолжили В.Н. Даниленко и В.Ф. Филиппенко публикациями о пещерных монастырях Чильтер-Коба и Инкерманском. А.В. Белый, О.Б. Белый, И.И. Лобода раскопали несколько позднесредневековых плитовых могильников в окрестностях Бахчисарая.

В этом же томе содержатся материалы дискуссии, в которой участвуют А.Г. Герцен, Ю.М. Могаричев, А.В. Белый, о некоторых спорных вопросах истории средневековой Таврики.

В качестве приложения напечатаны информация Ю.М. Могаричева о научном архиве Е.В. Веймарна и Е.И. Лазаренко о лапидарной коллекции Бахчисарайского музея. Последняя содержит сведения о нескольких сотнях памятников, относящихся ко времени от эпохи бронзы до позднего средневековья.

В следующем сборнике (Проблемы истории и археологии Крыма, 1994) А.Н. Щеглов тщательно проанализировал архивные материалы и собственные наблюдения о фортификационных сооружениях Маячного п-ова. Он подробно описал архитектурные остатки и находки, сделанные при их раскопках. Оборонительные сооружения были навсегда заброшены в самом конце IV или на рубеже IV–III вв. до н.э., что противоречит традиционной дате – конец II в. до н.э., но зато служит еще одним косвенным подтверждением сформулированной ранее гипотезы о каких-то крупных потрясениях, пережитых Херсонесским государством на рубеже IV–III вв. до н.э. И.Н. Храпунов, В.П. Власов, О.Э. Молодцов, С.А. Мульд опубликовали результаты раскопок позднескифского поселения Золотое Ярмо в

Центральном Крыму. А.Е. Пуздровский классифицировал погребальные сооружения из крымских могильников первых вв. н.э. И.И. Вдовиченко и С.Г. Колтухов познакомили читателей с могильником III в. н.э. у с. Танковое в Юго-Западном Крыму.

Несколько статей продолжают активно разрабатывавшуюся в предыдущих сборниках тему "пещерных городов". Таковы работы Ю.М. Могаричева о двух кладбищенских церквах Эски-Кермена, В.А. Петровского о скальной церкви близ Баклы, Т.Я. Яшаевой о пещерном комплексе на мысе Виноградном вблизи Херсонеса, В.Н. Даниленко о монастырском хозяйстве (на примере пещерного монастыря Чильтер-Коба), А.В. Сазанова о хронологии цитадели Баклинского городища.

Две статьи информируют о небольших охранных раскопках в Юго-Западном Крыму: А.В. Белого – на таврском могильнике у с. Лесниково, О.Б. Белого и И.И. Неневоли – на некрополях первых веков н.э. у сел Суворово, Брянское, Красная Зоря, а также позднесредневековом могильнике вблизи Бахчисарая.

В приложении Е.И. Лазаренко опубликовала собранные в таблицы сведения об археологических коллекциях Бахчисарайского музея, а И.Н. Храпунов, Л.Н. Храпунова, Е.Е. Таратухина сделали обзор археологических находок, хранящихся в фондах Крымского краеведческого музея в Симферополе.

Научно-исследовательский центр Крымоведения помог екатеринбуржцам продолжить известное специалистам издание "Античная древность и средние века", опубликовав 27 выпуск (Византия и средневековый Крым, 1995). В нем напечатана очередная статья Н.И. Барминой о Мангупской базилике. А.Г. Герцен предложил типологию средневековых городищ Юго-Западной Таврики, австрийские ученые Н.Зайбт и В.Зайбт (в оглавлении их фамилии набраны с ошибкой) исследовали моливдовулы стратигов фемы Херсон. Основываясь на сфрагистическом материале, В.С. Шандровская рассуждает о таможенной службе в Сугдее VII–X вв. В.Н. Залесская опубликовала денежно-вещевой клад XV в., найденный еще в 1901 г. в Ай-Василе (ныне эта деревня слилась с Ялтой). Ю.М. Могаричев впервые издал точные планы церквей Качи-Кальона. А.И. Романчук исследовала хронологию некоторых меток на средневековой черепице из Херсонеса.

Выходившая с 1971 г. серия "Археологические памятники Крыма" прервалась из-за финансовых трудностей. Напоследок издано четыре книги (Ольховский В.С., Храпунов И.Н., 1990; Соломоник Э.И., 1990; Кутайсов В.А., 1992; Герцен А.Г., Могаричев Ю.М., 1993). А.И. Романчук написала научно-популярную книгу для школьников (Романчук А.И., 1995).

В январе 1994 г. в Милане (Италия) открылась выставка под названием "Готы", на которую представили коллекции музеи большинства европейских стран. Был издан объемистый каталог (I Goti, 1994). Он содержит обзорную статью А.И. Айбабина о крымских готах, прекрасно иллюстрированную фотографиями вещей из Эрмитажа и Крымского краеведческого музея.

Другая выставка в Италии (г. Римини) была организована в 1995 г. Крымским отделением Института востоковедения и Институтом археологии НАН Украины. Экспонировались находки, сделанные при раскопках памятников, оставленных различными народами, населявшими Северное Причерноморье в античную эпоху и средние века (от киммерийцев до Золотой Орды). "Крымская" часть каталога (Dal Mille al Mille.., 1995) состоит из статей И.Н. Храпунова (о поздних скифах), А.И. Айбабина (о готах, аланах, гуннах, булгарах, хазарах, половцах) и М.Г. Крамаровского (о золотоордынском периоде). Каждая из статей проиллюстрирована фотографиями (в подавляющем большинстве – цветными) сотен вещей, многие из которых ранее не публиковались.

Отметим две статьи А.И. Айбабина, изданные во Франции. Одна из них – о погребениях кочевнической знати IV–VI вв. н.э. (Ajbabin A., 1995), другая – о производстве пряжек и фибул VI–VIII вв. (Aibabin A., 1993). И.П. Засецкая, тоже во Франции, напечатала исследование о серебряном блюдце с изображением Констанция II, найденном в Керчи (Zaseckaja I., 1995). Очень широко использует в своих публикациях материалы из крымских, позднеримского времени и раннесредневековых могильников М. Казанский (Kazanski M., 1991a; 1994; 1995). А.Г. Герцен выступил на XI Всемирном конгрессе по иудаике в Иерусалиме. Его доклад о раскопках караимских памятников в Крыму опубликован (Certsen A., 1994).

Перечисленные выше работы позволяют отметить две приятные тенденции: во-первых, активизацию издательской деятельности в Крыму, во-вторых, расширение международных контактов крымских археологов.

Нерегулярное, а точнее, непредсказуемое, финансирование приводит к тому, что ни одно крымское издание нельзя с полным правом назвать периодическим. По этой же

причине нереально пока издание археологического журнала, в создании которого заинтересованы очень многие археологи, работающие как в Крыму, так и за его пределами.

Можно предъявить претензии к качеству издания многих сборников. Плохая полиграфическая база делает нечеткими иллюстрации, особенно фотографии. Тем не менее благодаря новым изданиям специалистам стало доступно значительное количество источников, полученных при раскопках крымских памятников.

Симферопольский государственный университет

И.Н. Храпунов

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Археологические исследования в Крыму. 1993 год, 1994. Симферополь.

Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.). Тез. докл. 1994, Симферополь.

Византия и средневековый Крым, 1995. Симферополь.

Высотская Т.Н., 1994. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев.

Герцен А.Г., Могаричев Ю.М., 1993. Крепость драгоценностей. Кырк-Ор. Чуфут-Кале. Симферополь.

История и археология Юго-Западного Крыма, 1993. Симферополь.

Кутайсов В.А., 1992. Керкинитида. Симферополь.

Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии, 1990. Вып. I. Симферополь.

Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии, 1991. Вып. II. Симферополь.

Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии, 1993. Вып. III. Симферополь.

Ольховский В.С., Храпунов И.Н., 1990. Крымская Скифия. Симферополь.

Проблемы истории и археологии Крыма, 1994. Симферополь.

Проблемы истории "пещерных городов" в Крыму, 1992. Симферополь.

Романчук А.И., 1995. Были и легенды Херсонеса. Симферополь.

Северо-Западный Крым в античную эпоху, 1994. Киев.

Соломоник Э.И., 1990. Каменная летопись Херсонеса. Симферополь.

Aibabin A., 1993. La fabrication des garnitures de ceintures et des fibules à Chersonese, au Bospore Cimmerien et dans la Gothie de Crimée aux VIe–VIIIe slècles // Outils et ateliers d'orfevres des temps anciens. Antiquites nationales memoire. 2. Paris.

Ajbabin A., 1995. Les tombes de chefs nomades en Crimee de la fin du IVe siecle au VIe siecle // La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle. Paris.

Dal Mille al Mille. Tesori e popoli del del Mar Nero, 1995. Milano.

Gertsen A., 1994. Archaeological excavations of Karaite settlements in the Crimea // Proceedings of the eleventh world Congress of Jewish studies. Division B. The history of the Jewish people. Vol. 1. Second Temple period to modern times. Ierusalem.

I Goti, 1994. Milano.

Kazanski M., 1991a. Contribution à l'étude des migrations des Goths à la fin du IVe et au Ve siècles: le temoignage de l'archéologie // Les wisigoths avant leur arrivée en Gaule et en Espagne. Ronen.

Kazanski M., 1991b. Les Goths (Ier–VIIe après J.-C). Paris.

Kazanski M., 1994. Les eperons, les umbo, les manipules de boucliers et les haches de l'époque romaine tardive dans la region pontique: origine et diffusion // Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vierter nachchristlichen Jahrhunderten. Lublin; Marburg.

Kazanski M., 1995. Les tombes des chefs alano-sarmates au IVe siècle dans les steppes pontiques // La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle. Paris.

Zaseckaja I., 1995. A propos du lieu de fabrication des plats en argent portant la représentation de Constance II et trouvés à Kertch // La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle. Paris.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Археология и этнография Марийского края.
Вып. 24. Йошкар-Ола, 1995. 17 с.

Рецензируемый сборник включает статьи, посвященные результатам полевых исследований и анализу материала, накопленного в результате многолетних раскопок. В некоторых статьях содержатся интересные выводы, сделанные на основании анализа археологических материалов и данных других наук. Таким образом, сборник, с одной стороны, знакомит читателя с новыми материалами, с другой – с новыми концепциями.

Сборник начинается статьей В.В. Никитан "Археологические исследования Марийской экспедиции в 1986–1993 годах". В ней содержится информация о результатах исследования памятников от эпохи мезолита до позднего средневековья. На большинстве поселений были обнаружены жилища, как углубленные, так и наземные. По-видимому, полученный материал позволит проследить путь развития жилища от мезолита до позднего средневековья, выявить, под влиянием чего изменялось его устройство, что было заимствовано от соседей, а что выработано под влиянием климатических перемен. Большой интерес представляет обнаруженное в районе деревни Отары Марийское святилище, функционировавшее с середины XVIII по 40-е годы XX в.

Материал, полученный при раскопках Отарского VI поселения эпохи неолита (д. Отары Килемарского р-на), позволяет, по мнению автора, рассматривать проблему хронологического соотношения неолитических культур с гребенчатой, ямочно-гребенчатой и наколькатой керамикой. Это наблюдение представляет большой интерес.

Автор пишет, что работы Марийской экспедиции привели к открытию большого количества ранее неизвестных памятников и обследованию состояния ранее известных. По-видимому, полученный материал позволяет приступить к составлению археологической карты Марийского края в серии "Археологическая карта России".

Результатам обследования двух размываемых Волгой стоянок посвящена статья В.В. Никитиной и А.А. Ластовского "Юльяльские II и IV стоянки эпохи мезолита". Стоянки находятся в нижнем течении р. Сундырки, притока Волги, и интенсивно размываются водами водохранилища.

Статья В.И. Вихляева и В.В. Ставицкого "Балахнинские поселения на средней Мокше Шаверки II и Шаверки V" посвящена описанию раскопок и анализу материала. Поселение Шаверки V, находящееся на р. Мокше, относится к балахнинской культуре и по ряду особенностей керамики должно быть отнесено к ее позднему этапу. Найденные каменные орудия характерны для памятников этого типа. Вместе с тем автор отмечает наличие ряда орудий, не типичных для позднего этапа. Датировка материалов поселения поздним этапом позволила авторам оспорить утверждение А.Х. Халикова, что на позднем этапе балахнинские племена расселяются на нижнем течении Оки и на берегах Волги, покинув бассейны Мокши, Суры и Пьяны. Находящееся на правом берегу р. Мокши селище Шаверки II содержит материал поздняковской культуры и эпохи средневековья.

Статья С.В. Большова "Поселение Большая гора" посвящена публикации предварительных результатов раскопок двуслойного поселения, один слой которого содержит материал эпохи неолита, а второй относится к волосовской культуре. В жилище № 1 керамика имела орнамент, который, по мнению автора, имеет аналогии в абашевских памятниках. Были исследованы два жилища, и в каждом обнаружены остатки нескольких очагов.

Большой интерес представляет статья В.Н. Шитова "Луговая степь и памятники срубной культуры на территории Мордовии". Автор сообщает, что на территории современной Мордовии в древности были участки ковыльной степи, главным образом вдоль р. Инсар. Отдельные участки степной растительности наблюдались еще в начале XX в. Участки степи перемежались лесами. Интересно, что памятники срубной эпохи, как поселения, так и могильники, находятся именно на участках, занятых степной растительностью. Исключения составляют только два кургана. Автор отмечает, что они имеют ряд черт, отличающих их от других, и, по-видимому, должны датироваться более поздним временем. Сделанное наблюдение позволяет предположить, что племена срубной культуры продвигались на север, не выходя за пределы привычного ландшафта.

© К.А. Смирнов, 1997 г.

Проблеме, неизменно привлекающей внимание исследователей, посвящена статья Б.С. Соловьева "О появлении текстильной керамики в среднем Поволжье". В основу положены материалы поселения Ясачное III, исследованного автором в 1992 г. в левобережье Волги. При раскопках помимо остатков жилища и очагов было найдено большое количество керамики, включающей небольшое количество неолитической (61 экз.), приказанскую эпохи поздней бронзы (1162 фрагмента) и "текстильную" керамику эпохи поздней бронзы (366 фрагментов). Основная масса "текстильной" посуды была найдена в заполнении котлована постройки вместе с приказанской. Сопоставление различных данных позволяет автору сделать вывод, что носители "текстильной" керамики проникли на среднюю Волгу в среду приказанского населения в период Балымско-карташихинского и атабаевского этапов приказанской культуры, датируемых в пределах XIV–XI вв. до н.э. По-видимому, соотношение "текстильной" и приказанской керамики на ряде памятников позволяет предположить, что группы населения, пользовавшегося "текстильной" посудой, в эпоху поздней бронзы многократно переселялись с запада на среднюю Волгу.

Этой же проблеме посвящена статья С.В. Большова, С.В. Кузьминых и Б.С. Соловьева «К вопросу о поселениях культуры "текстильной" керамики в Среднем Поволжье». Проанализировав материалы археологического комплекса на о-ве Мольбищенском около г. Козьмодемьянска, включающего поселения эпохи поздней бронзы, и ананьинский могильник VIII–VI вв. до н.э., авторы пришли к выводу, что в эпоху поздней бронзы на единой территории параллельно сосуществовали носители двух культур: приказанской и культуры "текстильной" керамики. Наличие на поселениях Среднего Поволжья "текстильной" керамики, по мнению авторов, следует объяснить переселением с запада значительных групп населения и только в незначительной мере – перекрестными браками между приказанцами и поздняковцами.

Статья В.В. Ставицкого и Ю.А. Зеленеева "Второе Омутьяльское поселение и Мушморский могильник на р. Илеть" содержит краткую информацию об исследовании поселения, которое по характеру керамики должно быть отнесено к займищенскому или балымско-карташихинскому этапу приказанской культуры и расположенному на краю поселения могильнику IV–V вв., относящемуся к типу западных азелинских могильников.

Большой интерес представляет статья Г.А. Архипова и А.И. Шадрина "Исследование раннесредневековых курганов у с. Климкино". Могильник находится на берегу р. Малая Юнча у с. Климкино Горномарийского р-на Республики Марий Эл. Было исследовано 19 грунтовых погребений, расположенных рядами и перекрытых одной курганной насыпью. По мнению исследователей, создание сооружения может быть реконструировано следующим образом. После заполнения центральной части могильника была произведена нивелировка, уничтожившая внешние признаки могил, и сделана общая ритуальная насыпь, покрывшая бóльшую часть могил. Авторы справедливо отмечают связь могильника с памятниками у сел Андреевка и Писералы. Инвентарь погребений позволяет все сооружение относить к III–IV вв. н.э. Помимо устройства сооружения на связь с Андреевским курганом указывают и находки.

С интересными выводами знакомит статья Т.Б. Никитиной "О характере расселения марийцев во II тыс. н.э. на примере Мало-Сундырского городища и его округи", посвященная анализу памятников второй четверти II тыс. Как достоинство статьи надо отметить, что наряду с археологическими материалами автор в равной степени использует сведения письменных источников и данные географии. Это делает выводы более обоснованными. Рассмотрены памятники, относящиеся к XIII–XV вв. и составляющие одну группу. Центр группы составляет Мало-Сундырское городище, хорошо укрепленное поселение, служившее убежищем для окрестного населения. Поблизости располагались небольшие селища, состоявшие из двух-трех дворов, как пишет автор, ссылаясь на письменные свидетельства, а также жертвенник, место общественных молений. Статья представляет большой интерес для понимания процесса развития марийского народа. Вместе с тем не могу не отметить, что вывод автора относительно кузницы на Юльяльском городище не звучит убедительно. Главный признак обработки черного металла – наличие шлаков и криц. В данном случае о них не сказано ни слова – по-видимому, их нет. Вероятно, был найден клад железных предметов. Такие клады известны довольно широко для рассматриваемого и более раннего времени. Конечно, автор прав, когда он оспаривает мнение О.В. Данилова, считавшего, что Важнангерский жертвенник был местом моления жителей одного поселения. Все факты свидетельствуют о том, что это было место молений населения целой округи.

Анализу материалов, накопленных в продолжение многолетних исследований, посвящена статья А.И. Шадрина "Результаты металлографического анализа железных предметов из погребальных комплексов I тыс. н.э. Волго-Камья". Автор обратился к материалам середины I тыс., использовав находки из могильников Мари-Луговского, Шор-Унжинского, Рождественского V, Усть-Брыскинского. Исследования проводились в лаборатории металловедения Марийского политехнического института по методике Б.А. Колчина. Анализы показали, что бóльшая часть предметов изготовлена с соблюдением требований своего времени.

Огромный интерес представляет статья В.Т. Шаландиной и Д.Р. Шакировой "Растительный покров Марийского Заволжья в неолите – железном веке". То, что историю человеческого общества нельзя изучать в отрыве от природной среды, в которой жил человек, было понято еще в прошлом веке. Однако далеко не всегда этому уделялось достаточное внимание. В последнее время интерес к проблеме взаимоотношений человека с природной средой в разные эпохи повысился. Используя спорово-пыльцевые спектры, полученные при раскопках ряда памятников Марийского Поволжья, авторы делают ряд интересных наблюдений. Судя по имеющимся данным, в районе памятников имелись обширные открытые пространства. По мнению авторов, население в древности использовало для хозяйственных нужд сосну и ель, а из лиственных – дуб. На месте сведенных хвойных лесов появлялись вторичные липовые с подлеском из лещины. В неолите степень воздействия человека на растительный покров была небольшой, но постепенно она возрастала. Современную растительность запада Марийской республики следует рассматривать не только как результат естественной эволюции, но и как результат влияния человека на растительный покров в прошлом.

Статья В.Н. Маркова "Археологические исследования в Приказанском Поволжье" содержит краткую информацию об исследованиях 1991–1992-х годов.

Подводя итоги, надо отметить, что рассматриваемая книга, входящая в серию "Археология и этнография Марийского края" (вып. 24), представляет большой интерес для всех изучающих историю народов, населяющих территорию Восточной Европы. Для статей, опубликованных в сборнике, так же как и для большей части материалов, опубликованных в сборниках этой серии, характерен высокий методический уровень, соответствующий современным требованиям. Нельзя не отметить, что по мере выхода новых выпусков уровень повышается и больше внимания уделяется проблемам, важным для истории всей Восточной Европы.

Институт археологии РАН,
Москва

К.А. Смирнов

ИНТЕРПРЕТАЦИИ, РЕКОНСТРУКЦИИ И ТЕОРИЯ В АРХЕОЛОГИИ

(по поводу статьи А.М. Буровского)

Статья А.М. Буровского (1995, с. 220–224) "Археологические интерпретации и реконструкции" опубликована "Российской археологией" почему-то в разделе "Критики и библиографии", хотя ничего общего ни с критикой, ни с библиографией она не имеет. Разбор понятий, уточнение терминов и систематизация разделов науки всегда были делом теории.

В статье автор рассматривает вопрос о путях и методах использования археологических источников для получения исторических выводов. Основная идея статьи сводится к констатации большой роли внеархеологического, вненаучного, даже бытового знания и интуитивного способа мышления для выяснения древних функций археологических объектов. В связи с этим ставится вопрос о возможности не замечаемого исследователем искажения информации. Мысль в общем верная. Ее уже высказывали теоретики археологии. Так, в "Анализе археологических источников" авторы писали об интерпретационных "штампах" и "неосознанной формализации" (Каменецкий И.С. и др., 1975, с. 100). Я.А. Шер в учебнике методов пишет: "...процесс осмысления и исторического истолкования археологических материалов пока еще не получил четкого теоретического и методического обобщения. ... Написать... четкую инструкцию о том, как превратить мертвые остатки и следы жизни древних людей в новые факты истории, невозможно. В этой области археологу приходится во многом полагаться на исследовательский опыт, интуицию и догадки (Мартынов А.И., Шер Я.А., 1989, с. 204). Во многом, но не во всем. Я.А. Шер указывает пути внесения логической строгости в интерпретацию (систематизация фактов, выдвижение и проверка гипотез и т.п.).

Буровский же, прокламируя верную в общем идею, предложил весьма необычную (по крайней мере для археологии) трактовку понятий "аксиома", "интерпретация", "реконструкция", а это придало его разработке неприемлемый характер.

А.М. Буровский столь уверен в том, что его понимание – единственно верное, что весьма забавно упрекает других исследователей за то, что они не придерживаются этого понимания – сбиваются и путают термины (Буровский А.М., 1995, с. 224). Да помилуйте, ведь они опубликовали свои работы до провозглашения *истинного* понимания (а возможно, останутся при своих взглядах и после оного)!

Обыденное знание о функциональном назначении вещей автор именует "аксиоматическим", "аксиомами", а характеристику такого познания – "аксиоматизацией". Однако аксиомы характеризуются не только тем, что не требуют доказательств (их обоснование лежит за пределами данной отрасли знания или вообще в практическом опыте), но и тем, что они выражают некие важные абстракции, общие истины, принципы. Они сродни теоремам. Именно так рассматривали аксиомы в археологии Даннел и Юхансен (Dunnell R.C., 1978, p. 41–73; Johansen A.B., 1984, p. 21–37). То, что длинный предмет с "лезвием" и "рукояткой" воспринимается как нож – это не аксиома, а укоренившееся представление, стереотип восприятия, бытовой типический образ. "Аксиоматизацией" принято называть не просто опору на аксиомы, а приведение научной системы в такой вид, когда все ее положения выводятся друг из друга и в конечном счете восходят к небольшому числу аксиом. Назвать обычные представления о функциях вещей аксиомами – означало бы принять эти определения за недоказуемые средствами, доступными археологу, а это противоречит практике. Функционально-трассологический метод С.А. Семенова – один из способов строгого доказательства этих "аксиом" в археологии. Обыденное знание помогает археологу нащупать путь к "расшифровке" не только функций вещей, но и смысла древних изображений, путь к оценке самой их древности и пр. Но только нащупать. Дальше нужно пустить в ход научные методы.

Интерпретацию А.М. Буровский трактует как сугубо интуитивное истолкование, как некое целостное понимание, озарение. Оно, де, не использует информацию, извлекаемую из источника, а опирается на обыденное знание, на "аксиомы". Отсюда сетования на то, что интерпретация, опираясь на предвзятые идеи и привычные представления, то и дело рождает незамечаемые искажения картины – "аберрации". Шаткой интерпретации Буров-

© Л.С. Клейн, 1997 г.

ский противопоставляет строгую и надежную "реконструкцию" – восстановление вещей и событий, опирающееся на собственную информацию, извлекаемую из источника.

Такое понимание термина "интерпретация" существует, но не в археологии, а в философии, точнее в определенной философии, в определенном философском течении – в феноменологии и герменевтике. Основоположник феноменологии Эдмунд Гуссерль старался придать "очевидностям" обыденного опыта, интуитивным, созерцательным процессам большее значение для познания, чем логике науки, методам доказательства. Интуитивно "схватить" феномен – вот путь для понимания, по Гуссерлю. Пропагандисты герменевтики Мартин Хайдеггер, Г.-Г. Гадамер и П. Рикёр рассматривали явления как тексты, а их познание – как интуитивную интерпретацию. Перенесение этого понимания термина "интерпретация" в археологию способно лишь повлечь за собой путаницу; оно благоприятствует тем, кто не верит в способности археологии объективно выявлять структуры прошлого и строго доказывать свои выводы.

В археологии издавна за этим термином закрепилось другое значение. Интерпретация – это целый этап (причем поздний этап) в процедуре археологического исследования, этап, на котором из предварительно отпрепарированного и обработанного археологического источника специфическими, достаточно строгими методами извлекается историческая и социологическая информация.

У американских авторов У. Тэйлора и В.К. Суартца "интерпретация" складывается из установления техники и функций артефактов и выделена в особый этап процедуры, который следует за "анализом". У обоих реконструкции и синтез выступают на последующем этапе (Taylor W.W., 1948; Swartz B.K., 1967, p. 487–497). И. Мак-Уайт подробно рассматривает семь "уровней археологической интерпретации" и для трех первых (хронологического, экологического и экономического) полагает применяемое мышление дедуктивным, а результаты "вероятно, столь же надежными и определенными, какими только могут быть вообще реконструкции post factum". На последующих уровнях (аккумулирующих исторические, социологические и психологические рассуждения) мышление становится менее дедуктивным, а интерпретация – более гипотетической (MacWhite E., 1956).

Авторитетный немецкий ученый Г. Мюллер-Карпе в своем "Введении" пишет о продвижении археологии к "добыванию знаний на основе аутентичных источников и их методично проверяемой интерпретации" (Müller-Karpe H., 1975, S. 82). И.С. Каменецкий, Б.И. Маршак и Я.А. Шер (1975) выделяли в книге "Анализ археологических источников" целый этап исследования ("анализа"), который они назвали "Историческая интерпретация", и говорили в нем именно о реконструкции (с. 101). В.М. Массон (1976, с. 13) рисовал схему, в которой над археологическим источниковедением (после него) располагаются уровни этнокультурной и социологической интерпретации, а они состоят из комплексов операций, называемых "реконструкциями": реконструируются этнические связи, экономические структуры и проч. Так в общем представлял себе интерпретацию (осмысление) и я, когда писал свои "Археологические источники", включая в этот этап детективную работу археолога, оценку познавательного потенциала источника и т.д. (Клейн Л.С., 1978, с. 80; 1995, с. 180).

Ж.-К. Гарден делит всю процедуру исследования на "компиляции" (сбор и описание материала) и "экспликации" (дальнейшая обработка, объяснительные действия). Во втором разделе он выделяет большой этап "интерпретационных построений". "Интерпретацией, – пишет он, – будем называть широкий процесс осмысления результатов какой-нибудь обработки и организации археологических фактов и наблюдений... Создавая интерпретационное построение, исследователь выходит за рамки формальной организации данных, чтобы объяснить их значение" (Гарден Ж.-К., 1983, с. 151). Весь раздел посвящен формализации этих построений.

О границах этого этапа существуют разные мнения. Мне представляется, что выяснение причинно-следственной зависимости явлений исторического процесса и законов, в них проявляющихся, – это уже не дело археологии, что это задачи истории и социологии. Соответственно, такие операции я не включаю в археологическую интерпретацию. Массон же придерживается включения этих задач в археологическую процедуру. Обработку археологического материала, которую он прежде считал источниковедческой, теперь он рассматривает как археологическую интерпретацию, а социологическую и историческую интерпретацию располагает за ней, но внутри археологии, а все вместе называется "историческими реконструкциями" (Массон В.М., 1990).

Во всяком случае у многих авторов интерпретация означала большой этап процедуры, а реконструкция – его подразделения и содержания или цели.

В археологии англоязычных стран термин "интерпретация" менее употребителен, ибо слово это (interpretation) означает в английском попросту "устный перевод с другого языка". Относительно археологических объектов там чаще говорят об объяснении (explanation), а объяснение понимают нередко как подведение частного явления под какой-нибудь общий закон, и только (это одна из неопозитивистских догм "новой археологии"). Другие исследователи понимают "объяснение" шире – как включение в систему связей или согласование с наличной картиной мира. Но и это можно производить интуитивно, а можно – и строгими методами. А такой смысл "объяснения" сближает его с нашей "интерпретацией".

"Реконструкцию" А.М. Буровский трактует как исключительно строгий и методичный процесс восстановления прошлого, опирающийся только на информацию самого источника. Процесс этот абсолютно строгим бывает, однако, чрезвычайно редко, если это вообще возможно. Всякая реконструкция включает в себя известную долю риска – даже пополнение одного недостающего черепка разбитого горшка. Пусть горшок почти весь налицо, пусть он простой и круглый, и диаметр его измерен, и профиль известен, но ведь на несохранившемся черепке мог быть знак или рисунок, мог быть отпечаток зерна или могло торчать ушко и т.п. Поэтому пуристы от методики протестуют против употребления термина "историческая реконструкция" в археологии, предпочитая говорить о гипотетическом "конструировании" (Taylor W.W., 1948, p. 35). «Прошлое ушло, Ричард, – говорил Бинфорд в назидание своему противнику Гулду. – ... Наше дело так понять... современные факты, чтобы надежно сконструировать (вывести, если угодно) "реальный мир" прошлого. Настаивать на том, что "реальный мир" прошлого – это тот же самый "реальный мир", что присутствует в археологических источниках, – сущий нонсенс» (Binford L.R., 1989, p. 116).

Но уж во всяком случае реконструкция только на основании информации самого источника – это утопия чистейшей воды. Принципиально возможные конфигурации недостающей части безграничны, и границы им придает только наше знание других объектов подобного рода, законов и регулярностей, для реализации же реконструкций необходимо привлечение моделей из этнографии, а нередко – и обыденного знания. Таким образом, противопоставлять интуитивную интерпретацию строго научной реконструкции несуразно.

И в интерпретации и в реконструкции не обойтись без теории, если добиваться научной строгости и доказательности результатов. Именно теория прочищает и упорядочивает систему понятий и терминов, закладывает логичные основы классификации и типологии, соответствующие материалу, строит механизм методов исследования и организует всю процедуру. Теория формулирует законы, действующие в материале, и устанавливает границы их применения. Более того, теория выявляет и проясняет ту научную картину мира, с которой интерпретация согласует новые факты, порою интуитивно, так что теория работает и на интуитивном уровне, помогая перестраивать его заключения в более строгие. Я рассматривал, эти функции теории в нескольких статьях (Клейн Л.С., 1980; Klejn L.S., 1993-1994).

Несколько слов об уровне статьи А.М. Буровского. Автор логично рассуждает, пишет ясным и красочным языком. Но он оперирует узким кругом примеров из палеолита и сибирской археологической практики, а теоретические разработки не рассматривает, будто их нет вовсе, а он пришел в эту область как первооткрыватель и должен давать всему имена. Тягу к размышлениям над фундаментом нашей науки можно только приветствовать, однако тут нужны эрудиция и хорошая школа не только в практической археологии, но и в ряде отраслей знания, необходимых именно теоретику. Жаль, что у нас по-прежнему остается общим убеждение, что никакой теоретической археологии как особой отрасли нет, что теорией может заниматься любой практик, была бы голова на плечах.

Занятно, что в статье А.М. Буровского сказалось (проходя боком) то самое постмодернистское поветрие, которое захватило археологическую молодежь Запада и вот уже больше десятилетия сквозит в университетских археологических дискуссиях. Это разочарование в обоснованности и строгости интерпретаций, испуг перед непреодолимостью собственных предвзятых идей (bias) исследователя и попытки ослабить их воздействие рефлектированием. В этом смысле статья очень современна. Однако на Западе уже высказан целый ряд возражений против подобной позиции. Ввязался в спор, так уж будь так добр знать все, что в нем сказано до тебя, взвесить все за и против.

В конце статьи А.М. Буровского "автор заверяет читателя, что владеет категориями теории познания ("анализ", "дедукция" и т.д.)" и игнорирует их не по "невежеству" (Буровский А.М., 1995, с. 224). Видимо, владеет не теми категориями, которые нужны здесь, владеет не всем, что необходимо. К сожалению, и некоторые видные археологи считали,

что им достаточно знания логики и методологии, почерпнутого из стандартных учебников. Кое-кого вывозила интуиция и позволяла им что-то полезное сказать, пухлые теоретические писания других – сплошная макулатура. А ведь все это неплохие практики! Не пора ли поставить вопрос о необходимости специальной подготовки теоретиков? Мне могут возразить: не время и не место, тем более, что такой специальной подготовки нет еще нигде в мире. Но почему надо непременно уступать инициативу и повторять зарубежный опыт? А нынешний кризис археологии – как раз самое время для теоретического осмысления и для производства кадров, профессионально подготовленных к такому осмыслению.

Л.С. Клейн

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Буровский А.М., 1995. Археологические интерпретации и реконструкции // РА. № 3.

Гарден Ж.-К., 1983. Теоретическая археология. М.

Каменецкий И.С., Маршак Б.И., Шер Я.А., 1975. Анализ археологических источников. М.

Клейн Л.С., 1978. Археологические источники. Л. (2-е изд. – СПб., 1995).

Клейн Л.С., 1980. Структура археологической теории // Вопр. философии. № 2.

Клейн Л.С., 1995. Археологические источники. СПб. (2-е изд.)

Мартынов А.И., Шер Я.А., 1989. Методы археологического исследования. М.

Массон В.М., 1976. Экономика и социальный строй древних обществ. Л.

Массон В.М., 1990. Исторические реконструкции в археологии. Фрунзе.

Binford L.R., 1989. Data, relativism, and archaeological science (1987) // Debating archaeology. San Diego et al.

Dunnel R.C., 1978. Archaeological potential of anthropological and scientific models of function // Archaeological essays in honor of Irving Rouse. Hague; Paris; New York.

Johansen A.B., 1984. Aksiomer i arkeologi // Det Kgl. Norske videnskabens Selskab. Museet Rapport. Arkeologisk serie. N 1. Trondheim.

Klejn L.S., 1993–1994. Functions of archaeological theory // J. theor. archaeol. Vol. 3–4.

MacWhite E., 1956. On the interpretation of archaeological evidence in historical and archaeological terms // Amer. Anthropol. Vol. 58. (repr. in: Man's imprint from the past/ Ed.Geertz J. Boston, 1971. (цит. по перепечатке 1971 г.).

Müller-Karpe H., 1975. Einführung in die Vorgeschichte. München.

Swartz B.K., 1967. A logical sequence of archaeological objectives // Amer. Antiquity. Vol. 32. N 4.

Taylor W.W., 1948. A study of archaeology // Amer. Anthropol. Assoc. Memoir 69. Menasha.

Хроника

СТАВРОПОЛЬСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПАМЯТИ Т.М. МИНАЕВОЙ

25 января 1996 г. исполнилось 100 лет со дня рождения известного археолога Татьяны Максимовны Минаевой (1896–1973). Это имя хорошо известно прежде всего тем, кто занимается проблемами аланской истории и культуры. В то же время перу Т.М. Минаевой принадлежат фундаментальные статьи по другим темам археологии, что характеризует ее как универсального исследователя. Поволжье и Северный Кавказ, эпоха бронзы, скифы, сарматы, гунны, аланы, золотоордынские древности – вот география и сферы деятельности замечательного ученого и человека.

100-летию со дня рождения Т.М. Минаевой была посвящена археологическая конференция, организованная Ставропольским краеведческим музеем и Ставропольским университетом с 25 по 28 января 1996 г. в г. Ставрополе.

В работе конференции приняли участие исследователи из Ставрополья, Москвы, Элисты, Новочеркасска, Армавира, Черкесска, Нальчика, Владикавказа. В докладах и дискуссиях были подняты и обсуждены проблемы по широкому кругу вопросов, касающихся истории, археологии, этнографии, музейного дела, а также использования данных других наук в изучении и сохранении археологических памятников. Первая группа докладов посвящалась жизни и деятельности Т.М. Минаевой и анализу ее научного наследия (А.В. Найденко, А.В. Авксентьев, В.В. Госданкер, В.П. Невская, И.В. Отюцкий).

Родившись в деревне Цибульники Смоленской губернии, Т.М. Минаева закончила учительскую семинарию в Петербурге, после чего работала учительницей в Самарской губернии. В 1919 г. она поступила, а в 1924 г. окончила историко-филологический факультет Саратовского университета. По окончании университета способная выпускница была оставлена на кафедре археологии и истории искусств для подготовки к профессуре. Одновременно она работала в Саратовском краеведческом музее. В этот период она начала сотрудничество с известными археологами Поволжья П.Д. Рау и П.С. Рыковым. Начавшиеся репрессии 30-х годов и расправа над ними заставили Т.М. Минаеву переехать вначале в Соль-Илецк, а затем в Волгоград.

Работая в Волгоградском краеведческом музее, она продолжала археологические исследования поволжского региона. Во время саратовского и волгоградского периодов молодой археолог провела исследования и опубликовала ряд статей, которые охватывают и каменный век, и эпоху бронзы, памятники скифо-сарматского и даже славянского круга.

Однако учеба и работа в Саратове с П.Д. Рау и П.С. Рыковым после объявления их врагами народа создавали жизненные осложнения, и Т.М. Минаева вынуждена в 1939 г. переехать в Ставрополь, где она прожила 34 года. С 1939 г. по 1950 г. исследователь работает в Ставропольском краеведческом музее, а с 1950 по 1972 г. она плодотворно трудится в Ставропольском пединституте в качестве преподавателя по курсу древней истории и археологии. После смерти весь архив Т.М. Минаевой поступил на хранение в Ставропольский краеведческий музей, здесь создана мемориальная экспозиция и выделен персональный фонд. Добытые исследователем археологические коллекции составляют важную часть музейного фонда.

Вторая группа докладов, представленных Н.А. Охонько, В.Б. Виноградовым, Н.Д. Судавцовым, С.Н. Савенко, В.А. Бабенко, У.Ю. Эльхановым, А.А. Демаковым, касалась анализа научного творчества Т.М. Минаевой и использования ее работ при современном изучении археологических памятников региона. Отмечено, что основные работы исследовательницы

© Н.А. Охонько, 1997 г.

носят фундаментальный характер и имеют важное значение в наши дни. Т.М. Минаева первая предприняла изучение поселений и городищ Центрального Предкавказья. Проведя разведки на Ставропольской возвышенности, по р. Куме и Сунже, она в основном верно интерпретировала памятники и привлекла к ним внимание археологов. Наиболее точно исследовательница выделила и атрибутировала слои сарматского времени. В то же время она не стала выделять слои предшествующих эпох – кобанской и скифской. Средневековые слои поселений и городищ датированы ею VI–VII вв. н.э., а амфорная керамика салтово-маяцкого круга древностей принята была за золотоордынскую. Последующие исследования 70–80-х годов позволили уточнить выводы Т.М. Минаевой.

Наиболее ценной стороной исследований является то, что Т.М. Минаева, видевшая их в 40-х годах, застала памятники нетронутыми и оставила очень ценные описания объектов, не подвергшихся еще интенсивным запашкам и разрушению. Особенно важные сведения касались таких объектов, как золотоордынский город Маджар и крупнейшее в Центральном Предкавказье Татарское городище со слоями от эпохи поздней бронзы до хазарского времени.

Наибольший вклад Т.М. Минаева внесла в изучение аланской культуры. Основную часть своих исследований она в течение 50–60-х годов проводила в Верхнем Прикубанье. Итогом ее жизни и творчества стал вышедший незадолго до смерти фундаментальный труд «К истории алан Верхнего Прикубанья», который хорошо известен археологам нашей страны и зарубежья. Являясь первым профессиональным археологом в крае, Т.М. Минаева осуществляла активные контакты с краеведами Кавказских Минеральных Вод и Карачаево-Черкессии, которые обращались к ней за консультациями и поддержкой. Она установила плодотворное сотрудничество с археологами Северного Кавказа, Южной России, Поволжья и Украины. Под ее руководством начинали свою деятельность молодые археологи А.Н. Нечитайло и А.В. Найденко. Работая в Верхнем Прикубанье, Т.М. Минаева сотрудничала и дружила с известным исследователем истории и археологии Карачаево-Черкессии Е.П. Алексеевой.

Т.М. Минаева обладала разносторонними знаниями и широкой эрудицией не только в области археологии, но и по древней истории, этнографии, источниковедению, вспомогательным историческим дисциплинам, которые она преподавала в Ставропольском пединституте. Будучи археологом академического склада, она отличалась скрупулезностью в обработке и интерпретации археологического материала.

Третья группа докладов представляла последние результаты сугубо археологических исследований на Дону, Кубани и Ставрополье (А.В. Белинский, В.Г. Петренко, И.Н. Парусимов, В.В. Эрлих, А.К. Швырева, Я.Б. Березин), а также исследований, построенных на исторических и других источниках по истории археологической науки на Северном Кавказе (В.А. Кузнецов, Т. Габуев, Е.А. Соснина, М.Е. Колесникова, Ю.А. Прокопенко).

Отдельным блоком были представлены доклады, касающиеся этнической истории и культуры народов Северного Кавказа. Они строились как на археологических данных (В.М. Батчаев), так и на результатах изучения музейных коллекций (З.В. Доде, А.П. Акопьян), а также на исторических и этнографических изысканиях (Е.П. Попова, Т.А. Невская). В докладах затронуты проблемы этногенеза народов Северного Кавказа, прослежены судьбы традиционных культур и музейных собраний ногайцев, чеченцев, калмыков, славянского населения Северного Кавказа и Ставрополья XIX–XX вв.

Необычайно интересным в методологическом отношении явился доклад В.М. Харченко и Е.В. Цуцкина о результатах новейших геоархеологических исследований северного Приэльбрусья с помощью археологических разведок, совмещенных с дешифровкой космической и аэрофотосъемки.

По результатам конференции принята резолюция. В ней отмечены вклад Т.М. Минаевой в развитии археологии и музейного дела, а также ее плодотворная педагогическая деятельность. Будучи добросовестным ученым, гражданином и патриотом своего Отечества, Татьяна Максимовна Минаева являет собой пример подвижнического служения науке, пример для современных поколений археологов.

В резолюции конференции отмечались такие тревожные явления в археологии, как стремление к сенсационности, снижение научного уровня, тенденции к использованию археологических данных в националистических теориях, увлечение поиском престижных предков и т.д., что в условиях Северного Кавказа приводит к разобщенности, усилению социальной и межэтнической напряженности. Участники конференции призвали своих

коллег следовать примерам тех поколений археологов, которые использовали принципы объективного и беспристрастного освещения истории, не поддаваясь соблазнам конъюнктуры и сиюминутных выгод.

Ставропольский государственный
объединенный краеведческий музей
имени Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве

Н.А. Охонько

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«БЕЛОРУССИЯ В СИСТЕМЕ ТРАНСЕВРОПЕЙСКИХ СВЯЗЕЙ В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ Н.Э.» (Минск, 1996)

Конференция состоялась в Минске 12–15 марта 1996 г. Ее организаторами были Центр этнокосмологии «Крыуя», Фонд развития традиционной этнической культуры и Институт истории Академии наук Белоруссии. В работе конференции приняли участие представители разных наук: археологи, лингвисты, антропологи, этнологи и историки из различных научных центров Белоруссии, России, Польши, Украины, Литвы и Латвии. Было заслушано около 50 докладов.

Обсуждалась преимущественно проблематика наиболее сложного периода в истории древнего населения территории Белоруссии и смежных земель – времени раннего железного века, «великого переселения народов» и начала средневековой поры.

Серия докладов была посвящена истории и культуре племен, населявших территорию Белоруссии в раннем железном веке. В выступлении М.И. Лошенкова (Минск) «Этнокультурные процессы в междуречье Днепра и Припяти в последних веках до н.э. – первом веке н.э.» получили характеристику материалы раскопок ряда городищ и селищ, расположенных на территории между нижним течением Припяти и Днепром. Докладчик связывает эти древности с культурой штрихованной керамики и датирует исследованные нижнеберезинские городища типа Щатково-Петровичи II в. до н.э. – I в. н.э. Он показал, что на некоторых из них жизнь продолжалась и в первой половине I тыс. н.э. Это население не приняло носителей зарубинецкой культуры, которые продвигались из Припятского Полесья на северо-восток, и им пришлось заселить левобережные области Верхнего Поднепровья.

В докладе М.Ф. Гурина (Минск) «Металлическое производство у племен культуры штрихованной керамики» речь шла о бронзолитейном ремесле, следы которого (тигли, льячки, литейные формочки) зафиксированы на многих поселениях. Докладчик утверждал, что местные мастера работали на привозных полуфабрикатах и бронзовом ломе, поставляемых из различных регионов Европы.

В выступлении Г. Скутанса (Рига) «Племенное объединение герулов и возможность сопоставления их с племенами культуры штрихованной керамики» рассматривались разрозненные данные письменных источников в этом этносе. Докладчик полагает, что герулов следует локализовать в ареале названной культуры и отождествлять с ее носителями. Упадок культуры штрихованной керамики, как полагает Г. Скутанс, был результатом покорения герулов готами и миграции их на юг.

С большим интересом был заслушан доклад В. Новаковского (Варшава) «Между Востоком и Западом – венеды Тацита и их археологические следы», в котором было подчеркнуто важное место археологии Белоруссии в познании исторической ситуации Средней и Восточной Европы в латенский и римский периоды. И здесь наиболее существенным звеном является зарубинецкая культура, составлявшая восточную часть огромного культурного пространства от Рейна до Припяти, где обнаруживается ряд общих элементов в погребальной обрядности, керамическом материале, предметах вооружения и металлических изделиях. Синкретический характер зарубинецкой культуры и географическое распространение, по мнению докладчика, позволяют идентифицировать ее носителей с венетами Тацита. Однако отождествлять их со славянами преждевременно. Можно гово-

© В.В. Седов, 1997 г.

рить только об участии германцев (ясторфские элементы) и днепровских балтов (местные особенности) в этногенезе славян, что могло способствовать процессу оформления славян как отдельного этноса, и этот процесс протекал, согласно представлениям докладчика, на территории Белоруссии и в смежных землях Польши.

О результатах небольших раскопок на одном из поселений днепро-двинской культуры, расположенном в северной части Могилевского Поднепровья, рассказал П. Подгурский (Могилев) в выступлении «Находки из городища Курганье».

А. Дробушевский (Гомель) в докладе «Северная граница зарубинецкой культуры в Белорусском Посожье» на основании полевых изысканий последних десятилетий утверждал, что зарубинецким населением (чечерская культурная группа) на рубеже эр было освоено все Гомельское Посожье и рубеж между ареалами зарубинецкой и днепро-двинской культур на правобережье Сожа проходил где-то между Славгородом и Кричевом. Отдельные случаи нахождения керамики, характерной для чечерской группы, зафиксированные в более северных землях, свидетельствуют о сравнительно небольшой инфильтрации зарубинецкого населения и в днепро-двинский ареал.

Вторая группа докладов была посвящена периоду «великого переселения народов» и первым столетиям эпохи средневековья. Новые материалы по пражско-корчакским древностям были получены раскопками 1993–1995 гг. на двух поселениях, расположенных на песчаных возвышениях правого берега Припяти близ д. Снядин в Петриковском р-не Гомельской обл. Введению их в научный оборот был посвящен доклад В.С. Вергей (Минск) и В. Трымер (Коперсбург, США) «Снядин – комплекс пражской культуры на Припяти». Найденные при раскопках материалы датируют памятники VI–VII вв. На одном из поселений выявлены следы железоделательного производства.

Результатам раскопок другого памятника пражско-корчакской культуры был посвящен доклад М. Парчевского (Краков) «Поселение в Бахуже в Юго-Восточной Польше на фоне раннеславянской культуры». Докладчик обстоятельно описал домостроительство и керамику этого селища и показал, что это один из характерных памятников одной из славянских группировок начала средневековья.

А.М. Обломский (Москва) в выступлении «Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст», подготовленном совместно с И.О. Гавритухиным, рассказал о содержании печатающейся публикации, посвященной анализу вещей из клада, обнаруженного в 1994 г. в Гапонове в Курской обл. Находки относятся к древностям антов и датируются второй половиной VII в.

В докладе «Полоцкое Подвинье и Смоленское Поднепровье в период великого переселения народов» В.В. Седова (Москва) был рассмотрен вопрос о становлении тушемлинско-банцеровской культуры. Вывести эти древности непосредственно из днепро-двинской культуры, как считают многие исследователи, не представляется возможным. Нельзя согласиться и с теми археологами, которые сосредоточивают внимание на позднезарубинецких элементах и древностях типа Заозерье, будто бы существенно повлиявшими на процесс формирования тушемлинско-банцеровской культуры. Ныне представляется очевидным, что этот процесс связан с каким-то внешним импульсом экстраординарного характера. Собранные и проанализированные в докладе находки (шпоры, кресала, пинцеты, бритвы, удила, наконечники копий), появившиеся в эпоху великого переселения народов на всей территории формирования тушемлинско-банцеровской культуры, свидетельствует о мощной инфильтрации в среду днепровских балтов населения из провинциальноримского (в основном пшеворского или вельбарского, сложившегося на пшеворской основе) ареала и его участии в становлении нового культурного образования.

Тушемлинско-банцеровским древностям были посвящены еще два доклада. А.Г. Фурасьев (Санкт-Петербург) в выступлении «Демидовка и Узмень. Нетрадиционный взгляд на "классические" памятники» охарактеризовал некоторые вещевые находки, происходящие из этих поселений, которые позволяют говорить об основании их уже во второй половине или в конце IV столетия. В керамических комплексах Демидовки и Узменя имеется посуда биконических форм с ребром или валиком, которая имеет параллели в материалах памятников позднего этапа киевской культуры второй половины IV – первой половины V в. В этой культуре, как полагает докладчик, и нужно искать истоки своеобразия рассматриваемых памятников Верхнего Поднепровья.

В докладе А.А. Седина (Могилев) «Памятники третьей четверти I тысячелетия н.э. в междуречье верхнего Сожа и Днепра» получили характеристику селища и городища одного из микрорегионов Могилевского Поднепровья. Более подробно докладчик остановился на материалах раскопок городища Никодимово, где были найдены пальчатые фибулы антских

типов, свидетельствующие о связях со среднеднепровскими землями. А. Седин полагает, что подобные городища были административно-территориальными центрами сравнительно крупных округ.

В двух обзорных докладах их авторы попытались осветить развитие древностей на территории Белоруссии на протяжении всего I тыс. н.э. А.М. Медведев (Минск) в выступлении, озаглавленном «Культурные связи населения Белоруссии в железном веке», показал, что рассматриваемые земли находились в широких культурных контактах с другими регионами Европы и испытали приливы новых групп населения. Уже в последней трети I тыс. до н.э. фиксируется проникновение в Верхнее Поднепровье латенских вещей. Далее следует широкая инфильтрация зарубинецкого населения. Затронуты были также вопросы о римских импортах и распространении предметов с выемчатыми эмалями, расселении племен киевской культуры и проблема связей с литовскими и антскими землями, фиксируемыми в материалах третьй четверти I тыс. н.э.

В.И. Шадыро (Минск) прочитал доклад «Днепро-двинская общность в I тыс. н.э. (социальный аспект и этнокультурные процессы)». До середины этого тысячелетия днепровско-двинская часть территории Белоруссии была заселена племенами днепро-двинской культуры. Обращая внимание на «гнездовое» расположение поселений, докладчик полагает, что на одном городище проживала патриархальная семья (50–70 человек), 2–4 городища (гнездо) составляли род, 10–15 городищ – племя (500–1000 человек). Таким образом, на правобережье Западной Двины определяются 6 племен, на левобережье – 5, в Днепровском регионе – 3.

В V–VI вв. племена венедского массива, в который входили и пракривичи, утверждал докладчик, из Повисленья продвигаются в Понеманье и далее в финно-угорские земли Подвинья. В результате на балто-финской основе складывается культура длинных курганов полоцко-псковского типа (VI–VIII вв.). Восточные земли днепро-двинских племен заселяют славяне. Синтез балтской подосновы с позднезарубинецкими компонентами привел к формированию тушемлинско-банцеровской культуры. В VIII–IX вв. днепро-двинская общность была еще балтской, но со славянскими зачатками. В IX в. начинается процесс славизации балтов, в котором можно видеть начало формирования белорусской народности.

Историю одежды и убранства древнего населения Белоруссии на протяжении I тыс. н.э. попыталась реконструировать Л.В. Дучиц (Минск) в докладе «Костюм на территории Белоруссии в I тысячелетии (на основе археологических данных)». Материалы для такого обзора весьма фрагментарны. Однако докладчице удалось создать надежные реконструкции костюма для ряда основных периодов рассматриваемого тысячелетия.

В трех докладах анализировались те или иные стороны глиняной посуды второй и третьей четвертей I тыс. н.э.

Н.В. Лопатин (Москва) в докладе «Стили декора керамики Днепро-Двинского региона в первой половине – середине I тысячелетия н.э.» подробно проанализировал два основных варианта орнаментации глиняной посуды: 1) нарезной по краям венчиков, наносимый палочками, ногтем или ножами; 2) в виде расчесов, которые наносились гребнями черняховского облика. Другие приемы орнаментации (налепы, валики, прочерченные линии) встречаются сравнительно редко. В заключение докладчик кратко охарактеризовал керамику с лощением и заглаживанием поверхности.

Технологические особенности глиняной посуды (выбор глины, искусственные добавки, способы приготовления формовочных масс, условия обжига), изученные минерало-петрографическими анализами (как дополнительные использовались рентгеновские дифрактометрические и химические анализы), получили характеристику в докладе Н. Дубицкой (Минск) «Технология изготовления керамической посуды у племен Верхнего Поднепровья во второй четверти I тыс. н.э. (по материалам селища Абидня)».

В выступлении Г.А. Массалитиной (Калуга) «Керамика городища Воротынск» было дано описание лепной посуды из раскопок 1995 г. одного из поселений ареала мощинской культуры.

С интересом слушались доклады прибалтийских археологов. Об интереснейшем эпизоде в истории Литвы рассказал А. Лухтан (Вильнюс) в докладе «Война V века в Литве». Он проанализировал и картографировал все находки железных трехлопастных наконечников стрел. Некоторые из них обнаружены в слоях пожара и разрушений на городищах Аукштадварис и Аукуро Калнс, а также застрявшими в костях погребенных на могильнике Плинкайгалис, датируемых второй четвертью или серединой V в. н.э. В итоге А. Лухтан трактует эти находки как свидетельство одного жесткого и единовременного нашествия в Литву гуннского отряда. Другим регионом концентрации находок подобных наконечников

является Смоленское Поднепровье, что, по всей вероятности, также свидетельствует о нашествии сюда другого гуннского отряда.

В докладе «Северо-Восточная Литва во второй половине I тысячелетия н.э.» В. Шименас (Вильнюс) предпринял попытку дифференцировать массив древностей, получивших в археологической литературе название единой культуры восточнолитовских курганов. Докладчик показал, что курганы с каменными венцами и захоронениями по обряду ингумации были характерны для Северной Литвы в III–IV вв. В конце IV в. их сооружение прекращается и территория опустевает. Только на юго-восточной окраине продолжал функционировать курганный обряд.

В конце IV–V вв. в юго-восточную Литву мигрируют ятвяги, принесшие сюда каменные курганы и обряд трупосожжения. Включать северную и южную зоны в единый культурный ареал восточнолитовских курганов в этой связи никак нельзя. Это две различные культуры. На следующем этапе (VI–VII вв.) формируется единая культурная область с курганами, с каменными венцами и захоронениями по обряду кремации. Это была гибридная культура, объединившая две прежние культуры. Только для периода VIII–XIII вв. можно говорить о становлении единой культуры восточнолитовских курганов (с несколькими локальными вариантами).

В докладе Я. Циглиса (Рига) «Роль юго-восточных связей в процессе формирования латгальской культуры» утверждалось, что культура латгалов сложилась в третьей четверти I тыс. н.э. и развивалась параллельно с тушемлинско-банцеровской и культурой длинных курганов. Основой ее была культура курганных могильников с каменными венцами. Вместе с тем в процессе становления латгальской культуры имели место импульсы со стороны Поднепровья, проявляющиеся прежде всего в металлических изделиях (трапециевидные привески, браслеты с утолщенными концами, подковообразные застежки с завернутыми концами, ранние формы шейных гривен с крюкообразными и седловидными концами, посоховидные булавки с удлиненной головкой, некоторые орудия труда и др.). Докладчик полагает, что появление в Восточной Латвии в VI–VII вв. предметов приднепровского происхождения свидетельствует о притоках нового населения и влиянии последнего на процесс формирования культуры раннесредневековых латгалов.

Г. Забела (Вильнюс) в докладе «Селы – потомки населения культуры штрихованной керамики» показал, что в регионе этого балтского племени, зафиксированного источниками XIII в., в отличие от других земель обширного ареала названной культуры прослеживается непрерывное заселение с I тыс. до н.э. до XIII в. Места расселения на протяжении длительного времени не менялись, хотя и проявляются существенные культурные влияния со стороны соседних племен. В этой связи можно говорить о генезисе селов непосредственно из среды племен культуры штрихованной керамики. Предлагаемому выводу, как полагает докладчик, не противоречат лингвистические и антропологические данные.

В докладе «Курганы в Центральной Литве» А. Астраускас (Вильнюс) рассказал о результатах раскопок могильника Марвяле, расположенного в предместье Каунаса, в котором были открыты неизвестные до сих пор в этом регионе Литвы курганные захоронения. Докладчик утверждал, что они наиболее близки к курганам Восточной Литвы.

Наконец, большая группа докладов анализировала различные вопросы археологии, истории и культуры последних веков I и начала II тыс. н.э. Г.В. Штыхов (Минск) в выступлении «Древняя история Белоруссии: этнос и государственность» остановился на двух крупных проблемах. Во-первых, он утверждал, что становление белорусского этноса происходило в условиях балто-славянского синтеза и его основой была банцеровская культура (докладчик, на мой взгляд, не достаточно аргументированно отчленяет ее от тушемлинских древностей). Во второй части доклада речь шла о Полоцком княжестве как первом государственном образовании белорусов (на территории белорусов).

Я.Г. Риер (Могилев) в докладе «Хозяйственное развитие в Восточной и Центральной Европе во второй половине I тысячелетия н.э. Сравнительный анализ», проанализировав уровни и развитие земледелия, животноводства и ремесел в разных регионах Европы, показал, что уровень основных сфер хозяйственной жизни славян и германцев в рассматриваемое время был примерно одинаков. Только на рубеже I и II тыс. на германских землях экономика стала развиваться более интенсивно, что обусловлено особенностями генезиса феодализма.

Выступление М. Климова (Минск) «Влияние сельской округи на становление и развитие древнего города на территории Белоруссии (на примере округи Полоцка)» было посвящено взаимосвязям экономики и политики Полоцка с ближайшей земледельческой округой.

Несомненный интерес представляет доклад Р.В. Забашты (Львов) «Языческая монументальная скульптура Белоруссии (контекстуальные параллели и сближения)». В нем рассматривались 12 каменных идолов, найденных в разное время на территории Белоруссии и предположительно датируемых IX/X – XII–XIII вв. Основная часть языческой скульптуры находит соответствия в балтской среде, меньшая сближается с причерноморским культурным кругом. Вместе с тем докладчик находит некоторые следы самобытности в рассматриваемых языческих памятниках Белоруссии.

Два доклада были посвящены торговым связям. А. Радиньш (Рига) в докладе «Даугавский водный путь на рубеже I и II тысячелетий» на основе данных археологии показал большую роль этого пути и сухопутной дороги, идущей вдоль берегов Западной Двины, в развитии связей между Западом и Востоком. В IX–XII вв. район нижнего течения этой реки становится значительным экономическим центром с развитыми ремеслами и с широкими торговыми связями. Строится целый ряд городищ для контроля за Даугавским путем. Местное население этого региона сумело выдержать натиски скандинавов и Полоцкого княжества, стремившихся подчинить Даугавский путь. Ситуация изменилась на рубеже XII–XIII столетий, когда низовья Западной Двины были захвачены крестоносцами.

Об исследованиях городищ на Ясельде и найденном в этом регионе кладе речь шла в докладе А. Йов (Минск) «Припятско-Неманский торговый путь в свете новых археологических данных». Материалы последних лет свидетельствуют о большей значимости этого пути, чем это представлялось ранее.

К. Беньковская (Белосток) прочитала доклад «Раннесредневековые курганы в Подлясье». В нем анализировались каменные курганы и каменные могилы этого региона Польши, датируемые последними веками I, а в основном первой половиной II тысячелетия. Докладчица считает эти памятники славянскими.

В выступлении, озаглавленном «Сопки и ольгинская топонимика в Псковской земле», А.А. Александров (Псков) показал, что почти все географические названия, образованные от антропонима Ольга, локализуются в регионах концентрации сопок. Это, по мнению докладчика, обусловлено пребыванием княгини Ольги в Псковской земле или ее деятельностью по установлению погостской системы на Северо-Западе Руси. Сами же сопки А.А. Александров считает памятниками летописной Руси, составлявшей отдельное этническое образование.

В.А. Булкин (Санкт-Петербург) в докладе «О хронологии северных и северо-восточных рубежей белорусской народности» сопоставил эти границы с археологическими картами начала средневековья, раннего железного века и эпохи бронзы и утверждал, что их формирование восходит к глубокой древности. Характеристике дружины на заре древнерусской государственности посвятил свое выступление В.Н. Седых (Санкт-Петербург) «Большие курганы Тимеревского комплекса как проявление дружинной культуры Древней Руси».

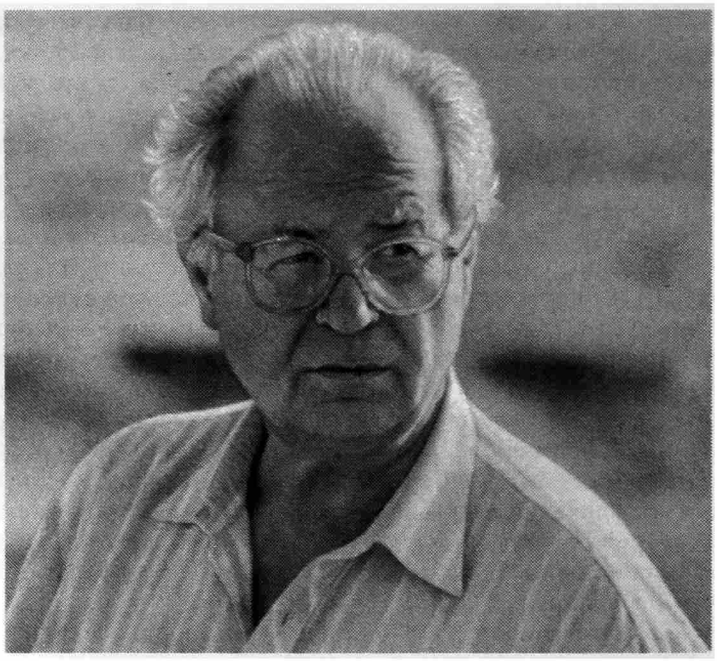
Для археологической историографии интерес представляет доклад М. Бломбергавой (Лодзь) «Связи археологов Тышкевичей со смежными специалистами». С интересом был выслушан и доклад Н.А. Гаврилюк (Киев) «Использование информационных технологий в справочной литературе по археологии».

Белорусские антропологи предложили участникам конференции два доклада: А. Микулич (Минск) «Белорусский этнос по антропологическим данным: история и современность» и О. Емельянчик «К вопросу о роли миграций в формировании антропологического строения населения Белоруссии». В первом докладе речь шла о широких возможностях использования биологических методов (биохимических, серологических и генного). Определяется, что основа генофонда белорусов была заложена еще во II тыс. до н.э.

В трех докладах рассматривались различные историко-музыковедческие вопросы, при этом их авторы характеризовали реликтовые элементы, которые, несомненно, могут быть использованы для изучения древней истории и этногенеза населения Восточной Европы. Так, М. Бойко (Рига) в выступлении «Бурбонное многоголосие и этнические процессы I тысячелетия н.э. на территории Балтии и Белоруссии» пытался показать, что изучение этого феномена, представленного в Латвии и Белоруссии, дает основание говорить о формировании балтского населения Прибалтики в значительной мере в результате миграций с территории Белоруссии. Ряд докладов был посвящен собственно лингвистическим и фольклорно-этнологическим темам, непосредственно не связанным с археологической проблематикой.

Институт археологии РАН,
Москва

В.В. Седов



ПАМЯТИ ИГОРЯ НИКОЛАЕВИЧА ХЛОПИНА

(1930–1994)

7 декабря 1994 г. не стало И.Н. Хлопина. Скончался он неожиданно. Был полон творческих замыслов. В пищущей машинке осталась недопечатанной страница послесловия к работе М.П. Грязнова "Афанасьевская культура на Среднем Енисее". Трудно смириться с тем, что мы не увидим более Игоря Николаевича, отличавшегося глубокой преданностью науке, не чуждого радостям жизни и в то же время ранимого ее трудностями, общительного человека, ценившего дружескую беседу и задушевное застолье.

И.Н. Хлопин родился 7 июня 1930 г. в Ленинграде в семье врачей-ученых. Не без гордости он вспоминал, что по материнской линии его дворянский род восходит к защитнику Троице-Сергиевой Лавры в начале XVII в. келарю Авраамию Палицыну. В годы Великой Отечественной войны семья оказалась эвакуированной в Самарканд. Тяготы военного времени и полуголодной жизни соседствовали с дивными "картинами Востока". Впечатления от Средней Азии, видимо, повлияли в дальнейшем на выбор жизненного пути.

В 1948 г. после окончания средней школы И.Н. Хлопин поступил на Исторический факультет Ленинградского государственного университета. Обучение проходил на кафедре археологии. Тогда же сформировался круг его интересов, связанных с познанием древних культур Азии. В 1953 г. после окончания учебы в университет И.Н. Хлопин работал научным сотрудником Артиллерийского исторического музея, а в 1955–1959 гг. прошел сначала заочную, а затем и очную аспирантуру ЛОИА АН СССР. В 1958 г. по ходатайству своего научного руководителя, тогда заведующего ЛОИА, члена-корреспондента Академии наук Армянской ССР Б.Б. Пиотровского И.Н. Хлопин был принят в штат ЛОИА в сектор Средней Азии и Кавказа в качестве младшего научного сотрудника. В стенах этого учреждения и прошла вся его творческая деятельность. В 1970 г. он стал старшим научным сотрудником, а в 1993 г. – ведущим.

Кандидатскую диссертацию "Племена раннего энеолита Южной Туркмении (Геоксюрский оазис)" И.Н. Хлопин успешно защитил в 1962 г. В работе был обобщен материал памятников с расписной керамикой Средней Азии, Двуречья, Передней Азии, Северной Индии. Ученому удалось показать в этом произведении развитие племен Южной Туркмении в IV–III тыс. до н.э. и выявить локальные варианты их культуры. В 1964 г. диссертация была опубликована под названием "Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита". В этой и других работах проявился интерес И.Н. Хлопина к постановке основополагающих исто-

© В.М. Массон, А.Н. Кирпичников, 1997 г.

рико-археологических проблем, связанных с ранними земледельцами, их происхождением, расселением, культурой и религией. При этом ученый с завидной широтой использовал не только археологические, но и письменные источники, лингвистику, данные климата и почвоведения, уделял внимание демографии, этнокультурным связям и общественным преобразованиям. Широта подхода к теме, смелость и нетрадиционность выдвинутых идей, универсальность охвата материала – таковы характерные признаки творчества И.Н. Хлопина, которые будут присущи ему и в дальнейшем.

Переход на восточную тематику и увлечение раннеземледельческой эпохой не были случайными в творческой биографии исследователя. Еще на пятом курсе университета в дипломной работе И.Н. Хлопин затронул важную проблему переселения раннеземледельческих племен, что шло в те времена в разрез с господствующими представлениями о стабильности и стадиальности, необходимости борьбы с миграционизмом. Краткий вариант этой работы был опубликован в 1961 г. в университетском сборнике в виде статьи "Некоторые вопросы развития древнейших земледельцев". Таким образом, уже в юношеской публикации проявились творческие искания молодого ученого. Позже, погрузившись в обилие конкретного материала, добытого им самим, И.Н. Хлопин уже на его основе разрабатывал проблемы передвижения и связей раннеземледельческих племен. Хотя собственно среднеазиатский материал постепенно все более склонял его к автохтонизму в рамках этого региона, он смело поставил вопрос о расселении южных племен на север и их участии в формировании культур степной бронзы андроновского типа.

И.Н. Хлопин работал необычайно увлеченно и плодотворно, мог месяцами не отрываться от рукописи. Начиная с 1957 г. опубликовал почти 170 печатных произведений, включая 9 монографий. Среди них "Памятники раннего энеолита Южной Туркмении" (М.; Л., 1964), далее "Памятники развитого энеолита Юго-Восточной Туркмении" (Л., 1969). В этих и других своих сочинениях И.Н. Хлопин впервые представил во всей полноте ранее почти неизвестные этапы в развитии оседло-земледельческих культур Юго-Западной Средней Азии IV–III тыс. до н.э.

Активной была полевая деятельность И.Н. Хлопина. Средняя Азия и ее археология со спецификой раскопок глинобитных строений была совершенно новой стезей для выпускника Ленинградского университета. Начиная с 1955 г. И.Н. Хлопин регулярно, иногда дважды в год, выезжал в среднеазиатские экспедиции. Уже в первый сезон 1955 г. на раскопках Кара-депе он, буквально вгрызаясь в землю, овладевал непростой методикой раскопочного поиска стен и полов древних домов и строений. Вскоре И.Н. Хлопин становится первоклассным профессионалом этой особой полевой методики. При развертывании широких работ в Геоксюрском оазисе, связанных с изучением памятников эпохи энеолита, он в 1957–1958 гг. возглавил раскопки небольшого поселения раннего энеолита Дашлыджи-депе, которое впервые в практике таких работ было полностью раскопано на уровне всех трех строительных горизонтов. С энтузиазмом и упорством он продолжал руководить раскопками других поселений Геоксюрского оазиса. При этом благодаря тщательности и скрупулезности раскопок ему удалось сделать важное открытие – на поселениях Ялангач-депе и Муллали-депе были обнаружены древние святилища и обводные стены, в периметр которых были включены круглые в плане строения. Раскопки Ялангач-депе вообще выявили новый тип вещевого комплекса, который с тех пор так и называется алангачским. Два сезона работ провел он на раскопках эталонного памятника раннеземледельческих культур Средней Азии – Намазга-депе, руководя раскопками наиболее поздних наслоений, относящихся к периоду позднего бронзового века (тип Намазга VI).

С 1968 г. И.Н. Хлопин стал начальником Сумбарской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР (по названию долины р. Сумбар Кара-Калинского р-на Туркмении). Экспедиции удалось открыть ранее неизвестные памятники эпохи энеолита и бронзы, которые ныне признаны эталонными. Результаты этих раскопок создали новую научную ситуацию, если так можно выразиться, стерли белые пятна на археологической карте южной земледельческой зоны Средней Азии и Северного Ирана. Изученные экспедицией И.Н. Хлопина могильники Южной Туркмении дали превосходный массовый материал, который благодаря точности и тщательности исследования приобрел качества важнейшего исторического источника не только для юга Средней Азии, но и для соседнего Ирана. Сумбарские могильники обогатили археологию этих регионов. Комплекс находок оказался настолько велик, а его историческое содержание настолько емко, что стало возможным восстановить ряд направлений хозяйственной деятельности населения, его семейные и родовые взаимоотношения, проникнуть в сферу идеологии. Результатом полевых и кабинетных изысканий явилась монография "Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. По материалам

Сумбарских могильников", опубликованная в 1983 г. По этой тематике в 1984 г. И.Н. Хлопин успешно защитил докторскую диссертацию.

Занимался И.Н. Хлопин и проблемами истории Средней Азии античного и раннесредневекового периода. Его перу принадлежит книга "Историческая география южных областей Средней Азии" (Ашхабад, 1983). В этой книге автор предлагает свою локализацию ряда областей и племен древности, нарушая традиционные представления об этом периоде истории. Здесь же высказан ряд новых идей о маршрутах походов Александра Македонского.

В последние годы И.Н. Хлопин задумал написание большой работы об истории Средней Азии. В осуществление этого замысла он опубликовал статью теоретического характера "Древние индоиранцы в свете археологии" (в кн.: Сухачев Н.Л. Историческая перспектива в индоевропеистике. СПб, 1994).

Обладая широким кругозором, И.Н. Хлопин касался порой неожиданных и очень разных сюжетов, таких, как появление ковроткачества, произрастание мандрагоры, семантика орнаментов на керамике, обряд похорон мужчин и женщин в древних обществах, истоки и специфика зороастризма. В некоторых главах библейской книги Бытия и легенде о всемирном потопе, которые обычно считали чисто мифологическими, И.Н. Хлопин усмотрел отголоски подлинных событий и очень длительных исторических процессов. Оригинальным образом он сопоставил эти свидетельства с археологическими реалиями древневосточных памятников. Эта и другие "вечные" темы истории человечества рассмотрены в его книге "А что было до потопа? Исторические корни древних мифов человечества" (Л., 1990).

Исследования И.Н. Хлопина завоевали международную известность. Его труды публиковались в Англии, Голландии, Австрии, Германии, Иране, США. В 1984 г. он был избран членом-корреспондентом Германского археологического института, неоднократно участвовал в международных конференциях. Высоким авторитетом пользовался у своих коллег в Туркмении.

Свою научную деятельность ученый сочетал с преподавательской. В 1973–1978 гг. он читал лекции по археологии Средней Азии и Кавказа в Ленинградском университете.

Постоянно привлекала И.Н. Хлопина и культура средневековой Руси, особенно история древнерусской фортификации и вооружения. Этому увлечению помог случай. В период работы в Артиллерийском историческом музее он однажды наткнулся на статью сотрудника музея о вооружении крупнейшего в России Кирилло-Белозерского монастыря, которое исчезло неизвестно куда в конце XVIII в. И.Н. Хлопина захватила романтическая идея отыскать эту пропажу.

В монастырь отправилась экспедиция, нашли руины Оружейной палаты, но, к разочарованию, в завале рухнувших кладок обнаружили лишь десяток ржавых стволов карабинов и мушкетов, а остальное, как выяснилось, разворовали и распродали еще в том же XVIII в. Дальнейший поиск привел в Ленинградский государственный исторический архив, где хранились документы Кирилло-Белозерского монастыря. И вот неожиданность. Оказалось, что среди рукописей XVII в. имеются 44 рукописные книги городового каменного дела, насчитывавшие в общей сложности 3000 страниц. С поразительными подробностями в них описывалось, как вокруг Кириллова монастыря с 1653 по 1680 г. была построена одна из самых больших в России XVII в. крепостей. Строительная документация – случай для наследия средневековой России беспрецедентный – уцелела полностью. И.Н. Хлопин прочитал все эти книги. Было чему удивляться. Крепость строили каменщики, собранные из многих городов, они изготовили 10 млн. штук кирпича. Ежедневно на работу выходило до 700 человек. Открылись и имена зодчих – это были мастера-простолюдины Семен Шам, Иван Шабан, Кирилл Серков. Новая крепость охватывала территорию более 10 га, она во много раз превышала собственные оборонительные потребности кирилловских иноков. Выяснилось, что русское правительство решило создать в Кириллове свою резервную укрепленную резиденцию на случай непредвиденных обстоятельств. Перед нами открылась одна из тайн русской истории, выраженная в фортификации.

Крушение мечты о монастырском арсенале обернулось для И.Н. Хлопина вдохновенным увлечением русской стариной. Накопившийся материал позволил в 1972 г. опубликовать (совместно с А. Кирпичниковым) книгу о Кирилло-Белозерском монастыре "Великая Государева крепость". В ней описаны собранные в монастыре исторические, художественные и архитектурные ценности общерусского значения. И.Н. Хлопин опубликовал (большей частью в соавторстве) больше десятка работ о русских древностях, включая разыскания о старинных пушках, знаменитом зодчем Федоре Коне, Коневецком монастыре, остатках

железоделательного производства в округе Устюжны-Железнопольской. Он впервые уточнил дату росписи собора Рождества Богородицы Феропонтова монастыря. В монографии "Защитное вооружение" (в соавторстве с А.Н. Кирпичниковым), изданной в Австрии в 1981 г., впервые предложена самая полная терминология этого вида военной техники средневековой Руси.

И.Н. Хлопин был ученым высокого интеллекта, свободно и широко мыслящим, чуждым догматизма и заученных истин, смело ищущим новые пути в науке, любящий Россию в сиянии ее живительных связей со всем миром. Труд таких одушевленных людей облегчает дорогу другим, поэтому научные свершения И.Н. Хлопина принадлежат не только настоящему, но и будущему. Память о И.Н. Хлопине дорога и будет вызывать признание всех тех, кто его знал и кто познакомился с его трудами, неподвластными забвению.

Институт истории
материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург

В.М. Массон, А.Н. Кирпичников

Список опубликованных работ И.Н. Хлопина

1. Изображение короны на сосуде из Кара-Депе (По материалам Южнотуркменской археологической экспедиции 1955 г.) // КСИИМК. 1957. Вып. 69. 136–138: ил.
2. Археологические разведки в Устюжне и в прилегающих районах // СА. 1958. № 4. С. 187–193: ил. (совместно с Г.А. Максименковым).
3. Крепость Кирилло-Белозерского монастыря и ее вооружение в XVI–XVII веках // МИА. 1958. № 77. С. 143–199: ил. (совместно с А.Н. Кирпичниковым).
4. Раскопки энеолитических поселений в бассейне Теджена (Сообщ. о раскопках ЮТАКЭ 1957 г.) // ИАНТССР. Сер. обществ. наук. 1958. № 5. С. 100–106: ил.
5. Верхний слой поселения Кара-Депе (по материалам ЮТАКЭ 1956 г.) // КСИИМК. 1959. Вып. 76. С. 42–49.
6. Рец.: Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТССР. 1956. Т. 2 (Материалы по археологии Туркменистана) // СА. 1959. № 1. С. 306–308 (совместно с В.И. Сарианиди).
7. Дашлыджи-Депе и энеолитические земледельцы Южного Туркменистана // ТЮТАКЭ. 1960. Т. 10. С. 134–224. 9 л. ил.
8. К характеристике этнического облика ранних земледельцев Южного Туркменистана. (По материалам ЮТАКЭ 1956–1957 гг.) // СЭ. 1960. № 5. С. 92–101: ил.
9. Некоторые вопросы развития древнейших земледельцев // Исследования по археологии СССР. 1961. С. 47–55. Л.
10. О некоторых памятниках русской средневековой артиллерии // СА. 1961. № 3. С. 233–240: ил. (совместно с А.Н. Кирпичниковым).
11. Изображение креста в древнеземледельческих культурах Южной Туркмении // КСИА. 1962. Вып. 91. С. 14–21: ил.
12. Итоги археологического и палеографического изучения Геоксюрского оазиса (Юго-Восточная Туркмения) // Тез. докл. на заседаниях, посвящ. итогам полевых исслед. 1961. М., 1962. С. 44–47 (совместно с Г.Н. Лисицыной, В.М. Массоном, В.И. Сарианиди).
13. Племена раннего энеолита Южной Туркмении. (Геоксюрский оазис). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1962. 19 с.
14. Археология Туркменской ССР. (Обзор статей в Известиях АН ТССР за 1951–1959 гг.) // СА. 1962. № 2. С. 262–267 (совместно с В.И. Сарианиди).
15. Памятники раннего энеолита Южной Туркмении // Археология СССР. САИ. В3-8. Энеолит южных областей Средней Азии. Ч. I. 1963. 29 с.: ил., карт.
16. Ялангач-Депе – поселение эпохи энеолита // КСИА. 1963. Вып. 93. С. 74–79: ил.
17. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита: Опыт исторического анализа. М.; Л., 1964. 172 с. ил., карт.
18. Модель круглого жертвенника из Ялангач-Депе // КСИА. 1964. Вып. 98. С. 47–51: ил.
19. Псевдоубейдская орнаментация керамики в Южном Туркменистане // КСИА. 1964. Вып. 101. С. 38–43: ил.
20. Археология в Туркменской ССР. (Обзор статей в Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук. 1960–1961 гг.) // СА. 1964. № 1. С. 346–348.
21. Итоги археологического и палеогеографического изучения Геоксюрского оазиса (1956–1962 гг.) // СА. 1965. № 1. С. 9–23: ил. (совместно с Г.Н. Лисицыной, В.М. Массоном, В.И. Сарианиди).

22. Вышка Намазга-депе // АО–1965. 1966. С. 73, 74: ил.
23. К истории древних земледельцев Южной Туркмении /// Докл. и сообщ. археологов СССР на VII Междунар. конгрессе доисториков и протоисториков. М., 1966. С. 167–168.
24. Орнаментальный геоксюрский крест. (К вопросу об ирано-месопотамском влиянии в Юго-Восточной Туркмении) // КСИА. 1966. Вып. 108. С. 45–48: ил.
25. Энеолит юго-запада Средней Азии // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.; Л, 1966. С. 93–128: ил.
26. Хлеб наш насущный // Памятники Туркменистана. 1967. № 3. С. 14–16: ил.
27. К возникновению скотоводческого базиса // Проблемы археологии Средней Азии. Тез. докл. Л., 1968. С. 33–35.
28. Раскопки на Намазга-депе // АО-1967. 1968. С. 349, 350.
29. Сегментация в истории первобытного общества // ВИ. 1968. № 8. С. 99–111.
30. К происхождению андроновского субстрата сибирских народов // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1969. С. 162–164.
31. Памятники развитого энеолита юго-восточной части Туркмении // Археология СССР. САИ. Б3-8. Энеолит южных областей Средней Азии. 1969. Ч. 3. 54 с., 26 л. ил.
32. Парфянский пласт в топонимике Туркменистана (к методике изучения) // Памятники Туркменистана. 1969. № (7). С. 25–27: ил.
33. Поиски памятников каменного века в Копет-Даге // АО-1968. 1969. С. 430 (совместно с Л.П. Хлобыстиным).
34. Разведка памятников эпохи бронзы в долине Сумбара // АО-1968. 1969. С. 431, 432.
35. Федор Конь и старец Александр. К выявлению одной исторической подделки // СА. 1969. № 2. С. 278–280 (совместно с А.Н. Кирпичниковым).
36. Этногеография державы Ахеменидов по Геродоту // Страны и народы Востока. 1969. Вып. 8. С. 278–291.
37. Рец.: Каракумские древности. 1968. Вып. 11 // ИАНТССР Сер. обществ. наук. 1969. № 1. С. 92, 93.
38. Возникновение скотоводства и общественное разделение труда в первобытном обществе // Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970. С. 94–112.
39. Индоиранцы: земледельцы или скотоводы (Исходный вопрос арийской проблемы) // ВИ. 1970. № 10. С. 88–99.
40. Проблемы происхождения культур степной бронзы // КСИА. 1970. Вып. 122. С. 54–58.
41. Раскопки Пархай-депе // АО-1969. 1970. С. 420. 421.
42. Рец.: Каракумские древности. 1968. Вып. 1 // СА. 1970. № 4. С. 260–262.
43. Александр Македонский в Маргиане // Klio. Bd. 53. 1971. С. 157–160.
44. Пактии Геродота и их локализация // Тез. 5-й Всесоюз. сессии по Древнему Востоку. Тбилиси. 1971. С. 119–121.
45. Теменос на Кара-депе (Южная Туркмения) // СА. 1971. № 3. С. 221–228: ил.
46. Zur Lösung des Pätsels des Akes-Flusses. (Herod. III. 117) // Orientalia Lovaniensia periodica. 1971. Bd. 2. S. 137–152:
47. Рец.: *Коробкова Г.Ф.* Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. Л., 1969 // СА. 1971. № 4. С. 262, 263.
48. О сборнике "Проблемы истории докапиталистических обществ" // Народы Азии и Африки. 1971. № 4. С. 77, 78.
49. Рец.: *Хейердал Т.* Приключения одной теории. Л. 1969 // Новый мир. 1971. № 1. С. 281, 282.
50. Александр Македонский в Маргиане // Античность и современность. М., 1972. С. 187–190.
51. Великая государева крепость. Л., 1972. 254 с., 4 л. (совместно с А.Н. Кирпичниковым).
52. Неолитические поселения Южной Туркмении (К реконструкции обществ. отношений в неолите) // Каменный век Средней Азии и Казахстана. Тез. докл. Ташкент, 1972. С. 79–82.
53. Раскопки в Кирилло-Белозерском монастыре // АО-1971, 1972. С. 45 (совместно с А.Н. Кирпичниковым).
54. On the genesis of fire temples in Ancient Iran // The memorial volume of the 5-th International congress of Iranien art and archaeology. Teheran, 1972. V. I. P. 276–281.
55. Древности долины Сумбара // Памятники Туркменистана. 1973. № 1. С. 10–14: ил.
56. Когда и почему строилась самая большая русская крепость XVII века // История СССР. 1973. № 1. С. 202–210: ил. (совместно с А.Н. Кирпичниковым).
57. Раскопки в долине Сумбара // Тез. докл. сессии, посвящ. итогам полевых археол. исслед. 1972. в СССР. Ташкент, 1973. С. 232–234.
58. Раскопки в Кирилло-Белозерском монастыре // АО-1972. 1973. С. 43.
59. Семь каршваров Авесты // Klio. 1973. Bd. 55. S. 79–86.

60. Denkmäler der Bronzezeit im Tal des Flusses Sumbar. (Südwestturkmenien) // Iranica antiqua. 1973. V. 10. P. 80–93: ill.
61. Zur DPe-Inschrift ZZ 13–15 // Orientalia Lovaniensia periodica. 1973. Bd. 4. S. 113–119.
62. Рец.: Каракумские древности. 1970. Вып. 33 // СА. 1973. № 1. С. 307–310.
63. Бактрийский поход Кира II // Schriften zur Geschichte und Kultur des Alten Orients. Altorientalische Forschungen. I. Berlin, 1974. S. 207–216.
64. Каменщики Костоусовы // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 194–199: ил. (совместно с А.Н. Кирпичниковым).
65. Обследование острова Коневец на Ладожском озере // АО-1973. 1974. С. 14, 15 (совместно с А.Н. Кирпичниковым).
66. Обследование острова. Раскопки в долине Сумбара // АО-1973. 1974. С. 511, 512: ил. (совместно с Б.Н. Пяткиным, Л.И. Хлопиной).
67. About the Behistun inscription, I, 15–17 // Orientalia Lovaniensia periodica. 1974. Bd. 5. S. 15–19.
68. Ancient farmers in the Tedzen Delta // East and West. 1974. V. 24. № 1/2. P. 51–87: ill.
69. Рец.: Страны и народы Востока. 1971. Вып. 10 // СА. 1974. № 2. С. 313–315.
70. Исторический подход к кушанской ономастике // Центральная Азия в кушанскую эпоху. М., 1975. Т. 2. С. 173–175.
71. К локализации пактиев Геродота // Schriften zur Geschichte und Kultur des Alten Orients. Altorientalische Forschungen. III. Berlin, 1975. S. 47–54.
72. К толкованию DB. I. 15–17. // Archiv orientalni. 1975. V. 43. № 4. P. 342–345.
73. Об одной челобитной на Федора Коня // История СССР. 1975. № 4. С. 219–223: ил. (совместно с А.Н. Кирпичниковым).
74. Погребения скифского времени в долине Сумбара // УСА. 1975. Вып. 3. С. 51–53.
75. Поселение эпохи бронзы Пархай-Депе // КСИА. 1975. Вып. 142. С. 116–121: ил.
76. Работы Сумбарского отряда // АО-1974. 1975. С. 531, 532.
77. Раскопки Сумбарских могильников // Новейшие открытия советских археологов. Тез. докл. конф. Ч. 1. Киев, 1975. С. 113, 114.
78. Archaologische Materialien zur Entstehung des altiranischen Feuerkultes // Klio. 1975. Bd. 57. S. 53–71: il.
79. К происхождению комплекса Яз-тепе I Южного Туркменистана // СА. 1976. № 1. С. 200–203 (совместно с Л.И. Хлопиной).
80. К уточнению даты росписи собора Рождества Богородицы в Ферапонтовом монастыре // ПКНО-1975. 1976. С. 204–207: ил.
81. Могильник Сумбар I (предварит. сообщ.) // ИАНТССР. Сер. обществ наук. 1976. № 2. С. 83–87: ил. (совместно с Л.И. Хлопиной).
82. Раскопки могильника Сумбар I в 1972–1973 гг. // КСИА. 1976. Вып. 147. С. 14–20: ил.
83. Раскопки Сумбарского отряда // АО-1975. 1976. С. 554, 555 (совместно с Л.И. Хлопиной).
84. Ehe und Familie in der Urgesellschaft: Zugleich ein Beitrag in der Diskussion über die Zusammenarbeit von Ethnographie und Archaelogie in der Urgeschichtsforshung // EAZ. 1976. 17. H. 1. S. 13–32.
85. Рец.: *Бикерман И.Н.* Хронология древнего мира (Ближний Восток и античность). М., 1975 // ВИ. 1976. № 11. С. 190–192.
86. К вопросу о доземледельческом населении Геоксюрского оазиса // МАНТССР. Сер. обществ. наук. 1977. № 3. С. 71–74.
87. Раскопки Сумбарского могильника // АО-1976. 1977. С. 555 (совместно с Л.И. Хлопиной).
88. Сумбарские могильники – ключ для синхронизации памятников эпохи бронзы юга Средней Азии и Ирана // Le plateau iranien et l'Asie Centrale. Paris, 1977. S. 143–154: il.
89. Die Reisereite Isidors von Charax und die Oberen Satragien Parthiens // Iranica Aniqua. 1977. V. 12. P. 117–165.
90. Kollektivgräber des 3/2 Jahrtausends v.u. Z. Südturkmenien. Ein Beitrag zur Entwicklung der sozialen Struktur der urgeschichtlichen Bevölkerung Südturkmeniens // EAZ. 1977. Jg. 18. H. 3 S. 385–398: il.
91. Spuren des Feuerkultes in Urartu // Orientalia Lovaniensia periodica. 1977. № 8.
92. О так называемых печатях (индикатор собственности или штамп // Проблемы археологии. 1978. Вып. 2. С. 33–38: ил.
93. Раскопки в долине Сумбара // АО-1977. 1978. С. 550, 551 (совместно с Л.И. Хлопиной).
94. Античные погребения на среднем течении Сумбара // ИАНТССР. Сер. обществ. наук. 1979. № 3. С. 75–82: ил.
95. Из работ на Сумбарском могильнике // УСА. 1979. Вып. 4. С. 83, 84.
96. К истокам туркменского ковроделия // ПТ. 1979. № 1. С. 7–9.
97. Мандрагора туркменская в истории народов Востока (К 70-летию со дня рождения О.Ф. Мизгиревой) // ИАНТССР. Сер. биол. наук. 1979. № 1. С. 70–75.

98. Могильник Пархай II в долине Сумбара (предварит. сообщ.) // ИАНТССР. Сер. обществ. наук. 1979. № 5. С. 75–81: ил.
99. Раскопки в долине Сумбара // АО-1978. 1979. С. 570.
100. Хронология похода Александра Македонского в Среднюю Азию // ВИ. 1979. № 2. С. 95–104.
101. Изготовление ворсовых ковров в Средней Азии в эпоху бронзы // КСИА. 1980. Вып. 161. С. 31–36: ил.
102. Могильник эпохи ранней бронзы Пархай II в Туркмении // СА. 1980. № 1. С. 251–258: ил. (совместно с Л.И. Хлопиной).
103. Раскопки в долине Сумбара // АО-1979. 1980. С. 467.
104. Mandragora turcomanica in der Geschichte der Orientalvölker // Orientalia Lovaniensia periodica. 1980. V. 11. S. 223–231: il.
105. Защитное вооружение. Graz: Akademische Druck– и Verlagsanstalt, 1981. 81 s., 8 il. (Glossarium armorum. Arma defensiva) (Совместно с А.Н. Кирпичниковым).
106. Исследования Каракалинского могильника // АО-1980. 1981. С. 469.
107. К уточнению хронологии культуры архаического Дахистана // КСИА. 1981. Вып. 167. С. 95–99: ил.
108. Образ быка у первобытных земледельцев Средней Азии // Древний Восток и мировая культура. М., 1981. С. 26–30.
109. Происхождение и развитие катакомбных захоронений в Юго-Западной Туркмении // Преемственность и инновации в развитии древних культур. Л., 1981. С. 84–87.
110. The early bronze Age cemetery of Parkhai II: the first two seasons of excavations: 1977–78 // The bronze Age civilization of Central Asia. N.Y., 1981. P. 3–34: il.
111. К происхождению культуры серой керамики раннего железного века Северного Ирана // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа. Тез. докл. Всесоюз. симпоз. Ереван, 1982. С. 143–145.
112. Маршрут Азиатского похода Александра Великого // Iranica Antiqua. 1982. V. 17. P. 105–129.
113. Die Chronologie und Dynamik des Feldzuges Alexanders des Grossen nach Mittelasien // Ancient Society (Leuven). 1980/1981. 1982. V. 11/12. P. 151–172.
114. The Manufacture of Pile Carpets in Bronze Age Central Asie // Hali (The International joutn. of Orientals Carpets and Textiles). 1982. V. 5.
115. Второй сезон раскопок могильника Пархай II // КСИА. 1983. Вып. 176. С. 101–105: ил. (совместно с Л.И. Хлопиной).
116. Изучение могильников эпохи энеолита и бронзы в долине реки Сумбар // Археология Средней Азии и Ближнего Востока. Тез. докл. 2-го сов.-амер. симпоз. Ташкент, 1983. С. 86–91.
117. Историческая география южных областей Средней Азии (Античность и раннее средневековье). Ашхабад. 1983. 211 с.: ил., карт.
118. Развитой энеолит Юго-Западной Туркмении // ИАНТССР. Сер. обществ. наук. 1983. № 4. С. 83–87: ил.
119. Раскопки могильника Пархай II // АО-1981. 1983. С. 480, 481 (совместно с Л.И. Хлопиной).
120. Юго-Западная Туркмения в эпоху поздний бронзы (по материалам Сумбарских могильников). Л., 1983. 242 с., 2 л. ил.
121. Поздний энеолит Юго-Западного Туркменистана // ИАНТССР. Сер. обществ. наук. 1984. № 3. С. 81–84: ил.
122. Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы (Историко-археологическое исследование могильников долины Сумбара). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. 1984. 49 с.
123. Новые документы о строительной деятельности Кирилло-Белозерского монастыря в XVII веке // Памятники письменности в музеях Вологодской области. Каталог-путеводитель. Ч. 4. Вып. 1. Вологда, 1985. С. 145–162 (совместно с А.Н. Кирпичниковым).
124. Раскопки могильника Пархай II // АО-1983. 1985. С. 556, 557.
125. Эпоха ранней бронзы Юго-Западного Туркменистана // ИАНТССР. Сер. обществ. наук. 1985. № 4. С. 39–44 (совместно с Л.И. Хлопиной).
126. Могильники эпохи энеолита и бронзы в Юго-Западной Туркмении // Древние цивилизации Востока. Ташкент, 1986. С. 204–215: ил.
127. Ранний энеолит Юго-Западного Туркменистана // ИАНТССР. Сер. обществ. наук. 1986. № 2. С. 23–27: ил. (совместно с Л.И. Хлопиной).
128. Раскопки могильника Пархай II // АО-1984. 1986. С. 475.
129. Хаома – священное растение древних иранцев // Природа. 1986. № 11. С. 40–43: ил., карт.
130. Археологические исследования в Юго-Западной Туркмении // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тез. докл. Всесоюз. конф. 1987. С. 264, 265.
131. За тысячу лет до зодиака // Ноосфера. Л., 1987. № 2. С. 159–167: ил.
132. Исторические закономерности сложения степных культур Средней Азии // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1987. С. 82, 83.

133. К методике изучения погребальных памятников // Ист. чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 1987. Ч. 2. С. 45–48.
134. К методике интерпретации погребальных памятников по сумбарским могильникам // ИАНТССР. Сер. обществ. наук. 1987. № 6. С. 41–48: табл.
135. О некоторых событиях эпохи бронзы в Юго-Западной Туркмении // Технологический и культурный прогресс в раннеземледельческую эпоху. Тез. докл. Ашхабад, 1987. С. 71–73.
136. Раскопки в долине Сумбара // АО-1985. 1987. С. 609.
137. Раскопки в долине Сумбара и их значение для переднего Востока и Средней Азии // ИБ МАИКЦА. 1987. № 12. С. 20–33: ил.
138. Эпоха развитой бронзы Юго-Западного Туркменистана // ИАНТССР Сер. обществ. наук. 1987. № 1. С. 38–45: ил. (совместно с Л.И. Хлопиной).
139. Доска Неварташир. К истокам календаря // Природа. 1988. № 6. С. 72–79: ил.
140. О происхождении культур эпохи бронзы южных районов Средней Азии // ИБ МАИКЦА. 1988. Вып. 15. С. 60–69: ил.
141. Раскопки в долине Сумбара // АО-1986. 1988. С. 507, 508: ил.
142. Археология Южного Туркменистана и возникновение зороастрийской обрядности // Памятники Туркменистана. 1989. № 1. С. 7, 8.
143. Биспиральные булавки на Среднем Востоке // ИАНТССР. Сер. обществ. наук. 1989. № 5. С. 30–36: ил.
144. Исторические закономерности сложения степных культур Средней Азии // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989. С. 217–224.
145. Могильник Пархай II (Некоторые итоги исследования) // СА. 1989. № 3. С. 113–130: ил.
146. Открытие Гиркании // Природа. 1989. № 4. С. 50–58: ил.
147. Doppelspiralige Kopfnadeln in Mittelasien und im Kaukasus // Orientalia Lovaniensia periodica. 1989. V. 20. S. 99–114: il.
148. Double-spiral headpins in the Midde East // Archaeologia Iranica et Orientalis. 1989. P. 99–109: il.
149. Рец.: *Бойс М.* Зараострийцы. Верования и обычаи. 1989. № 1. С. 84–87.
150. А что было до потопа? Л., 1990. 155 с. ил.
151. Древнегирканский очаг металлообработки (конец V – начало II тыс. до н. э.) // ИАНТССР. Сер. гуманит. наук. 1990. № 5. С. 88–91 (совместно с В.А. Галибиным).
152. Закаспийские корни катакомбной культуры // Проблемы древней истории Северного Причерноморья и Средней Азии. Л., 1990. С. 36, 37.
153. Новая гипотеза о прародине ариев // Памятники Туркменистана. 1990. № 2. С. 19, 20.
154. Lois historiques des cultures dans les steppes de l'Asie Centrale // Nomades et sedentaires en Asie Centrale. Paris, 1990. S. 169–177.
155. Завершение раскопок могильника эпохи палеометалла Пархай II в Южном Туркменистане (1989–1990 гг.) // Древние культуры и археол. изыскания. СПб., 1991. С. 14–17.
156. Культура астрабадского бронзового века в Хорезме // ИАНТССР. Сер. гуманитарных наук. 1991. № 3. С. 82–84.
157. Раскопки поселений на юго-западном побережье Байкала // Древности Байкала. Иркутск. 1991. С. 84–91: ил. (совместно с К.Х. Кушнаревой).
158. Где же все-таки прародина ариев // Памир. 1992. № 3. С. 138–143.
159. Еще раз о древности туркменского ковроделия // Северная Евразия от древности до средневековья. Тез. докл. СПб., 1992. С. 59–61.
160. Могильник Сумбар II // Новые открытия и методол. основы археол. хронологии. Тез. докл. конф. СПб., 1992. С. 16–18.
161. Zoroastrianism-location and time of its origin // Iranica Antiqua. 1992. V. 27. P. 95–116.
162. L'Hurcanie antique // Les dossiers d'archeologie. 1993. № 185. S. 42–52: il.
163. Древнейшие индоиранцы в свете археологии // Сухачев Н.Л. Историческая перспектива в индоевропеистике. СПб., 1994. С. 226–240.
164. Памяти Геннадия Николаевича Курочкина (1946–1993) // РА 1994. № 4. С. 247, 248: портр. (совместно с Ю.А. Заднепровским, В.Ю. Зуевым).
165. Раскопки в долине Сумбара // АО-1993. 1994. С. 208, 209.
166. Туркменское ковроделие: древнейшие инструменты // РА. 1994. № 3. С. 83–91: ил.
167. Antiquities of southwestern Tukrmenistan // South Asian Archaeology. 1994. V. 1. P. 263–267: il.
168. Оборонительные сооружения оседлых земледельцев Средней Азии // Фортификация в древности и средневековье. СПб., 1995. С. 12, 13.

ПАМЯТИ ИГОРЯ КИРИЛЛОВИЧА СВЕШНИКОВА

(1915–1995)

20 августа 1995 г. на раскопках в г. Дубне скоропостижно скончался доктор исторических наук, профессор, иностранный член Польской Академии знаний Игорь Кириллович Свешников. Два месяца не дожил он до восьмидесятилетнего своего юбилея, которому и была первоначально посвящена эта статья. С глубокой скорбью я вынужден был превратить ее в некролог.

Покойный был археологом предельно широкого профиля. Его полувековая исследовательская деятельность ознаменовалась серией важнейших открытий и в целом явилась весьма весомым вкладом в изучение целого ряда периодов древней и средневековой истории Средней и Восточной Европы – от каменного века до XVII в. н.э. Для пограничья двух указанных регионов нашего континента трудно назвать археологическую проблему, разработка которой не была бы принципиально обогащена трудами Игоря Кирилловича. А конкретно для Прикарпатья, Подолии и Волыни произведенный им синтез всех известных ныне археологических источников (фонд которых был резко обогащен его собственными плодотворнейшими полевыми исследованиями) привел к воссозданию сложнейшей и прочно обоснованной картины исторического и культурного развития на протяжении нескольких тысячелетий, предшествовавших появлению письменных свидетельств. Трудно переоценить научные достижения И.К. Свешникова и при изучении более поздних периодов истории указанного региона. Достаточно вспомнить блестящие раскопки древнерусского города Звенигорода подо Львовом, в ходе которых были найдены первые на украинской территории древнерусские берестяные грамоты начала XII в. Позволю себе считать беспрецедентными в мировой археологической практике более чем двадцатилетние раскопки И.К. Свешникова на месте битвы под Берестечком 1651 г. Выработка специальной методики, строго аналитический подход ко всем данным раскопок, поразительное обилие, сохранность, многообразие и информативность полученных материалов (свыше 6000 принадлежавших украинскому казачеству металлических, деревянных, кожаных, текстильных изделий – оружия, орудий, одежды, обуви, предметов конского убранства и многое другое) позволили впервые на археологическом материале по-новому осветить такие вопросы, как ход битвы, оснащение, численность и организация казачьего войска, уровень развития

© Н.Я. Мерперт, 1997 г.

самых различных отраслей производства и пр. Принципиально важны и свидетельства активного участия в одной из крупнейших битв Освободительной войны украинского народа 1648–1654 гг. русских воинских подразделений – донских казаков и московских стрельцов, выявленные и убедительно обоснованные исследователем.

Все вышеизложенное позволяет с уверенностью отводить профессору И.К. Свешникову видное место среди современных европейских археологов. Пройденный им творческий путь достаточно насыщен и ярок. На некоторых основных его вехах я предельно коротко остановлюсь ниже, уделив при этом особое внимание вкладу Игоря Кирилловича в разработку проблем первобытной археологии, всегда занимавших в его творчестве особое место. Предварительно же отмечу основные вехи его биографии.

И.К. Свешников родился 19 октября 1915 г. в Киеве. В 1935 г. он окончил гимназию в г. Дубна, которой, как и одной из улиц этого города, присвоено ныне имя покойного. Интересы его определились очень рано. Он получил блестящее археологическое образование, начавшееся в конце 30-х годов во Львовском университете под руководством таких крупных ученых, как профессор Леон Козловский, Маркиян Смишко, Тадеуш Сулимирский. Уже тогда он провел плодотворные разведки в Ровенской обл. и раскопки поселения конца мезолита – начала неолита у с. Хотин в бассейне Стыри. Обративший на себя внимание студент в 1938 г. стал членом Польского археологического общества, возглавлявшегося корифеем польской археологии проф. Юзефом Костшевским. Прерванное войной обучение было возобновлено в том же университете в 1945 г., причем одновременно Игорь Кириллович принял на себя заведование отделом первобытного общества Львовского исторического музея. Эти обязанности он исполнял вплоть до 1959 г. Уже в эти годы его полевые исследования и научные публикации приняли чрезвычайно активный и многоплановый характер. Начались уже упоминавшиеся раскопки Звенигорода подо Львовом, приведшие позднее к столь неординарным результатам, плодотворно и целенаправленно исследовались памятники железного века – от лужицких и раннескифского времени до липецких и милоградских. Все эти тематические направления упорно и последовательно развивались и в дальнейшем, когда начиная с 1959 г. И.К. Свешников на 35 лет связал свою научную судьбу с отделением археологии Института общественных наук Академии наук Украины. Все материалы полевых исследований регулярно и с завидной оперативностью вводились в научный оборот и послужили основой для ряда значительных обобщений. Начиная с 70-х годов они обогатились кратко охарактеризованными выше эпохальными исследованиями на поле сражения 1651 г., итогом которых явилась монография "Битва пiд Берестечком" (Львiв, 1992).

Но повторяю, с самого начала исследовательской деятельности Игоря Кирилловича особое его внимание привлекала первобытная проблематика, связанная с неолитом, энеолитом и бронзовым веком пограничья Средней и Восточной Европы. И без преувеличения можно сказать, что для этой проблематики И.К. Свешников перекинул мост между указанными регионами, изучавшимися в большинстве случаев изолированно. Их контактная зона, в значительной своей части охватывавшая Прикарпатье, Волынь и Подолию, отмечена предельной динамикой развития, особо обострившейся с началом эры металлов, постоянными перегруппировками населения, столкновением и взаимодействием различных форм экономики, социальных структур, культурных традиций, созданием гибридных феноменов, аккультурацией. Ее исследование связано с рядом специфических трудностей, с необходимостью глубокого проникновения в специфику развития резко различных регионов и культурных образований. И если ныне эти трудности преодолены, если создана глубоко обоснованная картина развития отмеченной зоны на протяжении нескольких тысячелетий, то это прежде всего результат полувековой исследовательской деятельности И.К. Свешникова.

Уже в 1954 г. в сборнике "Советская археология", т. XX им была опубликована первая сводная работа, посвященная памятникам культуры линейно-ленточной керамики на территории Верхнего Поднестровья и Западной Волыни, до того времени практически не изученным, но сыгравшим весьма существенную роль в формировании знаменитой трипольской культуры. Вскоре – также впервые – И.К. Свешников в специальной брошюре обобщил данные изучения мегалитических памятников Западной Подолии. Вместе с тем были развернуты широкие исследования ряда культур неолита, энеолита и бронзового века по всей отмеченной территории, и уже в 1958 г. ученый, синтезировав их результаты, с блеском защитил в Институте археологии РАН кандидатскую диссертацию на тему "Памятники племен бронзового века Прикарпатья и Западной Подолии", выдвинувшую его в первый ряд специалистов по первобытной археологии Украины. А далее масштабы раз-

работок данной проблематики возрастали из года в год, охватывая все новые археологические феномены в том числе, как уже отмечалось, открытые самим И.К. Свешниковым.

Одним из основных объектов его внимания закономерно явилась переходная от энеолита к раннему бронзовому веку культура шаровидных амфор. Исследователь справедливо рассматривал ее как один из основных компонентов в процессе формирования ряда последующих культур бронзового века. Длительное изучение ее памятников, завершившееся изданием большой специальной монографии ("Культура шаровидных амфор". М., 1983), впервые в русскоязычной научной литературе дало исчерпывающее представление об одном из крупнейших культурных образований европейской праистории, охватившем как среднюю, так и восточную часть континента и оказавшем решающее воздействие на культурные судьбы всего этого ареала. Из трех выделенных внутри него территориальных групп наибольший интерес представляла в данном случае восточная группа, занимавшая уже неоднократно упоминавшееся выше пограничье Средней и Восточной Европы. И.К. Свешников принципиально конкретизировал представления о ней по всем возможным параметрам: от структуры поселений и характера домостроительства до погребального обряда и специальных ритуальных действий, от керамики до всех прочих категорий инвентаря. Им убедительно обосновано выделение внутри группы двух отмеченных определенной спецификой вариантов – волынского и подольского, что крайне существенно для культурной характеристики конкретных человеческих общностей и разработки сложнейшего вопроса взаимодействия их с создателями других энеолитических культур, прежде всего культуры воронковидных сосудов, городско-волынского варианта позднего триполья, а далее – уже в начале раннего бронзового века – с подкарпатской культурой шнуровой керамики, стжижовской культурой и пр. Принципиально важны и заключения И.К. Свешникова о продвижении культуры шаровидных амфор на Волынь и Подолию из Повисленья и о последующей ассимиляции ее культурами шнуровой керамики при сохранении реминисценций ее традиций вплоть до среднего бронзового века.

Столь же значительными исследованиями И.К. Свешникова охвачены фактически все дальнейшие этапы развития бронзового века Прикарпатья и Волыни, все их культурные общности, ряд которых выделен и изучен впервые. Стержневыми проблемами этого направления исследований И.К. Свешникова были здесь культуры шнуровой керамики и тшинецко-комаровская культура на территории Предкарпатья и Волыни. Такой выбор абсолютно логичен: весь ход исследований показал глубокую связь между обеими проблемами, а также между первой из них и предшествующей проблемой культуры шаровидных амфор. При этом глубоко убедительно определены как свидетельства культурной преемственности, так и заметные изменения в ходе развития бронзового века, обусловленные как внутренней трансформацией, так и перегруппировками населения и внешними воздействиями. Исследователь совершенно правильно выходит за территориальные и хронологические рамки отмеченных культурных общностей, рассматривая их на широком фоне как синхронных, так и последующих культур и подчеркивая тем самым их роль в предельно сложном процессе культурогенеза данного региона Европы. И во всех случаях сохраняются четкость характеристик и определения основных индикаторов каждого феномена. В этом ключе рассмотрены такие значительные явления, как прикарпатская культура шнуровой керамики, почапский тип культуры Хлопице-Веселе, выделенный И.К. Свешниковым на Подолии, Городокско-Здолбицкая культура на Волыни, Стжижовская культура Люблинской возвышенности и Северо-Западной Волыни, сама тшинецко-комаровская культура со своими вариантами, прежде всего выделенным ученым важнейшим Белопотоцким вариантом. Впервые на Западной Волыни открыты памятники культуры многоваликовой керамики среднего бронзового века, распространение которых связывалось ранее со значительно более восточными районами. Тем самым определено еще одно звено, связывающее среднеевропейский и восточноевропейский культурные ареалы.

Весьма результативны и разработки И.К. Свешниковым проблем финала бронзового и начала раннего железного века. И здесь должны быть отмечены принципиально важные открытия и выделение новых культурных общностей, подобно голиградской группе памятников фракийского гальштата, своеобразие и значение которой доказано интенсивными исследованиями в Подолии, Буковине и Прикарпатье. Оригинален и убедителен анализ изобразительного искусства создателей этих памятников, в частности символики золотых изделий Михайловских кладов.

Даже в пределах первобытной археологии широта охваченной исследованиями И.К. Свешникова проблематики поразительна. Обобщение материалов даже одного ее хронологического среза – конца III – начала II тысячелетия до н.э. – явилось крупным

научным свершением и вполне заслуженно обусловило защиту автором диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук в 1972 г. в Институте археологии РАН (исследование издано в виде монографии "Історія населення Предкарпаття, Поділля і Волинь в кінці III – на початку II тисячолетття до нашої ери". Київ, 1974). В целом трудами Игоря Кирилловича создана подлинная древнейшая история Прикарпатско-Волынского региона. Огромное значение их для разработки ключевых проблем ряда периодов истории нашего континента безусловно.

Кончина Игоря Кирилловича Свешникова – тяжкая, невосполнимая потеря для нашей науки. Вся его деятельность была направлена на укрепление и развитие творческого сотрудничества ученых ряда стран, ряда научных коллективов. Вся она доказывала плодотворность интеграционных и пагубность сепаратистских тенденций в исследовательской деятельности. С последними покойный всегда вел принципиальную и бескомпромиссную борьбу. А для автора уход из жизни этого замечательного человека явился большим личным горем: нас связывали четыре десятилетия научного сотрудничества и ничем не омраченной дружбы.

Институт археологии РАН,
Москва

Н.Я. Мерперт

Список научных трудов Игоря Кирилловича Свешникова

1. Поховання XI ст. н.е. в с. Смільниці коло Старого Самбора // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. I. Київ, 1949.
2. Звіт експедиції до с. Затока Львівської області // Археологічні пам'тки УРСР. Т. II. Київ, 1949.
3. Розкопки в с. Костянці на полі "Литвенщина" // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. IV. Київ, 1952.
4. Серпентиновый топор в коллекции Львовского исторического музея // КСИИМК. 1952. Вып. 43.
5. Культура линейно-ленточной керамики на территории Верхнего Поднестровья и Западной Волыни // СА. 1954. Т. XX.
6. Исследования в с. Звенигород Львовской области // КСИА АН УССР. 1955. Вып. 4.
7. Могильник в селе Звенигород Львовской области // КСИИМК. 1956. Вып. 63.
8. Мегалітичні поховання на Західному Поділлі. Львів, 1957.
9. Могильники липицкой культуры в Львовской области // КСИИМК. 1957. Вып. 68.
10. Поселення раннескіфського часу біля с. Сухостав Тернопільської області // Археологія. 1957. Т. XI.
11. Археологические работы Львовского исторического музея в 1957 г. // СА. 1957. № 4.
12. Підсумки дослідження культур бронзової доби Прикарпаття і Західного Поділля. Львів, 1958.
13. Памятники племен бронзового века Прикарпатья и Западной Подолии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1958.
14. Археологічні роботи Львівського історичного музею в 1952–1957 рр. // Археологічні роботи музею в 1952–1957 рр. Львів, 1959.
15. Організація історико-побутових експедицій в історичных і краезнавчих музеях. Київ, 1960 (в соавт. с Г.М. Власовой).
16. Памятники культуры шнуровой керамики у с. Здолбица (УССР) // КСИИМК. 1961. Вып. 85.
17. Два бронзові скарби в Станіславській області // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Вип. 3. Київ, 1961.
18. Могильник III–IV століть н.е. у с. Дитиничі Ровенської області // Матеріали і досідження з археології Прикарпаття і Волині. Вип. 3. Київ, 1961 (в соавт. с М.Ю. Смишко).
19. Пам'ятки культур шнурової кераміки в басейні р. Устя // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Вип. 4. Київ, 1962.
20. Поселение культуры шнуровой керамики у с. Городок Ровенской области // КСИИМК. 1964. Вып. 97.
21. Пам'ятки голіградского типу на Західному Поділлі // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Вип. 5. Київ. 1964.
22. До історії карбування монет у Львові // Історичні джерела та їх використення. Вип. I. Київ, 1964.
23. Комаровская культура // Советская историческая энциклопедия. Т. 7. 1965.
24. К вопросу о сходстве и различии тшинецкой и комаровской культур // МИА. 1965. № 130.
25. К вопросу о племенном составе населения Прикарпатья и Волыни в конце II и начале I тысячелетия до н.э. // Тез. докл. советской делегации на междунар. конгр. славянской археологии в Варшаве. М., 1965.

© Сост. Ю.М. Малеев, Н.Я. Мерперт, 1997 г.

26. Пам'ятки мілоградської культури в басейні р. Горинь // 39 наук. конф., присвячена підсумкам наукової роботи Університету за 1964 рік. Тез. доповідей. Львів, 1965.
27. Нове поселення стжижовської культури у Ровеньській області // 40 наук. конф., присвячена підсумкам науково-дослідної роботи Університету за 1965 рік. Тез. доповідей. Львів, 1966.
28. Ze studijow nad kultura ceramiki sznurowoj na Wolyniu, Podkarpaciu i Podolu // Sprawozdania z posiadzen Komisji Oddzialu PAN w Krakowie. Krakow, 1966.
29. Поселение позднебронзового века у с. Муравища Ровенской области // Пленум Института археологии 1966 года. Секция "Неолит и бронзовый век". Тез. докл. Ч. 1. М., 1966.
30. Раскопки кургана бронзового века у с. Иванья Ровенской области // АО-1966. М., 1967.
31. Krzemieniarzstwo kultury ceramiki sznarowej na Wolyniu // Z otchlani wiekow. T. 33. Wroclaw; Poznan, 1967.
32. Kultura komarowska // Archeologia Polski. 1967. T. XII. № 1. Warszawa.
33. Работы Западно-Подольской экспедиции // АО-1967. М., 1968.
34. Богатые погребения комаровской культуры у с. Иванья Ровенской области // СА. 1968. № 2.
35. Прикарпаття і Волинь – складова частина первісної батьківщини слов'ян // Торжество історичної справедливості. Львів, 1968.
36. О символике вещей Михалковских кладов // СА. 1968. № 1.
37. Пониква // Історія міст і сіл Української РСР. Львівська область. Київ, 1968.
38. Підгірці // Історія міст і сіл Української РСР. Львівська область. Київ, 1968 (в соавт. с Ф.І. стеблій и З.І. Ольховой).
39. Кремневые копи у с. Городок Ровенской области // КСИА. 1969. Вып. 117.
40. К вопросу о племенном составе населения Прикарпатья и Волыни в конце II и начале I тысячелетия до н.э. // I Mledzynarodowy kongres slowianskiej Archeologii, Wroclaw; Warszawa; Krakow, 1969.
41. Костянецьке поселення // Радянська енциклопедія історії України. Т. II. Київ, 1970.
42. Звенигород Галицький // Там же.
43. Костшевський Юзеф // Там ж.
44. Культура кулястих амфор // Археологія Української РСР. Т. 1. Київ, 1971.
45. Культури шнурової кераміки західної частини УРСР // Там же.
46. Пам'ятки мілоградської культуры в бассейні р. Горинь // Археологія. 1971. Вип. 2.
47. История населения Предкарпатья, Подолии и Волыни в конце III – начале II тысячелетия до н.э. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1971.
48. Новые погребения культур шнуровой керамики на Волыни // АО-1970. М., 1971.
49. Розкопки на місці Берестецької битви // XV наук. конф. Итституту археології АН УРСР. Тез. пленарних секційних доповідей. Одеса, 1972.
50. Раскопки Кульчицкого могильника в Предкарпатье // АО-1971. М., 1972.
51. Раскопки на месте Берестецкой битвы // Там же.
52. Племена комаровской культуры – северные соседи фракийских племен // Тез. докл. на I Междунар. конгр. по фракийской археологии. София, 1972.
53. Памятники почапского типа в верховьях Западного Буга // Матер. XIII конф. Інституту археології АН УРСР, присвяченої 50-річчю Академії наук Української РСР. Київ, 1972.
54. Нове поховання культури кулястих аморф у Ровеньській області // Археологія. 1973. Вип. 11.
55. Работы Ровенской экспедиции // АО-1972. М., 1973.
56. Раскопки могильника у с. Стрильче // АО-1973. М., 1974.
57. Новые раскопки места Берестецкой битвы // Там же.
58. Исследования Среднеднестровской экспедиции // Там же.
59. Історія населення Передкарпаття, Поділля і Волині в кінці III – на початку II тисячоліття до нашої ери. Київ, 1974.
60. Племена культури кулястих амфор // Стародавне населення Прикарпаття і Волині. Доба первіснообщинного ладу. Київ, 1974.
61. Племена культур шнурової кераміки // Там же.
62. Давні племена Прикарпаття і Волині за доби бронзи // Там же.
63. Племена комарівської культури // Там же.
64. Племена культури Ноа // Там же.
65. Племена лужицької культури // Там же.
66. Племена мілоградської культури // Там же.
67. Работа Ровенской экспедиции // АО-1974. М., 1975. (в соавт. с В.М. Конопля).
68. Памятники почапского типа в верховьях Западного Буга // Slovenska Archeologia. T. XXI. Bratislava, 1975.
69. Довідник з археології України. Львівська область. Київ, 1976.
70. Работы Ровенской экспедиции // АО-1975. М., 1976 (в соавт. с В.М. Конопля).
71. Раскопки во Львове // АО-1975. М., 1976 (в соавт. с Р.С. Багрий, И.Р. Могитич, А.А. Ратич).

72. Проблема происхождения комаровской культуры // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев, 1976.
73. Работы Древнерусского отряда Львовской экспедиции // АО-1976. М., 1977 (в соавт. с Р.С. Багрий, И.Р. Могитич).
74. Раскопки курганов возле Дрогобыча // АО-1976. М., 1977 (в соавт. с Д.Н. Козак).
75. Раскопки и разведки в бассейне р. Иквы // АО-1976. М., 1977 (в соавт. с В.М. Конопля).
76. На мiсцi Берестецькоi битви // Жовтень. 1977. № 7. Львiв.
77. Слiдами давнiх культур // Жовтень. 1977. № 9. Львiв (в соавт. с О.П. Черныш, В.В. Аулих, В.М. Цигилык).
78. Раскопки курганного могильника у с. Болеховцы под Дрогобычем // Археологические исследования на Украине в 1976–1977 гг. Тез. докл. XVII конф. Института археологии АН УССР. Ужгород, 1978.
79. Исследования Ровенского отряда // АО-1977. М., 1978.
80. Исследования на Львовщине // АО-1977. М., 1978 (в соавт. с Л.Г. Мацкевой, Л.И. Крушельницкой, И.Р. Могитич, О.М. Иоаннесян, В.И. Козак).
81. Археологiчнi дослiдження в с. Муравиця // Археологiя. 1978. Вип. 27.
82. Подгорцы // История городов и сел Украинской ССР. Львовская область. Киев, 1978 (в соавт. с Ф.И. Стеблий, З.И. Ольховой, Р.Т. Грибович).
83. Карта археологических памятников Львовщины (с текстом) // История городов и сел Украинской ССР. Львовская область. Киев, 1978.
84. Работы Млыновского отряда // АО-1978. М., 1979 (в соавт. с В.М. Конопля, М.М. Кучинко).
85. Работы Звенигородского отряда // АО-1978. М., 1979 (в соавт. с О.А. Иоаннесян, И.Р. Могитич).
86. Городецько-здовбицька культура // Украiнска Радянська енциклопедiя. Т. 3. Киïв, 1979.
87. Волыноская группа тшинецко-комаровской культуры // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Тез. докл. конф. Донецк, 1979.
88. Стжижовская культура в свете последних раскопок // Археологические исследования на Украине в 1978–1979 гг. Тез. докл. XVIII конф. Института археологии АН УССР. Днепропетровск, 1980.
89. Первобытное искусство Прикарпатья и Волыни как отражение верований и экономики древнего общества // Тез. докл. конф. "Идеологические представления древнейших обществ". М., 1980.
90. Obraz czy portret // Z. otchlaw wiekow. T. XLVI. № 3. Warszawa, Poznan, 1980.
91. Археологiчнi пам'тки Прикарпаття i Волинi кам'яного вiку. Киïв, 1981 (в соавт. с И.П. Герета, Р.Т. Грибович, Л.Г. Мацкевой, М.А. Пелешишиным, М.Ф. Потушняк, В.П. Савич, О.П. Черныш).
92. Поиски места погребения Ивана Федорова и его надгробной плиты // Федоровские чтения 1978 г. М., 1981.
93. Раскопки поселения у с. Остров // АО-1980. М., 1981.
94. Довiдник з археологiï Украiни. Ровенська областъ. Киïв, 1982 (в соавт. с Ю.М. Никольченко).
95. Археологiчнi пам'ятки Прикарпаття i Волинi. Доба бронзи та раннього залiза. Киïв, 1982 (в соавт. с Л.И. Крушельницкой, Л.Г. Мацкевой, И.И. Попович, Е.А. Балагури, И.П. Герета).
96. Работы Ровенской экспедиции // АО-1981. М., 1983 (в соавт. с В.М. Конопля).
97. Церковь Параскевы Пятницы в Звенигороде на Белке – памятник деревянного зодчества домонгольской Руси // Памятники культуры. Новые открытия. Л., 1983 (в соавт. с О.М. Иоаннесян и И.Р. Могитич).
98. Культура шаровидных амфор // САИ. 1983. Вып. В1-27. М.
99. Стжижовська культура // Украiнська радянська енциклопедiя. Киïв,1983.
100. Дендрохронологические находки XII века в летописном Звенигороде – Деп. в ЦБАТИ, лесхоз № 273, 1983 (в соавт. с С.В. Шевченко).
101. Ботанiчнi знахiдки XII ст. // Украiнський ботанiчний журнал. 1984. Т. 41. № 6. Киïв (в соавт. с С.В. Шевченко).
102. Раскопки в Звенигороде на Белке // АО-1982. М., 1984.
103. Найдавнiше минуле територiï Львова // Iсторiя Львова. Киïв, 1984.
104. Бiлопотоцький варiант тшинецько-комарiвськоi культури // Тез. доповiдей VI Подiльськоi iсторико-краэзнавчоi конф. Кам'янець-Подiльский, 1985.
105. Работы в Звенигороде // АО-1983 г. М., 1985.
106. У свiтлi нiмецкоi хронiки // Жовтень. 1985. № 7. Львiв.
107. Берестечко // Там же.
108. Исследование пригорода древнерусского Звенигорода // Тез. докл. советской делегации на V Междунар. конгр. славянской археологии. Киев, 1985.
109. Культура шаровидных амфор // Археология Украинской ССР. Т. 1. Киев, 1985.
110. Прикарпатская культура // Там же.
111. Почапская группа на Подолии // Там же.
112. Городокско-здолбицкая культура на Волыни // Там же.
113. Стжижовская культура // Там же.
114. Долiдження пригорода лiтописного Звенигорода // Вiсник АН Украiнськоi РСР. 1985. № 11. Киïв.

115. Раскопки пригорода летописного Звенигорода // АО-1984. М., 1986.
116. Природное окружение населения древнерусского Звенигорода // Проблемы социальной экологии. Тез. докл. Львов, 1986. (в соавт. с К.А. Татариновым, С.В. Шевченко).
117. Каталог найважливіших знахідок з місця Берестецької битви. Ровно, 1986 (в соавт. с Т.О. Пономаревой).
118. Дослідження давнього Звенигорода в 1982–1983 рр. // Археологія. 1987. № 57. Київ.
119. Новые произведения древнерусского искусства из Звенигорода под Львовом // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тез. докл. М., 1987.
120. Звенигород. Львів, 1987.
121. К вопросу о религиозных представлениях первобытных охотников, земледельцев и скотоводов Прикарпатья и Волыни // Конф. "Религиозные представления в первобытном обществе". Тез. докл. М., 1987.
122. Раскопки в Звенигороде под Львовом // АО-1985. М., 1987.
123. Звенигород, якому 900 років // Жовтень. 1987. № 9. Львів.
124. Исследования древнерусского Звенигорода под Львовом // АО-1986. М., 1988.
125. Мастерская янтарных изделий на раннефеодальном городище Звенигород под Львовом // The sixth Meeting on Amber and Amber-Bearing Sediments. Warsaw, 1988.
126. Приватні шляхетські листи XVI – першої половини XVII ст. // Українська археологія: сучасний стан та перспективи. Тез. доповідей. Київ, 1988.
127. Исследование пригорода древнерусского Звенигорода // Тр. V Междунар. конгр. археологов-славистов. Т. 2. Киев, 1988.
128. Проблема комплексного дослідження міст Південно-Західної Русі і розкопки Звенигорода під Львовом // Проблеми історії та археології давнього населения Української РСР. Тез. доповідей. Київ, 1989.
129. Археологічні пам'ятки // Атлас. Львівска область. М., 1989.
130. Археологические памятники // Там же.
131. Звенигород // Археология Прикарпатья. Волыни и Закарпатья. Раннеславянский и древнерусский периоды. Киев, 1990.
132. Звенигородські грамоти на бересті // Дзвін. 1990. № 6. Львів.
133. Культура шаровидных амфор // Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья. Энеолит, бронза и раннее железо. Киев, 1990.
134. Культуры шнуровой керамики // Там же.
135. Ранний период бронзового века Прикарпатья и Волыни // Там же.
136. Почапская группа культуры Хлопице-Веселе // Там же.
137. Стжижовская культура // Там же.
138. Средний период бронзового века Прикарпатья и Волыни. Тшинецко-комаровская культура // Там же.
139. Культура многоваликовой керамики // Там же.
140. Милоградская культура // Там же.
141. Шкіряне взуття із Звенигорода Галицького // Археологія. 1990. № 3.
142. Підсумки археологічних досліджень місця Берестецької битви // "Берестецька битва в історії України". Тез. конф. Рівне, 1990.
143. Древнерусский город Звенигород и его торговые связи с Востоком // Тез. докл. на VI Междунар. конгр. славянской археологии. М., 1990.
144. Музей-заповідник "Козацькі могили". Путівник. Львів, 1990.
145. An Amber Workshop in the Early-Feodality of Zwenigorod near Lvov // Prace Museum Ziemi. 1990. Z. 41. Warszawa.
146. Одяг і озброєння українського козацтва середини XVII ст. // Тез. доповідей II Республіканської наук.-теоретичної конф. Рівне, 1991.
147. Музей-заповідник "Козацькі могили". Короткий фотопутівник. Київ, 1991.
148. Особисті речі козаків з роскопок місця Берестецької битви // Нові археологічні дослідження пам'яток українського козацтва. Київ, 1991.
149. Звенигородські берестяні грамоти // Тез. виступів на наук.-практ. конф., присвяченої 90-річчю від дня народження М.Ю. Смишка. Львів, 1991.
150. Bitwa pod Beresteszkiem w swietle zzodel historycznych i wynikow badan archeologicznych // Muzealnictwo Wojskowe. T. V. Warszawa, 1991.
151. Історія Звенигорода в світлі літописі в XI–XIII ст. // Тез. доповідей конф. "Галицько-Волинська держава: передумови виникнення, історія, культура, традиції". Львів, 1993.
152. Битва під Берестечком. Львів, 1993.
153. Озброєння козацького війска за матеріалами розкопок місця Берестецької битви 1651 р. // Українське козацтво: витоки, еволюція, спадщина. Вип. 2. Київ, 1993.
154. Нові поховання початку бронзової доби на Західній Волині // Studia Archeologica. № 1. Львів, 1993.

155. Вогнепальна козацька зброя періоду Визвольної війни 1648–1654 рр. за матеріалами в розкопок місця Берестецької битви // Праці центру пам'яткознавства. Вип. 2. Київ, 1993.
156. Новые погребения начала бронзового века на Западной Волыни // РА. 1993. № 3.
157. Ідейні помічники Богдана Хмельницького // Берестецька битва в історії України. Тез. IV Республіканської конф. с. Острів Радзивилівського р-ну. 1993.
158. До питания про торговельні зв'язки давнього Звенигорода // Тез. доповідей на конф. «Еволюція розвитку слов'янських градів VIII–XIV ст. у передгір'ї Карпат і Татр». Львів, 1994.
159. Керамика, датированная кладами монет // Mater. konf. "Garncarstwo: kaflarstwo na ziemach polskich od wczesnego sredmowiesza do czosow wsnolczesnych". Rzeszow, 1995 (в соавт. с Б.Д. Гупало).
160. Wyniki badan archeologicznych w Dzwinogrodzie w 1994 r. // Mater. Sprawozdania Rzeszowskiego Os'rodka Archeologieznego za rok 1994. Rzeslow, 1995 (в соавт. с В. Гупало).
161. До питания про розташування козацького війська на полі Берестецької битви // Берестецька битва в історії України. Матер. і тез. VI наук.-теоретичної конф., присвяченої 400-річчю з дня народження Богдана Хмельницкого. 24–25 червня 1995 року. Рівне, 1995.

В список не включены статьи в газетах и других органах массовой информации.

Библиография составлена *Ю.М. Малеевым, Н.Я. Мерпертом*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО – Археологические открытия. М.
АП – Археологічні пам'ятки УРСР. Київ
АРТ – Археологические работы в Таджикистане. Душанбе
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.
ВАА – Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.
ВАУ – Вопросы археологии Урала. Екатеринбург – Ижевск.
ВДИ – Вестник древней истории
ВИ – Вопросы археологии. М.
ГАСО – Государственный архив Свердловской области.
ЗОАО – Записки Одесского археологического общества
ЗООИД – Записки Одесского Общества истории и древностей
ИАК – Известия (Императорской) археологической комиссии. СПб. – Пг.
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИБ МАИКЦА – Информационный бюллетень Международной ассоциации исследования культур Центральной Азии
ИМКУ – История материальной культуры Узбекистана. Ташкент
КСИА – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. М.
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. М.
ЛОИА – Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАЭ – Музей антропологии и этнографии Института этнографии АН СССР. Л.
МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М., Л.
ПКНО – Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Культура. Археология. М.
РА – Российская археология
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников. М., Л.
СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук
СКНЦВШ – Северо-Кавказский научный центр высшей школы. Ростов-н/Д
СЭ – Советская этнография
ТИИА АН Уз. ССР – Труды Института истории и археологии Академии Наук Узбекской ССР. Ташкент
ТЮТАКЭ – Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции
УЗПГУ – Ученые записки Пермского государственного университета. Пермь
УСА – Успехи среднеазиатской археологии. Л.
ЧОИДР – Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете
AJA – American Journal of Archaeology
BAR – British Archaeological Reports. Oxford
BEFEO – Bulletin d'École Française d'Extrême Orient. Paris.
CRAI – Comptes rendus d'Académie des inscriptons et belles-lettres. Paris
EAZ – Ethnographisch-archäologische Zeitschrift
ESF – European science foundation
RE – Pauly-Wissowa Real-Encyclopaedie. Stuttgart
SCIV – Studii si cercetari de istorie veche

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Журнал "Российская археология" публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин, археологические материалы, представляющие большой интерес, критические статьи и рецензии на новые публикации по археологии.

Направляемые в журнал материалы должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятыми в журнале.

1. **Содержание** рукописи должно соответствовать тематике журнала, относясь к одному из разделов: статьи, публикации, дискуссии, история науки, критика и библиография, хроника. Иные материалы (письма в редакцию, заявления и пр.) публикуются только по специальному решению редакции и редсовета.

2. Рукопись подается в 2-х экземплярах, перепечатанной на пишущей машинке или принтере (класса LQ-100 и выше).

3. Присылаемые для публикации материалы должны состоять из: основного текста, списка литературы, списка подрисуночных подписей, резюме, списка сокращений, иллюстраций (если они необходимы), сведений об авторе (авторах; см. пункт 12). Резюме обязательно только для материалов, проходящих по разделам: статьи, публикации, дискуссии. Все указанные части рукописи должны начинаться с новой страницы.

4. **Общий объем** рукописи не должен превышать 20 машинописных страниц и 8 иллюстраций; для раздела "Заметки" – не более 5 страниц и не более 3 иллюстраций. В объем рукописи включается: основной текст, список литературы, список подрисуночных подписей, резюме, цифровые (математические, статистические и другие не рисованные) таблицы. Все страницы рукописи должны иметь сквозную нумерацию без пропусков и дополнительных литер (а, б...). Превышение объема рукописи (20 стр.) не допускается.

5. Статья (включая список литературы, подрисуночных подписей и др.) должна быть напечатана четким, контрастным машинописным шрифтом через два интервала на одной стороне листа белой бумаги стандартного (А4) размера с полями. Длина строки должна быть равна 57–58 знаков, количество строк на странице – до 29. Поля вокруг текста должны быть: слева от текста – 2,5 см, справа – 1 см, сверху – 2 см, снизу 2,5 см. Материалы, напечатанные на портативной машинке либо принтере мелким, курсивным либо иным другим (кроме машинописного) шрифтом редакцией не принимаются. Не допускаются поправки от руки в тексте статьи и нумерации страниц.

6. Все знаки, которые не могут быть напечатаны на машинке (принтере), должны быть вписаны в текст от руки черными чернилами (пастой, тушью), отчетливо, в единой системе написания. Необходимо пояснить на левом поле, какая именно буква, знак, символ вписан, если они могут быть спутаны с другими, близкими по начертанию. Греческие буквы нужно подчеркивать красным карандашом.

7. **Иллюстрации** следует представлять в пригодном для воспроизведения виде в 2-х экземплярах (оригинал и копия). Размер авторских оригиналов иллюстраций должен быть в полтора – два раза больше размера иллюстраций в журнале. Рисунки-оригиналы (1-й экз.) представляются вычерченными тушью на ватмане или кальке, а также в виде четких фоторепродукций (ксерокопии не допускаются). 2-й экземпляр иллюстраций может являться ксерокопиями оригиналов. Следует максимально сокращать пояснения на рисунке, переводя их в подрисуночные подписи. Фотографии должны быть представлены в двух экземплярах, контрастные, на белой глянцевой бумаге, хорошо проработанные в деталях. Все необходимые на фотографиях обозначения, пояснения и монтаж следует делать только на втором экземпляре. Первый экземпляр (оригинал) фотографий не должен иметь никаких дефектов; пятен, надписей, изломов, следов от скрепок, трещин и т. д. Наклеивать первый экземпляр фотографии на бумагу или картон не разрешается. На авторских оригиналах иллюстраций с неясной ориентацией необходимо написать "верх" или "низ".

Иллюстрации должны быть пронумерованы в соответствии с порядком ссылок на них в тексте статьи. Для всех видов иллюстраций дается общая нумерация. На обороте каждой иллюстрации мягким карандашом следует написать фамилию автора, название статьи и номер рисунка. В рукописи на левом поле, в прямоугольнике должны быть указаны номера иллюстраций и таблиц напротив тех мест текста, где желательно их напечатать в издании. Подписи к иллюстрациям прилагаются на отдельном листе, где указываются фамилия автора и заглавие статьи. В подрисуночной подписи должны быть кратко расшифрованы все условные обозначения на иллюстрации. Необходимо тщательно следить за точным соответствием обозначений и нумерации в тексте, подрисуночных подписях и на рисунках.

8. **Таблицы**, напечатанные на отдельных страницах, подкладываются по тексту при первом упоминании о них. Они должны иметь тематический заголовок и номер. Текст заголовка в таблицах пишется кратко, все слова даются без сокращений. Диагональные линейки в головке не допускаются. Колонки должны отделяться вертикальными линиями и нумероваться только в тех случаях, когда на них даются ссылки в тексте (но не для замены головки при переходе таблицы на следующую страницу).

9. Текстовые пояснения (через два интервала) даются внизу на соответствующей странице под цифрой; нумерация сквозная: 1, 2...

10. **Список литературы** дается в алфавитном порядке и состоит из двух частей. Первая часть – издания на кириллице, вторая – на латинице. Названия отчетов о полевых исследованиях включаются в соответствующую часть. За фамилией и инициалами указывается год издания и далее сведения в соответствии с библиографическим описанием. Труды одного автора располагаются в хронологическом порядке. При ссылке на разные произведения одного автора, вышедшие в одном году, в библиографическом списке и в тексте статьи к году добавляются литеры в порядке алфавита. Источником библиографического описания является титульный лист издания.

Мелюкова А.И., 1964. Вооружение скифов // САИ. Вып. Д1–4.

Псковские летописи, 1941. Т. 1. М.; Л.

Смирнов К.Ф., 1964. Савроматы. М.

Чернов С.З., 1977. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори в 1977 г. Ч. 4 // Архив ИА РАН. Р–1, № 6695.

В тексте в круглых скобках указываются фамилия и инициалы автора (на языке издания) или сокращенное название (если издание автора не имеет), год издания, ссылка на страницу, рисунок, таблицу (Смирнов К.Ф., 1964, с. 50).

Ссылки на источники – оригинальные работы древних авторов, архивные материалы (кроме полевых отчетов), музейные коллекции – приводятся в скобках в тексте и в список литературы не включаются.

В тексте и списке литературы следует использовать только общепринятые сокращения, список которых публикуется в журнале.

11. К статье, помимо списка сокращений, необходимо приложить и русский текст **резюме** (краткое содержание статьи со ссылкой на рисунки, иллюстрирующие основные ее положения, объемом не более 1 страницы машинописного текста). Для облегчения перевода резюме на английский язык необходимо: а) при употреблении названий периодов, типов, культур, произведенных от географических названий, дать последние в именительном падеже единственного числа (например: кушнаренковский тип от Кушнаренково); б) наиболее специфические термины давать или в переводе, или с пояснением. Помимо русского текста резюме, автор может приложить и свой вариант английского текста резюме (summary) в целом.

12. Тексты, присылаемые в редакцию для публикации, должны быть тщательно проверены и подписаны автором. На отдельном листе прилагаются сведения об авторе (авторах) с указанием фамилии, имени и отчества, полного почтового домашнего адреса, места работы и рабочего адреса, телефонов и даты отправления. При наличии нескольких авторов статья подписывается всеми авторами.

13. Статьи, отправленные авторам для доработки, должны быть возвращены с доработки не позднее, чем через 4 месяца. Статьи, полученные позже указанного срока, будут рассматриваться как вновь поступившие.

14. Книги и журналы, присланные в редакцию для рецензирования, не возвращаются.

Статьи, оформленные без соблюдения указанных правил, к рассмотрению не принимаются.

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 124-34-42

Заведующая редакцией *Е.В. Бубнова*

Технический редактор *Л.И. Глинкина*

Сдано в набор 17.10.96 Подписано к печати 19.11.96 Формат бумаги $70 \times 100^{1}/_{16}$
Офсетная печать. Усл.печ.л. 20,8 Усл. кр. отт. 28,4 тыс. Уч.-изд.л. 25,8 Бум. л. 8,0
Тираж 1352 экз. Зак. 586

Московская типография № 2 РАН, 121099, Шубинский пер., 6